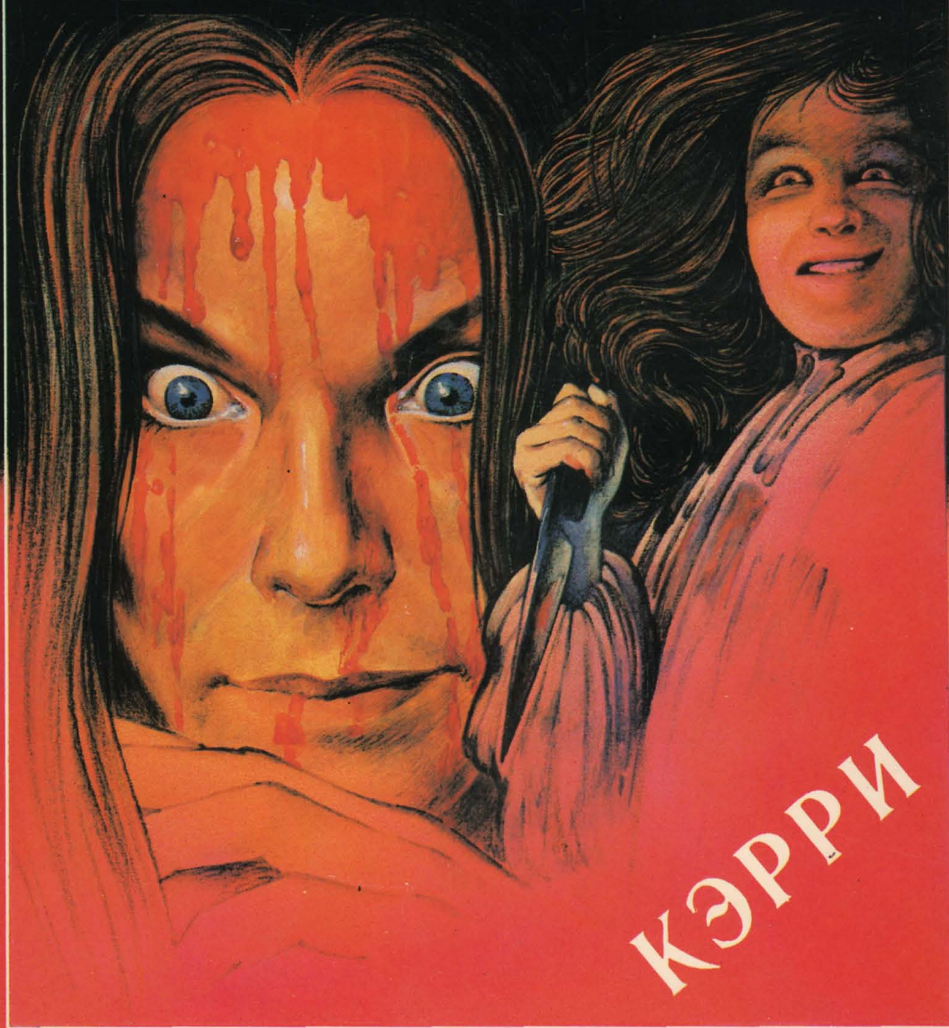

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

КЭРРИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 34

Stephen King

CARRIE

Стивен Кинг
КЭРРИ : роман, рассказы

Copyright © by Stephen King..

ISBN 0-451-14738-2

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

КЭРРИ

Львов
СИГМА
1995

*Посвящается Тэбби, которая меня в это
впутала, а потом меня из этого вытащила*

КЭРРИ

Часть I

КРОВЬ

Заметка, которая была напечатана в журнале «Энтерпрайз», Вестовер, штат Мэн, 19 августа 1966 года:

Каменный дождь

• 17 августа в городке Чемберлен, на Кармен-стрит, с чистого, безоблачного неба внезапно выпал каменный дождь. Этот факт подтверждают многие достойные доверия лица. Камни падали в основном на дом миссис Маргарет Уайт, серьезно повредили крышу, а также разрушили две трубы водостока и слив канализации, нанеся ущерб примерно в 25 долларов. Миссис Уайт — вдова и живет со своей трехлетней дочерью, Кэролайн. Госпожа Уайт отказалась дать интервью.

В глубине души, там, где таятся самые дикие и странные мысли, никто не был так уж удивлен, когда это произошло. Однако с виду все были шокированы, испуганы или просто довольны тем, что эта девка Уайт снова получила по носу. Некоторые даже были готовы присягнуть, что ни на что подобное не рассчитывали, но это, конечно, было неправдой. Большинство из них ходило с Кэрри в школу с первого класса, а все это время ЭТО в них нарастало, нарастало медленно, но верно, согласно законам, которые управляют человеческой природой, нарастало неумолимо, почти как цепная реакция, ведущая к накоплению критической массы.

Конечно, ни одна из них не знала, что Кэрри Уайт владеет способностями к телекинезу.

Надпись, нацарапанная на парте в начальной школе на Бейкер-стрит в Чемберлене:

«У Кэрри Уайт дерьмо в голове»

Раздевалку наполняли крики, эхо и доносящийся как бы из-под земли шум воды, разбивающейся о кафель. На первом уроке девушки играли в волейбол и в воздухе чувствовался легкий, резкий запах их пота.

Девушки вертелись и толкались под струями горячего душа, пищали, брызгались водой и передавали из рук в руки скользкие белые куски мыла. Кэрри стояла между ними не двигаясь, как жаба среди лебедей. Она была нескладной, приземистой девушкой с прыщами на шее, спине и ягодицах. Мокрые, бесцветные волосы упрямо прилипали к лицу. Она стояла неподвижно, слегка наклонив голову, тупо позволяя воде стекать по своему телу. Кэрри выглядела как мишень для издевательств, типичный козел отпущения, посмешище всего класса, вечно обманываемая и унижаемая — на самом деле такой и была. Она уже давно мечтала о том, чтобы школа имени Ивена имела отдельные душевые кабинки, как другие школы в Эндове или Боксфорде. Потому что девушки глазели на нее. Они всегда на нее глазели.

Девушки, одна за другой, закручивали краны душа, выходили, стаскивали резиновые шапочки, вытирались, опрыскивались дезодорантами, смотрели на часы, висящие над дверью. Они натягивали трусики, застегивали бюстгалтеры. В воздухе поднимался пар: помещение напоминало бы египетскую баню, если бы не стоящая в углу ванна для гидромассажа, которая издавала неустанный шум. Крики и свист носились в воздухе, отражаясь друг от друга как бильярдные шары.

— ...и Томми сказал, что я выгляжу в этом ужасно, а я...

— ...иду с сестрой и ее мужем. Он ковыряется в носу, ну и она тоже...

— ...душ после школы и...

— ...это не стоит ломаного гроша, но Синди и я...

Госпожа Дежарден, худошавая, плоскогрудая учительница гимнастики, быстро вошла в раздевалку, осмотрелась вокруг и хлопнула в ладоши привычным, элегантным жестом.

— Чего ты ждешь, Кэрри? Ты собираешься так стоять до судного дня? Через пять минут звонок. — На госпоже Дежарден были ослепительно белые шорты, ее ноги, не слишком округлые, в меру мускулистые, привлекали внимание. На груди висел серебряный свисток, который она получила как приз во время учебы.

Девушки засмеялись, Кэрри медленно подняла взгляд, ослепленная паром и сильно бьющими струями воды.

— Эгм?

Этот странный лягушачий звук как-то гротескно подходил к ее внешнему виду, и девушки вокруг снова засмеялись. Сю Снелл сорвала полотенце с головы со скоростью фокусника, исполняющего магические пассы, и поспешно начала причесываться. Госпожа Дежарден поглядела на Кэрри, сделала какой-то раздраженный жест и вышла.

Кэрри завернула кран душа. В трубах забормотала вода, капнуло еще несколько капель, и вода перестала течь.

Только когда она вышла из-под душа, стало видно, что по ее бедру течет ручеек крови.

Дэвид Р. Конгресс: «Приход тени.

Подкрепленные документами факты и отдельные выводы, касающиеся случая с Кэрри Уайт»

(издание Тулонского университета, 1981 год, стр. 34)

Тот факт, что в детстве и в школьные годы у Кэрри Уайт не было замечено проявления телекинеза, без сомнений можно объяснить выводами, содержащимися в

работе Уайта и Штерна «Телекинез: возвращение самобытного таланта». Эти авторы объясняют, что способности перемещать предметы при помощи силы воли проявляются только в моменты крайнего напряжения. Естественно, эти способности глубоко скрыты: именно поэтому их игнорировали целыми столетиями, а мы видели только лишь вершину айсберга, плавающего в море шарлатанства и предрассудков.

Наши выводы почти полностью основаны на скупой информации из вторых рук, но даже этого достаточно для понимания, что Кэрри Уайт имела способности «ТК» исключительной силы. Наиболее беспокоящим является тот факт, что большинство людей относится к этим происшествиям как к обычной газетной утке...

— СРОК!

Первой начала кричать Крис Харгенсен. Визг долетел до выложенных кафелем стен, отразился от них и вернулся как эхо. Сью Снелл невольно рассмеялась. Ее охватили смешанные чувства: злость, отвращение, раздражение и сочувствие. Кэрри выглядела как идиотка, она явно не понимала, о чем идет речь. Боже, можно подумать, что у нее никогда...

— СРОК!

Крики, которые скандировали девушки, начали звучать как какой-то ритмичный напев. Кто-то из девушек, стоявших позади (наверное, снова Харгенсен, но в нарастающем шуме Сью не могла узнать голос), изо всех сил хрипло закричала: «Заткни себе..!»

— СРОК! СРОК! СРОК!

Кэрри тупо стояла внутри круга столпившихся девушек. На ее коже поблескивали капли воды. Она стояла неподвижно, как терпеливый вол, понимая, что над ней издеваются (как обычно), обеспокоенная, но не удивленная.

Когда первые темные капли менструальной крови начали капать на кафельный пол, оставляя пятна размером

с десять центов, Сью почувствовала внезапное отвращение.

— Боже мой, Кэрри, у тебя срок! — крикнула она. — Помойся!

— Эгм!

Кэрри тяжело огляделась по сторонам. Мокрые волосы облепили ее щеки, как шлем. На одном плече было видно скопище воспаленных прыщей. К шестнадцати годам в ее глазах появилось выражение боли — незаметное, но выразительное.

— Она думает, что это от помады! — внезапно завизжала Руфь Хоган, с трудом сдерживая веселье. Сью позже вспоминала эти слова, и они влились в общую картину событий, но в данную минуту они были для нее еще одним бессмысленным звуком, поддерживающим общее замешательство. «Шестнадцать лет? — думала она. — Ведь она должна понимать, что происходит, она...»

Кровь на полу прибывала. Кэрри продолжала непонимающе смотреть на своих соучениц, моргая глазами.

Хелен Ширс повернулась на пятках и сделала такое движение, будто что-то бросила.

— У тебя течет кровь! — внезапно закричала Сью в бешенстве, — у тебя течет кровь, ты, глупая бочка!

Кэрри опустила взгляд вниз.

Взвизгнула.

В тесном, наполненном паром помещении визг зазвучал очень громко.

Тампон пролетел в воздухе, попал Кэрри в грудь и с плеском упал у ее ног. Гигроскопическая вата сразу же начала впитывать кровь и распустилась, как красный цветок.

Тогда смех — высокомерный, шокирующий, полный неодобрения, — зазвучал с новой силой, в нем появились неприятные нотки, и девушки, уже не владея собой, начали бомбардировать Кэрри тампонами, которые они доставали из сумочек и из испорченного автомата на стене раздевалки. Тампоны порхали в воздухе, как снег, а девушки распевали: «Заткни себе, заткни себе, заткни себе, заткни...»

Сью тоже бросала тампоны, бросала и пела со всеми, не совсем понимая, что она делает — магические слова горели в ее мозгу, как неоновая реклама: «В этом нет ничего особенного, на самом деле ничего страшного, ничего особенного в этом нет...» Эти слова все еще светились успокаивающе, когда Кэрри внезапно взвыла и начала отступать назад, размахивая руками, что-то бормоча и одновременно постанывая.

Девушки замолчали: они поняли, что довели Кэрри до взрыва. Этого они не ожидали. Все хорошо помнили прежние годы, когда они привыкли говорить: я нашла любовное письмо Кэрри к Флэш Бобу Пиккетту, сделаем с него копию и покажем всем, спрячем ее трусики, положим ей ужа в туфлю и снова ее подначим, и снова ее подначим. Кэрри, которая постоянно тащится в самом хвосте на велосипедных прогулках, один раз ее называют бочкой, и так весь год, на следующий год — бревном, от нее всегда воняет потом, она во всем позади коллег. Когда она пошла пописать в кусты, то обожглась крапивой, и все об этом узнали (эй, Кэрри, чешется задница?), а когда она уснула в классе, то Билли Престон намазал ей волосы маслом; толчки и побои, когда она проходила между партами, ей всегда кто-нибудь подставлял ножку, чтобы она споткнулась, ее книги сбрасывали на пол, в сумку Кэрри подсовывали порнографические открытки. Когда во время пикника Кэрри неловко опустилась на колени, чтобы помолиться, шов ее старой юбки возле «молнии» с треском лопнул, Кэрри, которая никогда не попадала по мячу, даже на тренировках. Во время занятий современным танцем еще во втором классе Кэрри упала лицом вниз и выбила себе зуб, во время игры в волейбол она постоянно натывалась на сетку. Вечные дырки в чулках, вечно пропотевшие блузки под мышками и, наконец, тот день, когда Крис Харгенсен при всех спросила ее, знает ли она, что свиное рыло пишется КЭРРИ... И вот все эти обиды и оскорбления собрались в критическую массу. Давно ожидаемый момент окончательного унижения и нервного срыва наконец пришел. Критическая точка.

Она отступила, громко скуля во внезапно наступившей тишине, закрывая лицо толстыми руками. В ее бесцветных волосах запутался тампон.

Девушки внимательно следили за ней блестящими глазами.

Кэрри отступила в глубину одной из четырех больших душевых кабин и медленно сползла по стене на пол. Она все еще издавала протяжные, бессильные постанывания, глаза у нее закатились, как у зарезанной свиньи.

Сью медленно, с колебанием сказала: «Наверное, у нее это впервые...»

И в это время двери раздевалки открылись, и влетела госпожа Дежарден.

«Приход тени» (стр. 41)

Как врачи, так и психологи, которые занимались этой проблемой, сходятся в одном: исключительно позднее и связанное с травматическим шоком начало менструального цикла у Кэрри Уайт могло быть тем поводом, который спровоцировал проявление ее скрытых способностей.

Трудно поверить, что до 1979 года Кэрри ничего не знала о менструальном цикле. Почти так же трудно поверить, что мать девушки до семнадцати лет ни разу не водила свою дочь к гинекологу, чтобы проверить, почему у нее не начинаются месячные.

Однако эти факты не подлежат сомнению. Когда у Кэрри Уайт впервые началась менструация, она не имела ни малейшего понятия о том, что с ней происходит. Она даже не знала, что это слово значит. Одна из ее школьных подруг, которые выжили, Руфь Хоган, рассказала, что за год до описываемых событий она вошла в женский туалет в школе имени Ивена и увидела, что Кэрри вытирает помаду с губ санитарным тампоном. Мисс Хоган спросила тогда: «Что ты творишь, черт побери?» Мисс Уайт ответила на это: «Что-то не так?», на что мисс Хоган пробормотала: «Да нет, все в порядке». Мисс Хоган рассказала об этом случае своим подругам (она считала это «удачной шут-

кой»). Если позже кто-то пытался объяснить Кэрри, для чего на самом деле служат предметы, которые она использует для приведения макияжа в порядок, Кэрри, очевидно, считала эти попытки объяснения очередной подначкой. А из собственного печального опыта Кэрри знала, что никому верить нельзя.

Когда прозвенел звонок и девушки побежали на второй урок (некоторые из них успели выскочить через запасной выход прежде, чем госпожа Дежарден успела записать фамилии), преподавательница поступила так, как обычно поступают с истеричками: она с силой ударила Кэрри по лицу. Она никогда не призналась бы, что этот поступок доставил ей удовольствие, и изо всех сил протестовала бы, если бы ей кто-нибудь сказал, что она в принципе считает Кэрри Уайт большим, расплзшимся куском сала. Как начинающая учительница, она все еще верила, что относится ко всем ученикам одинаково.

Кэрри тупо смотрела на учительницу, у нее искрилось лицо и трясся подбородок.

— Г-г-госпожа Де-де...

— Вставай, — сказала равнодушным голосом госпожа Дежарден. — Вставай и возьми себя в руки.

— Я истеку кровью до смерти! — завизжала Кэрри и одной рукой ухватила за белые шорты учительницы, испачкав их кровью.

Лицо госпожи Дежарден искривилось в гримасе отвращения. Рывком она поставила дрожащую Кэрри на ноги.

— Живо вылезай оттуда!

Кэрри стояла, шатаясь, у стены. Грудь ее отвисла, плечи безвольно опустились, глаза были пустыми. Она напоминала обезьяну.

— Теперь, — прошептала в бешенстве госпожа Дежарден, — возьми себе тампон... нет, монеты не нужно, автомат испорчен... возьми тампон и... черт побери, шевелись, наконец! Ты ведешь себя так, будто у тебя никогда не было менструации.

— Менструации? — повторила Кэрри.

На ее лице слишком явно было видно выражение недоверия, смешанного с тупым испугом, чтобы его можно было игнорировать. Страшная мысль появилась у госпожи Дежарден. Это было невероятно, в это невозможно было поверить. У нее самой первые месячные начались около одиннадцати лет, она помнила, как выбежала из ванной и восхищенно закричала: «Мама, я стала тетей!»

— Кэрри? — спросила она и подошла к девушке.

Кэрри вздрогнула и закрыла лицо руками. В эту минуту стойка с клюшками для игры в софтболл с шумом перевернулась. Клюшки разлетелись во все стороны. Госпожа Дежарден подпрыгнула на месте.

— Кэрри, это твои первые месячные?

Поскольку эта мысль пришла учительнице в голову, сомнений больше не оставалось. Кровь была темной и текла с поразительной интенсивностью. Обе ноги Кэрри были вымазаны так, будто она вброд переходила через реку крови.

— Болит живот, — простонала она.

— Это пройдет, — успокоила ее госпожа Дежарден.

В ней разрасталось неприятное смешанное чувство стыда и сочувствия к Кэрри.

— Ты должна остановить кровотечение. Ты должна...

Внезапно лампа под потолком загорелась ярче, а затем выстрелила и погасла. Госпожа Дежарден беспокойно вскрикнула (вся эта проклятая школа рассыпается). Ей пришлось в голову, что подобные вещи всегда происходят с Кэрри и вокруг Кэрри, когда она нервничает, неудачи преследуют ее на каждом шагу. Эта мысль исчезла так же быстро, как и появилась. Учительница вынула тампон из испорченного автомата и распаковала его.

— Смотри, — сказала она, — вот таким образом...

«Приход тени» (стр. 54)

Маргарет Уайт родила дочь Кэрри 21 сентября 1963 года при необычных обстоятельствах. Кэрри была един-

ственным ребенком в самой странной из семей, известных обществу.

Как излагалось ранее, Рауль Уайт погиб на строительной площадке в Портленде в феврале 1963 года. Его раздавила стальная балка, которая выскользнула из поддерживающей петли. С этого дня миссис Уайт жила в одиночестве в пригородном бунгало в городке Чемберлен.

В связи с граничащими с фанатизмом религиозными убеждениями семейства Уайт (они были фундаменталистами) у миссис Уайт не было друзей, которые могли бы опекать ее во время траура. Никого не было рядом с ней и семьей месяцами позже, когда пришло время родов.

21 сентября около 13.30 жители Кармен-стрит услышали крики, доносящиеся из бунгало Уайтов. Полицию вызвали только через шесть часов. Существуют два возможных объяснения этой задержки, оба достаточно неприятные: то ли соседи миссис Уайт не хотели быть замешаны в полицейское следствие, то ли неприязнь к ней была такой сильной, что все приняла выжидательную позицию. Миссис Джорджия Мак Лафлин, единственная из соседок, которая согласилась дать интервью, объяснила, что не вызывала полицию, поскольку считала, что эти крики имеют что-то общее с религиозным экстазом.

Когда в 19.22 появилась полиция, крики доносились значительно реже. Миссис Уайт нашли в спальне, лежавшей в постели, а офицер, ведущий следствие, Томас Г. Мертон, сначала подумал, что имело место преступление. Вся постель была залита кровью, а рядом на полу лежал нож для разделки мяса. Позже полицейский увидел, что миссис Уайт держит у груди новорожденную, частично обернутую остатками родовой оболочки. Очевидно, миссис Уайт сама перерезала пуповину ножом.

Гипотеза, что миссис Уайт не только не понимала, что она беременна, но и не знала, чем неизбежно должно кончиться это состояние, просто не уместается в голове. Известные ученые Дж. У. Бенксон и Джордж Филдинг предложили следующее объяснение этого случая:

Возможность забеременеть для Маргарет Уайт была неразделимо связана с понятием «греха» (в половом отношении), и это не умещалось в ее сознании. Эта женщина просто не хотела поверить, что с ней может произойти что-либо подобное.

В нашем архиве имеются три ее письма к подруге из города Кенош, штат Висконсин. Эти письма окончательно доказывают, что начиная с пятого месяца беременности миссис Уайт была убеждена, что она больна «раком женских органов» и вскоре встретится со своим мужем на небесах...

Когда через пятнадцать минут госпожа Дежарден вела Кэрри в кабинет директора, в коридорах было пусто. Из-за закрытых дверей классов доносился равномерный шум.

Кэрри наконец перестала кричать, но иногда глубоко всхлипывала. Госпожа Дежарден была вынуждена сама вложить ей тампон, вытереть кровь мокрыми бумажными полотенцами и натянуть на Кэрри хлопчатобумажные трусики.

Дважды учительница пыталась ей объяснить, что месячные являются нормальным явлением, но Кэрри закрывала себе уши руками и не прекращала плакать.

Мистер Морт, заместитель директора школы, открыл двери своего кабинета, когда они вошли в приемную. Два парня ждали беседы из-за заваленного первого семестра по французскому языку, Билли де Луи и Генри Треннан. Увидев госпожу Дежарден, ведущую за руку Кэрри, они от удивления вытаращили глаза.

— Прошу вас, входите, — энергично сказал мистер Мортон. — Прошу, прошу.

— А вы почему вытаращились?

— Кровь, — ответил Генри, удивленно улыбаясь.

— В качестве наказания останетесь на два часа после уроков, — буркнул Мортон. Он увидел кровавые следы и часто замигал глазами.

Закрыв за собой двери кабинета, Мортон начал рыться в верхнем ящике шкафа, в котором хранились школьные бланки.

— Ты хорошо себя чувствуешь, девочка?

— Кэрри, — подсказала госпожа Дежарден. — Кэрри Уайт.

Мистер Мортон наконец нашел бланк. На нем виднелось большое пятно от пролитого кофе.

— Бланк о происшествии не нужен, мистер Мортон.

— А что случилось? Бланк на самом деле не нужен?

— Нет, но я думаю, что Кэрри нужно освободить от занятий до конца дня. У нее были очень неприятные переживания.

Госпожа Дежарден подала глазами знак, которого Мортон не понял.

— Да, конечно, если вы так считаете. Хорошо. Прекрасно. — Мортон сунул испорченный бланк обратно в шкаф, захлопнул ящик и, прищемив себе при этом палец, застонал. Полным грации движением он обернулся на пятках, с размахом открыл двери кабинета, смерил ожидающих парней взглядом и крикнул: — Мисс Фиш, выпишите освобождение, пожалуйста! Кэрри Райт.

— Уайт, — поправила госпожа Дежарден.

— Уайт, — согласился Мортон.

Билли де Луи негромко фыркнул.

Будешь целую неделю оставаться после занятий! — рыкнул Мортон. Под ногтем у него начал расти кровоподтек. Чертовски болело. Монотонные всхлипывания не прекращались. Кэрри не успокаивалась.

Мисс Фиш принесла желтый бланк освобождения от занятий, и Мортон расписался на нем, скривившись от боли, так как зацепил поврежденный палец.

— Отвезти тебя домой, Кэсси? — спросил он. — Если нужно, мы можем вызвать такси.

Кэрри отрицательно потрясла головой. Мортон с отвращением заметил, что из одной ее ноздри выглядывает большая зеленоватая сопля. Мортон отвернулся и посмотрел на госпожу Дежарден.

— Ничего с ней не случится, — успокоила Мортону учительница. — Кэрри идти недалеко, до Кармен-стрит. На свежем воздухе ей станет лучше.

— Можешь идти, Кэсси, — сказал Мортон великодушно.

— Меня зовут не Кэсси! — внезапно взвизгнула Кэрри.

Мистер Мортон вздрогнул, а госпожа Дежарден подпрыгнула, будто кто-то ее клюнул. Тяжелая керамическая пепельница, стоявшая на столе, копия «Мыслителя» Родена, дырявая голова которого предназначалась для окурков, внезапно упала на пол, как бы стремясь спрятаться от этого визга. Пепел, окурки и остатки табака от трубки мистера Мортона рассыпались по зеленоватому нейлоновому ковру.

— Послушай, — заговорил Мортон, стараясь придать голосу суровое звучание, — я понимаю, что ты расстроена, но это вовсе не значит...

— Я вас прошу, — тихо сказала госпожа Дежарден.

Мортон посмотрел на нее искоса и кивнул головой. В его основные обязанности в качестве заместителя директора входили дисциплинарные функции. Мортон старался в поведении подражать своему любимому киноактеру Джону Уэйну, но у него не всегда это получалось. Среди административного персонала школы (его основным преподавателем был директор школы Генри Грейли), заместителя директора обычно звали «дорогой Морт». Ученики говорили о нем «этот глупый старый пердун», и это было значительно ближе к действительности. И тем не менее, как это подчеркивали многие ученики (а среди них были де Луи и Генри Треннан), при выступлениях на собраниях родительского комитета и городского совета точка зрения Мортона в администрации выглядела решающей.

Сейчас «дорогой Морт», все еще украдкой ощупывая свой искалеченный палец, улыбнулся Кэрри и сказал:

— Можешь идти, если хочешь, Кэсси. Можешь посидеть еще немного и отдохнуть.

— Я лучше пойду, — сказала Кэрри. Она встала, решительным движением убрала волосы с лица и повернулась к госпоже Дежарден. Ее широко раскрытые глаза

потемнели от внезапного понимания. — Они смеялись надо мной. Смеялись и бросили меня. Они всегда надо мной смеются.

Госпожа Дежарден смогла только беспомощно посмотреть на нее.

Кэрри вышла.

Мортон и госпожа Дежарден в молчании проводили ее взглядами. Потом Мортон неловко откашлялся, будто хотел прочистить свое горло, встал на колени и начал собирать в кучку мусор из перевернутой пепельницы.

— Собственно, что произошло?

Госпожа Дежарден вздохнула и с отвращением посмотрела на засохшие следы крови на шортах.

— У нее началась менструация. Впервые в жизни. Под душем.

Мортон снова откашлялся и слегка покраснел. Листок бумаги, которым он собирал мусор, начал двигаться быстрее.

— Не поздновато ли?..

— Слишком поздно для первых месячных? Ну, конечно. Именно поэтому она так испугалась. Я не могу понять, почему ее мать... — какая-то мысль возникла в голове Дежарден, но сразу же улетучилась. — Я наверное, не слишком ловко это уладила, Морти, но я не знала, о чем идет речь. Она, видимо, думала, что истечет кровью до смерти.

Мортон поднял голову и взглянул на нее.

— Я убеждена, что еще полчаса тому назад она вообще не знала, что такое менструация.

— Прошу вас, подайте мне маленькую щеточку, госпожа Дежарден. Да, именно эту.

Госпожа Дежарден подала ему маленькую щеточку, и Мортон начал сметать кучку пепла на бумагу.

— Боюсь, что придется воспользоваться пылесосом. Кругом пепел. Это ужасно. Я был уверен, что поставил пепельницу на середину стола. Странно, что она так внезапно перевернулась. — Он ударился головой о край стола и уселся на пол. — Трудно поверить, госпожа

Дежарден, что девушка может три года ходить в среднюю школу и ничего не знать о менструации.

— Мне еще труднее в это поверить, — ответила госпожа Дежарден, — но иначе я не могу объяснить ее поведение. И кроме того, среди коллег она всегда была козлом отпущения.

Мортон высыпал пепел и окурки в корзину для мусора и отряхнул руки.

— Теперь я вспомнил. Уайт. Дочь Маргарет Уайт. Это, пожалуй, она. В этом случае я могу поверить во все. — Он сел за стол и улыбнулся, как бы извиняясь. — Их столько проходит перед глазами. Через каких-нибудь пять лет все лица начинают сливаться воедино. Человек начинает забывать имена, и так далее. Трудное дело.

— Конечно, я вас понимаю.

— Вы дождитесь, когда у вас будет двенадцатилетний стаж, как у меня, — сказал мистер Мортон, заботливо глядя на свой мизинец. — Приходит какой-то ребенок, который кажется знакомым, а потом оказывается, что вы учили его отца на первом году своей работы. Маргарет Уайт ходила в эту школу еще до того, как я начал в ней работать, и за это я глубоко благодарен своей судьбе. Это она заявила мисс Винсент, пусть ей земля будет пухом, что Бог подготовил ей специальное место в аду за то, что она осмелилась учить детей основам дарвиновской теории эволюции. Дважды ее исключали из школы за то, что избивала своих соучеников. Говорят, что Маргарет Уайт поймала своих коллег, когда они курили сигареты. Особые религиозные взгляды. Очень особые. — Мортон внезапно приобрел выражение лица Джона Уэйна. — А эти девушки... Они на самом деле над ней смеялись?

— Хуже. Когда я вошла, они визжали и бросали в нее тампонами. Они вели себя как в зоопарке перед клеткой с обезьянами.

— О Боже, о Боже. — Джон Уэйн исчез. Мистер Мортон сильно покраснел. — Вы знаете фамилии этих девушек?

— Да. Не все, но некоторые из них донесут на остальных. Зачинщиком была, пожалуй, Крис Харгенсен... как обычно.

— Крис и ее кашалоты, — пробормотал Мортон.

— Да, Тина Блейк, Рашель Спайс, Хелен Ширс, Донна Тибо и ее сестра Ферн, Лайла Грейс, Джессика Апшоу и Сью Снелл. — Она сморщила брови. — От Сью я такого не ожидала. Мне всегда казалось, что подобные истории не в ее стиле.

— Вы говорили с этими девушками?

Госпожа Дежарден невесело рассмеялась.

— Я послала их к чертовой матери. Я была слишком расстроена, чтобы с ними разговаривать. А у Кэрри началась истерика.

Мортон сложил кончики пальцев вместе.

— А вы намерены с ними поговорить?

— Конечно, — ответила госпожа Дежарден, но энтузиазма в ее голосе не было.

— Я почувствовал какую-то нотку...

— Вы не ошиблись — признала она насупившись. — Понимаете ли, я, конечно, не одобряю их поведение, но зато я понимаю, что они при этом чувствовали. Признаю, мне самой хотелось схватить эту девушку и хорошенько встряхнуть ее. Возможно, это инстинкт, связанный с менструацией, но женщины в этот период обычно очень раздражительны. Не знаю почему, но все время у меня стоит перед глазами лицо Сью Снелл.

Мортон приобрел разумное выражение лица. Он не слишком понимал женщин и не собирался вступать в дискуссию о проблемах менструации.

— Я поговорю с ними утром, — пообещала госпожа Дежарден, вставая. — Я им устрою.

— Прекрасно. Примерно накажите их. А если вы считаете, что я с некоторыми должен поговорить лично, прошу не стесняться...

— Как хотите, — ответила она дружелюбно. — Да, кстати, когда я попыталась успокоить Кэрри, погас свет в раздевалке. Это было уже последней каплей.

— Я сейчас пошлю вниз дежурного, — заверил Мортон. — Спасибо за все, госпожа Дежарден. Передайте мисс Фиш, чтобы она прислала ко мне Билли и Генри.

— Конечно, — сказала госпожа Дежарден и вышла.

Мортон откинулся на спинку кресла и выбросил всю эту историю из головы. Когда Билли де Луи и Генри Треннан, два самых больших хулигана в школе, вошли в кабинет, он с удовольствием поглядел на них и собрался произнести большую и суровую речь. Как он часто повторял Хэнку Грейли, такие хулиганы были для него «на один зуб».

Надпись, выцарапанная на парте в средней школе городка Чемберлен:

«Розы — красные, фиалки — фиолетовые,
а у Кэрри Уайт дерьмо в голове».

Она прошла по Эвин-авеню и свернула на Кармен-стрит. Она шла с опущенной головой, пытаясь ни о чем не думать. Судороги приходили и уходили широкими волнами, и Кэрри то ускоряла шаги, то почти останавливалась, как автомобиль с испорченным двигателем. Она вглядывалась в тротуар. Кристаллы кварца поблескивали в бетоне. Нарисованные мелом квадраты для игры в классики были едва заметны после недавнего дождя. Раздавленные комки жевательной резинки. Пустые бумажки от конфет и обрывки станиоля. Они ненавидят меня и никогда не прекратят ненавидеть. Им никогда это не надоест. Монета, застрявшая в щели тротуара. Кэрри толкнула ее ногой.

Крис Харгенсен, вся в крови, молящая о жалости. Крысы, лазающие по ее лицу. Вот так. Так ей хорошо. Собачье дерьмо, на котором отпечатался след обуви. Окурки сигарет и смятые пачки от них. С неба падают камни и разбивают ей голову. Разбивают им всем головы. Хорошо. Очень хорошо.

(Боже, спаситель добрый и милосердный).

Маме хорошо. Ей не нужно входить в клетку с волками день за днем и год за годом, ей не нужно участвовать в этом фестивале насмешек, визга, издевательств и указы-

вания пальцами. Но ведь мама говорила, что должен прийти Судный день.

(А имя этой звезды полынй и скорпионы будут ползать по их телам).

И ангел с огненным мечом.

Если бы только этот день пришел сегодня и если бы Иисус сошел с небес не как Добрый Пастух с ягненком в руках, а с камнями в руках, чтобы он убил всех этих насмешников и мучителей, вырвал зло с корнем и уничтожил их — Иисус карающий, отмеряющий кровавую справедливость.

И если бы только она могла быть Его мечом и Его десницей.

Она пыталась приспособиться. Она находила сотни маленьких вариантов, как обойти запреты матери, она пыталась стереть с себя красное клеймо, которое было на ней с первого дня, когда она переступила порог их маленького домика на Кармен-стрит и отправилась в начальную школу на Грэммер-стрит со своей Библией под мышкой. Она помнила этот день, заинтересованные взгляды окружающих и внезапную, ужасную тишину в школьной столовой, когда она стала на колени, чтобы помолиться перед ленчем. Тогда она впервые услышала смех, а эхо этого смеха преследовало ее все последующие годы.

Красное клеймо было как кровь — она могла его вытирать изо всех сил, а оно оставалось на месте, несмываемое, неустранимое. С того самого дня она никогда не становилась на колени в общественном месте, хоть матери об этом не говорила. Не признавалась. Но они об этом не забыли. Она дралась с матерью зубами и когтями, чтобы та позволила ей поехать в лагерь христианской молодежи, и сама зарабатывала деньги шитьем. Мама предупреждала ее, что этот лагерь организуют баптисты, методисты и конгрегационисты и что это грех и отступничество. Она запретила Кэрри купаться в лагере, но та купалась и смеялась, когда ее топили (пока однажды ее не напугали и она не начала кричать). Кэрри старалась участвовать во всех лагерных мероприятиях, но они все время смеялись над «старой девой

Кэрри» и издевались над ней. В конце концов она вынуждена была уехать автобусом на неделю раньше срока, с покрасневшими и опухшими от слез глазами, а мама ждала ее на вокзале и сказала печальным голосом, что Кэрри должна навсегда запомнить эти свои тяжкие поступки как доказательство того, что мать всегда права, что мать никогда не ошибается и единственный правильный и безопасный путь — это во всем слушаться мать.

— Благословенны нищие духом, и ждет их Царствие Небесное, — сказала мама печальным голосом в такси, а дома заперла Кэрри на шесть часов в каморке.

Мама, естественно, запрещала ей принимать душ вместе с другими девушками. Кэрри спрятала свои купальные принадлежности в школьном шкафчике и, несмотря ни на что, принимала душ, участвовала в этом ужасном ритуале коллективного обнажения. Хотя ей и было стыдно, она надеялась, что красное клеймо хоть немного побледнеет, ну хоть чуть-чуть...

(но сегодня, сегодня)

Томми Эрбтер, пяти лет, ехал на велосипеде по другой стороне улицы, маленький серьезный мальчик на двухколесном велосипеде марки «Швинн» с ярко-красными колесами, и что-то напевал себе под нос. Увидев Кэрри, он обрадовался, высунул язык и закричал:

— Эй, старая пердунья! Старая дева Кэрри!

Кэрри уставилась на него, внезапно ощутив бешенство. Велосипед закачался и упал на землю. Томми закричал. Велосипед придавил его. Кэрри улыбнулась и пошла дальше. Плач Томми звучал в ее ушах как сладкая, прекрасная музыка.

Если бы она могла делать подобные вещи всегда.

(Собственно это и сделала).

Хоть от дома ее отделяло еще семь зданий, она внезапно остановилась, как будто наткнулась на невидимую преграду. За ее спиной Томми с плачем садился на велосипед, осторожно, чтобы не зацепить разбитое колено. Он что-то крикнул вслед Кэрри, но она больше не обращала на Томми внимания. Она привыкла к любым словам.

Минутой раньше она подумала: «Чтобы этот щенок упал со своего велосипеда, перевернулся и разбил свою гнусную морду».

И это произошло.

Ее мозг как бы... как бы... она подбирала подходящее слово. Как бы повернул. Это было не совсем то слово, но что-то подобное. Что-то в ее голове согнулось и напряглось, почти как мускул в руке во время тренировки с гантелями. Это тоже было не очень точное определение, но ничего другого не приходило в голову. Легкая дрожь. Слабые, неразвитые мышцы.

Поворот.

Она внезапно уставилась горящими глазами в большое, панорамное окно миссис Йоратти. Подумала: «Глупой старой курве разбить это окно».

Ничего не произошло. Панорамное окно миссис Йоратти спокойно поблескивало на ярком утреннем солнце. Кэрри почувствовала сильную судорогу в самом низу живота и пошла дальше.

Но...

Лампочка. И пепельница: не забывать о пепельнице.

Она обернулась (старая курва ненавидит мою маму) через плечо. Снова почувствовала, что в ней что-то напряглось... но очень слабо. Ее мысли внезапно бешено закрутились, как будто в голове начал бить невидимый фонтан.

Стекло в окне как бы заволновалось. Не больше. Это могло быть обманом зрения. Могло быть.

От усталости у нее закружилась голова. Кровь в висках начала сильно стучать, предвещая мигрень. Глаза ее горели, будто она только что закончила читать сразу всю Книгу Откровений.

Она шла дальше по улице, приближаясь к маленькому белому домику с голубыми ставнями. В ней появились знакомые чувства: любовь, ненависть, страх. Западная стена бунгало поросла плющом (дом всегда называли «бунгало», потому что «белый дом» звучало как политическая острота, а мама говорила, что все политики —

грешники и из-за них нашу страну наводнили безбожники красные, которые в итоге поставят к стенке всех поклонников Иисуса — даже католиков), плющ был живописным, Кэрри знала об этом, но временами ненавидела его. Временами, — например, сейчас — плющ выглядел как огромная, жилистая, гротескная рука, вырастающая из-под земли, чтобы схватить домик. Волоча ноги, Кэрри подошла ближе.

А ведь еще были камни.

Она снова остановилась, бессмысленно мигая глазами под ярким солнечным светом. Камни. Мама никогда об этом не вспоминала. Кэрри даже не знала, помнит ли ее мать тот день, когда с неба падали камни. Станным было то, что она сама об этом помнила. Она была тогда маленькой девочкой. Сколько ей тогда было лет? Три? Четыре? Она помнила девушку в белом купальном костюме и помнила, что позже начали падать камни. В доме все предметы летали по воздуху. Воспоминание вернулось, необыкновенно ясное и выразительное, оно сохранялось в голове Кэрри все это время под поверхностью сознания, ожидая, когда Кэрри станет женщиной.

Ожидая до сегодняшнего дня.

*Джек Гэйвер: «Кэрри. Черный мир телекинеза»
(статья, помещенная в журнале «Эсквайр»
12 сентября 1980 года).*

Эстелла Хоран уже двенадцать лет живет в Пэрриш, богатом пригородном участке Сан-Диего, с первого взгляда похожа на типичную жительницу Калифорнии: носит светлые цветные платья и дымчатые защитные очки, у нее светлые волосы с темными прядками, она ездит в прекрасном каштановом «фольксвагене» с наклейкой «Улыбайтесь» на крышке бензобака и с зеленым флажком защитников окружающей среды на заднем стекле. Ее муж работает в местном отделении Американского Банка, сын и дочь, очень легко одетые, загоревшие почти до черноты,

являются активными членами Южно-Калифорнийского общества Солнца и Радости. За домом на небольшом, старательно ухоженном газоне стоит садовый мангал для жарки мяса, а звонок на входной двери играет фрагмент припева песни «Хэй, Джуд».

Но в глубине души миссис Хоран осталась жительницей Новой Англии, а когда она рассказывает о Кэрри Уайт, ее лицо приобретает странное замкнутое выражение.

— Конечно, она была странной, — говорит Эстелла Хоран, прикуривая одну сигарету «Вирджиния Слим» от другой. — Вся их семья была странной. Ральф был рабочим на стройке. Соседи рассказывали, что он ежедневно носил с собой на работу Библию и револьвер 38-го калибра. Библию он читал во время перерыва на обед. Револьвер он носил на тот случай, если во время работы он встретится с Антихристом. Я помню, что Библию видела собственными глазами. А револьвер... кто знает? Ральф был высоким, у него была оливковая кожа и всегда чисто выбритая голова, как у солдата. Он никогда не улыбался и никогда не смотрел людям в глаза. В его взгляде всегда было такое выражение, что глаза как бы светились собственным светом от напряжения. Когда он шел по улице, люди переходили на другую сторону и никто не осмеливался показать ему язык за спиной. Он был слегка ненормальным.

Она умолкает и выпускает клубы дыма к потолку, украшенному пластиковыми балками, имитирующими секвойю.

Эстелла Хоран до двадцати лет жила на Кармен-стрит, до тех пор, пока не окончила курсы в Высшей торговой школе имени Левина в Моттоне. Она со всеми подробностями помнит день, когда с неба упали камни.

— Временами я задумываюсь, не произошло ли это все из-за меня, — говорит она. — Мы жили рядом, наши дворы граничили между собой, и госпожа Уайт посадила живую изгородь, но тогда она еще не успела вырасти. Миссис Уайт раз десять звонила моей матери со скандалом, что я «устраиваю из себя зрелище» на нашем дворе.

Ну что же, я действительно носила купальник, но это был обычный старомодный закрытый купальник, по нынешним стандартам даже чересчур закрытый. Миссис Уайт имела привычку беспрерывно говорить о том, как это зрелище может подействовать на «ее ребенка». Моя мать пыталась говорить с ней дружелюбно, но моя мать на самом деле нервный человек. Я не знаю, чем Маргарет Уайт в итоге вывела ее из равновесия, — наверное, назвала меня дочерью Коринфа, — но мама сказала ей, что это наш двор, а я могу делать там все, что мне нравится, я могу даже, если захочу, раздеться догола и танцевать танец живота, а госпоже Уайт до этого никакого дела нет. И еще мама напомнила ей, что она представляет собой отвратительную старую бабу и что все мысли у нее — крысиные. Было еще много оскорблений с обеих сторон, и ссора стала затяжной.

Мне тогда хотелось сильно загореть. Я вообще ненавижу скандалы, у меня сразу же начинает болеть желудок. Но мама... когда она что-нибудь возьмет себе в голову, ее уже ничего не может остановить. Она пошла в магазин Марша и купила мне белый костюм «бикини». Она сказала, что лично ничего не имеет против того, чтобы я с сегодняшнего дня загорала вся. «А вообще, — сказала она, — это наш собственный дом, и никто в наши дела не будет вмешиваться».

Эстелла Хоран улыбается своим воспоминаниям и гасит сигарету в пепельнице.

— Я пыталась с ней спорить, объяснить ей, что не хочу принимать участия в этой дворовой войне. Но это ничего не дало. Когда моя мама разозлится, она напоминает грузовик, спускающийся с горы без тормозов. Ее так же трудно сдержать. Но, честно говоря, я просто боялась этих людей. С религиозными фанатиками лучше не шутить. Правда, Ральф Уайт к этому времени уже умер, но у Маргарет мог сохраниться его револьвер 38-го калибра, не правда ли?

Но, несмотря ни на что, я решила рискнуть. Это было в субботу после полудня. Я лежала на одеяле в нашем

дворе, намазанная кремом для загара, и слушала по радио хит-парад. Мама не выносила этой передачи и обычно по несколько раз кричала, чтобы я убавила звук, пока она не вышла из себя. Но в этот день мама сама дважды усиливала звук. Я начинала на самом деле чувствовать себя дочерью Коринфа.

Несмотря на мои опасения, во дворе Уайтов никто не показывался. Даже Маргарет не выходила, чтобы вылить грязную воду. Я еще кое-что вспомнила: она никогда не вывешивала белье во дворе. Даже вещи Кэрри, хотя ей тогда было вероятно года три. Маргарет всегда сушила белье в доме.

Я постепенно расслабилась и подумала, что Маргарет взяла Кэрри с собой в парк на какой-нибудь молебен под открытым небом или что-нибудь в этом духе. Во всяком случае, через несколько минут я перевернулась на спину, прикрыла глаза рукой и уснула.

Когда я проснулась, Кэрри стояла рядом со мной и разглядывала мое тело.

Миссис Хоран замолкает и вглядывается в пространство невидящим взглядом. С улицы доносятся неумолкающие звуки проезжающих автомобилей. Магнитофон негромко, успокаивающе шумит. Но все эти звуки кажутся хрупкими, ненастоящими, они создают тонкую оболочку, отделяющую нас от иной, настоящей действительности — страшной действительности, полной кошмаров.

— Она была такой хорошенькой, — сказала, наконец, Эстелла Хоран, закуривая очередную сигарету. — Я видела несколько ее школьных фотографий и этот ужасный, невыразительный черно-белый снимок на обложке «Ньюсуик». Я смотрела на него и думала: «Боже мой, что с ней произошло? Что эта женщина с ней сделала?» Мне так было ее жаль. Кэрри была такой славненькой, у нее была милая розовая мордашка, светло-карие глаза и светлые волосы того оттенка, который с возрастом темнеет и приобретает пепельный цвет. Сладкая — это единственное подходящее слово. Сладкая, светлая и невинная. Болезнь матери еще не коснулась ее.

Я как-то сумела взять себя в руки и попыталась улыбнуться ей. Я не представляла себе, как себя с ней вести. Я была сонной, от солнца у меня кружилась голова и было трудно собраться с мыслями. Я сказала: «Привет». Кэрри была одета в желтое платье, даже симпатичное, но слишком длинное для такой маленькой девочки, причем все это происходило в разгар лета. Платье было длиной до середины щиколотки.

Кэрри не ответила на приветствие и даже не улыбнулась, она просто показала пальцем и спросила:

— Что это?

Я посмотрела на себя и увидела, что, пока я спала, у меня сполз купальник. Поправив его, сказала:

— Это моя грудь, Кэрри.

И тут она сказала очень серьезно:

— Я тоже хотела бы такое иметь.

— Тебе нужно подождать, Кэрри, у тебя появится грудь через восемь или девять лет.

— Нет, не появится, — запротестовала она. — Мама говорит, что у послушных девочек этого нет. — Ее лицо приобрело странное выражение для маленькой девочки, немного печальное и в то же время лицемерное.

Я с трудом поверила собственным ушам и сказала первое же, что пришло мне в голову:

— Но я послушная девочка. А у твоей мамы есть грудь?

Она склонила голову и ответила что-то так тихо, что я не расслышала. Когда я попросила ее повторить, она вызывающе посмотрела на меня и сказала, что ее мама была непослушной и поэтому у нее есть грудь. Она говорила о груди «это мерзкое тело».

Я не верила собственным ушам, мне даже стало нехорошо. Я не знала, что ей ответить. Ничего не приходило в голову.

Мы молча глядели друг на друга, и мне внезапно захотелось схватить эту маленькую девочку на руки и убежать вместе с ней куда-нибудь подальше.

И в это время Маргарет Уайт вышла через заднюю дверь и увидела нас.

Добрую минуту она таращила на нас глаза, как будто не могла поверить в то, что видит. Потом открыла рот и завизжала. Это был самый ужасный визг из всех, которые я когда-либо слышала. Он напоминал рычание испуганной коровы, которую крокодил тащит в болото. Она просто рычала. Фурия. Настоящая бешеная фурия. Лицо ее покраснело до такой степени, что цветом напоминало пожарную машину. Она сжала кулаки и визжала, откинув голову назад, и при этом вся тряслась. Я подумала, что у нее начался приступ какой-то болезни. Лицо ее ужасно скривилось и напоминало лицо Медузы Горгоны.

Я думала, что Кэрри потеряет сознание или упадет на месте трупом. Она не могла вздохнуть, а ее маленькое личико побледнело, как полотно.

Госпожа Уайт визжала:

— К-э-э-э-р-р-р-и-и-и-и!

Я вскочила и закричала:

— Не орите на нее! Вам должно быть стыдно! — или какую-то другую глупость. Кэрри пошла в сторону матери, остановилась, затем пошла дальше и, прежде чем перешла из нашего двора на свой газон, обернулась и бросила на меня взгляд... О, это ужасно. Я не в состоянии это описать. В этом взгляде были тоска и ненависть, страх и... мучение. Будто сама жизнь стала для этого ребенка невыносимым грузом, и все это в возрасте трех лет.

Моя мать вышла на заднюю террасу и скривилась, когда увидела ребенка. А Маргарет... О, она выкрикивала что-то, называла меня курвой и уличной девкой, кричала, что грехи моих родителей отзовутся еще в седьмом поколении. Я была так испугана, что у меня пересохло во рту, и я не могла произнести ни слова.

Несколько секунд Кэрри стояла на границе, разделяющей наши дворы, качаясь вперед и назад, и тут Маргарет Уайт поглядела вверх и... о Боже мой, я присягаю, что эта женщина завывала, как волчица. А после этого она начала... калечить себя, разрывая собственное лицо. Она царапала себе щеки ногтями, оставляя на них кровавые следы. Разорвала на себе платье.

Кэрри закричала: «Мама!» и побежала к ней.

Миссис Уайт как бы... присела, как лягушка, и широко развела руки. Я была уверена, что она хочет раздавить Кэрри, и начала кричать. Но эта женщина улыбнулась. Она улыбалась, и слюна текла из ее рта. Мне было очень страшно. Боже мой, как я боялась ее.

Она взяла Кэрри на руки и ушла в дом. Я выключила приемник и теперь услышала, что происходит в их доме. Слышно было плохо, но кое-что я разбирала. Плач и слова молитвы, произносимые скрипучим голосом. Ужасный шум. Я слышала, как Маргарет приказала дочери, чтобы та шла в каморку и молилась. Девочка плакала и кричала, что она забыла наказания. Потом наступила тишина. Я обменялась взглядами со своей мамой. До сих пор я никогда не видела, чтобы моя мать так ужасно выглядела, даже сразу после смерти отца. Мама заговорила:

— Этот ребенок... — и замолчала. Мы вошли в свой дом.

Эстелла Хоран встает и подходит к окну, интересная, эффектная женщина в желтом пляжном платье без рукавов.

— Вы понимаете, у меня такое чувство, будто я заново все это переживаю, — говорит она не оборачиваясь. — Я снова потрясена. — Она коротко засмеялась и обняла себя руками так, будто ей внезапно стало холодно. — Она была такой хорошенькой. По этим фотографиям никто бы не поверил.

За окном автомобили едут непрерывным потоком. Я сижу и жду продолжения ее рассказа. Эстелла похожа на человека, который разглядывает препятствие и раздумывает, сумеет ли его преодолеть.

— Мама заварила крепкий чай, такой, который она всегда заваривала, когда что-то происходило. Такой чай она готовила, когда я обжигалась крапивой или когда я падала с велосипеда. Чай был ужасным, но мы выпили его, сидя друг против друга на кухне. Мама была одета в какое-то домашнее платье с отпоротым хлястиком сзади, а на мне по-прежнему был белый купальник дочери Коринфа. Мне хотелось плакать, плакать на самом деле, а не так, как это бывает в кино. Как-то в Нью-Йорке я

видела, как пьяный старик вел за руку маленькую девочку в голубом платье. Девочка плакала, у нее текла кровь из носа. У пьяницы была кровь на шее, а на лбу большая красная шишка. Одет он был в голубой пиджак из саржи, подпоясанный белым шнурком. Люди проходили мимо них, не останавливаясь, чтобы как можно скорее миновать их. Это тоже была действительность.

— Я хотела рассказать об этом матери и только успела открыть рот, когда произошло то, о чем вы хотели услышать от меня. Во дворе раздался глухой удар, такой сильный, что зазвенели фужеры, стоящие в буфете. Я почувствовала, как пол затрясся, будто кто-то сбросил с крыши огнеупорный сейф.

Эстелла Хоран прикурила следующую сигарету и нервно затанулась.

— Я подбежала к окну и выглянула, но ничего не увидела. Позже, как только я собралась обернуться, снова что-то упало и заблестело на солнце. Сначала мне показалось, что это большой стеклянный шар. Потом этот предмет ударился о край крыши дома Уайтов и рассыпался на куски, и тогда оказалось, что это не стекло. Это была большая глыба льда. Я хотела обернуться и позвать маму, но тогда с неба рухнул град ледяных обломков.

Они посыпались на крышу дома Уайтов, на газоны спереди и сзади дома, на дверь погреба. Дверь была сделана из тонкой жести, и когда в нее попадали осколки льда, раздавалось громкое «бум», громкое, как колокол. Мы обе с мамой закричали и прижались друг к другу, как две маленькие девочки во время грозы.

Затем все стихло, из дома семейства Уайт не доносилось никаких звуков. Мы видели, как вода, образующаяся после таяния льда, течет по крыше и блестит на солнце. Один большой осколок застрял между трубой и склоном крыши. Он так блестел на солнце, что глазам было больно на него смотреть.

Мать спросила, окончилось ли это все, и тут мы услышали, как Маргарет Уайт закричала. Крик был слышен очень хорошо. Почему то этот крик был страшнее,

чем все предыдущие звуки, в нем звучал смертельный страх. Позже раздались какой-то грохот и такие звуки, будто Маргарет Уайт бросала в дочь всей посудой, кастрюлями, которые были в доме.

Задние двери дома с шумом раскрылись и снова закрылись, но никто в них не появился. Снова крики. Мама сказала, что она вызовет полицию, но она была не в состоянии пошевелиться. Мы были как бы прикованы к месту. Мистер Кирк со своей женой Вирджинией вышли из дома посмотреть, что происходит. Семейство Смит тоже вышло на улицу. Вскоре все наши соседи вышли из домов, даже старая миссис Уорвик из дома напротив, а она была глуха на одно ухо.

Из дома Уайтов доносились звуки бьющегося стекла. Что-то падало на пол, возможно, посуда, банки, бутылки, не знаю, что именно. Затем из бокового окна вылетело стекло, из него до половины высунулся кухонный стол и остановился. Бог мне свидетель, что все так и было. Это был тяжелый стол с крышкой из мрамора, он весил не менее трехсот фунтов и выломал оконную раму своей тяжестью. Каким образом женщина — даже очень сильная женщина — сумела выбросить этот стол в окно?

Я спрашиваю миссис Хоран, что она думает обо всем этом.

— Я только рассказываю вам обо всех событиях, свидетельницей которых была, — говорит миссис Хоран, выбитая из колеи своего рассказа. — И требую, чтобы вы мне верили...

Она глубоко вздыхает и спокойным тоном продолжает свой рассказ:

— Потом минут пять ничего не происходило. Отовсюду капала вода, а на газоне возле дома Уайтов лежал лед. Он таял на глазах.

Она улыбается и гасит сигарету.

— Ничего удивительного, правда? Ведь все это происходило в августе.

Она встает и задумчиво ходит по комнате, подходит к дивану и оборачивается.

— А потом начали падать камни. С ясного неба. Все вокруг свистело и выло, как при бомбежке. Мама крикнула: «Боже мой, что это?» и закрыла уши руками. А я не могла сдвинуться с места. Но это не имело значения. Камни падали только на дом Уайтов.

Один из камней упал на водопроводную трубу и разбил ее вдребезги. Обломки трубы рассыпались по газону. Другие обломки пробили крышу и попали на чердак. Каждый раз доносился грохот и поднимались клубы пыли с крыши. Когда камни падали на землю, все вокруг дрожало. Каждый удар мы чувствовали ногами. Наш буфет звенел, старинный сервант весь трясся, а мамина чашка упала со стола и разбилась.

Камни, которые упали на газон во дворе Уайтов, выбили в земле огромные ямы. Кратеры. Госпожа Уайт наняла потом рабочего, чтобы он вывез камни, а Джерри Смит, который жил на нашей улице, заплатил ему доллар за один из камней. Он отнес камень в Бостонский университет, а там его исследовали и сказали, что это обычный гранит.

Один из последних камней вдребезги разбил маленький столик, который стоял на газоне за домом.

Она замолкает и отворачивается от окна, чтобы посмотреть на меня. На ее лице видно отражение когда-то пережитого страха. В задумчивости она накручивает на палец прядь волос, портя свою модную прическу.

— Не многое из этого попало в местную прессу. Прежде чем появился Билли Гаррис — местный репортер, миссис Уайт успела отремонтировать крышу, а когда соседи говорили репортеру, что с неба падали камни, он, наверное, думал, что его обманывают.

Никто не хочет в это поверить, даже теперь. Все, кто это прочтет, будут смеяться надо мной и называть сумасшедшей. Они скажут, что я перегрелась на солнце. Но так на самом деле и было. Многие люди с нашей улицы видели все это собственными глазами. Это было такой же реальностью, как пьяница, ведущий девочку с разбитым носом. А теперь произошли новые события. Над этим

никто не будет смеяться. Слишком много людей погибло. И теперь речь идет не только о дворе Уайтов.

Она улыбается, но в ней нет ни капли веселья.

— Ральф Уайт был застрахован, — говорит она, — и Маргарет Уайт получила много денег, когда он погиб... двойное вознаграждение. Ральф застраховал и свой дом, но Маргарет не получила за него ни одного цента. Разрушения, спровоцированные высшими силами. Ирония судьбы, не правда ли?

Она тихонько смеется, но в этом так же мало веселья, как и раньше...

Слова, повторяющиеся несколько раз на одной и той же странице в одной из школьных тетрадей Кэрри Уайт:

*Одно знают все и ей это не простят
(Пока наконец не признают), что она
такая же, как и они.*

(Фрагмент из песни Боба Дилана
«Она просто женщина»).

Кэрри вошла в дом и заперла за собой двери. Яркий дневной свет сменился коричневым полумраком, в доме было прохладно и пахло тальком. Единственным звуком, нарушающим тишину, было тиканье баварских часов с кукушкой, которые висели в гостиной. Мама получила эти часы за Зеленые значки, которые накопила, покупая все необходимое в одном и том же универсаме в течение длительного времени. Когда-то, в шестом классе, Кэрри хотела спросить у мамы, не являются ли Зеленые значки грехом, но у нее не хватило мужества на подобный вопрос.

Она сняла плащ и повесила его на место. Над вешалкой на стене висела подсвеченная картина, изображающая Иисуса, который грозно склонялся над семьей, сидящей за кухонным столом. Надпись внизу (тоже подсвеченная) гласила: «Невидимый гость».

Кэрри вошла в гостиную и остановилась посередине на поблекшем, во многих местах вытертом ковре. Крепко сжала веки и наблюдала за искорками, мелькающими во мраке. В висках пульсировала непрекращающаяся боль.

Одна.

Мама работала в прачечной «Голубая лента», которая находилась в центре города Чемберлен, в отделе срочной глажки и упаковки одежды. Она работала там с тех пор, как Кэрри исполнилось пять лет, и деньги, полученные в страховом агентстве за несчастный случай с отцом, стали исчерпываться. Мама работала с половины восьмого утра до полудня. Прачечная была «безбожной». Мама много раз ей это повторяла. Особенно «безбожным» был хозяин, мистер Элтон Мотт. Мама говорила, что сатана приготовил в аду специальное место для Элты, как его называли в «Голубой ленте».

Одна.

Кэрри открыла глаза. В гостиной стояли два стула и стол для шитья с настольной лампой, где она вечерами иногда шила платья, а мама рядом вышивала салфетки и рассказывала о Дне, Который Наступит. Баварские часы с кукушкой висели на стене против двери.

В гостиной находилось множество картин на религиозные темы, но Кэрри больше всего любила ту, которая висела над ее стулом. На картине был изображен Иисус, ведущий овец по склону горы, поросшему такой зеленой и мягкой травой, как на поле для гольфа в Риверсайде. Остальные картины не были такими идиллическими: они изображали Иисуса, выгонявшего торговцев из храма, Моисея, бросающего таблички с заповедями с небес на идолопоклонников, восхваляющих золотого тельца, Неверующего Томаса, который совал свои пальцы в рану на боку Христа (о, это полное страха очарование, которое он в ней возбуждал, когда она была маленькой, и те кошмары, которые ей снились потом!), Ноев ковчег, который проплывает над тонущими, извивающимися в агонии грешниками, Лот и его семья, убегаящие из горящих Содома и Гоморры.

На маленьком столике стояла настольная лампа, а рядом лежала пачка брошюр религиозного содержания. На обложке была картинка, изображающая грешника (о его моральном падении однозначно свидетельствовал смертельный испуг на лице), который пытался спрятаться за большой камень. Подпись под картинкой гласила: «Даже скала не спрячет тебя в Этот День!»

Но самым бросающимся в глаза было огромное гипсовое распятие, висящее на стене прямо напротив дверей. Мама получила его из Сан-Луи специальной почтовой посылкой. Распятие было около четырех футов высотой. Прибитый к кресту Иисус застыл в гротескной судороге боли, с мышцами, напряженными до крайности, с широко открытым ртом, застывшим в беззвучном крике. По его лбу и вискам стекали ручейки крови. Взгляд угасающих глаз, направленных в потолок, выражал всю муку агонии так, как это было типично для искусства средневековья. Из рук его тоже текла кровь, а ноги были прибиты к небольшому гипсовому постаменту.

Это распятие в свое время тоже провоцировало у Кэрри бесконечные кошмары, в которых искалеченный Христос гнался за ней по мрачным коридорам, размахивая деревянным молотом, показывая ей гвозди и умоляя, чтобы она согласилась принять свой крест и пошла за ним. Позже эти сны приобрели иную форму, не слишком понятную, но еще более зловещую. Сны уже не кружились вокруг темы убийства, но вокруг чего-то еще худшего.

Одна.

Боль в ногах и внизу живота слегка ослабела. Она уже не думала, что истечет кровью до смерти. Ключевым словом было «менструация», и внезапно все стало для нее логичным и понятным. Это наступило Ее Время. Кэрри издала странный сдавленный смешок, нарушив им тишину гостиной. Все это напоминало телевизионную викторину. Там тоже можно было выиграть бесплатную поездку на Бермудские острова в Свое Время. Так же, как и память о дне, когда с неба падали камни, знание о менструации,

казалось, было спрятано в ее памяти, ожидая подходящей минуты, чтобы проявиться.

Кэрри повернулась и тяжелыми шагами начала подниматься по ступенькам. В ванной был деревянный пол, вымытый почти до белизны (грязь следует сразу за неверием в бога), и здесь стояла ванна на литых ногах. Вода, вытекающая из крана, оставила ржавые пятна на плитке. Душа не было. Мама говорила, что душ — это грех.

Кэрри вошла в ванную комнату, открыла шкафчик с полотенцами и начала внимательно разглядывать его содержимое, стараясь сохранить осторожность и класть все вещи на свои места. У мамы было хорошее зрение.

Голубая коробка была спрятана в самом низу, за пачкой старых полотенец, которыми уже не пользовались. На крышке была нарисована женская фигура в длинной полупрозрачной сорочке.

Кэрри вынула из коробки один тампон и с интересом разглядывала его. Она раньше при всех пользовалась тампонами, чтобы вытирать с губ помаду, которую прятала от мамы в сумочке; однажды она сделала это на улице. Теперь она вспомнила (или ей казалось, что она вспомнила) шокированные недоверчивые взгляды прохожих. Лицо ее загорелось от стыда. Они ей тогда говорили. Румянец исчез, его заменило почти неосознанное чувство злости.

Она вошла в свою маленькую спальню. На стенах спальни висело еще больше картин на религиозные темы, еще больше барашков и сцен, представляющих жертвы справедливого божьего гнева. На комод лежала Библия и стояла пластмассовая фигурка Иисуса, которая светила в темноте, а над этим всем висел школьный выпел.

Она разделась — сначала сняла блузку, потом ненавистную юбку длиной ниже колен, комбинацию, пояс для чулок, чулки, трусики. Поглядела на ворох одежды, на все эти пуговицы и крючки с безнадежным отчаянием. В школьной библиотеке она нашла прошлогодний номер молодежного журнала мод «Семнадцатилетняя» и много раз просматривала его, чувствуя стыд, чувствуя себя

идиоткой. Манекенщицы выглядели так легко и красиво в коротких, светлых платьях, хорошо пошитых юбках и цветном, веселом, украшенном кружевами белье. Конечно, слово «легко» было одним из любимых слов матери (она заранее знала, что мама может сказать). Она знала, что никогда не сможет так одеваться. Она чувствовала бы себя ужасно в этой одежде — обнаженной, испорченной, пропитанной грехом эксгибиционизма: порывы ветра, обнажающие ее бедра, пробуждающие вожделение. И Кэрри знала, что они сразу это заметили бы. Так было всегда. Они снова нашли бы какой-то способ унизить ее, снова выставили бы ее на посмешище. Именно такими были их методы.

А ведь она могла бы, могла бы...

(что)

Если бы уехала. У нее хватило отваги только на то, чтобы время от времени чувствовать себя такой несчастной, пустой, уставшей, что единственным способом для заполнения этой пропасти отчаяния было есть, есть и есть до отвращения к пище. Но в талии она не была такой уж толстой. Химическое равновесие организма не позволяло ей набрать слишком много веса. Кроме того, у нее были хорошие ноги, почти такие же красивые, как у Сью Снелл или у Вики Хэнском. Она могла бы

(ах, могла бы)

перестать есть шоколад, и прыщи исчезли бы. Они всегда исчезали. Она могла бы пойти к парикмахеру. Купить облегающую юбку и цветные гольфы, голубые, зеленые. Сшить себе короткие платья и юбки по выкройкам фирмы Буттерих и Симплисити. Купить билеты на поезд, билет на автобус. Могла бы, могла бы, могла бы...

Жить.

Кэрри расстегнула хлопчатобумажный лифчик и уронила его на пол. Ее грудь была молочно-белой, пышной, с тонкой кожей, соски имели цвет кофе с молоком. Кэрри провела по груди руками, и ее охватила дрожь. Зло, грех, о да, это было зло. Мама предупреждала ее об определенных вещах. Этой вещью было затаившееся извечное зло,

имени которого нельзя назвать. Оно ведет к слабости. «Помни, — говорила мама. — Это приходит по ночам. И тогда ты начинаешь думать о нехороших вещах, которые происходят в гостиничных номерах и в автомобилях на стоянке».

Хотя было всего двадцать минут десятого утра, Кэрри знала, что это к ней пришло. Она коснулась своей груди (эта гадость)

еще раз, кожа казалась прохладной, но соски были горячими и твердыми, а когда она сжала один сосок между пальцами, то почувствовала внезапную слабость. Да, это было то самое.

Трусики были испачканы кровью.

Внезапно она почувствовала, что через минуту расплачется или начнет кричать, что она должна вырвать это из своего тела, уничтожить, убить.

Тампон, который дала ей госпожа Дежарден, можно было только выбросить, и Кэрри осторожно заменила его новым, думая при этом, какая она испорченная, какие они все испорченные, как сильно она их ненавидит и как она ненавидит саму себя. Только ее мама была в порядке. Мама боролась с сатаной и победила его. Кэрри видела это во сне. Мама вымела сатану щеткой за двери, он убежал по Кармен-стрит, а его раздвоенные копыта высекали красные искры из бетона, когда он исчезал в темноте.

Мама вырвала из себя эту вещь и была чистой.

Кэрри ненавидела ее.

Она увидела отражение своего лица в маленьком зеркальце, висевшем на двери, таком маленьком, что перед ним можно было только расчесываться.

Она ненавидела свое лицо, свое тупое, бессмысленное, телячье лицо, свои бесцветные глаза, красные, блестящие прыщи и угри с черными головками. Она ненавидела свое лицо больше всего на свете.

Отражение внезапно покрылось серебристой сеткой трещин. Зеркальце упало на пол и вдребезги разбилось у ее ног. Осталась только пустая рамка, которая глядела на нее как ослепший глаз.

Телекинез — способность перемещать предметы или изменять их форму при помощи силы воли. Явление, которое чаще всего проявляется в критических ситуациях или в минуты крайнего нервного напряжения, например, подъем автомобиля, придавившего тело жертвы несчастного случая, разборка руин рухнувшего здания и т. д.

Это явление не имеет ничего общего с деятельностью полтергейстов или злых духов. Следует подчеркнуть, что полтергейсты являются астральными телами, в истинном существовании которых можно сомневаться, в то время как телекинез считается одной из функций мозга, очевидно, опирающейся на электрохимические реакции.

Когда они кончили заниматься любовью на заднем сиденье «форда 1963», принадлежащего Томми Россу, и Сью Снелл не спеша начала приводить в порядок свою одежду, она поняла, что продолжает думать о Кэрри Уайт.

Был вечер пятницы, и Томми (который по-прежнему задумчиво выглядывал в заднее стекло машины в брюках, все еще опущенных ниже колен, — вид комический, но странно трогательный) взял ее с собой на прогулку. Конечно, прогулка была только предлогом. Сразу было понятно, что он хочет с ней переспать.

Сью встречалась с Томми с октября (а был уже май), но они стали любовниками только две недели назад. Семь раз, подумала она. Сегодня был седьмой раз. Правда, еще не пришло время для фейерверка и оркестра, играющего «Звездный флаг» — но уже было немного лучше.

В первый раз было чертовски больно. Обе ее подруги, Хелен Ширс и Жанна Голь, уже прошли через это, и обе уверяли ее, что больно только в первые минуты — как при уколе пенициллина, — а потом чудесно. Но для Сью этот первый раз был таким, будто кто-то воткнул в нее ручку лопаты. Позже Томми с улыбкой признался ей, что надел презерватив не той стороной.

Сегодня она только второй раз начала чувствовать что-то вроде удовольствия. Но все слишком быстро кончилось. Томми держался сколько мог, а потом просто... все кончилось. Это напоминало разведение огня у дикарей — слишком много усилий, чтобы получить немного тепла.

Теперь Сью охватила меланхолия, и в результате мысли снова вернулись к Кэрри. Угрызения совести у нее начались как раз тогда, когда она сумела от них защититься: Томми перестал разглядывать Брикярд Хилл и, обернувшись к Сью, увидел, что она плачет.

— Эй, — сказал он обеспокоенно. — Эй, что с тобой? — Он неловко обнял Сью.

— Уже... уже все в порядке, — простонала она, все еще всхлипывая. — Я вспомнила, что сегодня сделала гадость.

— Что? — он ласково гладил ее шею.

И неожиданно для самой себя Сью начала рассказывать Томми обо всем, что произошло утром. Она слышала собственный голос как бы со стороны и с трудом могла в это поверить. Нужно посмотреть правде в глаза: она согласилась лечь с Томми в постель потому, что она любила его? Хотела? — неважно, результат был тем же, а описание таких отвратительных сцен — толпы раздетых, визжащих девушек — явно не лучший способ, чтобы привлечь парня к себе. А Томми, конечно, пользовался успехом. Поскольку она сама пользовалась успехом всю свою сознательную жизнь, ей казалось обязательным, что она полюбит кого-то, равного ей в популярности. Их, наверное, изберут королем и королевой на весеннем балу в школе, а старшие классы уже проголосовали за то, чтобы они стали Лучшей Парой Года. Оба они были звездами на школьном небосклоне, признанным примером для последователей, как Ромео и Джульетта. С внезапно охватившей ее догадкой Сью подумала, что в любой пригородной школе Америки есть такая пара, как они.

А сейчас, имея то, по чему она всегда тосковала, — чувство безопасности, принадлежности кому-то, постоянной позиции, — она поняла, что всему этому постоянно

сопутствует чувство беспокойства. Вокруг светлого, теплого круга света, в котором она жила, кружились ночные кошмары. Например, мысль, что она позволила Томми себя соблазнить

(должна ли ты пользоваться такими словами? да, сейчас должна)

только потому, что ей везет, что они подходят друг к другу и что, идя по улице, она могла посмотреть на их отражение в витринах и подумать: какая хорошая пара. Она была полностью уверена,

(или только казалось)

что она не такая слабая, что у нее есть собственные силы, чтобы исполнить все, чего ждут от нее надоевшие родители, друзья и она сама. А ведь тогда в раздевалке она присоединилась к ним без колебания, спонтанно и в каком-то странном забытии. Словом, которого она боялась больше всего, был конформизм, и это слово всегда вызывало у нее в мыслях кошмарный вид волос, завитых локонами, долгих, одиноких вечеров перед телевизором, передающим популярные программы, в то время как муженек работает в каком-то неизвестном бюро; вступление в родительский комитет, а позже в местный загородный клуб, когда их доходы достигнут пяти нулей в год; таблетки в желтых круглых коробочках без этикеток, таблетки, гарантирующие постоянную сохранность идеальной фигуры, что является самым важным, таблетки, предохраняющие от приступов и от смерти в своей постели в два часа утра.

Кэрри, эта ужасная Кэрри, это она во всем виновата. До этого, чувствуя себя в безопасности в ярком круге света, Сю слышала только звук отдаленных шагов, и только сегодня, слыша как бы со стороны, как она рассказывает Томми эту шокирующую, отвратительную историю, она внезапно увидела какие-то силуэты, ожидающие на границе света и тени, и желтые глаза, светящиеся, как фонари в темноте.

Сю уже купили платье для школьного бала. Платье было голубым и очаровательным.

— Ты права, — сказал Томми, когда она окончила свой рассказ. — Некрасиво. И вообще, все это как-то к тебе не идет. — Его лицо было очень серьезным, и Сью почувствовала холодное прикосновение страха. Потом он улыбнулся — у него была очень милая улыбка, — и страх немного ослабел.

— Один раз я ударил человека, лежащего без сознания. Я говорил тебе об этом?

Она отрицательно покачала головой.

— Да, — он задумчиво почесал нос, щека его слегка задергалась, как тогда, когда он признался, что неправильно надел презерватив. — Этого человека звали Дэнни Патрик. Когда-то, еще в шестом классе, он в драке сделал из меня отбивную. Я ненавижу его, но в то же время боялся. Он меня удивлял. Ты знаешь, как это бывает.

Сью не знала, но на всякий случай кивнула головой.

— Во всяком случае, через год или два после этого случая он наткнулся не на того парня. На Пита Тэйбера. Невысокий, но очень сильный паренек. Дэнни привязался к нему, не помню из-за чего, и в конце концов Пит спустил с него шкуру. Это происходило на спортивной площадке старой школы имени Кеннеди. Дэнни упал, обо что-то ударился головой и потерял сознание. Все сразу смыли. Мы думали, что он умер. Я тоже смылся, но перед этим хорошо заехал ему ногой по ребрам. После этого я чувствовал себя ужасно. Ты собираешься перед ней извиниться?

Этот вопрос обеспокоил Сью, и она с трудом попыталась отшутиться:

— А ты перед ним извинился?

— Ты что? С ума сошла? Мне не хотелось попасть в больницу. Но есть большая разница, Сью.

— В чем?

— Мы уже не в седьмом классе. А кроме того, у меня был хоть какой-то глупый, щенячий повод. А ты? Что сделала тебе плохого эта бедная кретинка?

Сью не сумела ответить на этот вопрос. За всю свою школьную жизнь она обменялась с Кэрри, может быть, сотней слов, из них половиной именно сегодня. После

окончания начальной школы они встречались только на уроках физкультуры. Кэрри училась на индивидуальном потоке.

Внезапно Сью почувствовала отвращение к самой себе.

Она не могла этого вынести и, конечно, набросилась на Томми.

— С каких пор ты стал таким высокоморальным? С тех пор, как начал со мной спать?

Она увидела, что улыбка исчезла с его лица, и Сью стало неудобно.

— Я вообще не хочу с тобой разговаривать, — сказал Томми и натянул брюки.

— Ты не виноват, — она положила ему руку на плечо. — Мне стыдно, понимаешь?

— Это я вижу, — ответил он, — но я не собираюсь вмешиваться в твои дела и давать советы. Ничего хорошего это не даст.

— Томми, тебя не раздражает иногда то, что тебе во всем везет?

— Меня? — вопрос вызвал удивление на его лице. — Ты говоришь о футболе, о том, что я постоянный лидер класса, и так далее?

— Вот именно.

— Нет. Это не имеет большого значения. Средняя школа не в счет. Когда ходишь в школу, это кажется самым важным. Но после окончания занятий все это уже не имеет никакого значения. Во всяком случае, так было с моим братом и его друзьями.

Слова Томми ее не успокоили, наоборот, она почувствовала себя еще хуже.

Темнота сгушалась за стеклами автомобиля.

— Все это окончится тем, что я буду работать в мастерской своего отца, — сказал Томми. — Уик-энды я буду проводить у дядюшки Билла или в кабачке «Кавалер», где буду наливать пиво и рассказывать о своих успехах в гольфе. Женюсь я на какой-нибудь ужасной бабе, у меня всегда будет самая последняя модель автомобиля, и я начну голосовать за демократов.

— Перестань, — сказала ему Сью, чувствуя, как ее наполняет темный сладкий страх. Она притянула лицо Томми к себе. — Люби меня. Со мной происходит что-то ужасное. Люби меня прямо сейчас.

И они любили друг друга. И на этот раз все было иначе. В ней нашлось больше места и не было мучительной боли, а было только прекрасное поступательное движение, все более и более сильное. Два раза он вынужден был остановиться, тяжело дыша, а потом снова начиная

(я была его первой девушкой, и он признался мне в этом, а если бы он мне солгал, я бы все равно поверила)

все сильнее и сильнее, и ее дыхание превратилось в глубокие, отрывистые вздохи, а потом она начала кричать, вцепившись ногтями в его плечи, не в состоянии остановиться, истекая потом, наконец совсем лишившаяся страха, казалось, что каждая клетка ее организма переживала свой собственный оргазм, ее тело как бы растаяло на солнце, в ушах гремели звуки музыки, разноцветные мотыльки мелькали в глазах.

Позже, по пути домой, Томми официально предложил Сью пойти с ним на весенний бал в школе. Сью ответила согласием. Он спросил, решила ли она, как быть с Кэрри. Она ответила, что еще не решила. Томми сказал, что ее решение ничего не изменит. Сью ничего ему не ответила, но подумала, что он не прав. От ее решения зависело все.

*Дин К. Л., Мак Гуффин. «Телекинез. Анализ и выводы»
(научный обзор, 1982 год)*

Конечно, многие ученые продолжают — и на первом месте среди них находятся сотрудники Университета Дюка — несерьезно относиться к основным выводам о капитальном значении, которые можно сделать, исходя из случая с Кэрри Уайт. Так же, как некоторые люди, которые не верят в существование атомной бомбы, — эти несчастные, оказавшись перед лицом неоспоримых фактов, стараются избежать действительности, пряча голову

в песок: пусть читатели простят мне эту не очень удачную метафору.

Конечно, можно понять общее неприятие этих фактов, повышенные голоса при дискуссиях, полные раздражения письма и горячую полемику на научных собраниях. Сама идея телекинеза представляет собой камень преткновения в мире науки, вместе с сопутствующими реквизитами она исходит прямо из фильмов ужасов: призраки, жестокие убийства, невидимые руки и так далее; но понимать это мало, чтобы оправдать отсутствие научной тщательности.

Потрясающий случай с Кэрри Уайт представляет собой необычайно сложную проблему. Это было истинным потрясением, которое превратило стройное здание нашей науки в руины. Поэтому не стоит удивляться, что даже такой известный физик, как Жерар Люпо, публично назвал эту историю обманом и мистификацией, несмотря на неоспоримые доказательства, представленные комиссией по делу Уайт. Но если это правда, то как быть с законами Ньютона?

Кэрри и ее мать сидели в гостиной и слушали пластинки на проигрывателе, который мама называла граммофоном (когда мама была в особо хорошем настроении, она называла проигрыватель «наш музыкант»). Тенниси Эрни Форд пел одну из своих самых известных песенок. Кэрри склонилась над швейной машиной и, ритмично нажимая ногой на педаль, пришивала рукава к новому платью. Мама сидела под гипсовым распятием и вышивала салфетку, пристукивая ногой в такт. Это была одна из любимых песен мамы. Господин П. П. Блисс, который написал эту песню, как и множество других, был для мамы одним из святых примеров действия божественного провидения. Господин Блисс был моряком и грешником (эти два понятия для мамы были синонимами), настоящим шутом, который смеялся Всемогущему в лицо. А потом начался сильный шторм, и корабль стал тонуть. Господин П. П. Блисс пал на свои источенные грехом колени и в душе

увидел адскую пропасть, зияющую под дном океана, в которую он будет неизбежно сброшен. Тогда господин Блисс начал молиться Богу; он поклялся, что если Бог его спасет, то господин Блисс посвятит ему остаток своей жизни. Естественно, шторм сразу же успокоился.

*Святой луч его милости
Будет вести нас из века в век,
А для блуждающих в темноте
Зажжется свет на берегу...*

Все гимны господина П. П. Блисса были пропитаны атмосферой моря.

Платье, которое Кэрри шила, было очень приятное, цвета темного вина — самый близкий к красному цвет, который мама позволяла ей носить, — а рукава были буфами. Кэрри пыталась полностью сосредоточиться на шитье, но, естественно, ее мысли путешествовали в разных направлениях.

Гостиную освещал ярко-желтый, слепящий глаза верхний свет; маленькая, пропитанная пылью плюшевая кушетка была, естественно, пуста (Кэрри никогда не встречалась с парнем, и естественно, сидеть на ней было некому), а на стене напротив двери виднелась двойная тень: Иисус на кресте, а под ним — мама. Из школы по телефону позвонили в прачечную, и мама в двенадцать часов вернулась домой. Кэрри в окно видела, как мама идет по улице, и у нее подгибаются колени.

Мама была очень высокой и всегда ходила в шляпе. В последнее время ноги у нее стали отекают, а ступни всегда как бы выливались из туфель. Она носила черный шерстяной плащ с черным меховым воротом. Ее голубые глаза, увеличенные сильно линзами очков без оправы, смотрели пристально и сурово. Она всегда носила с собой большую черную кожаную сумку, а в ней портмоне, чековую книжку (и то, и другое черное), карманную Библию (тоже черную) с фамилией хозяйки, написанной золотыми буквами на обложке, и пачку брошюр религи-

озного содержания, стянутую резинкой. Брошюры были чаще всего апельсинового цвета, неаккуратно изданные.

Кэрри неясно догадывалась, что ее мать и отец раньше были баптистами, но перестали ходить в церковь с тех пор как убедились, что баптисты не могут сопротивляться антихристу. С тех пор все моления происходили дома. Мама молилась по воскресеньям, вторникам и пятницам. Это были так называемые святые дни.

Мама была священником, а Кэрри собранием верующих. Молитвы длились обычно по два-три часа.

Мама открыла двери и не спеша вошла в дом. Ее лицо ничего не выражало. Какое-то время они смотрели друг на друга, стоя в разных концах гостиной, как дуэлянты перед стрельбой. Это было одно из тех коротких мгновений, которые позже, в ретроспективе

(страх, это на самом деле был страх в глазах матери) кажутся намного длиннее.

Мама закрыла за собой двери.

— Ты стала женщиной, — сказала она тихо.

Кэрри почувствовала, как ее лицо трясется и кривится, но ничего не могла с этим поделать.

— Почему ты мне ничего не сказала об этом? — крикнула она. — О мама, я так боялась! А все девушки смеялись надо мной и бросали в меня...

Мама приблизилась к ней, и большая, мускулистая рука, затвердевшая от тяжелой работы, внезапно, как молния, метнулась вперед. Она ударила Кэрри тыльной стороной руки в челюсть. Кэрри упала на пол рядом с дверями гостиной и расплакалась во весь голос.

— Бог создал Еву из ребра Адама. — За очками без оправы огромные глаза матери выглядели устрашающе. Она толкнула Кэрри ногой, и Кэрри вскрикнула от боли. — Вставай, женщина. Стань на колени и молись. Молись Иисусу за свою грешную, слабую, жалкую женскую душу.

— Мама...

Внезапное всхлипывание не позволило ей окончить фразу. Долго сдерживаемая истерика наконец началась.

Кэрри что-то бессвязно бормотала, попеременно плакала и смеялась. Она не могла подняться на ноги и ползала по гостиной, ослепленная упавшими на глаза волосами, охрипшая от громких рыданий. Так они прошли через гостиную в часовню, которая была когда-то маленькой спальней. Мать все это время помогала Кэрри пинками.

— А Ева была слабой... Повтори это, женщина. Повтори!

— Нет, мама, прошу тебя, помоги мне...

Мать пнула ее ногой. Кэрри вскрикнула.

— Ева была слабой, и из-за нее зло пришло в этот мир, — продолжала мама, — и это был грех, и первым грехом были половые отношения. И Бог проклял Еву, и это было Проклятие Крови. И Адам и Ева были изгнаны из рая и вынуждены были уйти, и Ева увидела, что в ее животе ребенок.

Нога с размаху опустилась на спину Кэрри. Кэрри продвинулась вперед, зацепившись носом за деревянный пол. Они были уже в часовне. На столе, покрытом шелковой вышитой скатертью, стоял крест, а с обеих его сторон белые свечи. Над столом висели олеографии, на которых были изображены Иисус Христос и его апостолы. Справа находилось худшее из всех мест, то место, где был страх, наполненный темнотой, давящей последний проблеск надежды, последнюю искорку бунта против божественных — и маминых — заповедей. Открытые двери каморки злобно глядели на Кэрри. Внутри была отвратительная голубая лампочка, которая всегда горела, она освещала картину Дерро, которая представляла собой иллюстрацию к известной проповеди Джонатана Эдвардса: «Гнев божий покарает грешников».

— И Бог еще раз проклял Еву, и это было Проклятие Рождения, и Ева породила Каина в боли и крови.

Теперь мама прижала Кэрри к алтарю, и обе они упали на колени. Мама крепко держала Кэрри за запястье.

— А после Каина Ева породила Авеля и не считала грехом половые отношения. И тогда Бог в третий раз проклял Еву, и это было убийство. Каин восстал на Авеля

и убил его. Но Ева по-прежнему не сожалела о совершенном грехе, и ее дочери тоже не сожалели о грехе, и из-за них настало царствие сатаны, где мучаются распутницы и осужденные на вечные страдания.

— Мама! — закричала Кэрри. — Мама, выслушай меня! Я не виновата!

— Склони голову, — сказала мама. — Будем молиться.

— Ты должна была мне сказать!

Мама положила свою руку Кэрри на шею и нажала, вкладывая в это движение всю силу своих крепких мышц, натренированных за одиннадцать лет передвигания тяжелых котлов с бельем и таскания пачек влажного белья. Кэрри полетела головой вперед и ударилась лбом о край алтаря. На скатерти появилось кровавое пятно. Свечи задрожали.

— Будем молиться, — повторила мама тихо, неумолимо.

Всхлипывая, Кэрри склонила голову, из ее носа текло, и она вытерлась

(если бы я получала хоть один цент каждый раз, когда она заставляла меня плакать в этой комнате)

тыльной стороной руки.

— О, Господи, — начала мама с нажимом, откидывая голову назад, — сделай так, чтобы эта грешная женщина, которая рядом со мной, признала свой грех. Научи ее, чтобы она стала безгрешной и чтобы ее никогда не коснулось проклятие крови. Возможно, она согрешила своими нескромными мыслями. Может быть, она слушала рок-н-рол по радио. Может быть, она поддавалась нашептыванию антихриста. Объясни ей, что твоя мстящая рука накажет ее...

— Нет! Отпусти меня!

Кэрри попыталась вырваться, но рука матери, беспощадная и тяжелая, как железная глыба, прижала ее к полу.

— ...и это будет Твой знак. Обучи ее, что она должна идти по узкой тропинке добродетели, если она не хочет вечно гореть в адском огне. Аминь.

Взгляд блестящих, неестественно увеличенных глаз остановился на Кэрри.

— А теперь иди в каморку.

— Нет! — от испуга у нее перехватило дыхание.

— Иди в каморку. Молись. В одиночестве проси прощения за свой грех.

— Я не согрешила, мама. Это ты согрешила. Ты мне ничего не сказала, и надо мной все смеялись.

Ей снова показалось, что она увидела в глазах матери отблеск страха, такой мимолетный и малозаметный, как летняя молния. Мама толкала Кэрри в сторону голубого полумрака, который был виден в каморке.

— Молись Богу, и, может быть, ты смоешь свой грех.

— Мама, отпусти меня.

— Молись, женщина.

— Мама, я могу сделать так, что с неба снова посыплются камни.

Мама застыла неподвижно.

Какое-то время даже казалось, что она перестала дышать. Потом ее руки сомкнулись вокруг шеи Кэрри, сжали ее до такой степени, что Кэрри увидела перед глазами красные круги и почувствовала, что земля уходит из-под ее ног.

— Ты, дьявольское отродье, — прошептала мама. — За что Бог меня так наказал?

Мысли Кэрри бешено неслись, она чувствовала, что умирает и стремилась найти какие-то достаточно сильные слова, чтобы победить свой страх, ненависть, отчаяние, боль. Вся ее предыдущая жизнь, казалось, собралась в одном жалком, неудачном бунте. Кэрри вытаращила глаза и широко раскрыла полный слюны рот:

— Ты курва! — завизжала она.

Мать зашипела, как взбешенная кошка.

— Грех! — закричала она. — Страшный грех! — и начала бить Кэрри по спине и по голове. Мать безжалостно тащила упирающуюся дочь в каморку, залитую голубым светом.

— Ты гнусная сука! — завизжала Кэрри.

(да, да, о да, это правда, и она ничего мне не может сделать, о да)

Мать воткнула ее головой вперед в каморку так, что ударила головой о стену напротив двери и бросила на пол почти потерявшую сознание девушку. Двери захлопнулись, и щелкнул ключ в замке.

Кэрри осталась одна с разгневанным Богом.

Голубой свет отражался от изображения большого, бородатого Яхве, который сбрасывал с туч визжащие толпы людей в огненную пропасть. Внизу были видны черные силуэты грешников, корчащихся в пламени, а дьявол сидел на огромном огненно-красном троне с трехзубцем в руках. У дьявола было тело человека, голова шакала и хвост, завитый кольцами.

На этот раз сломить меня маме не удастся.

Но, конечно, она сломалась. Это продолжалось шесть часов, но в конце концов она не выдержала, расплакалась и начала звать маму, чтобы она ее выпустила. Желание пойти в туалет стало пыткой. Дьявол смеялся над ней, скаля шакалью морду, а его зеленые глаза знали все секреты женской крови.

Мама выпустила ее только через час. Кэрри из последних сил потащилась в ванную.

И только теперь, тремя часами позже, сидя за швейной машиной с опущенной головой, как кающаяся грешница, она вспоминала страх в глазах матери и подумала, что знает, чего мама боялась.

В прошлом бывало несколько раз, когда мама запирала ее в каморке на целый день: когда она украла то колечко за сорок девять центов в магазине Шубера, когда спрятала под подушку фотографию Флэш Бобби Пиккетта, а мама ее нашла. Один раз Кэрри даже потеряла сознание от голода и от смрада собственных испражнений.

Но никогда, никогда до сих пор она не отвечала маме так, как сегодня. Сегодня она даже назвала мать грязными словами. И, несмотря на это, мама выпустила ее почти сразу после того, как Кэрри начала кричать.

Да. Платье было готово. Кэрри сняла ногу с педали и посмотрела на платье. Оно было длинным и гладким. Кэрри ненавидела его.

Кэрри знала, почему мать выпустила ее.

— Мама, я могу идти спать?

— Да, — мама не оторвала взгляд от своей работы.

Кэрри перебросила платье через руку. Поглядела на швейную машину. Педаль внезапно сама опустилась, игла начала двигаться вверх и вниз, бросая металлические отблески. Шпулька с ниткой подпрыгнула и затряслась. Маховик швейной машины вращался все быстрее и быстрее.

Мама резко подняла голову и смотрела расширившимися глазами. Рука ее дрогнула, петля слетела в сложном узоре, портя весь ее тяжелый труд.

— Я только вытащила нитку, — сказала Кэрри спокойно.

— Иди спать, — коротко приказала мама. В ее глазах снова мелькнул страх.

— Хорошо...

(она боялась что двери сорвутся с петли)

— ...мама.

(и я могла это сделать, могла это сделать, могла это сделать)

«Приход тени» (стр. 58)

Маргарет Уайт родилась и выросла в Моттоне, маленьком городке неподалеку от Чемберлена. В Моттоне не было школы, и Маргарет вынуждена была ездить в Чемберлен. Ее родители, люди довольно состоятельные, содержали процветающий ночной бар «Веселый приезд», который был расположен на границе города. Отец Маргарет, Джон Бригхэм, погиб летом 1959 года во время перестрелки, которая произошла в баре.

Маргарет Бригхэм, которой тогда было около тридцати лет, начала часто посещать церковные собрания секты фундаменталистов. Ее мать сошлась с новым мужчиной (это был Гарольд Элисон, за которого она позже вышла замуж). Они оба хотели избавиться от Маргарет, и Гарольд Элисон и Юдит, ее мать, живут во грехе, так

неоднократно вслух выражала свое мнение Маргарет. Юдит Бригхэм была убеждена, что ее дочь останется старой девой. Будущий отчим Маргарет говорил о ней следующее: «Лицом Маргарет напоминает кузов грузовика, да и фигура у нее не лучше». Он утверждал, также, что она «вечно молится».

Маргарет жила в доме родителей до 1960 года, а потом на каком-то из религиозных собраний познакомилась с Ральфом Уайтом. В сентябре того же года она покинула родительский дом в Моттоне и переехала в небольшой домик в Чемберлене.

Свадьба Маргарет Бригхэм и Ральфа Уайта состоялась 23 марта 1962 года. 3 апреля того же года карета скорой помощи забрала Маргарет Уайт в Вестоверскую больницу.

— Она так и не сказала нам, что с ней произошло, — говорит Гарольд Элисон. — Когда мы пошли навестить ее в больнице, она сказала нам, что, хотя мы и поженились, все равно мы совершаем прелюбодеяние и будем гореть в аду за свои грехи. Она сказала, что Бог поставил на наши лбы невидимую печать позора, но ей она видна. Маргарет вела себя как умалишенная. Мать пыталась ее успокоить и узнать, чем она больна. У Маргарет началась истерика, она бредила, что ангел с огненным мечом будет ходить по автостоянкам и мотелям и казнить грешников. Тогда мы ушли из больницы.

И все-таки Юдит Элисон догадалась, почему ее дочь лежала в больнице. Она считала, что у Маргарет был выкидыш. Если так и было на самом деле, то ребенок был зачат до вступления в брак. Подтверждение могло бы интересно дополнить то, что мы уже знаем о матери Кэрри.

В своем длинном бессвязном письме к матери, датированном 19 августа 1962 года, Маргарет писала, что они с Ральфом живут в чистоте, воздерживаясь от «греховных отношений». Она настаивала, чтобы Гарольд и Юдит Элисон поступали бы так же, а прежде всего чтобы они закрыли бар, который представлял собой «гнездо распущенности». «Только тогда, — предостерегала она в конце письма, — ты и этот твой мужчина сумеете избежать кары

Божьей. Ральф и я, как Мария и Иосиф, никогда не познаем и не опорочим тел друг друга. А в остальном мы полагаемся на Божественное Провидение».

Если посмотреть на календарь, то становится ясно, что Кэрри была зачата в том же году.

Девушки в молчании переодевались перед первым уроком гимнастики в понедельник. На этот раз никто не баловался и не кричал. Никто не удивился, когда в дверях раздевалки появилась госпожа Дежарден. Как обычно, серебряный свисток висел на ее небольшой груди, а если на ней были те же шорты, что и в пятницу, следов крови Кэрри на них уже не осталось.

Девушки продолжали молча переодеваться, стараясь не поднимать головы.

— Вы в этом году получаете аттестат? — тихо спросила госпожа Дежарден. — Когда это произойдет? Через месяц? А перед этим событием будет весенний бал. Могу поспорить, что большинство из вас уже выбрали себе партнеров и пошили бальные платья. Сью, ты, наверное, пойдешь с Томми Россом, Хелен с Роем Эвартсом, Крис тоже пригласит своего кавалера. Кто этот счастливчик?

— Билли Нолан, — ответила Крис хмуро.

— Что же, парню, наверное, повезло, — сказала госпожа Дежарден. — А что ты собираешься подарить своему партнеру на память об этой встрече, Крис? Тампон в крови? А, может быть, немного использованной туалетной бумаги? Мне кажется, ты в последнее время коллекционируешь подобные предметы?

Крис покраснела.

— Я ухожу и не собираюсь все это выслушивать.

Весь уик-энд госпожа Дежарден не могла избавиться от воспоминаний о заплаканной, впадающей в истерику Кэрри. Она все еще видела тот тампон, который запутался в ее бесцветных волосах, — и снова переживала свои бешенство и стыд.

Теперь, когда Крис хотела выбежать из раздевалки, госпожа Дежарден толкнула ее прямо на ряд ободранных

шкафчиков, которые когда-то были выкрашены в зеленый цвет. Растерянная Крис поглядела на нее с недоверием, а потом на ее лице появилось выражение бешенства.

— Вы не имеете права нас бить, — взвизгнула она. — За это вас посадят в тюрьму. Вот тогда ты узнаешь, сука!

Остальные девушки вздрогнули, опустили глаза и уставились в пол. Дело зашло слишком далеко. Сью уголком глаза заметила, что Ферн и Домна Тибо схватились за руки.

— Мне все равно, Харгенсен, — сказала госпожа Дежарден. — Если ты думаешь... если кто-то из вас думает, что я слишком переживаю, боюсь потерять место учительницы, то вы сильно ошибаетесь. Я хочу сказать вам, что все то, что вы делали в пятницу, — это настоящее свинство. Обычное, паршивое свинство.

Крис Харгенсен вглядывалась в пол с раздраженным лицом. Остальные девушки старательно избегали взгляда учительницы. Сью поймала себя на том, что смотрит на кабины для душа — на место преступления, — и поспешно отвела взгляд. Никогда до сих пор они не слышали, чтобы госпожа Дежарден называла что-нибудь «паршивым свинством».

— Хоть кто-нибудь из вас подумал, что переживает Кэрри Уайт? Вы вообще умеете думать? Сью? Ферн? Хелен? Джессика? Кто-нибудь из вас умеет думать? Считайте, что я отвратительный человек. Но я скажу вам, что вы еще хуже. Я видела это в пятницу.

Крис Харгенсен пробормотала, что ее отец адвокат.

— Заткнись! — выкрикнула госпожа Дежарден ей прямо в лицо. Крис так отпрыгнула от нее, что ударилась затылком о шкафчик. Застонала и потрогала место, которым ударилась.

— Еще скажешь хоть слово, и я размажу тебя по полу, — тихим голосом предупредила ее госпожа Дежарден. — Хочешь убедиться, говорю ли я правду?

Крис, видимо, решила, что имеет дело с сумасшедшей, и не сказала ничего в ответ.

Госпожа Дежарден оперла руки о бедра.

— Администрация школы решила наказать вас. Не так сильно, как я предлагала. Я хотела, чтобы вас на три дня исключили из школы и запретили присутствовать на весеннем балу.

Несколько девушек обменялись испуганными взглядами.

— Это вам хорошо бы запомнилось, — продолжала госпожа Дежарден, — но администрация школы состоит в основном из мужчин. Я не думаю, что они полностью понимают, каким отвратительным было ваше поведение. Поэтому в течение недели у вас будут дополнительные занятия.

Послышались вздохи облегчения.

— Но запомните, занятия буду проводить я. В гимнастическом зале. И я постараюсь, чтобы вам не было скучно.

— Я не буду приходить, — сказала Крис Харгенсен.

Ее губы сжались в тонкую линию.

— Это зависит только от тебя самой, Крис. Любая из вас может не приходить на эти занятия. Но наказанием за непосещение дополнительных занятий будет трехдневное исключение из школы и запрещение присутствовать на школьном балу. Ясно?

Никто не ответил.

— Ну и хорошо. Переодевайтесь. И обдумайте то, что я вам сказала.

Госпожа Дежарден вышла из раздевалки.

Наступила долгая, томительная тишина. Потом Крис Харгенсен закричала тонким голосом:

— Я ей этого не прощу! — Она резко открыла дверцы своего шкафчика, схватила теннисные туфли и бросила их в другой конец раздевалки. — Я ей покажу! Сука! Сука! Вы все еще увидите! Если мы вместе на нее пожалуемся...

— Заткнись, Крис, — сказала Сью голосом, лишенным всяких эмоций, — просто заткнись.

— Это еще не все, — сказала Крис Харгенсен, сильным рывком расстегивая молнию на своей юбке. Она взяла в руки свои модные зеленые гимнастические шорты. — Вы еще увидите.

И она была права.

«Приход тени» (стр. 60-61)

Многие из специалистов, которые занимались происшествием с Кэрри Уайт, делали ничем не оправданный нажим на отсутствие каких-либо данных о проявлении случаев телекинеза в детстве Кэрри. Грубо говоря, их можно сравнить с психиатрами, которые тратят годы исследований на поиски случаев мастурбации в детстве насильника.

Происшествие, связанное с камнями, падающими с неба, используется обычно этими людьми как основной аргумент в дискуссии. Многие исследователи опираются на ошибочный взгляд, что если подобный случай произошел, то он непременно должен повториться. Продолжая оперировать аналогиями, это можно сравнить с отправкой экспедиции наблюдателей за метеоритами в кратер Национального парка, поскольку в этом месте два миллиона лет тому назад разбился огромный астероид.

Согласно этой информации, которая имеется у меня, за время детства Кэрри, кроме этого, единственного случая, не зарегистрировано каких-либо проявлений способности ТК. Если бы Кэрри не была единственным ребенком в семье, мы смогли бы получить значительно больше данных о многих происшествиях.

В случае с Андреа Коллинз (смотри приложение 11) мы узнали, что в связи с полученными побоями, которые она получила за то, что влезла на крышу, «аптечка» сама открылась, а бутылочки с лекарствами летали в воздухе и падали на пол ванной комнаты, двери сами с грохотом открывались и закрывались, а стереоустановка весом в 300 фунтов перевернулась на пол, и пластинки начали летать по комнате, попадая в домашних или разбиваясь о стены.

Знаменательным является тот факт, что узнали мы об этом от одного из братьев Андреа, статью эту поместил на своих страницах журнал «Лайф», в номере от 4 июля 1955 года. «Лайф» конечно, не может служить источником

точной научной информации, но мы знаем, что существует обширная документация на эту тему, полученная на основании опроса членов семьи.

В случае с Кэрри Уайт единственным свидетелем первоначальных проявлений способности ТК могла быть только ее мать, но, как нам известно, Маргарет Уайт умерла.

Генри Грейли, директор средней школы имени Ивена, ожидал визита отца Крис в течение целой недели, но господин Харгенсен появился только в пятницу — через день после того, как Крис пропустила дополнительные занятия с госпожой Дежарден.

— Да, мисс Фиш? — сказал Грейли по внутреннему телефону официальным тоном, хотя сквозь застекленные двери своего кабинета он мог видеть, кто входит в секретариат, и не мог не знать в лицо мистера Харгенсена, чьи снимки регулярно появлялись в местной газете.

— К вам господин Харгенсен, господин директор.

— Пусть войдет, прошу. Черт побери, Фиш, почему ты говоришь таким испуганным голосом?

Грейли постоянно находил какие-нибудь занятия для своих рук: разгибал скрепки, крутил в пальцах карандаш, делал шарики из бумаги. Для встречи с мистером Харгенсеном, представлявшим собой высшую инстанцию закона в городе, он подготовил тяжелую амуницию — целую коробку канцелярских скрепок, которую поставил на середину стола.

Харгенсен был высоким мужчиной с импонирующей внешностью и решительными движениями. На его выразительном лице была видна самоуверенность, которая говорила всем и вся, что его хозяин занимает привилегированное место в обществе.

На Харгенсене был коричневый костюм от Саула Роу, сшитый из ткани, которая переливалась разными оттенками зелени и золота. В сравнении с ним поношенный костюм Грейли — произведение местного портного — выглядел просто жалко. Тонкая папка из натуральной

кожи поблескивала уголками из нержавеющей стали. Ослепительная улыбка открывала два ряда потрясающих зубов — под влиянием этой улыбки сердца женщин, сидящих на скамье присяжных, таяли как масло на горячей сковородке. Его рукопожатие было полно доброжелательности — крепкое, решительное, мужское.

— Господин директор, я давно хотел с вами познакомиться.

— Я всегда рад визитам родителей, — сухо улыбнулся Грейли. — Именно поэтому ежегодно в ноябре проходят открытые родительские собрания.

— Я понимаю, — улыбнулся Харгенсен. — Мистер Грейли, вы, наверное, человек занятой, а мне тоже нужно быть в суде через сорок пять минут. В связи с этим мы можем прямо перейти к делу?

— Конечно. — Грейли потянулся к коробке со скрепками, вынул одну из них и начал крутить в пальцах. Я допускаю, что речь идет о наказании вашей дочери, Кристины. Для начала я должен проинформировать вас, что администрация школы решила проводить по этому вопросу определенную политику. Как юрист вы, очевидно, понимаете, что мы не можем менять правила по собственной воле и...

Харгенсен прервал его нетерпеливым движением руки.

— Очевидно, произошло недоразумение, мистер Грейли. Я пришел сюда потому, что моя дочь была грубо избита учительницей гимнастики, госпожой Дежарден. У меня есть также основания допускать, что госпожа Дежарден оскорбила ее словами. Кроме того, я должен вас информировать, что госпожа Дежарден применила по отношению к моей дочери определение «паршивая».

Господин Грейли вздохнул про себя.

— Госпожа Дежарден получит выговор.

Улыбка Джона Харгенсена стала прохладнее.

— Я боюсь, что выговор в этом случае — недостаточное наказание. Мне кажется, эта молодая... дама работает всего лишь один год?

— Да. И администрация считает, что она прекрасно справляется со своими обязанностями.

— Очевидно, в эти обязанности входит толкать учеников на стены и пользоваться непечатными словами?

— Как юрист, — ответил Грейли, — вы должны знать, что законодательство нашего штата признает полную ответственность школы, то есть во время занятий школа принимает на себя родительские обязанности. Если вы не были об этом информированы, то советую ознакомиться с материалами процесса «Отдел образования против Крэмпула» или с...

— Я хорошо знаком с этим вопросом, — ответил Харгенсен. — Мне известно также, что ни в деле Крэмпула, на которое вы, представители администрации, так любите ссылаться, ни в деле Фрика не было оснований для обвинения в оскорблении действием или словом. Зато подобное обвинение было в процессе «Отдел образования №4 против Дэвида». Вы знакомы с обвинительным заключением?

Грейли был с ним знаком. Джордж Крамер, заместитель директора средней школы в округе №4, был его партнером в покере. Джордж больше не играл в покер. Он работал в страховом агентстве с тех пор, как был обвинен в том, что обрезал ученику волосы. Школьная администрация была вынуждена уплатить около семи тысяч долларов в качестве компенсации.

Грейли достал очередную скрепку.

— Давайте прекратим вспоминать процессы, связанные со школой, мистер Грейли. У нас обоих нет для этого времени. Я не хочу устраивать вам неприятности в большей степени, чем это необходимо. Я не хочу поднимать шум вокруг этого дела. Моя дочь сегодня не была в школе. Она не пойдет в школу также в понедельник и во вторник, пока не окончится ее трехдневное наказание. Хорошо? — Он нетерпеливо махнул рукой.

(хорошая собачка, на тебе прекрасную косточку)

— Но вот мои условия, — продолжал Харгенсен. — Во-первых, приглашение на бал для моей дочери. Весенний бал имеет для нее большое значение, и Крис в

отчаянии. Во-вторых, школа не возобновит контракт с этой Дежарден. Это для меня. Я убежден, что если захочу подать на отдел образования в суд, я добьюсь не только ее увольнения, но и большой компенсации. Для вас это тоже может плохо кончиться. Но мне не хочется мстить.

— Значит, суд — это альтернатива, если я не соглашусь с вашими требованиями?

— Конечно, сначала произошло бы собеседование на комиссии по вопросам образования. Но в конечном итоге дело оказалось бы в суде. Для вас это могло бы иметь неприятные последствия.

Очередная скрепка.

— Обвинение в словесном и физическом оскорблении, не так ли?

— Именно так.

— Мистер Харгенсен, известно ли вам, что ваша дочь и десяток других, подобных ей, забросали санитарными тампонами девушку, у которой впервые в жизни началась менструация? Девушку, которая думала, что у нее началось кровотечение и она умрет?

Харгенсен слегка нахмурился, как будто прислушивался к чьему-то голосу, доносившемуся из другого конца комнаты.

— То, что вы мне рассказали, не имеет ни малейшего отношения к этому делу. Меня интересует то, что произошло позже...

— Неважно, — прервал его Грейли. — Эту девушку, Кэролайн Уайт, называли «глупой бочкой» и кричали ей, чтобы она «заткнула себе» с разными сопутствующими неприличными жестами. Не считаете ли вы, что это можно признать физическим и словесным оскорблением? Мне кажется, что да...

— Я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать разное вранье о своей дочери, а также ваши поучения, мистер Грейли. Я знаю свою дочь достаточно хорошо, чтобы...

— Прошу, — Грейли взял проволочную корзину для бумаг, достал пачку розовых листков и бросил их на стол. — Я сомневаюсь, знаете ли вы девушку, описанную

в этой картотеке, так хорошо, как вы утверждаете. Если бы вы ее знали, то вам было бы известно, что ее нужно держать в ежовых рукавицах. Самое время, чтобы вы серьезно занялись ею, прежде чем ваша дочь принесет кому-нибудь настоящие неприятности.

— Вы не имеете права...

— Четыре года в школе имени Ивена, — Грейли не дал ему говорить. — Получение аттестата двадцать девятого июня, в следующем месяце. Крис много раз проходила тест на разумность. Ее интеллект составляет лишь 83 при максимальной сумме пунктов 140. И все равно она была принята в Оберлин. Допустим, кто-то — наверное, вы, мистер Харгенсен, — нажал необходимые кнопки. Крис была семьдесят четыре раза наказана за разные провинности, из них двадцать раз за издевательства над более слабыми коллегами. Над такими гадкими утятами. Кроме того, я знаю, что компания Крис называет этих учениц «кашалотами». Они считают, что это звучит очень смешно. Она не посещала назначенные в качестве наказания дополнительные занятия пятьдесят один раз. В начальной школе города Чемберлен она один раз была наказана за то, что подложила своей соученице петарду в туфлю... на этом листке есть примечание, что из-за этой милой шутки девочка по имени Ирма Своуп чуть не потеряла два пальца на ноге. Я говорю о вашей дочери, мистер Харгенсен. Все ли это вам известно?

— Ну, хорошо, — сказал Харгенсен, поднимаясь со стула. — Мне известно, что мы встретимся в суде. А когда я с вами покончу, то вам сильно повезет, если удастся получить работу швейцара.

Грейли тоже поднялся с места, покраснев, и оба мужчины смерили друг друга взглядами.

— В таком случае, до встречи в суде, — сказал Грейли.

Он заметил легкое удивление на лице Харгенсена, скрестил пальцы и выстрелил своим последним патроном — он надеялся, что этим нокаутирует его или пошлет этого толстого сукина сына в нокдаун и тем самым спасет госпожу Дежарден.

— Вы, очевидно, не понимаете всей сложности формулировки школьного законодательства, мистер Харгенсен. Тот же самый закон, который охраняет вашу дочь, охраняет и Кэрри Уайт. И в тот момент, когда вы выступите с обвинением о физическом и словесном оскорблении, мы, со своей стороны, выступим с таким же обвинением вашей дочери от имени Кэрри Уайт.

У Харгенсена непроизвольно открылся рот. Наконец он сказал:

— Я тоже умею защищаться. Тебе это так не пройдет, ты...

— Канцелярская крыса? Вы хотели сказать это слово? — печально улыбнулся Грейли. — Вы, наверное, сами найдете дверь кабинета, мистер Харгенсен. Все санкции против вашей дочери остаются в силе. Если вы собираетесь предпринимать дальнейшие шаги по этому вопросу, это ваше дело.

Харгенсен не торопясь прошел по кабинету, остановился на минуту, как будто хотел еще что-то добавить, а затем вышел, с трудом сдержавшись, чтобы не хлопнуть дверью изо всех сил.

Грейли глубоко вздохнул. Нетрудно было догадаться, от кого Крис Харгенсен унаследовала свое упрямство.

А. П. Мортон вошел минутой позже.

— Ну и как?

— Время покажет, Морти, — ответил Грейли. Он посмотрел на кучку изогнутых скрепок и скривился. — Я испортил семь скрепок. Это своего рода рекорд.

— Он собирается подавать дело в суд?

— Он сильно удивился, когда я ему сказал, что у нас есть контробвинение.

— Я думаю, — Мортон поглядел на телефон, который стоял на столе у Грейли, — мы должны попросить школьного инспектора, чтобы он занялся всем этим балаганом.

— Ты прав, — согласился Грейли, снимая трубку. — Слава Богу, что я застрахован от безработицы.

— Я тоже, — сказал Мортон, улыбаясь.

«Приход тени» (Приложение III)

В седьмом классе Кэрри Уайт написала на уроке поэзии одно короткое стихотворение. Мистер Эдвин Кинг, который тогда был учителем английского языка, говорил позже:

— Я сам не знаю, зачем я сохранил это стихотворение. Наверное, не потому, что Кэрри Уайт мне запомнилась как очень способная ученица. Она была неразговорчивой, не помню, чтобы она когда-нибудь по собственной инициативе вызвалась отвечать. Это, конечно, не настоящая поэзия — но что-то в этом стихотворении буквально кричит о помощи.

*Иисус глядит на меня со стены,
А Его лицо холодно, как камень.
Она говорит, что Иисус меня любит —
Тогда почему я так одинока?*

Страница, на которой находится это короткое стихотворение, была украшена орнаментом, состоящим из неисчислимого количества крестов, которые, кажется, чуть ли не танцуют...

В понедельник после полудня у Томми была тренировка по баскетболу. Сю договорилась встретиться с ним в центре, в баре Келли Фрут Компани.

Бар Келли был единственным, находящимся неподалеку от школы заведением, которое могла посещать либерально настроенная часть населения Чемберлена с тех пор, как шериф Дойл прикрыл центр развлечений из боязни перед массовым распространением наркомании. Хозяин, толстый, унылый, брюзгливый тип по имени Хьюберт Келли, красил свои волосы в черный цвет и вечно жаловался, что его электронный сердечный стимулятор чуть не убил его током.

Само заведение было смесью кафе, продовольственного магазина и бензоколонки — перед входом стоял заржа-

вевший бензонасос с эмблемой уже не существующей компании «JN», эмблемой, которую Хьюби никак не мог собраться сменить. Кроме этого, в заведении всегда можно было выпить пива, недорогого вина, купить порнографическую литературу, а также найти богатый ассортимент дешевых сигарет.

Посреди заведения стоял фонтанчик с содовой водой из настоящего мрамора. Там также было четыре или пять кабинок для одиноких или некомпанейских людей или просто для неудачников, которым больше было некуда пойти, чтобы напиться. Древний автомат для игры в кегли, который всегда трясся и тарыхтел, когда выпадала призовая игра, подмигивал огоньками за пачкой порнографических книг.

Сью увидела Крис Харгенсен сразу, как только вошла в бар. Крис сидела в одной из кабин в глубине зала. Ее очередной парень, Билли Нолан, просматривал журнал «Механика для всех» у полки со свежей прессой. Сью не могла понять, что такая богатая и пользующаяся успехом девушка, как Крис, видит в Нолане, который со своими набриолиненными волосами, кожаной курткой, блестящей от «молний» и проржавевшим «Шевроле» выглядел, как какой-то странный путешественник во времени, перенесенный сюда живьем из 1950 года.

— Сью! — закричала Крис. — Иди к нам!

Сью кивнула головой и помахала ей рукой, хотя чувствовала, как комок подкатывает к ее горлу. Глядя на Крис она вспомнила Кэрри Уайт, стоящую в углу кабины для душа и закрывающую голову руками. Собственное поведение (выражающееся в сердечном приветствии) показалось ей отвратительным и непонятным. Почему она просто не сделала вид, что не увидела Крис?

— Большую кружку темного пива, — сказала она Хьюби. У Хьюби было настоящее солодовое темное пиво, и подавал он его в больших, украшенных узором кружках образца 1890 года. Сью заранее радовалась возможности спокойно посидеть за полной кружкой, читая при этом рассказ в свежем журнале. Она любила темное пиво,

несмотря на то, что оно было убийственным для фигуры. Но теперь у Сю пропало всякое желание пить пиво.

— Как твое сердце, Хьюби? — спросила она.

— Вы, детвора, ничего в этом не понимаете, — сказал Хьюби, снимая пену с пива Сю специальным приспособлением и наливая кружку до краев. — Ничего не понимаете. Сегодня утром, например, я включил в розетку электробритву и получил сто десять вольт прямо через этот чертов стимулятор. Вам, дети, совсем не стоит знать, что это такое. А что, разве я не прав?

— Наверное, прав.

— Пусть вас Бог хранит, чтобы вам когда-нибудь пришлось испытать это на собственной шкуре. Как долго еще мой старый насос может это выдержать? Вот посмотрите, я в конце концов уеду в деревню, и тогда эти идиоты из строительной компании построят на этом месте еще одну чертову автостоянку. С тебя десять центов.

Сю положила десятицентовик на мраморную стойку.

— Пятьдесят миллионов вольт прямо в сердце, — пробормотал Хьюби уныло и посмотрел на небольшую выпуклость в кармане на груди.

Сю подошла к кабине Крис и осторожно проскользнула на свободное место. Крис выглядела очень прилично. Ее черные волосы поддерживала зеленая узорчатая ленточка, а облегающая блузка подчеркивала большую торчащую грудь.

— Что нового, Крис?

— Кругом сплошное дерьмо, — сказала Крис с искусственным весельем в голосе. — Ты слышала последние новости? Мне не разрешили идти на бал. Вот посмотришь, этот идиот Грейли вылетит с работы.

Сю слышала об этом, как и все остальные ученики в школе.

— Папа им сделает, — продолжала Крис. Она нагнулась над плечом Сю и закричала:

— Билли! Иди поздоровайся с Сю!

Билли положил журнал на полку и подошел к ним медленным, неуверенным шагом. Мизинцы его рук были

засунуты за низко опущенный армейский ремень, а остальные пальцы свободно свисали над выпуклостью внизу сильно зауженных в шагу потертых джинсов фирмы «Левис». Сю вдруг охватило чувство нереальности всей этой ситуации, и она с трудом подавила в себе желание закрыть лицо руками и громко расхохотаться.

— Привет, Сю, — сказал Билли. Он сел на стул рядом с Крис и погладил ее по руке. Его лицо при этом ничего не выражало, как будто он держался за кусок говядины.

— Плевать на этот бал, — сказала Крис.

— Ты говоришь это серьезно? — Сю была откровенно удивлена.

— Не знаю, — ответила Крис уклончиво. — Возможно, и так. — Внезапно ее лицо искривилось в приступе бешенства, напоминающем неожиданное землетрясение. — Эта проклятая Кэрри Уайт! Это все из-за нее! Она может себе в задницу вставить свои молитвы!

— Ты это как-то переживешь, — пробормотала Сю.

— Если бы все пошло вместе со мной... Боже, Сю, почему ты сломалась? Мы могли бы держать их за яйца. Я никогда не подумала бы, что ты позволишь так собой крутить.

Сю почувствовала, что ее лицо заливают горячая волна.

— Я никому не позволяю собой крутить. Я приняла спокойно наказание потому, что считаю, что я его заслужила. Мы вели себя как последние свиньи. Больше мне нечего тебе сказать.

— Глупости. Эта вонючая Кэрри всюду ходит и рассказывает, что мы все, кроме нее, попадем в ад, а ты ее еще защищаешь? Нужно было ей сунуть этот тампон в рот.

На этот раз Крис покраснела, кровь залила ее лицо, как будто его вдруг осветило красным светом.

— Что ты строишь из себя Жанну д'Арк? Если мне не изменяет память, ты принимала в этом участие вместе с нами всеми.

— Это правда, — ответила Сю дрожа. — Но я одумалась.

— О, на самом деле? — закричала Крис, издеваясь над ней. — Я это вижу. Забирай свое пиво и отваливай.

Сью не забрала пиво. Она повернулась и, спотыкаясь, вышла из бара. Она была так взволнована, что даже не могла плакать. Она всегда старалась жить со всеми в согласии. С тех пор, как она вышла из детского возраста, ей не приходилось ни с кем ссориться, а тем более поднять на кого-то руку. Это была первая настоящая ссора в ее жизни. И первый раз в жизни она должна была отстаивать свою точку зрения.

Конечно, Крис попала ей в больное место, попала прямо в ахиллесову пята, Сью нечего было скрывать от окружающих. В глубине души она твердо знала, что к участию в дополнительных занятиях госпожи Дежарден и к изнурительному бегу вокруг гимнастического зала ее склоняют не только благородные мотивы. Речь шла о весеннем бале, о ее последнем школьном бале, и Сью ни за что не хотелось лишиться возможности попасть на него. Ни в коем случае.

Томми нигде не было видно.

Сью не спеша пошла в сторону школы, желудок у нее подкатывал к горлу от того, что она сильно нервничала, маленькая Сузи, Мисс Школы, вежливая девочка, которая делает это только с тем парнем, за которого собирается выйти замуж — естественно, уведомление о свадьбе будет напечатано в воскресном приложении к местной газете. У нее будет двое детей. Запретить им заниматься всем недозволенным, запретить им драться, следить, чтобы они скалили зубы на каждого, кто сильнее их.

Весенний бал. Голубое платье. Букетик цветов, который будет лежать в холодильнике после полудня. Томми в белом смокинге с цветком в петлице, черные лакированные туфли, вечерние брюки. Родители, стоящие толпой в гостиной, делающие снимки «Кодаками» и «Поляроидами». Блеск вспышек. Цветные бумажные ленты, закрывающие голые балки потолка в гимнастическом зале. Два оркестра: один роковый, второй традиционный. Никакие гадкие утята не получили приглашения. Кашалоты, кото-

рые держатся подальше. Только кандидаты в загородный клуб и будущие жители представительных участков вилл.

Слезы, наконец, нашли себе путь, и Сью разрыдалась.

«Приход тени» (стр. 60)

Мы цитируем выдержку из письма Крис Харгенсен своей подруге Донне Келлог. Семейство Келлог переехало в город Провиденс, Род Айленд. Их дочь была, очевидно, одной из самых близких подруг Крис Харгенсен. Письмо это датировано 17 мая 1979 года:

«Ну и запретили нам идти на бал, а мой отец нагадил в штаны от страха и ничего не делает. Но я им этого не прощу. Я еще точно не знаю, что сделаю, но гарантирую тебе, что они все будут иметь большой сюрприз...»

Было семнадцатое мая. Сразу, как только она набросила на себя длинную, белую ночную сорочку, она вычеркнула этот день из календаря. Она вычеркивала каждый очередной день толстым черным фломастером и подозревала, что это означает плохое отношение к жизни, но ее это не волновало. Ее волновало только то, что завтра мама снова прикажет ей идти в школу и ей снова предстоит оказаться с ними лицом к лицу.

Она села у окна в маленькое бостонское кресло (купленное за собственные деньги) и выбросила из головы все сознательные мысли. Это напоминало ей подметание пола. Приподнять ковер сознания и вымести из-под него весь мусор. До свидания.

Она открыла глаза. Поглядела на щетку для волос, лежащую на столике.

Поворот.

Она попыталась поднять щетку вверх. Щетка была тяжелой. Как будто она двигала огромную штангу. Кэрри застонала.

Щетка отодвинулась к краю стола, к той точке, в которой сила тяжести должна была перевесить, и закачалась как на невидимой нити. Глаза Кэрри сузились и стали похожи на щелки. Кровь пульсировала в ее висках. Те явления, которые происходили сейчас в ее организме, могли бы заинтересовать какого-нибудь врача, хотя им не было никакого рационального объяснения. Частота дыхания уменьшилась до шестнадцати вдохов в минуту. Кровяное давление подпрыгнуло до 190/100. Сердце билось со скоростью 140 раз в минуту — быстрее чем сердце астронавтов при сильных перегрузках. Температура понизилась до 34,6 градуса. Ее тело излучало энергию, которая, казалось, появляется из ниоткуда и исчезает в никуда. Электроэнцефалограф мог бы показать волны альфа не длиннее, чем у обычного человека, но с острыми, колющими верхушками.

Она осторожно опустила щетку на стол. Хорошо. Прошлой ночью щетка упала на пол. Если потеряешь все точки, попадешь в тюрьму.

Она снова закрыла глаза и начала приходить в себя. Физические функции организма, казалось, приходили в норму. Кэрри дышала все быстрее. Кресло слегка заскрипело. Почему-то это не действовало ей на нервы. Скорее, успокаивало. Скрип, скрип. Качайся и очисти свой мозг.

— Кэрри? — снизу донесся слегка обеспокоенный голос матери.

(я чувствую помехи, как радио, когда что-нибудь включается, хорошо-хорошо)

— Ты помолилась, Кэрри?

— Сейчас молюсь, — крикнула она.

Да. Это правда. Она молилась.

Она посмотрела на свою узкую, твердую кровать.

Поворот.

Она очень тяжелая, слишком массивная. Не пошевелишь.

Кровать затряслась, и один край поднялся вверх на добрых три дюйма.

Кровать опустилась на пол с грохотом. Кэрри, слегка улыбаясь, ждала, когда мама снизу закричит на нее гневным голосом. Мама не отзывалась. Кэрри еще немного подождала, встала, подошла к кровати и скользнула между холодными простынями. Как всегда после подобных упражнений, у нее разболелась голова и она не слишком уверенно держалась на ногах. Сердце билось очень сильно, пугая ее.

Кэрри погасила свет и легла на спину. Подушки у нее не было. Мама не позволяла ей пользоваться подушкой.

Она подумала о волшебницах, ведьмах и домовых.
(если я ведьма, то твое, мама, отродье)

Как они бродят по ночам, делают, чтобы молоко скисло, портят масло в масленке, насылают порчу на посевы в то время, как люди расходятся по своим домам, тщательно закрывают за собой двери с нарисованными на них магическими знаками, защищающими от несчастья.

Кэрри закрыла глаза. Она уснула, и ей приснились огромные живые камни, падающие с неба посреди ночи, ищущие маму, ищущие их, чтобы уничтожить. Они пытались убежать, спрятаться. Но никуда не спрячутся: сухое дерево не будет им защитой.

*Сьюзен Снелл «Меня зовут Сьюзен Снелл»
(Саймон и Шустер, Нью-Йорк, 1986) (стр. 1-4)*

Все, кто интересовался тем, что произошло в городе Чемберлен в ночь Разрушения, не поняли одной вещи. Этого не поняли журналисты, не поняли ученые из Университета Дюка, не понял Дэвид Конгресс — хоть его «Приход тени» — это прекрасная, практически единственная толковая книга, написанная на эту тему, — и этого явно не поняла комиссия по делу Уайт, для которой я была удобным козлом отпущения.

Этой вещью является самый значительный факт в этом деле: мы были детьми.

Кэрри, как и мне, было семнадцать лет. Томми Россу было восемнадцать, Билли Нолану (который повторно учился в девятом классе, поскольку — как мне кажется — он не научился списывать на экзаменах) было девятнадцать лет...

Молодые люди в этом возрасте могут уже лучше, чем дети, приспособливаться к общественно принятым нормам поведения, но им еще свойственно принимать импульсивные, непродуманные решения, неадекватно реагировать на определенные события или не оценивать возможность последствий своих поступков.

В первой части своей книги, сразу после этого вступления, я стремлюсь доказать все это на собственном примере самым убедительным образом. Я намерена оговорить причины, которые склонили меня вмешаться во всю эту историю, и если я намерена очистить свое имя, я должна начать свой рассказ с тех сцен, которые являются для меня самыми болезненными...

Я уже неоднократно рассказывала всю эту историю, чаще всего перед Белой Комиссией (комиссией по делу Уайт), которая относилась к моему рассказу с недоверием. Перед лицом таких фактов, как гибель добрых двух сотен людей и разрушение целого города, слишком легко можно забыть о том, что мы были детьми. Мы были детьми, стараясь поступать как можно лучше...

Томми глядел на нее исподлобья, как будто не хотел верить в то, что услышал. Они сидели в гостиной его родителей. Телевизор был включен, но они не обращали на него внимания. Мать пошла к госпоже Клейн, живущей напротив. Отец делал скворечник в своей мастерской, которая помещалась в подвале.

Сью выглядела слегка растерянной, но при этом решительной.

— Именно таким образом я хочу все это уладить, Томми.

— Но я не хочу это так улаживать. Я считаю это самым большим идиотством из всего, что когда-либо слышал. Подобные вещи делают только на спор.

Черты ее лица затвердели.

— Да? Мне кажется, что это ты вчера вечером выступал от имени высокой морали. Но я вижу, что ты способен только говорить, а когда доходит до дела...

— Эй, погоди. — Он не обиделся, а улыбался. — Ведь я еще не сказал тебе, что не согласен. Пока не сказал.

— Ты...

— Подожди минутку. Дай мне кое-что сказать. Ты хочешь, чтобы я пригласил Кэрри Уайт на весенний бал. Хорошо, все в порядке. Но есть несколько вещей, которых я не понимаю.

— Каких? — она наклонилась к нему.

— Во-первых, что это дает? А во-вторых, почему ты считаешь, что она примет мое приглашение?

— Не примет? Но... — Сью совсем запуталась. — Ведь ты... все тебя любят... и вообще...

— Мы оба знаем, что у Кэрри нет специального повода интересоваться людьми, которых все любят.

— С тобой она точно пойдет.

— Почему?

Припертая к стене Сью выглядела одновременно мудрой и растерянной.

— Я видела, как она на тебя смотрела. Она определенно влюблена в тебя. Как и половина девушек в школе.

Томми заморгал глазами.

— Вот посмотришь, — сказала Сью защищаясь. — Я знаю, что она не сможет тебе отказать.

— Представим себе, что это правда, — вздохнул Томми. — А что с этим вторым вопросом?

— Ты имеешь в виду, что это дает? Но... так мы вытащим ее из скорлупы, это ясно. И она станет... — Сью снова замолчала.

— Нормальной девушкой? Успокойся, Сью. Ты сама не веришь в то, что говоришь.

— Ладно, — сказала она. — Возможно, и правда не верю. Но я знаю, что должна что-нибудь сделать для того, чтобы исправить положение.

— Ты имеешь в виду то, что произошло в пятницу?

— Все намного сложнее. Если бы только речь шла о пятнице, я смогла бы выбросить это из головы, но все это тянется еще с начальной школы. Над ней все время издеваются. Несколько раз я тоже принимала в этом участие. Не каждый раз, но иногда. Если бы я была в одном классе с Крис, наверное, это было бы еще чаще. Мне всегда казалось, что... нет, это просто смешно. Девушки в этих делах бывают очень жестокими, но ребята этого не понимают. Парни шутят над Кэрри и сразу же это забывают, но девушки... Это тянется и тянется, и никто даже не помнит, с чего все началось. Если бы я была на месте Кэрри, то уже боялась бы показаться людям на глаза. Я просто забилась бы в какую-нибудь щель, как таракан.

— Тогда вы еще были детьми, — запротестовал Томми. — Дети часто не знают, что делают. Они часто даже не понимают, что своими поступками приносят кому-либо вред. Тебе это понятно?

Слова Томми заставили ее задуматься над одной вещью, которая показалась Сью настолько важной, что сразу же отодвинула на второй план инцидент в раздевалке. Она попыталась выразить свою мысль словами.

— Но, действительно, никто не хочет понять, что своими поступками может кому-то навредить! Люди с возрастом не становятся лучше — они просто становятся более ловкими. Когда ты становишься старше и умнее, то ты не перестаешь обрывать крылышки мухам, ты просто стараешься найти повод, чтобы оправдать свои действия. Многие утверждают, что неловко себя чувствуют из-за Кэрри, что они ее жалеют — в основном девушки, смешно, не правда ли? Но я могу биться об заклад, что ни одна из них не имеет понятия, что значит быть кем-то таким, как Кэрри Уайт, выносить всю эту пытку день за днем, постоянно, всегда. И все это их просто не касается.

— А тебя?

— Не знаю! — выкрикнула она. — Но я знаю, что кто-то наконец должен что-нибудь сделать... что-то... доказать, что он на самом деле жалеет ее.

— Ну, ладно. Я приглашу ее.

— На самом деле? — это звучало так плоско и бесцветно, будто она ему не доверяла. Честно говоря, она не верила в то, что он согласится.

— На самом деле. Но я думаю, что она мне откажет. Ты переоцениваешь мои возможности. Весь твой разговор о моем обаянии — это глупость. Ты напрасно так считаешь.

— Благодарю тебя, — сказала она, и эти слова прозвучали так странно, как будто заключенный от души благодарил палача за пытки.

— Я люблю тебя, — ответил он.

Сью обеспокоенно посмотрела на него. Эти слова он сказал ей впервые.

«Меня зовут Сьюзен Снелл» (стр. 6)

Для многих людей — в основном для мужчин — не было ничего странного в том, что я попросила Томми, чтобы он пригласил Кэрри на весенний бал. Их скорее удивило то, что Томми согласился, что свидетельствовало о том, что мужчины не рассчитывают на изобилие альтруизма у представителей своего пола.

Томми согласился потому, что любил меня и еще потому, что я этого захотела. Откуда вы знаете, что он вас любил? — может в эту минуту спросить у меня какой-нибудь скептик. Потому, что он сам мне об этом сказал. И если бы вы знали его, то у вас не было бы оснований сомневаться...

Он спросил у нее в четверг, после ленча, и при этом так нервничал, как будто собирался на свой первый весенний бал.

Только что окончился пятый урок. Кэрри сидела на четыре ряда впереди его и, чтобы до нее добраться, он вынужден был проталкиваться сквозь толпу. Ученики

спешили к выходу. За столом учителя господин Стефенс, высокий, начинающий полнеть мужчина, рассеянно записывал свои бумаги в папку.

— Кэрри?

— Эгм?

Она испуганно оторвала взгляд от книги, как будто ожидала, что ее ударят. День был пасмурным, и в классе были включены лампы дневного освещения. При этом освещении ее бледная кожа выглядела не слишком привлекательной, но Томми впервые заметил (поскольку он впервые посмотрел ей в лицо), что ее нельзя было назвать отталкивающей. Лицо у нее было скорее округлое, чем овальное, а глаза такие темные, что они, казалось, бросали тень на щеки, как будто на лице Кэрри были синяки под глазами из-за того, что она не выпалась. Темно-русые, слегка вьющиеся волосы были стянуты сзади резинкой. Эта прическа ей явно не шла. Полные, пожалуй, даже чувственные губы подчеркивали естественную белизну зубов. О ее теле трудно было что-либо сказать определенное. Мешковатый свитер скрывал ее грудь так, что были видны только небольшие выпуклости. Ужасная юбка неопределенного цвета, длиной до половины икры по моде 1958 года имела очертания буквы «А» и в целом выглядела очень несуразной. Икры у нее были крепкие, округлые (что безуспешно пытались скрыть толстые гольфы такого же неопределенного цвета) и красивые.

Кэрри смотрела на него с немного испуганным выражением, но в ее лице было что-то еще. Он знал, что это, в таких вещах он никогда не ошибался. Сюю была права. У Томми промелькнуло сомнение, не ухудшит ли это окончательно ситуацию вместо того, чтобы ее исправить.

— Если ты ни с кем не договоришься идти на бал, то, может быть, пойдешь со мной?

Кэрри заморгала глазами, и в это мгновение произошла странная вещь. Это продолжалось не более секунды, но было так выразительно, что позже он легко сумел вспомнить. Он помнил это так подробно, как иногда помнят некоторые сны или неожиданное впечатление, когда не-

знакомые предметы кажутся знакомыми, а новые ситуации — уже пережитыми. Он чувствовал головокружение, как будто его тело вышло из-под контроля мозга — неприятное мимолетное чувство, напоминающее ему те редкие случаи, когда он выпивал слишком много и ему хотелось рвать.

А потом это чувство исчезло.

— Что? Что?

По меньшей мере она не была злой. Он ожидал вспышки бешенства и уничижительного отказа. Но Кэрри вовсе не сердилась, она просто не знала, как вести себя дальше. Кроме них в классе уже никого не было. Он точно вычислил момент между отливом одной волны учеников и приходом следующей.

— Весенний бал, — повторил он, слегка потрясенный. — Это будет уже в следующую пятницу, и я понимаю, что поздновато собрался пригласить тебя, но...

— Прекрати смеяться надо мной, — сказала она тихо, опустив голову. Она колебалась еще несколько секунд, а потом прошла рядом с ним, остановилась и отвернулась, а он внезапно заметил в ней какое-то достоинство, что-то такое естественное, что он усомнился, понимает ли она это сама.

— Почему вы все думаете, что надо мной можно постоянно издеваться? Ведь я знаю, с кем ты встречаешься.

— Я хожу с тем, с кем хочу, — сказал Томми терпеливо. — Я приглашаю тебя потому, что хочу, чтобы ты пошла со мной на бал. — Он на самом деле говорил правду. Если бы Сью хотела искупить свои грехи, она могла сделать это собственными руками.

В класс начали входить ученики на шестой урок. Некоторые смотрели на них с нескрываемым любопытством. Дэйл Ульман сказал что-то своему товарищу, и оба громко рассмеялись.

— Пойдем, — сказал Томми, и они вместе вошли в коридор.

Они шли рядом как будто случайно и были на полпути к четвертому крылу (класс Томми находился на противо-

положной стороне), когда Кэрри сказала так тихо, что он с трудом ее услышал:

— Я хотела бы пойти. Очень хотела бы.

Томми был достаточно наблюдателен, чтобы понять, что это не должно было означать согласие, и его снова охватили сомнения. Но поскольку он уже начал...

— Ну соглашайся наконец. Все будет прекрасно. Вот посмотришь. Мы оба постараемся.

— Нет, — ответила она, внезапно опечалившись, и в эту минуту выглядела почти прекрасной. — Это был бы кошмар.

— У меня еще нет билетов, — сказал Томми так, будто не расслышал ее слов. — Сегодня последний день продажи билетов.

— Эй, Томми, ты не ошибся? — завизжал пробегающий Brent Джиллиан.

Кэрри остановилась.

— Ты опоздаешь на урок.

— Так ты пойдешь со мной?

— Ты опоздаешь, — повторила она рассеянно. — Ты опоздаешь на урок, сейчас будет звонок.

— Пойдешь?

— Да, — сказала она с бессильным гневом. — Ты прекрасно знаешь, что пойду. — Она вытерла глаза тыльной стороной руки.

— Я не знал, — запротестовал он. — Но теперь знаю. Я приеду за тобой в половине восьмого.

— Прекрасно, — шепнула она. — Спасибо тебе. — Она выглядела так, словно собиралась упасть в обморок.

И тогда Томми, смутившись, коснулся ее руки.

«Приход тени» (стр. 74-76)

Я считаю, что во всем деле Кэрри Уайт ни один факт не был оценен так ошибочно, неправильно интерпретирован или одет в одежды таинственности, как роль, сыгранная Томасом Эвереттом Россом, несчастным пар-

тнером Кэрри на весеннем балу в средней школе имени Ивена.

Мортон Кратчбаркер в своем намеренно раздутом докладе, произнесенном в прошлом году на форуме народного собрания по поводу психических явлений заявил, что двумя самыми потрясающими событиями двадцатого века он считает убийство Джона Кеннеди в 1963 году и разрушение города Чемберлен, штат Мэн, в мае 1979 года. Кратчбаркер обращает внимание на тот факт, что оба эти происшествия были широко освещены средствами массовой информации и результаты их неотвратимо привели к развитию определенных процессов. Если можно сделать такое сравнение, Томас Росс сыграл роль Ли Харви Освальда — человека, который нажал спусковой крючок и спровоцировал катастрофу. Однако не решен вопрос, сделал ли он это сознательно.

Сьюзен Снелл, как она сама признала, была партнершей Росса на прошлогоднем балу. Она утверждает, что сама уговорила Росса, чтобы он вместо нее пригласил Кэрри, поскольку хотела компенсировать то зло, которое причинила, принимая вместе со всеми участие в инциденте, который произошел в душе. Те, кто не принимает эту версию (во главе их стоял в последнее время Джордж Джером из Гарварда), считают, что это или искажение фактов с целью придать им романтическую окраску, или обычная ложь. Сам Джером аргументирует с большой убежденностью, что девушкам школьного возраста не может даже в голову прийти, что они должны в чем-либо раскаиваться — особенно за неприятности, сделанные соученице, которая за весь срок пребывания в школе постоянно встречалась с остракизмом со стороны окружающих.

«Если бы мы могли поверить, что в природе подрастающего человека есть склонность к подобным прекрасным жестам, как помощь тем, кто слабее их, — пишет Джером в последнем издании «Атлантического ежемесячника», — все бы чувствовали себя лучшими, чем они есть на самом деле. Однако мы знаем, что правда выглядит иначе. В стае кур самая слабая всегда добирается до кормушки последней,

и если она упадет, ей не только не помогут подняться, а скорее добьют быстро и безжалостно».

В чем-то Джером, конечно, прав — по меньшей мере в том, что касается повадок кур, и его выводы несомненно помогли поддержать гипотезу «злой шутки», гипотезу, к принятию которой склонялась комиссия по делу Уайт, но в итоге отказалась от нее. Эта теория предполагает, что Томас Росс и Кристина Харгенсен (см. стр. 10-18) были главными участниками в списке людей, которые считали своей целью приглашение Кэрри Уайт на весенний бал, чтобы там окончательно ее унижить. Некоторые люди, спекулирующие на этой теме (в основном авторы детективов), утверждают, что Сью Снелл тоже принимала участие в этом заговоре. Эта теория показывает таинственного мистера Росса в наихудшем свете — она представляет его злобным шутником, который умышленно вводит неуравновешенную девушку в критическую ситуацию, стремясь создать для нее исключительно постыдное, сильное потрясение.

В свете того, что мы знаем о характере мистера Росса, мне трудно поверить в эту теорию. Во многих пасквилях, написанных без глубокого знакомства с этим делом, авторы рисуют образ Томми Росса как не слишком блестящего ослика, полностью лишенного собственного мнения, с их точки зрения к нему лучше всего подходит определение «тупица».

Известно, что Томми Росс был исключительно талантливым спортсменом. Его любимым видом спорта был бейсбол, и начиная со второго класса Томми играл в основном составе команды школы имени Ивена. Дик О'Коллен, тренер команды «Бостон Ред Сокс», уверял меня, что Томми мог бы получить большие деньги за подписание профессионального контракта — если бы, конечно, остался жив.

Кроме того, Росс был отличником в учебе (что не особенно подходит к определению «тупица»), а его родители утверждают, что сам Томми решил, что бейсбол может подождать, пока он не окончит занятия. Он соби-

рался специализироваться в английском языке и литературе, а в его интересы входило, кроме прочего, сочинение стихотворений. Одно из его стихотворений, написанное за шесть месяцев до смерти, было опубликовано в школьной газете. Его можно прочесть в Дополнении У.

Кроме того, известен тот факт, что те из его соучеников, которые остались живы, очень высоко оценивают его способности. Известно, что так называемая «Ночь разрушения» (этим определением мы обязаны прессе) позволила остаться в живых всего лишь двадцати ученикам. Лица, которые не присутствовали на школьном балу, в основном были нелюбимыми в школе и некомпанейскими. Если даже эти «аутсайдеры» помнят Росса милым, приятным парнем (большинство из них называют его «классным, чертовски везучим»), то в связи со всем вышеприведенным тезис профессора Джерома не выдерживает никакой критики.

Школьные свидетельства Росса (к сожалению, законы штата запрещают их публиковать), а также рассказы о нем родственников, соседей и учителей, сопоставленные вместе, создают образ очень неординарного молодого человека. Тем самым созданная профессором Джеромом картина, представляющая Томми Росса ловким молодым хулиганом, некритично следующим за поступками ровесников, полностью лишена оснований. У Росса было достаточно внутренней независимости, чтобы не считаться с мнением окружающих по поводу приглашения Кэри на бал. В сущности Томас Росс представляется тем редко встречающимся типом молодого человека, который сознает свои права и обязанности по отношению к обществу.

Я, естественно, не намерен утверждать, что Томас Росс был святым. Это было бы слишком трудно доказать. Но тщательные исследования убедили меня, к моему удовлетворению, что он был одним из тех, кого не назовешь неразумным созданием в школьном курятнике, бездумно присоединяющимся к процессу заклевывания до смерти самого слабого...

Она лежала
(не боюсь ее, не боюсь)

в постели, прикрыв глаза рукой. Был субботний вечер. Если она хотела успеть пошить себе платье для бала, то должна бы начать позже всего

(не боюсь маму)

завтра. Она уже купила ткань в Вестовере, тяжелую дорогую ткань, мягко лежащий бархат, такой прекрасный, что она даже испугалась. Ее испугала также цена, она чувствовала себя ошеломленной в этом большом магазине, где элегантные дамы в легких весенних платьях не спеша прохаживались, осматривая отрезы тканей. Атмосфера этого места имела в себе какой-то особый привкус, как будто тысяча миль отделяла ее от товарного дома Вулворта в Чемберлене, где она обычно делала покупки.

Она чувствовала себя несмелой, но это ей не мешало. В любую минуту она могла сделать так, что эти элегантные дамы начали бы с криком выбегать на улицу. Она могла бы перевернуть мебель, свалить на пол манекены, забросить с шумом отрезы тканей под прилавки, как свернутые знамена. Как Самсон в храме, она могла бы развалить все здание, если бы этого ей захотелось.

(не боюсь)

Пакет лежал теперь в безопасном месте, спрятанный на полке в подвале. Она собиралась достать его сегодня вечером.

Кэрри открыла глаза.

Поворот.

Стол приподнялся в воздух, какое-то время раскачивался, потом поднялся выше, почти к самому потолку. Она опустила его. Подняла. Опустила. Теперь кровать, вместе с собственной тяжестью. Вверх. Вниз. Вверх. Вниз. Как в лифте.

Кэрри почти не устала. Ну, может быть, чуть-чуть. Не слишком. Новые способности, почти не существовавшие

еще две недели тому назад, были в полном расцвете. Она развивала эти способности со скоростью, которая удивляла...

Поразительное дело.

А вместе с тем, почти спонтанно, как понимание явления менструации, появились воспоминания, как будто в ее мозге лопнула какая-то перемычка, преграждавшая путь собравшейся воде. Воспоминания маленькой девочки, невыразительные, лишенные определенных очертаний, а вместе с тем такие яркие. Картины сами двигаются на стенах, из кранов неожиданно начинает литься вода; мама просит ее,

(Кэрри закрой окно, будет дождь)

чтобы она что-то сделала, и внезапно окна во всем доме сами с грохотом захлопываются; в «фольксвагене» миссис Макаферти открываются ниппели и из всех четырех колес с шипением вырывается воздух; камни

(!!!! нет, нет, нет, нет, нет!!!!)

(но нельзя больше отгонять от себя это воспоминание, как нельзя отрицать существование месячных); то воспоминание было острым и ярким как блеск ослепляющего света; маленькая девочка

(мама, перестань, мама, я не могу дышать, отпусти мое горло, мама, извини меня, мама, больно, мама, кровь во рту)

бедная маленькая девочка

(удар, крик, ты маленькая бесстыдница, я знаю, как хорошо, я знаю, как это сделать)

бедная маленькая девочка лежит в дверях каморки, наполовину внутри, перед ее глазами танцуют черные звезды, отдаленный приятный шум в ушах, из открытого рта вывалился распухший язык, на шее огромные синяки и кровоподтеки в тех местах, где мама ее душила, а потом мама возвращается, сжимая в руках длинный нож для разделки мяса папы Ральфа

(уничтожить, должна уничтожить зло, отвратительный телесный грех, я уже знаю, что это твои глаза, я выколю твои глаза)

в правой руке, лицо мамы искривлено и трясется, слюна течет по ее подбородку, в другой руке она держит Библию папы Ральфа,

(никогда больше не будешь смотреть на голое тело)

и что-то повернулось в ее голове, не поворот, а ПО-ВОРОТ, какая-то огромная бесформенная титаническая сила, источник которой находится как бы вне ее, а потом что-то упало на крышу, и мама закричала и выпустила из рук Библию папы Ральфа, и это было хорошо, а потом что-то снова загрохотало, и мама выпустила из рук нож и упала на колени и начала молиться, подняв руки вверх и раскачиваясь вперед и назад, а в это время стулья в коридоре ездили по полу, ударяясь о стены, наверху переворачивались кровати, а стол пытался выпрыгнуть в окно столовой, а потом мама вытаращила глаза и, показывая пальцем на маленькую девочку, смотрела на нее ошалевшим взглядом...

(это ты, это ты, дьявольское семя, ты ведьма, ты дочь сатаны, это ты это делаешь)

а потом упали камни, и мама потеряла сознание в то время, как крыша над их головами трещала и ломалась так, будто по ней ступал Бог, и тогда...

Тогда она тоже потеряла сознание. А что было позже, она не помнила. Мама об этом не говорила, нож для разделки мяса вернулся на кухню. Мама забинтовала огромные синяки на ее шее; Кэрри казалось, что она помнит, как спросила у мамы, откуда взялись эти синяки, и она вспомнила, что мама поджала губы и ничего не сказала. Постепенно она забыла обо всем. Воспоминания приходили к ней только во сне. Картины на стенах больше не двигались. Окна сами не закрывались. А Кэрри не помнила, чтобы когда-то было иначе. До сегодняшнего дня.

Она лежала на кровати, глядя в потолок и истекая потом.

— Кэрри! Иди кушать!

— Спасибо...

(не боюсь тебя)

— ...мама.

Она встала с кровати и повязала волосы темно-голубой ленточкой. Потом спустилась вниз.

«Приход тени» (стр. 59)

Каким образом появился «самородный талант» Кэрри Уайт и что думала об этом Маргарет Уайт с точки зрения своей ортодоксальной христианской этики? Наверное, об этом мы никогда не узнаем. Но мне кажется, что реакция миссис Уайт тоже была неадекватной...

— Ты даже не притронулась к печенью, Кэрри. — Мама оторвала взгляд от газеты, которую просматривала за чашкой чая. — Домашнее печенье, свежайшее.

— От сладкого у меня появляются прыщи, мама.

— Твои прыщи — это наказание божье за грехи. Скушай печенье.

— Мама?

— Слушаю.

Кэрри набрала в легкие воздуха и бросилась, как в холодную воду.

— Ты знаешь, Томми Росс пригласил меня на весенний бал в пятницу...

Газета тут же была забыта. Мама вглядывалась в Кэрри расширившимися глазами с выражением лица «наверное, я ослышалась». Ноздри ее дрожали, как у лошади, которая услышала сухой треск гремучей змеи.

Кэрри попыталась проглотить комок, застрявший у нее в горле, и только

(не боюсь, о да, да, боюсь)

частично ей это удалось

— ...это очень милый и приятный парень. Он обещал, что заедет ко мне, чтобы я могла познакомить его с тобой и...

— Нет.

— ...он привезет меня к одиннадцати. Я...

— Нет, нет и нет!

— ...согласилась. Мама, прошу тебя, пойми, что я должна наконец попытаться... попытаться как-то жить среди людей. Я не такая, как ты. Я смешная. Я хочу попытаться стать нормальной девушкой, пока не поздно, чтобы...

Госпожа Уайт бросила дочери в лицо свою чашку с чаем.

Чай был едва теплым, но даже если бы это был кипяток, он не смог бы более эффективно и внезапно закрыть Кэрри рот. Кэрри сидела как парализованная, коричневая жидкость текла с ее щек и подбородка на белую блузку, растекаясь в большое пятно. Чай был липким, от него исходил сильный душистый запах.

Миссис Уайт тряслась всем телом. Лицо ее превратилось в каменную маску, только ноздри все сильнее дрожали. Внезапно она откинула голову назад и закричала изо всех сил:

— Боже! Боже! Боже! — ее челюсти громко щелкали при каждом слове.

Кэрри сидела без движения.

Миссис Уайт встала и обошла вокруг стола. Трясущими пальцами она шевелила как когтями. Ее лицо выглядело как лицо безумной, на нем было сочувствие, смешанное с ненавистью.

— В каморку, — сказала она, — иди в каморку и молись.

— Нет, мама.

— Парни. Да, потом появляются парни. Сначала кровь, а потом парни. Они принюхиваются, как собаки, истекают слюной и скалят зубы, ищут, откуда этот запах. Этот... запах!

Она широко размахнулась и изо всех сил ударила Кэрри в лицо: сухой треск удара

(о боже, как я боюсь, только теперь я боюсь)

раздался громко, как выстрел из ружья. Кэрри закачалась, но как-то сохранила равновесие и осталась сидеть

на стуле. На ее щеке появился белый след от удара и через минуту начал превращаться в красное пятно.

— Знамение, — сказала миссис Уайт. Ее вытаращенные глаза были пусты; она тяжело, прерывисто дышала, с трудом хватая воздух. Казалось, что она говорит сама с собой, когда ее рука опустилась на плечо Кэрри и стащила ее со стула. — Я видела это все. Это правда. О, да. Но. Я. Никогда. Только с ним. Он. Взял. Меня... — она замолчала, и ее глаза поднялись вверх. Кэрри не шевелилась. Она чувствовала, что мама с трудом вырывает из себя какое-то признание, которое могло ее уничтожить.

— Мама...

— В автомобилях. О, я знаю, где это происходит. Они обнимаются. За городом. Мотели. Виски. Запах... они чувствуют этот запах от тебя! — Ее голос поднялся до крика, на шее резко обозначились жилы, голова вращалась в разные стороны монотонным, качающимся движением.

— Мама, лучше перестань.

Эти слова как бы немного отрезвили ее. Голова остановилась, губы задрожали как будто от удивления, она пыталась отряхнуться от воспоминаний и вернуться к действительности.

— В каморку, — пробормотала она. — Иди в каморку и молись.

— Нет.

Мама подняла руку для удара.

Рука неподвижно повисла в воздухе. Мама вытаращила на нее глаза так, будто не была уверена, принадлежит ли ей эта рука.

Поднос с печеньем поднялся со стола, пролетел через всю комнату и с грохотом ударился о стену возле двери, разбрызгивая вокруг фруктовый сок.

— Я пойду, мама!

Перевернутая чашка матери взлетела вверх, пролетела над их головами и разбилась об пол вдребезги. Мама запищала и упала на колени, подняв руки вверх.

— Дьяволица, — простонала она. — Дьяволица. Дьявольское семя.

— Мама, встань.

— Вожделение и распутство, телесная страсть...

— Встань!

Голос матери внезапно затих, когда она встала на ноги, по-прежнему подняв руки над головой, как пленник на поле битвы. Губы ее шевелились. Кэрри показалось, что мама произносит слова молитвы.

— Я не хочу бороться с тобой, мама, — сказала Кэрри ломающимся, еле слышным голосом. Она с трудом пыталась овладеть собой. — Я хочу, чтобы ты позволила мне иметь собственную жизнь. Я... я не хочу жить так, как ты. — Она замолчала, испуганная собственными словами. Вот и было сказано то, что было в тысячу раз хуже, чем самые грязные слова.

— Колдунья, — прошептала мама. — Сказано в Библии: «Колдуньям жить не позволишь». Твой отец выполнял божественные заповеди...

— Я не хочу об этом говорить, — прервала ее Кэрри. Она всегда чувствовала себя растерянной, когда мама начинала говорить о ее отце. — Я просто хочу, чтобы ты поняла, что теперь все изменится. — Ее глаза блеснули. — Они тоже должны это понять.

Но мама продолжала что-то шептать про себя.

Уставшая, чувствующая спазмы в горле и тяжесть в желудке, Кэрри опустила в подвал за своей тканью для платья.

В любом случае это было лучше каморки. Вот именно. Все было лучше каморки с голубой лампочкой, постоянным запахом пота и смрадом ее собственного греха. Все. Что бы это ни было.

Она остановилась, прижав к груди завернутый в бумагу пакет, и прикрыла глаза. Исчез свет слабой, обвешанной фестонами паутины подвальной лампочки. Томми Росс не любил ее. Она знала об этом. Приглашение выглядело достаточно странно, она это понимала и мирилась с этим. С самых детских лет, с тех пор, как она стала хоть что-то понимать, ей было известно понятие раскаяния за грехи.

Он сказал, что им будет хорошо, что они сами об этом позаботятся. Пусть не пытаются трогать ее. Пусть лучше не пытаются. Она не знала, исходит ли ее дар от владыки света или от владыки тьмы, но внезапно поняла, что это ее не трогает, а вместе с этим пониманием пришло облегчение, почти неопишемое, как будто какая-то давно гнетущая ее тяжесть наконец упала с плеч.

Наверху мама по-прежнему что-то шептала про себя. Это были строки из Пятой Книги Моисея.

«Меня зовут Сьюзен Снелл» (стр. 23)

В конце концов по этим событиям даже сняли кинофильм. Я смотрела его в апреле. Когда мы вышли из кино, я была больна. Каждый раз, когда что-либо серьезное происходит в Америке, эти события подгоняют по вкусу публики. Таким образом об этом можно забыть. А забыть о деле Кэрри Уайт — это большая ошибка, чем кажется людям.

В понедельник утром директор школы Генри Грейли и его помощник Пит Мортон пили кофе в кабинете Грейли.

— Еще не было сведений от Харгенсена? — спросил Морти. Он растянул губы в улыбке, характерной для Джона Уэйна, но в уголках его рта затаился страх.

— Ни слова. А Кристина вдруг прекратила болтать повсюду, как ее отец выгонит нас с работы. — Грейли с серьезным лицом подул на свой кофе.

— Мне кажется, это не сильно тебя волнует.

— Ты прав. Кстати, ты знаешь, что Кэрри Уайт собирается на бал?

Мортон заморгал глазами.

— С кем? С Носачем?

Фредди Холт, известный по кличке Носач, был еще одной гротескной фигурой в школе имени Ивена. Он весил не больше ста фунтов и то намокший, а любой, увидевший

его впервые человек склонен был предположить, что шестьдесят процентов его веса составляет нос.

— Нет, — ответил Грейли. — С Томми Россом.

Мортон подавился кофе и начал кашлять.

— Я тоже так отреагировал, — утешил его Грейли.

— А что с его девушкой, с этой маленькой Снеллоу?

— Я думаю, что это она все устроила, — ответил Грейли. — У нее сильно развито чувство вины. Я обратил на это внимание, когда разговаривал с ней. Она сейчас работает в Декорационном комитете и делает вид, что весь этот бал для нее ничего не значит.

— Ага, — заметил Морти интеллигентно.

— А Харгенсен... наверное, он с кем-нибудь разговаривал и узнал, что мы действительно могли бы с ним судиться от имени Кэрри Уайт, если сочли бы нужным. Я думаю, что он предпочитает не высываться. А вот его дочь меня беспокоит.

— Ты думаешь, что-нибудь произойдет в пятницу вечером?

— Не имею понятия. Я знаю, что у Крис есть множество друзей, которые будут там. Она встречается с этим грязнулей Билли Ноланом, у него тоже неплохая компания. Ребята того сорта, которые забавляются избиением беременных женщин. Я слышал, что Крис обвела его вокруг пальца.

— Ты боишься чего-то конкретного?

Грейли сделал нетерпеливый жест.

— Конкретного? Нет. Но я работаю с подростками достаточно давно, чтобы знать, когда ситуация становится сложной. Ты помнишь матч со Сtedirлером в шестьдесят шестом?

Морти согласно кивнул головой. С тех пор прошло уже три года, но должно было бы пройти значительно больше лет, чтобы в его памяти стерлись воспоминания о матче Ивен — Сtedirлер. Брюс Тревор был слабым учеником, но фантастическим баскетболистом. Тренер Гейне не очень любил его, но благодаря Тревору школа имени Ивена могла бы впервые за десять лет выйти в число финалистов.

Тревор был исключен из команды за неделю до решающего матча с «Дикими Котами» из Стедлера. Во время инспекции в его шкафчике для переодевания нашли около килограмма марихуаны, спрятанной под учебниками. Школа имени Ивена проиграла этот матч со счетом 104 : 48 и выбыла из дальнейших соревнований — но об этом уже никто не помнил. Все запомнили драку, которая помешала продолжить игру перед самым концом матча. Драку вызвал Брюс Тревор, крича в справедливом гневе, что его обманули. Четыре человека оказались в больнице, среди них тренер школы Стедлер, который получил по голове аптечкой первой помощи.

— Сейчас у меня то же предчувствие, — продолжал Грейли. — Что-то готовится. Возможно, они принесут с собой гнилые яблоки, а может быть, что-нибудь еще похлеще.

— Ты, наверное, ясновидец, — утвердительно заявил Морти.

«Приход тени» (стр. 92-93)

В последнее время бытует мнение, что источником появления телекинеза (ТК) является рецессивный ген — действующий не так, как в случаях такой болезни, как гемофилия, которая чаще всего встречается у мужчин. В этой болезни, которую когда-то называли «проклятием королей», у лиц женского пола ген становится рецессивным и не вызывает никаких последствий, однако их потомство мужского пола становится «порченным». Эта болезнь проявляется только тогда, когда зараженный ею мужчина женится на женщине, носительнице рецессивного гена. Если при такой связи родится мужской потомок, он будет болен гемофилией. Если потомок будет женского пола, он становится носителем. Нужно подчеркнуть, что мужчина может быть носителем рецессивного гена гемофилии, если этот ген входит в состав его генетического кода. Однако если этот мужчина женится

на носительнице и их потомство будет мужского пола, гемофилия неизбежна.

Среди королевских семей, где были распространены браки между двоюродными братьями и сестрами, могло случиться, что кто-то из предков был носителем, и тогда ген гемофилии мог с легкостью репродуцироваться через поколения — отсюда название «проклятие королей». В начале нашего столетия значительное количество случаев гемофилии обнаружено в Аппалачах. Обычно они отмечались там, где данная культура допускает частое кровосмешение среди близких родственников и браки между кузинами в первой степени родства.

В случае проявления ТК носителем является мужчина. У женщин ген ТК может быть рецессивным, но исключительно у женщин он становится доминирующим. Ральф Уайт, очевидно, был носителем. Маргарет Уайт, по чистой случайности, тоже имела этот ген в своем генетическом коде, но мы с полным убеждением можем утверждать, что он был рецессивным, поскольку не получили никакой информации, позволяющей допускать, что Маргарет обладала теми же способностями, что и ее дочь. Сейчас ведется расследование по делу бабушки Маргарет Бригхэм, Сэди Кохран. Ведь если в случае ТК обязательна та же доминирующе-рецессивная схема, что и в случае с гемофилией, у миссис Кохран этот ген должен быть доминирующим.

Если бы ребенок семейства Уайт был мужского пола, то образовался бы очередной носитель. В этом случае существовал бы шанс, что мутация окончится вместе с его смертью потому, что ни Маргарет Бригхэм, ни Ральф Уайт не имели в семье двоюродных братьев и сестер соответствующего возраста, на которых мог бы жениться их гипотетический потомок. А шансы на то, что этот потомок встретит и полюбит другую женщину—носительницу гена были бы слишком слабыми. Пока ни одной из групп, изучающих эту проблему, не удалось выделить ген ТК.

Перед лицом случаев, которые произошли в городе Чемберлен, никто не сможет сомневаться, что выделение

этого гена должно стать одним из приоритетных заданий современной медицины. В то время как гемофилики, или лица, имеющие ген Н, плодят мужское потомство, которое страдает от отсутствия элементов, составляющих основу крови, то телекинетики, или лица, обладающие геном ТК, плодят людей, сеющих вокруг себя разрушение...

В среду после полудня.

Сьюзен и четырнадцать других учеников — весь Декорационный комитет — работали над огромной картиной, которая вечером в пятницу должна быть позади двух эстрад—близнецов. Темой картины была «Весна в Венеции» («Кто выбрал эту идиотскую тему» — подумала Сью. Уже четыре года она училась в школе имени Ивена, была на двух школьных балах и по-прежнему этого не знала. И, в сущности, почему это чудовищное действо вообще должно иметь какую-нибудь тему? Почему просто не приготовить немного сладостей и напитков и на этом окончить подготовку праздника?) Джордж Чизмар, самый талантливый художник в школе, подготовил небольшой эскиз, на котором была изображена гондола, движущаяся по каналу на закате и склонившийся над веслом гондольер в большой соломенной шляпе. Заходящее солнце отражалось в воде канала. Вся картина представляла собой смесь розовых, красных и оранжевых тонов. Это, несомненно, было прекрасное зрелище. Джордж рисовал контуры на большом полотне размером сорок на двадцать футов и нумеровал отдельные квадраты, обозначая, каким цветом они должны быть окрашены, а теперь члены комитета терпеливо раскрашивали их, ползая на коленях по полотну, как дети, раскрашивающие картинку в какой-то гигантской книге. «Но это, — подумала Сью, глядя на свои руки, вымазанные розовым мелом, — будет самый роскошный весенний бал из всех, что были раньше».

Рядом с ней Хелен Ширс присела на корточки, выпрямилась и застонала, когда при этом движении у нее что-то щелкнуло в позвоночнике. Тыльной стороной руки она

откинула со лба прядь волос, оставив розовую полоску на коже.

— Черт побери, зачем я позволила себя в это втянуть?

— А ты хочешь, чтобы это было приятным, не правда ли? — Сью скопировала выражение лица старой миссис Геер, председателя (хороший титул для дамы с усами) Декорационного комитета.

— Да, но почему нас не избрали в Комитет развлечений или в Комитет снабжения? Меньше работы и больше выдумки. Выдумка — это моя специальность. Кроме того, ведь ты даже... — она прикусила себе язык.

— Не иду на бал? — Сью пожала плечами и потянулась за очередным куском мела. У нее были ужасные судороги в руке от этого рисования. — Это правда, но мне все равно хочется, чтобы было приятно. — А потом стыдливо добавила, — Зато Томми идет.

Какое-то время они работали молча. Потом Хелен снова разогнула спину. Поблизости никого не было, только на другой стороне картины Холли Маршалл раскрашивала борт гондолы.

— Объясни мне, в чем дело, Сью? — спросила наконец Хелен. — Боже, ведь все только об этом и говорят.

— Хорошо, — Сью перестала рисовать и начала массировать одеревеневшую кисть руки. — Я думаю, что должна кому-нибудь об этом рассказать, по меньшей мере для того, чтобы все узнали правду. Я попросила Томми, чтобы он пошел с Кэрри на бал. Я надеюсь, что благодаря этому Кэрри немного расслабится... что это поможет ей сломать барьеры. Я считаю, что должна ей помочь.

— А ты подумала, в каком свете это выставит нас всех? — спросила Хелен без обиды в голосе.

Сью снова пожала плечами.

— Ты должна сама решить, что с этим делать, Хелен. Я не имею права ни в кого бросать камень. Но я не хочу, чтобы люди думали, что...

— Строишь из себя великомученицу?

— Что-то в этом духе.

— И Томми согласился? — Эта часть истории ее больше всего интересовала.

— Да, — ответила Сью не развивая дальше тему. Через минуту она добавила: — Наверное, все считают, что я рехнулась.

Хелен вынуждена была отвечать.

— Ну... все об этом говорят. Но большинство считает, что ты в порядке. Как ты сама сказала, каждый отвечает за свои поступки. Но есть небольшая оппозиция. — Она печально улыбнулась.

— Компания Крис Харгенсен?

— И друзья Билли Нолана. Боже, какой это говнюк.

— Она, наверное, меня не очень любит? — сказала Сью полувопросительным тоном.

— Сьюзи, она тебя ненавидит как заразу.

Сью кивнула головой, с беспокойством почувствовав, что это известие одновременно испугало и заинтересовало ее.

— Я слышала, что ее отец хотел судиться с Отделом образования, но потом передумал.

Хелен пожала плечами.

— Это не увеличило ее популярности, — сказала она. — Я до сих пор не понимаю, что с нами тогда произошло. Когда я сейчас об этом думаю, то мне кажется, будто это была не я, а какой-то чужой человек.

Дальше они работали молча. В другом конце зала Джон Барретт ставил большую лестницу, которая доставала до стальных балок под потолком, который нужно было украсить цветной бумагой.

— Посмотри, — внезапно сказала Хелен. — Крис идет.

Сью подняла глаза и увидела, как Крис входит в маленькую комнатку, которая была расположена слева от входа в гимнастический зал. На Крис были обтянутые бархатные шорты цвета темного вина и белая шелковая блузка. Под блузкой тяжело колыхалась грудь. Было видно, что она не надела лифчик и выглядела как воплощенное вожеление мечтаний всех старых сладострастников. Сью задумалась. Что могла искать Крис в комнате, временно занятой секретариатом Организационного ко-

митета? Конечно, в состав комитета входила Тина Блейк, а Крис и Тина были как два попугайчика-неразлучника.

«Перестань, — подумала Сью про себя. — Ты хочешь, чтобы она раскаивалась и посыпала свою голову пеплом?»

Да, призналась она себе. Именно этого ей и хотелось.

— Хелен!

— Да?

— Почему она здесь шляется?

Лицо Хелен приобрело равнодушное, непонятное выражение.

— Не имею понятия, — ответила она тоном невинного младенца.

— Ох, — сказала Сью дипломатически.

(Ведь я вижу, что ты знаешь что-то, если только это от тебя зависит, скажи мне, черт подери).

Дальше они работали молча. Сью подумала, что раньше Хелен сказала ей не всю правду, то, что она сделала, было как-то не так. Теперь в глазах своих соучеников она уже никогда не будет прежней достойной зависти девушкой. Она сделала трудную и опасную вещь: сорвала маску и показала всему миру свое настоящее лицо.

Послеполуденное солнце, золотистое, как апельсин, и сладкое, как детство, проникало сквозь окна гигантского зала.

«Меня зовут Сьюзен Снелл» (стр. 40).

Я могу отчасти понять, как до этого дошло. Я могу, например, понять — хоть и считаю, что это ужасно, — почему человек, подобный Билли Нолану, на это пошел. Крис Харгенсен водила его за нос — во всяком случае в большинстве вещей. А Билли в свою очередь водил за нос своих друзей. Это была отборная компания. Кенни Гарсон, который бросил среднюю школу в возрасте восемнадцати лет и имел тройку по чтению. С клинической точки зрения Стиви Дейган был почти идиотом. Некоторые из них стояли на учете в полиции, например Джеки

Талбот впервые был пойман за кражу в возрасте девяти лет. Кое-кто из сотрудников Отдела опеки мог бы даже признать их жертвами судьбы.

Но что можно сказать о самой Крис Харгенсен?

Мне кажется, что с начала и до конца ее главной и единственной целью было полное, тотальное уничтожение Кэрри Уайт...

— Я не могу этого сделать, — неохотно сказала Тина Блейк. Это была ладная, невысокая, девушка с копной рыжих волос. В волосах торчал карандаш, который добавлял ей важности. — Кроме того, если Норма вернется, то она сразу на меня донесет.

— Норма сидит в туалете, — успокоила ее Крис. — Не бойся.

Тина, слегка огорошенная, невольно засмеялась, но по-прежнему не хотела согласиться. — Почему ты хочешь на это посмотреть? Ведь ты все равно не можешь прийти на бал?

— Это не смертельно, — ответила Крис.

— Возьми, — сказала Тина и протянула ей через стол листок бумаги в мягкой пластиковой обложке. — Я иду выпить кока-колы. Если эта сука Норма вернется и поймает тебя, помни, что я тебя здесь вообще не видела.

— Хорошо, — сказала Крис, уже поглощенная осмотром плана зала. Она не услышала даже, как закрылись двери.

План зала тоже был произведением рук Джорджа Чизмара, и поэтому он был чудесен. Четко была обозначена площадка для танцев. Две эстрады. Подиум, на котором будут сидеть король и королева

(уж я бы короновала эту гнусную суку Сью и эту суку Кэрри тоже)

в конце вечера. С трех сторон площадки для танцев стояли ряды столиков для участников бала — обычных карточных столиков, но декорированных цветной бумагой и ленточками. На каждом столике находились букеты

цветов, программа бала и список кандидатов на звание короля и королевы.

Крис провела острым лакированным ногтем по ряду столиков справа от площадки для танцев, потом по левому ряду столиков. Есть: Томми Р. и Кэрри У. Они действительно думают прийти на этот проклятый бал. Крис с трудом могла в это поверить. Неужели они на самом деле думают, что все это для них гладко пройдет? Ее губы сложились в печальную улыбку.

Крис оглянулась через плечо. Нормы Уотсон по-прежнему нигде не было видно. Она положила план зала на место и быстро перелистала другие бумаги, гряда которых лежала на покрытом пятнами, пестрящем инициалами столике. Счета (в основном за бумагу и полупенсовые гвозди), список родителей, которые заняли школе карточные столики, квитанции из школьной кассы, счет от издательства за то, что оно напечатало билеты на бал, предварительный список кандидатов на звание короля и королевы...

Список кандидатов! Крис торопливо схватила его.

Никто не имел права увидеть список кандидатов до пятницы, когда все участники бала услышат имена претендентов на звание короля и королевы. Этот список передаст школьный радиоузел. Король и королева будут избраны из участников бала, но списки кандидатов кружили по школе уже добрый месяц. Результаты голосования были строго охраняемым секретом.

За последнее время все большую популярность среди учеников приобретало движение, которое стремилось к полной ликвидации традиции выборов короля и королевы — часть девушек утверждала, что это ненужный пережиток, ребята считали, что это идиотский и унижительный обычай. Существовало много шансов, что в этом году в последний раз бал будет иметь такой формальный, традиционный характер.

Но для Крис самым важным был именно этот год. Она была полностью поглощена изучением списка.

Джордж и Фрида. Никаких шансов, потому что Фрида — еврейка.

Питер и Мира. Тоже невозможно. Мира принадлежала к тому типу девушек, которые предпочитали так называемый бег с препятствиями. Даже если бы ее избрали, она все равно не согласилась бы принять титул. Кроме того, внешне она была такой же эффектной, как круп старой извозчицкой лошади.

Фрэнк и Джессика. Вполне возможно. Фрэнк Гриер вошел в этом году в основной состав футбольной команды Новой Англии, но Джессика была всего лишь маленьким, противным, костлявым созданием. У нее было больше прыщей, чем ума.

Дон и Хелен. О них можно забыть. Хелен Ширс не может быть избрана.

И последняя пара, Томми и Сью. Естественно, Сью была вычеркнута, а на ее место вписана Кэрри. Вот непобедимая пара! На Крис напал какой-то странный дребезжащий смех, и ей пришлось прикрыть рот ладонью.

Влетела Тина.

— Боже, Крис, ты еще здесь? Норма идет!

— Успокойся, куколка, — засмеялась Крис и положила бумаги на место. Выходя, она все еще улыбалась. Остановилась на минутку, чтобы издевательски помахать рукой Сью, которая гнула спину над этой глупой картиной.

В холле она достала из сумочки десятицентовую монету, бросила ее в телефон-автомат и набрала номер Билли Нолана.

«Приход, тени» (стр. 100-101)

Можно подумать, в какой степени гибель Кэрри Уайт была делом случая — то ли это была старательно запланированная и подготовленная компания, то ли это произошло спонтанно и без подготовки.

Я лично склоняюсь ко второй концепции. Я подозреваю, что мозгом всей операции была Крис Харгенсен, но сама Кристина, очевидно, имела туманное понятие о том,

что нужно сделать, чтобы «пристроить» такую девушку как Кэрри. Я допускаю, что это она предложила, чтобы Уильям Нолан и его друзья поехали на ферму Ирвина Хенти в Северный Чемберлен. Наверное, ожидаемый результат поездки должен был способствовать проявлению какого-то странного чувства справедливости.

Автомобиль, визжа шинами, промчался по ухабистой Стэк Энд Род в Северном Чемберлене и с бешеной скоростью в шестьдесят пять миль в час повернул на боковую немощеную дорогу, которая напоминала стиральную доску. Низко свисающие ветви деревьев были покрыты сочной майской зеленью, они царапали крышу автомобиля. Это был «бискэйн» образца 1961 года, весь проржавевший, с изогнутыми бамперами и покореженным багажником, оборудованный двойным глушителем из стекловолокна. Одна фара была разбита, вторая мигала в ночной темноте, как только автомобиль высоко подпрыгивал на выбоинах.

Билли Нолан сидел за рулем, обтянутым розовым искусственным мехом. Джекки Талбот, Генри Блейк и Стиви Дейган, а также два брата Гарсон, Кенни и Лу, расположились рядом с ним и на заднем сиденье. Три самокрутки переходили из рук в руки, освещая темноту, переходили не спеша, освещая темноту, заглядывающую в окна автомобиля, как мигающие глаза кружащегося вокруг чербера.

— Ты уверен, что Хенти нет дома? — спросил Генри. — Послушай, дорогой Уильям. У меня нет желания тащиться обратно, не сделав дело. Может быть, тебя обманули?

Кенни Гарсон, у которого не все шарики в голове были на месте, решил, что это удачная шутка, и пискляво засмеялся.

— Его нет, — ответил Билли. Казалось, что даже эта пара слов вырвалась у него против собственной воли. — Могила.

Крис узнала об этом случайно. Старый Хенти имел одну из небольших преуспевающих независимых ферм неподалеку от Чемберлена. Он не имел ничего общего с так часто описываемым в литературе типом сурового фермера с золотым сердцем. Нет, старый Хенти был таким же никчемным как и выглядел снаружи. В сезон созревания яблок он не заряжал свою двустволку крупной солью, как делали другие фермеры, — он заряжал ее дробью. Он несколько раз подавал в суд на соседей за мелкие кражи. Одним из этих парней был хороший их знакомый, жалкий неудачник Фредди Оверлок. Фредди был пойман на крыше курятника старого Хенти и получил двойную порцию дрови номер шесть в то место, на котором обычно сидел. Несчастный Фредди пробыл четыре долгих часа в кабинете скорой помощи при несчастных случаях местной больницы, лежа на животе, визжа и ругаясь, на чем свет стоит, пока хладнокровный хирург вытаскивал дробь из его ягодиц и бросал ее в металлическую мисочку. К его ранам отнеслись пренебрежительно: он вынужден был уплатить штраф в размере двухсот долларов за кражу со взломом. С этого времени подростки из Чемберлена не относились к Ирвину Хенти с особой симпатией.

— А что с Редом? — спросил Стиви.

— Он пытается подцепить новую официантку из «Кавалера», — объяснил Билли, резко крутанув руль и на полном ходу поворачивая разболтанный автомобиль на Хенти Род. Ред Трелауни работал у Хенти. Он был дурак, любил выпить и так же ловко управлялся с двустволкой, как и его хозяин. — Он не вернется до закрытия бара.

— Так чертовски рисковать ради того, чтобы над кем-то пошутить, — с явным неудовольствием сказал Джекки Талбот.

Билли повернулся к нему.

— Ты хочешь выйти?

— Да нет, почему, — поспешно сказал Джекки. Ведь Билли разделил между друзьями целую унцию доброй травки, а до города отсюда было девять миль. — Это действительно хорошая шутка, Билли.

Кенни открыл ящик для перчаток и достал оттуда красивую заколку для волос (принадлежащую Крис), подумал и погасил в ней окурок. Этот поступок показался ему забавным, и он снова зашелся писклявым смехом.

С обеих сторон дороги теперь появились надписи «Вход воспрещен, частное владение», ограждения из колючей проволоки и свежевспаханные поля. В теплом майском воздухе поднимался тяжелый, крепкий, сладкий запах вспапанной земли.

Когда они оказались на вершине очередного взгорья, Билли выключил фары, нажал на тормоз и повернул ключ зажигания. Тяжелый, несуразный автомобиль тихо покатился в сторону въезда в имение Хенти.

Билли легко преодолел поворот. Большинство инерции автомобиля он израсходовал на небольшой подъем, миновав пустой, темный дом. Теперь они увидели перед собой массивный, черный силуэт сарая, а за ним фруктовый сад и пруд, сонно поблескивающий в лунном свете.

В загородке для свиней две матки высовывали свои рыла между прутьями. Корова тихо замычала в стойле, наверное, во сне.

Билли остановил автомобиль и поставил его на ручной тормоз — это не было нужно при включенном двигателе, но он ощутил приятное чувство владения над машиной. Они вышли.

Лу Гарсон потянулся над плечом Кенни и достал что-то из ящика для перчаток. Билли и Генри открыли багажник.

— Эта старая дрянь обгадит свои штаны, когда вернется и увидит, что произошло, — заметил Стиви, тихо смеясь.

— За Фредди, — сказал Генри, вытаскивая из багажника тяжелый молот.

Билли ничего не сказал, но делал все явно не мстя за Фредди Оверлока, который был обычным дерьмом. Билли делал это ради Крис Харгенсен, как и все остальное, что он делал для нее с того дня, когда она сошла со школьного олимпа и протянула ему руку. Он ради нее убил бы кого-нибудь.

Генри взмахнул девятифунтовым молотом. Тяжелый, массивный железный молот рассек ночной воздух с зловещим свистом. Остальные парни собрались вокруг Билли, который поднял крышку сундука со льдом и вынул два ведра, сделанные из оцинкованного железа. Они были слегка заиндевшие и от прикосновения к ним мерзли пальцы.

— Порядок, — сказал Билли.

Шестеро парней поспешно пошли к загородке для свиней, тяжело дыша от возбуждения. Обе матки привыкли к людям и не проявляли страха, а старый кнур спокойно спал лежа на боку в дальнем углу загородки.

Генри снова махнул молотом, а потом отдал его Билли.

— Не могу, — сказал он слабым голосом. — Сделай это ты.

Билли взял молот и вопросительно поглядел на Лу, который держал в руках старый мясницкий нож, вынутый из ящика для перчаток.

— Не бойся, — успокоил его Лу. Он коснулся острия ногтем мизинца.

— По горлу, — напомнил ему Билли.

— Знаю.

Кенни, насвистывая и скаля зубы, кормил свинью остатками хрустящего картофеля, который он доставал из помятого бумажного пакета.

— Не бойтесь, свинки, не бойтесь, дядя Билли разобьет вам головки и вы больше не будете ничего бояться. — Он чесал им щетинистые уши, а свинки похрюкивали и удовлетворенно сопели.

— Смотри, куда я попаду, — сказал Билли и тяжело опустил молот.

Раздался звук, который напоминал ему, как когда-то они с Генри сбросили дыню с виадука на Клэридж Род, находящуюся в западной части города, на пересечении с шоссе №495. Одна из свиней упала мертвой с вывалившимся языком и вытаращенными глазами. К ее рылу прилипли крошки хрустящего картофеля.

Кенни захихикал.

— Даже не моргнула.

— Поторопись, Лу, — сказал Билли.

Брат Кенни проскользнул между прутьями и поднял лоб матки вверх — в остеклевенных глазах теперь отражалась луна на фоне глубокой черноты — и сделал надрез.

Кровь тут же хлынула с неожиданной силой, обрызгивая парней, которые отпрыгнули с тихими выкриками отвращения.

Билли перегнулся через загородку и поставил одно из ведер под основную струю. Ведро быстро наполнилось. Билли отставил его в сторону. Второе ведро было наполнено до половины, когда струя крови перестала течь.

— Следующая, — сказал Билли.

— Боже, Билли, — простонал Джеки, — а может, этого хва...

— Следующая, — повторил Билли.

— Сюда, свинка, цып, цып, цып, — закричал Кенни со смехом, потрясая пустым пакетом. Через минуту матка подошла к ограде, молот тяжело опустился, второе ведро было наполнено, а остатки крови впитались в землю. В воздухе повис тяжелый, металлический запах. Билли заметил, что обе его руки вымазаны свиной кровью по самые запястья.

Когда он нес ведра в багажник, в его мозгу внезапно возникло неясное, символическое сравнение. Свиная кровь. Это было хорошо. Крис была права. Это на самом деле было хорошо. Внезапно все стало на свои места.

Свиная кровь для свиньи.

Он поставил оцинкованные ведра и захлопнул крышку сундука.

— Поехали, — сказал он.

Билли сел за руль и снял ручной тормоз. Пятеро его друзей начали толкать машину. Автомобиль бесшумно повернул на месте и, минуя сарай, доехал до подъема напротив дома Хенти.

Когда автомобиль поехал по инерции, парни догнали его и вскочили в салон, сопя и тяжело дыша.

Машина набрала достаточную скорость, чтобы сделать небольшую дугу, и Билли молниеносным движением руля направил ее с длинного подъезда к дому Хенти. У подножия холма он включил третью скорость и запустил двигатель. Автомобиль закашлял и ожил с тихим урчанием.

Свиная кровь для свиньи. Да, это было хорошо, нечего сказать. Он улыбнулся, а Лу Гарсон вдруг почувствовал укол удивления и страха. Он не помнил, чтобы когда-либо до этого видел улыбку на губах Билли Нолана. Никто из его знакомых тоже не мог этим похвастаться.

— На чьи похороны пошел старый Хенти? — спросил Стиви.

— Своей матери, — ответил Билли.

— Своей матери? — повторил остолбеневший Джекки Талбот. — Боже мой, она, наверное, была старше господ Бога.

Пискливый смех Кенни раздался в темноте, пахнувшей начинающимся летом.

Часть II

**НОЧЬ
РАЗРУШЕНИЯ**

В первый раз она примерила платье у себя в комнате ранним утром 27 мая. Кэрри купила к нему специальный бюстгальтер, который прекрасно поддерживал ее грудь (что не значит, что это требовалось), но закрывал ее только до половины. Надевая его, она почувствовала неясное, странное ощущение, что бросает всем вызов. И в то же время она чувствовала стыд.

Само платье длиной было почти до пола, с широкой юбкой, но облегающее в талии. Прикосновение дорогой ткани к ее коже, привыкшей только к шерсти и хлопку, вызвало ощущение какого-то отчуждения.

Длина казалась подходящей, но, чтобы в этом убедиться, ей пришлось примерить новые туфли. Кэрри сунула в них ноги, поправила декольте и подошла к окну. Она увидела только темное, невыразительное отражение, но ей показалось, что все в порядке. Возможно, позже она сумеет...

Двери за ее спиной открылись, тихо щелкнув замком. Кэрри обернулась и поглядела на мать.

Мать была одета для выхода на работу. На ней был белый свитер, в одной руке она держала черную сумку, а в другой сжимала Библию папы Ральфа.

Они посмотрели друг на друга.

Бессознательно Кэрри выпрямилась и стояла в луче весеннего солнца, которое заглядывало в комнату через окно.

— Красное, — пробормотала мама. — Я могла на это рассчитывать.

Кэрри ничего не ответила.

— Мне видна твоя грудь. Все ее увидят. Они будут глядеть на твое тело. В Библии говорится...

— Это моя грудь, мама. У всех женщин есть грудь.

— Сними это платье, — приказала мама.

— Нет.

— Сними его, Кэрри. Мы спустимся вниз и вместе сожжем его в печи, а потом будем молить Бога о прощении. Мы будем раскаиваться. — Ее глаза блеснули в странном, непонятном возбуждении, которое появлялось у нее всегда, когда — как она считала — происходило испытание на крепость ее веры. — Мы останемся дома. Я не пойду на работу, а ты не пойдешь в школу. Мы будем молиться. Мы на коленях будем просить об отпущении наших грехов.

— Нет, мама.

Мама подняла руку и ущипнула себя за лицо. На щеке остался красный след. Она посмотрела на Кэрри в ожидании какой-либо реакции, не дождалась ее, согнула пальцы правой руки как когти и проехала ими по своей щеке, расцарапав ее до крови. Она резко втянула в себя воздух и отступила назад на своих высоких каблуках. В ее глазах был виден нервный подъем.

— Перестань себя калечить, мама. Этим меня не удержишь.

Мама закричала. Она сжала правую руку в кулак и ударила себя в губы. Полилась кровь. Мама смочила в крови пальцы и не спеша, с непонятым выражением лица провела кровавую полосу на обложке Библии.

— Обмыто в крови агнца божьего, — прошептала она. — Много раз... Много раз он и я...

— Выйди, мама.

Мама посмотрела на нее блестящими глазами. Черты ее лица исказились в страшной гримасе справедливого гнева.

— Не издевайся над Богом, — шепнула она. — Помни, что твой грех — пятно на тебе. Сожги это платье, Кэрри! Сними с себя эту дьявольскую красноту и сожги ее! Сожги ее! Сожги ее!

Двери сами широко открылись.

— Выйди, мама.

Мама скривила окровавленные губы в гротескной пародии улыбки.

— Как Иезавель упала с башни, пусть так станет и с тобой, — сказала она. — А собаки собрались и лизали ее кровь. Это написано в Библии. Это...

Ее ноги начали скользить по полу. Мама недоумевающе посмотрела на пол, как будто подозревая, что дерево вдруг превратилось в лед.

— Прекрати! — завизжала она.

Она была уже в коридоре. Схватила за раму дверей и какое-то время оставалась в этой позе. Потом какая-то невидимая сила оторвала ее пальцы от дерева.

— Извини, мама, — сказала Кэрри спокойно. — Я люблю тебя.

Она представила себе, что двери закрываются, и двери действительно закрылись, как будто их толкнул легкий порыв ветра. Осторожно, чтобы не причинить маме боль, она ослабила невидимые объятия, в которые Кэрри ее заключила.

Минутой позже Маргарет Уайт добралась до двери. Кэрри поддерживала ее трясущимися руками.

— Придет Судный День! — выла Маргарет. — Я умываю руки! Я делала все, что могла!

— Это же сказал Пилат, — прошептала Кэрри.

Мать ушла. Через какое-то время Кэрри увидела ее через окно. Маргарет перешла на другую сторону улицы, направляясь на работу.

— Мама, — тихо сказала Кэрри и прижалась лбом к стеклу.

«Приход тени» (стр. 129)

Прежде чем мы перейдем к более подробному анализу этих событий, хорошо бы упорядочить все то, что мы знали о Кэрри Уайт.

Мы знаем, что Кэрри была жертвой религиозного фанатизма, свойственного ее матери. Мы знаем, что она имела скрытые телекинетические способности, которые обычно называют способностями ТК. Мы знаем, что этот так называемый «самобытный талант» является наследственным свойством, которое вызывается геном, и он — если только он существует вообще — чаще всего становится рецессивным. Мы считаем, что способности ТК могут быть связаны с деятельностью желез внутренней секреции. Мы знаем, что в детстве Кэрри продемонстрировала свои способности по меньшей мере один раз, когда оказалась перед лицом серьезной угрозы ее жизни, к чему примешалось чувство вины. Мы знаем, что очередная подобная ситуация угрозы возникла во время инцидента в раздевалке, когда над ней начали издеваться ее соученицы. Существует теория (которую горячо поддерживают Уильям Г. Тронберри и Джулия Гивенс из Беркли), что в этом случае новое проявление способностей ТК было спровоцировано как чисто психологическими причинами (так называемая реакция соучениц Кэрри и ее самой на первые месячные Кэрри), так и физиологическими (то есть достижение ею физической зрелости).

Наконец, нам известно, что во время весеннего бала возникла третья ситуация угрозы, и именно с этого момента начались те жуткие события, которые мы должны здесь обсудить. Начнем с...

(вообще я ни капли не нервничаю)

Томми зашел пораньше, чтобы принести букетик цветов, и теперь она сама прикрепила его к плечу на платье. Конечно, у нее не было матери, которая сделала бы это вместо нее и проследила, чтобы букетик оказался на нужном месте. Ее мама заперлась в часовне и молилась почти в истерике уже около двух часов. Доносящийся оттуда голос то доходил почти до крика, то опускался до шепота с нерегулярными промежутками времени.

(мне очень жаль тебя, мама, а вообще мне совсем не жаль тебя)

После того, как она приколола букетик как положено, Кэрри отпустила руки и какое-то время постояла неподвижно, закрыв глаза.

Во всем доме не было большого зеркала,

(суета, суета, все это только суета)

но ей показалось, что она выглядит хорошо. Она должна была хорошо выглядеть. Наверное...

Хватит. Кэрри открыла глаза. На баварских часах с кукушкой, приобретенных за Зеленые Значки, было десять минут восьмого.

(он будет здесь через двадцать минут)

А если нет?

Возможно, все это было одной большой шуткой, последним, убийственным ударом, который разит наповал. Возможно, ей придется сидеть здесь до полуночи в своем бархатном вечернем платье с облегающим лифом, рукавами буфами и длинной, широкой юбкой, с приколотым к левому плечу букетиком роз.

Из соседней комнаты донесся возбужденный голос матери:

— и на святой земле! Мы знаем, что за нами следит твое недремлющее око, которое не знает отдыха и покоя. Нам слышен звук черных труб. От всей души мы сожалеем...

Кэрри знала, что никому было не понять, какой отчаянной отваги требовало ее решение — решение принять приглашение и натолкнуться на все страшные возможности, которые обещал будущий вечер. Одной из этих возможностей было то, что Томми просто посмеялся над ней — но это было бы не самым худшим вариантом. Она поймала себя на мысли, что, возможно, на самом деле было бы лучше...

(нет, прекрати)

Конечно, легче всего было бы остаться дома с мамой. Безопаснее. Она знала, что они все думают о ее маме. Что же, мама была сумасшедшей фанатичкой, но по

меньшей мере было известно, чего от нее можно ожидать. Дом был безопасным местом. Здесь над ней никто не будет смеяться.

А если Томми не придет, то Кэрри будет вынуждена признать себя побежденной и отказаться от всего? Занятия в школе окончатся через месяц. А что же дальше? Бесконечно молиться в этом доме, слушаться маму, вместе с ней смотреть передачи по телевизору и популярные телесериалы у госпожи Гаррисон, когда она приглашает Кэрри в гости (госпоже Гаррисон исполнилось восемьдесят шесть лет), ходить на прогулки в центр города и украдкой есть сладости в Келли Фрут, так и жить, теряя надежду, теряя даже способности мыслить?

Нет. О, добрый Боже, только не это,

(молю тебя, чтобы это хорошо окончилось)

...спаси нас от Дьявола, который на своих раздвоенных копытах кружит по улицам, прячется на автостоянках и в темных аллеях, О, Спаситель...

Семь двадцать пять...

Беспокойство увеличивалось. Не думая о том, что она делает, Кэрри начала поднимать и опускать разные предметы, как нервная женщина, ожидая кого-то в ресторане, мнет в руках край скатерти. Она сумела удержать в воздухе полдюжины предметов одновременно, не чувствуя при этом никакой усталости или головной боли. Она все боялась, что эта сила исчезнет, но ничего подобного не происходило. Как раз наоборот. Вчера вечером, когда она возвращалась из школы, ей удалось передвинуть автомобиль,

(о Боже, прошу тебя, чтобы это не оказалось шуткой)

который стоял на главной улице, на добрых двадцать дюймов, без всякого усилия. Прохожие, которые оказались поблизости, глазели на это так, что у них чуть глаза на лоб не вылезли. Кэрри, конечно, тоже глазела вместе со всеми для конспирации, но в глубине души улыбалась с удовлетворением.

Из часов выскочила кукушка и прокуковала один раз. Семь тридцать.

С тех пор, как она поняла, что пользование ее силой плохо влияет на сердце и провоцирует скачки температуры, Кэрри начала немного бояться. Она считала вполне возможным, что в один прекрасный день сердце ее буквально лопнет от усилия. Временами у нее создавалось такое впечатление, что она поднимается над своим телом и заставляет его жить быстрее, подгоняет без всякого сожаления. Сама она не чувствовала усталости — это только ее тело было измучено. Кэрри постепенно начинала понимать, что ее способности сродни способностям индийских факиров, которые ходят по раскаленным углям, забивают в свое тело гвозди или беззаботно позволяют закапывать себя живьем в землю и остаются погребены шесть суток. Любая форма победы духа над материей была связана с истощением сил самого организма.

Семь тридцать две.

(его нет)

(не думай об этом, вода в чайнике тоже никогда не закипит, если на нее смотреть, он придет)

(нет, он не придет, он сидит сейчас со своими друзьями и смеется над тобой, а скоро они начнут ездить под окнами в своих шумных машинах, громко хохоча над тобой)

В отчаянии она начала опускать и поднимать швейную машину, раскачивая ее в воздухе как маятник, все сильнее и сильнее.

— ...и спаси нас от непослушных дочерей, которых коснулось распутство, которые слушают нашептывания Дьявола...

— Заткнись! — внезапно взвизгнула Кэрри.

На мгновение наступила удивленная тишина, а потом бормотание началось снова.

Семь тридцать три.

Его нет.

(если он не придет, я развалю дом)

Естественно. Решение пришло само. Сначала швейная машина — разбить о стену гостиной. Кушетка — в окно. Столы, стулья, книги и брошюры летают в воздухе, из

водопроводных труб, вырванных из стен, льется вода, как кровь из разорванных артерий. А с крыши, если только ей удастся это сделать, шифер будет разлетаться в ночь, как стая спугнутых голубей...

Яркий сноп света от фар проезжающего автомобиля ударил в окно.

Большинство автомобилей проезжало мимо, не задерживаясь и только ускоряя биение ее сердца, но этот ехал намного медленнее остальных.

(О...)

Она подбежала к окну, с трудом владея собой, и это был он, Томми, он как раз выходил из машины и даже в слабом свете уличных фонарей выглядел элегантно, солидно, почти... ослепительно. Эта странная мысль заставила ее рассмеяться.

Мама перестала молиться.

Кэрри схватила легкий шелковый шарфик со спинки стула и накинула его на обнаженные плечи. Прикусила губы, коснулась волос. Она продала бы душу за возможность посмотреться в зеркало. В холле внизу раздался громкий звонок.

Кэрри заставила себя дожждаться второго звонка, а потом не спеша спустилась вниз в шелесте платья.

Она открыла дверь и увидела его, потрясаяще солидно-го, в своем белом смокинге и черных вечерних брюках.

Они смотрели друг на друга, и никто не мог заговорить первым.

Кэрри почувствовала, что если бы он сказал хоть одно неподходящее слово, то сердце ее разорвалось бы. Она умерла бы, если бы он засмеялся. У нее было почти физическое ощущение, что вся ее несчастная жизнь шла к этой одной минуте и что эта одна минута может стать или началом или концом ее будущего.

Наконец она беспомощно произнесла:

— Я тебе нравлюсь?

А он ответил:

— Ты прекрасна!

И это была правда.

В то время, как участники бала собирались в школе или в соседнем баре, Кристина Харгенсен и Уильям Нолан встретились в комнате над баром в местном мотеле, который назывался «Кавалер». Мы знаем, что они иногда встречались там и раньше: эта информация имеется в материалах комиссии по делу Уайт. Но мы не знаем, были ли их планы уже окончательно разработаны, или они руководились минутным капризом...

— Уже пора? — спросила она его в темноте.

Он посмотрел на часы

— Нет.

Снизу доносился приглушенный расстоянием звук музыкального автомата, который играл песенку Рэя Прайса «Она была почти святой». В баре «Кавалер», подумала Крис, не меняли пластинки с тех пор, как она была здесь впервые около двух лет назад с поддельным удостоверением личности. Конечно, она сидела внизу, в баре, а не в одной из «специальных» комнат Сэма Дево.

Сигарета Билли в темноте напоминала глаз злого демона. Она вглядывалась в огонек, анализируя собственные чувства. Она не позволяла Билли спать с собой до тех пор, пока он ей не пообещал, что вместе со своими полоумными друзьями поможет ей отомстить Кэрри Уайт при условии, что та все же отважится пойти на бал с Томми Россом. Это было в понедельник, но они уже встречались в этой комнате до того, и пару раз дело дошло до откровенных ласк, до того, что Крис называла «шотландской любовью», а Билли со своей незаурядной способностью находить в каждом деле вульгарные аспекты, называл «маханием насухую».

Она собиралась приказать ему ждать, пока он на самом деле что-нибудь не сделает.

(но ведь он уже кое-что сделал, достал кровь)

Но все это начало уходить из-под ее контроля. Крис чувствовала себя обеспокоенной. Если бы она в поне-

дельник не отдалась ему добровольно, то он взял бы ее силой.

Билли не был ее первым любовником, но он был первым, которого она не могла заставить танцевать так, как ей того хотелось. Ее предыдущие парни всегда были только марионетками с чистыми, гладкими лицами. Они имели богатых родителей с солидным положением в обществе, принадлежащих к загородному клубу. Они ездили на собственных «фольксвагенах», «доджах» и «кадиллаках». Эти парни посещали Университет штата Массачусетс или Бостон Колледж. Летом они носили цветные полосатые сорочки, а осенью куртки цветов студенческих корпораций. Они курили много марихуаны и рассказывали о забавных вещах, которые случались с ними, когда они были обкурены. Сначала они относились к Крис с дружеским высокомерием (все девушки простого происхождения годятся только для мимолетных связей), а в конце каждый из них ползал перед ней как собака с высунутым языком и жадным взглядом. Если они ползали достаточно долго и тратили на нее достаточное количество денег, она обычно соглашалась лечь с ними в постель. Чаще всего в этих случаях она лежала неподвижно как колода, не помогая и не мешая, пока все не кончалось. Позже она сама доводила себя до оргазма, вспоминая это, а потом выбрасывала все из памяти.

Она познакомилась с Билли Ноланом благодаря тому, что в одной из комнат в Кембридже были обнаружены наркотики. Четверо студентов, в том числе и партнер Крис на этот вечер, были обвинены в употреблении марихуаны. Крис и других девушек обвинили в соучастии. Ее отец занялся этим хорошо знакомым ему делом, а по окончании всего начал выговаривать Крис: понимает ли она, что стало бы с его репутацией и практикой, если бы его дочь посадили в тюрьму за наркотики. Крис ответила, что сомневается, что могла этим повредить отцу, и он за это отобрал у нее автомобиль.

Через неделю после этих событий Билли предложил ей отвезти ее из школы домой, и Крис согласилась.

Билли был тем типом человека, над которым все смеются за его спиной, однако каким-то образом он сумел ее очаровать, и теперь, отдыхая после всего на этой нелегальной постели (которая придавала их отношениям оттенок приятного страха), Крис подумала, что все знакомство — из-за его автомобиля, по меньшей мере сначала.

Его машина ничем не напоминала те автомобили прямо с заводского конвейера, на которых она ездила на студенческие вечеринки — оборудованные кондиционерами, с обернутым мехом рулем, наполненные не слишком приятным запахом новых пластиковых сидений и средства для мытья стекол.

Машина Билли была старая, темная и какая-то унылая. У стекол были молочные ободки, как будто у них началась катаракта. Сиденья были ободранные и разболтанные, под ногами со звоном перекатывались пустые бутылки от пива (ее партнеры-студенты пили «Будвар», а Билли и его друзья пили «Рейнголд»). Она должна была обнимать ногами большую, вымазанную мазутом бочку с инструментами, не имеющую крышки. Эти инструменты были самых разных фирм, и Крис подозревала, что они были крадеными. В машине пахло молоком, маслом и бензином. Сквозь тонкий пол доносилось радостное бульканье в бензопроводе. Под спидометром, указателем уровня масла и бензина виднелся еще какой-то ряд циферблатов. Задние колеса вихляли, а передний бампер целовал землю.

И, конечно, Билли ездил очень быстро.

В третий раз, когда он отвозил ее домой, одна из лысых передних шин лопнула при скорости шестьдесят миль в час. Автомобиль заскользил и поехал боком на визжащих колесах. А Крис громко пищала, убежденная, что настал конец ее жизни. На мгновение она увидела призрак собственного изломанного окровавленного тела, висящего как куча тряпья на телеграфном столбе. Картина была такой яркой, как снимок в газете. Билли крепко выругался и резко повернул обернутый мехом руль.

В итоге они остановились на обочине с левой стороны шоссе. Когда она на трясущихся ногах вышла из машины, то увидела, что шины оставили позади след горелой резины на расстоянии, как минимум, семидесяти футов.

Билли уже открыл багажник, достал домкрат и напевал что-то под нос. Даже волосок не дрогнул в его прическе.

Он прошел мимо Крис с сигаретой, прилипшей в уголке рта.

— Дай мне бочку с инструментами, маленькая.

Она была шокирована. Дважды открыла и закрыла рот, как рыба, выброшенная на берег, прежде чем сумела заговорить.

— Я... еще чего! Ты меня чуть не убил... ты... ты, сумасшедший сукин сын! Кроме того, бочка грязная!

Он повернулся и посмотрел на нее с равнодушным лицом.

— Или ты ее принесешь, или я не возьму тебя с собой на эту чертову борьбу завтра вечером.

— Ненавижу борьбу! — Она никогда еще не была на соревнованиях, но ее бешенство брало над ней верх. Ее друзья-студенты приглашали ее на роковые концерты, чего она не выносила. Она всегда попадала на место рядом с кем-нибудь, кто не мылся уже целый месяц.

Билли пожал плечами, повернулся к ней спиной и начал ремонтировать машину.

Крис принесла бочку с инструментами, испачкав при этом свой новый, изумительный свитер. Билли что-то пробормотал под нос, не оборачиваясь. Сорочка вылезла у него из джинсов, на поясе под гладкой, загорелой кожей шевелились мышцы. Это ее очаровало. Бессознательно она провела языком по губам, помогла ему снять шину с колеса и при этом испачкала себе руки. Машина опасно закачалась на домкрате, а запасная шина была в двух местах протерта до корда.

Когда они окончили работу и Крис снова заняла место в машине, на ее свитере и дорогой красной юбке остались широкие полосы мазута.

Как только Билли сел за руль, она начала:

— Если ты думаешь...

Он наклонился и поцеловал ее, грубо проведя руками по ее телу, от талии и до груди. Его дыхание пахло табаком, от него пахло потом и бриолином. Наконец, она вырвалась из его объятий и, с трудом переводя дыхание, посмотрела на свою одежду. Свитер был пыльный и покрыт пятнами мазута. Она заплатила за него двадцать семь пятьдесят у Джорджа Марша, а теперь его можно было только выбросить. Она почувствовала интенсивное, почти болезненное возбуждение.

— Как ты выкрутишься перед родителями? — спросил он и снова поцеловал ее. Ей показалось, что он при этом улыбался.

— Прикасайся ко мне, — шепнула она ему в ухо. — Прикасайся ко мне везде, где захочешь. Запахай меня.

Билли послушался ее. Один нейлоновый чулок лопнул и дыра выглядела как открытый для крика рот. Он рывком задрал ей короткую юбочку до самой талии и овладел ею грубо и жадно. И однако — может быть, именно его грубость, а, может быть, то, что она минуту назад была лицом к лицу со смертью — привело к тому, что она чувствовала потрясающий оргазм. Она пошла с ним на соревнования борцов.

— Без четверти восемь, — сказал он, садясь на кровати. Билли зажег свет и начал одеваться. Его тело по-прежнему чаровало ее. Она подумала о том, что произошло в понедельник. Он хотел...

(нет)

Может быть, потом найдется время, чтобы об этом подумать, позже, когда будет еще что-нибудь, кроме этого ненужного возбуждения. Она спустила ноги с кровати и скользнула в тоненькие как паутина трусики.

— Может быть, это не самая лучшая мысль, — сказала она, сама не зная, испытывает она его или себя. — Может быть, нам стоит вернуться в постель и...

— Это хорошая идея, — сказал он. Улыбка появилась на его лице. — Свиная кровь для свиньи.

— Что?

— Ничего. Вставай и одевайся.

— Она послушала его, и, когда они сбежали по ступенькам к заднему выходу, она чувствовала в низу живота острое, хищное возбуждение, темное, как ночь.

«Меня зовут Сьюзен Снелл» (стр. 45)

Вы знаете, я не так сломлена, как люди от меня ожидали. Конечно, они не говорят мне это прямо. Наоборот, мне всегда повторяют, как им ужасно неудобно. Как правило, они всегда после этой фразы просят у меня автограф. Но, несмотря ни на что, они рассчитывают, что я буду печальна. Они хотят увидеть заплаканные глаза, они хотят, чтобы я одевалась в черное и чтобы я начала слишком много пить или глотать таблетки. Тогда они могли бы говорить: «Как жаль ее. Но нужно помнить, что она перенесла...»

Сожаление — это пластырь для раненых чувств. Можно сказать, что тебе жаль, когда ты разольешь кофе или когда промажешь при игре в гольф.

Настоящее сожаление встречается так же редко, как и настоящая любовь. Я не могу сказать, что слишком жалею, что Томми умер. Мне он кажется слишком ненастоящим, как сон, который когда-то мне приснился. Вы, наверное, подумаете, что это ужасно, но после весеннего бала прошло уже много времени. И я не жалею о своем выступлении перед комиссией по делу Уайт. Я рассказала им правду — всю правду, которую знала.

Но мне жаль Кэрри Уайт.

Вы знаете, о ней все забыли. Сделали из нее символ и забыли, что она была живым человеком, таким же живым, как и мы все, имеющим собственное мнение, мечты и надежды... Я, наверное, напрасно все это вам говорю. Уже ничего нельзя сделать для того, чтобы она снова стала для вас человеком, а не монстром, созданным газетами. А ведь

она была человеком и мучилась. Мы никогда не узнаем, сколько мук она перенесла.

Поэтому мне ее жаль, и я надеюсь, что бал был для нее чем-то прекрасным. Я надеюсь, что до того, как начался кошмар, бал был для нее необычным, прекрасным; чудесным и волшебным...

Томми заехал на стоянку возле нового крыла школы и выключил двигатель. Кэрри сидела рядом с ним не шевелясь, придерживая рукой шарфик на обнаженных плечах. Все это начало казаться ей каким-то нереальным сном. Только теперь она поняла, что натворила. Как она могла так поступить? Она оставила маму одну!

— Ты нервничаешь? — спросил Томми, и она подпрыгнула от неожиданности.

— Да.

Он засмеялся и вышел из машины. Она хотела открыть дверцу со своей стороны, но Томми опередил ее.

— Не нервничай, — сказал он. — Ты похожа на Галатею.

— На кого?

— На Галатею. Мы читали о ней на уроках господина Иверса. Она из Золушки превратилась в прекрасную принцессу, и никто ее даже не узнал.

Кэрри немного подумала.

— Я предпочла бы, чтобы меня узнали, — сказала она наконец.

— Я на тебя за это не обижусь. Пойдем.

Джордж Доусон и Фрида Джесон стояли возле автомата с кока-колой. На Фриде было апельсиновое комбинированное платье, в котором она напоминала контрабас в чехле. Донна Тибо и Дэвид Брэйкен отбирали приглашения у двери. Оба они были членами Службы порядка и принадлежали к личному гестапо госпожи Геер. Они были одеты в школьные цвета — белые брюки и красные куртки. Тина Блейк и Норма Уотсон раздавали программы бала и направляли гостей к столикам согласно расписа-

нию. Обе они были одеты в черное. Наверное, они считают, что одеты элегантно, подумала Кэрри, но ей они напомнили продавцов сигарет в каком-то старинном ганстерском фильме.

Все обернулись, когда Томми и Кэрри вошли, к ним какое-то время приглядывались в полном напряжении. Кэрри почувствовала острое желание облизать пересохшие губы, но овладела собой. Потом Джордж Доусон закричал:

— О Боже, Росс, на кого ты похож?

Томми улыбнулся.

— А когда ты слез с дерева, мартышка?

Доусон бросился вперед со сжатыми кулаками, и Кэрри застыла от испуга. Она так напугалась, что чуть не отбросила Джорджа в другой конец комнаты. Она не сразу поняла, что это была их любимая забава, которая, наверное, повторялась при каждом удобном случае.

Они немного побоксировали в кругу заинтересованных зрителей. Потом Джордж, который получил пару ударов по ребрам, начал глупо визжать:

— Бить вьетнамцев! Бить корейцев! Бить всех подряд и отдать на растерзание тиграм!

— Не волнуйся, — посоветовала ей Фрида. — Если они поубивают друг друга, я с тобой потанцую.

— Они выглядят слишком глупо, чтобы убить друг друга, — отважилась сказать Кэрри. — Как динозавры. — А когда Фрида улыбнулась, Кэрри почувствовала, что железная рука, сжимающая ее внутренности, начинает расслабляться. Ее залила волна тепла. Облегчение. Чувство расслабленности.

— Где ты купила это платье? — спросила Фрида. — Оно тебе чертовски идет.

— Я пошила его.

— Сама? — Фрида вытаращила на нее глаза в честном удивлении. — Ну ты даешь!

Кэрри почувствовала, что начала краснеть.

— Правда. Я... люблю шить. Я купила ткань у Джона в Эндове. Выкройка очень простая.

— Пойдем, — прервал их Джордж. — Сейчас начнут играть. — Он проводил их глазами и начал изгибаться, пародируя танец. — Вибрация, вибрация. Мы, желторотые, любим такие большие вибрации.

Войдя в зал, Джордж начал строить гримасы и передразнивать Флэш Бобби Пиккетта. Кэрри рассказывала Фриде о своем платье, а Томми просто стоял, улыбаясь и держа руки в карманах. Ты мнешь смокинг, напоминала бы ему Сью, но наплевать, главное, что все получается. Пока все получается.

Ему, Джорджу и Фриде осталось жить неполных два часа.

«Приход тени» (стр. 132)

Утверждение комиссии по делу Уайт, что ключевой точкой во всем этом деле были два ведра со свиной кровью, подвешенные на балке над сценой, мне кажется слишком слабо мотивированным, даже в свете отсутствия конкретных доказательств. Если мы примем за чистую монету показания группки друзей Нолана (а говоря с грубой откровенностью, они не кажутся слишком разумными, чтобы суметь хорошо солгать), то мы придем к выводу, что Нолан полностью перехватил инициативу из рук Кристины Харгенсен и лично занялся этой частью задания...

Он не разговаривал, когда вел автомобиль, потому, что очень любил это занятие. Вождение давало ему чувство власти, с которой ничто не могло сравниться, даже половые сношения.

Дорога разворачивалась перед ним в черно-белых тонах, как на фотографии. Стрелка спидометра дрожала за семидесятью милями в час. Он был родом из разбитой семьи, как это определяют сотрудники Отдела социальной защиты. Его отец ушел из дома, когда стал банкротом,

потому что прогорела его бензоколонка. Билли тогда было около двенадцати лет. С тех пор мать сменила четырех любовников. В последнее время она одаривала своими ласками некоего Брюса, налогового инспектора. Сама она постепенно превращалась в большой кусок сала.

Но это было неважно, главным был автомобиль. Автомобиль дарил ему силу. В его линиях скрывалась какая-то лирическая мощь. Автомобиль делал его человеком, с которым должны считаться другие, человеком, владеющим сверхъестественной силой. Не случайно большинство побед над женщинами он одерживал на заднем сиденье. Автомобиль был его невольником и его богом. Он давал Билли жизнь, но мог ее отобрать. Билли много раз пользовался автомобилем как орудием убийства. В долгие бессонные ночи, когда мать и Брюс громко ругались, Билли брал пакет воздушной кукурузы и шел в крестовый поход против бродячих собак. Иногда, когда он возвращался утром и с выключенным двигателем въезжал в гараж, который он построил позади дома, передний бампер был в крови.

Крис уже достаточно хорошо знала его, чтобы пытаться вести с ним беседу. Она сидела рядом с ним, подвернув одну ногу под себя, и обкусывала ногти. Фары автомобилей, проезжавших по шоссе №302 навстречу, освещали ее волосы, превращая их в серебро.

Билли задумался, как долго Крис будет оставаться с ним. Может быть, эта связь разорвется сегодня вечером. Как ни странно, с самого начала все к этому шло, а когда все будет окончено, тогда то, что их связывает, начнет распадаться, пока они не станут такими чужими, что сами перестанут понимать, что же их объединяло. Он подумал, что Крис вместо того, чтобы казаться ему богиней, все больше будет напоминать ему типичную суку из высших сфер и он будет иметь все большее желание съездить ей по физиономии. Или даже немного больше. Утереть ей нос.

Они въехали на вершину Брикярд Хилл. Внизу уже были видны школьные строения и стоянка, забитая но-

венькими красивыми машинами, принадлежащими родителям учеников. Увидев это зрелище, он почувствовал, как знакомое бешенство и ненависть подкатывают к его горлу. У нас есть кое-что, вам

(незабываемый вечер)

в подарок будет добрая забава.

Крылья школьного здания были темными, тихими и печальными. Вестибюль освещала обычная слабая лампочка, а освещенная стена гимнастического зала светилась неярким апельсиновым полусветом. Билли снова почувствовал горечь на губах, и ему очень захотелось разгромить все это вдребезги.

— Вижу свет. Вижу свет бала, — пробормотал он.

Крис, которую внезапно отвлекли от ее размышлений, повернулась к нему:

— Что?

— Ничего. — Он прикоснулся к основанию ее шеи. — Я наверное, позволю тебе потянуть за шнурок.

Билли подготовил все это сам, зная, что никому нельзя доверять. Это было трудное занятие, труднее всего, чему учили в школе, но Билли прекрасно справился. Ребята, которые прошлой ночью ездили с ним на ферму Хенти, даже не знали, зачем ему нужна была эта кровь. Возможно, они подозревали, что Крис была в этом замешана, но не могли быть уверены.

Он добрался до школы чуть позже полуночи с четверга на пятницу и сначала дважды объехал здание кругом, чтобы убедиться, что везде пусто и ни одного из двух полицейских автомобилей участка Чемберлен нет поблизости.

С выключенными фарами он въехал на стоянку и остановился у тыльной стены здания. Позади себя он видел футбольную площадку, покрытую светлым, поблескивающим паром, который стелился низко над землей.

Билли открыл багажник и снял крышку с сундука со льдом. Кровь замерзла, как камень, это было хорошо. За следующие двадцать четыре часа она, наверное, растает.

Он поставил ведра на землю, вынул несколько инструментов из своего бочонка и рассовал их по карманам. Взял с переднего сиденья коричневую сумку, в которой зазвонел металл.

Он работал не спеша, совершенно спокойно, как тот, кто убежден в полной безопасности. Гимнастический зал, в котором должны были проходить танцы, служил также школьным актовым залом. Ряд окон, выходивших на ту сторону, где он поставил машину, вел в помещения за кулисами, которые использовались как склад.

Билли выбрал длинный прут с расплюснутым концом и сунул его в узкую щель между верхней и нижней половинами окна. Это было прекрасное приспособление. Он сам сделал его в магазине скобяных товаров. Билли крутил прут, пока замок не открылся. Он толкнул нижнюю половину окна вверх и скользнул внутрь.

Внутри было очень темно. В воздухе висел тяжелый запах краски от декораций драматического кружка. Коробки для инструментов и пюпитры для нот, составляющие всю собственность школьного оркестра, стояли вокруг, как унылые стражи. В углу стояло пианино господина Доунера.

Билли вынул из сумки маленький фонарик и, отодвинув красный бархатный занавес, вышел на сцену. Гладкий, лакированный пол гимнастического зала с нарисованными линиями баскетбольной площадки светился теплым янтарным блеском. Билли направил свет фонарика на авансцену. Здесь, на самом краю сцены, кто-то обозначил на полу очертания двух тронов — для короля и королевы, — которые будут установлены завтра. И тогда вся авансцена будет усыпана бумажными цветами... зачем? Один Бог знает.

Задрав голову, он направил сноп света на потолок. Наверху перекрещивались стальные балки. Над танцевальной площадкой балки были обернуты цветной бумагой, но над самой сценой не было никаких декораций. Короткий подвижный занавес закрывал балки так, что они не были видны с площадки для танцев. Занавес закрывал

также установленные заранее прожекторы, которые должны были освещать картину с гондолой.

Билли погасил фонарик, перешел на левую сторону авансцены и полез на металлическую лестницу, прикрепленную к стене, причем содержимое его коричневой сумки, которую он для безопасности спрятал под сорочку, слегка позвякивало. В пустом гимнастическом зале этот звук разносился неожиданно громко.

У верхнего края лестницы находилась небольшая платформа. Когда он повернулся лицом к авансцене, колосники сцены находились справа от него, а гимнастический зал — слева. На колосниках были сложены декорации драматического кружка, некоторые двадцатилетней давности. Гипсовый бюст Афины Паллады из какой-то старой инсценировки поэмы Эдгара По «Ворон» глядел на него мертвыми, слепыми глазами из горы старых, заржавевших пружин от матраца. Прямо над его головой проходила стальная балка, идущая над авансценой. К балке были прикреплены прожекторы, которые должны были освещать картину.

Свободно, без усилий, он забрался на балку и шаг за шагом начал двигаться вперед. Он напевал под нос популярную мелодию. Балка была покрыта дюймовым слоем пыли, в котором его ноги оставляли глубокие следы. На середине балки он остановился, стал на колени и посмотрел вниз.

Да. С помощью фонарика он был в состоянии точно определить место над обозначенным мелом очертанием двух тронов на авансцене. Билли негромко свистнул.

(бомбы уже летят)

Он точно отметил в пыли место, на котором находился, и вернулся по балке обратно на платформу. Сюда уже никто не будет подниматься перед балом. Выключатель прожекторов, освещающих картину, и место, где король и королева будут чествоваться,

(будут коронованы, а как же)

находилось в кулисах. Каждый, кто посмотрит вверх с этого места, будет ослеплен теми же прожекторами. Его

манипуляции были бы замечены только в том случае, если бы кто-то поднялся за чем-нибудь на колосники. Но он надеялся, что никто не будет туда подниматься. Это был допустимый риск.

Билли полез в свою сумку, достал пару резиновых перчаток и надел их, а потом вынул оттуда же два мотка веревки, которые купил вчера. Для безопасности он проделал свои покупки в Боксфорде. Он взял в губы несколько гвоздей и сунул молоток за пояс. Все еще напевая под нос (неразборчиво, потому что гвозди торчали из его рта, как сигареты), Билли старательно прикрепил один из блоков в углу над платформой. Рядом он прибил небольшую проволочную петлю.

Спустился с лестницы, миновал кулисы и взобрался на другую лестницу возле окна, через которое пробрался внутрь. Он оказался на чердаке, где валялись горы старых памятных альбомов, изъеденные молью гимнастические костюмы и старые учебники, обгрызенные мышами.

Повернувшись влево, он увидел колосники и мог достать лучом фонарика до блока, который только что прикрепил. Когда он повернул вправо, холодная струя ночного воздуха из отдушины коснулась его лица. Он, продолжая напевать, вынул второй блок и прибил его к стене.

Билли спустился вниз, вылез через окно во двор и взял два ведра со свиной кровью. Предварительная подготовка заняла у него около получаса, но замерзшая кровь даже не начала таять. Он отнес ведра к окну, как фермер, возвращающийся в темноте после первого удоя. Билли поставил ведра внутрь и сам залез следом.

Прогулка по балке оказалась легче, когда он шел с двумя тяжелыми ведрами, которыми мог балансировать для поддержки равновесия. Добравшись до отмеченного места, он поставил ведра, еще раз посмотрел на следы, отмеченные мелом на авансцене, и удовлетворенно кивнул головой. Потом вернулся на платформу. Он подумал, что должен вытереть ведра, когда окончит все пригото-

ния, — на них могли остаться отпечатки пальцев Кенни, а также Дона и Стиви, — но решил, что лучше этого не делать. Может быть, в субботу утром их будет ждать небольшая неожиданность. Подумав так, он криво улыбнулся.

Билли вернулся на середину балки и завязал узлы на ручках обоих ведер, потом протянул веревку сквозь петли и через блок. Перекинул остатки веревки на чердак, перешел на другую сторону и протянул веревку через второй блок. Он, наверное, не был бы в восторге, если кто-нибудь сказал бы ему, что в этом унылом, темном актовом зале, где мягкие, серые клочки пыли, собиравшиеся десятилетиями, цеплялись к его растрепанным волосам, он выглядел как горбатый, полусумасшедший Квазимодо, конструирующий улучшенный вариант мышеловки.

Билли перебросил свободный конец веревки через ступеньку лестницы, которая находилась рядом с вентиляционной отдушиной. Спустился вниз в последний раз и отряхнул руки от пыли. Все было готово.

Он выглянул в окно, потом выскользнул наружу и прыгнул на землю, опустил на место оконную раму, вытащил свой разбойничий ломик и закрыл окно, как сумел, а потом вернулся к автомобилю.

Крис говорила, что есть много шансов, что на тронах будут сидеть Томми Росс и эта сука Уайт. С какого-то определенного момента Крис начала проводить тайную пропагандистскую кампанию среди своих друзей и знакомых. Все они обрадовались бы, если бы это произошло. А если бы кто-то другой оказался на их месте, радости было бы не меньше.

Иногда ему казалось, что было бы неплохо, если бы на троне оказалась сама Крис.

Кэрри встретила с Томми за день до бала. Она ждала его у двери класса. Томми рассказывал, что у нее было такое испуганное лицо, как будто она боялась, что он заорет на нее, чтобы она от него отцепилась.

Кэрри сказала ему, что ей нужно быть дома после бала не позже половины двенадцатого, а то ее мама будет беспокоиться, и что ей не хочется портить ему вечер, но в то же время не хочется расстраивать маму.

Томми предложил ей после бала зайти в Келли Фрут Компани выпить немного пива и съесть по гамбургеру. Все после бала собираются ехать в Вестовер или в Левистон, поэтому в баре никого не будет. Он рассказывал, что Кэрри обрадовалась его предложению. Она сказала Томми, что это было бы прекрасно. Просто прекрасно.

Такой была девушка, которую все считают теперь чудовищем. Мне хотелось бы, чтобы все это хорошо запомнили. Это была девушка, которая радовалась гамбургеру и кружке пива за десять центов. Девушка, которая со своего первого школьного бала хотела вернуться пораньше, чтобы не беспокоить маму...

Первым, что насторожило Кэрри, когда они вошли в зал, была роскошь. Не просто роскошь, а Роскошь с большой буквы. Воздух был тяжелым от запаха цветов, упоительный запах раздражал обоняние. Девушки в платьях с открытыми плечами, с подчеркнутыми талиями, с глубокими декольте, приоткрывающими грудь. Длинные юбки, вечерние туфли. Ослепительно белые смокинги, черные туфли, блестящие как зеркало.

На площадке для танцев было еще немного людей. Движущиеся в полумраке фигуры напоминали бестелесных призраков. Кэрри не хотела видеть в них соучастников. Она предпочитала думать о них как о прекрасных незнакомцах и незнакомках.

Томми поддерживал ее под локоть.

— Хорошие декорации, — заметил он.

— Да, — согласилась она слабым голосом.

Мягкий свет окрашивал картину, подчеркивая фигуру гондольера, склонившегося над веслом, а заходящее солнце окружало его ореолом. Невысокие каменные дома, отражающиеся в водах канала, казалось, шептались между собой. С поразительной ясностью Кэрри вдруг поняла, что эта минута останется с ней навсегда, глубоко отпечатавшись в памяти.

Она не знала, чувствуют ли остальные участники бала то же, что и она — ведь они уже поездили по миру и наяву видели картины и получше, — но даже Джордж молчал целую минуту, они просто стояли и смотрели, а все окружающее, запах и даже звуки оркестра, играющего какую-то знакомую мелодию из кинофильма, — все это оставляло яркое впечатление. Спокойствие. Ее душа вдруг познала спокойствие, как будто все складки в ней были разглажены горячим утюгом.

— Вибрация! — крикнул внезапно Джордж и потащил Фриду на паркет. Он начал танцевать шуточный джиттер-бег под старую, давно забытую мелодию, которую играл оркестр. Кто-то его освистал. Джордж крикнул что-то в ответ, посмотрел исподлобья злым взглядом и, сложив руки на груди, начал плясать быстрый трепак, при этом поскользнулся и чуть не сел на задницу.

Кэрри улыбнулась.

— Джордж очень забавный, — сказала она.

— Ну, конечно. Он хороший парень. Здесь много хороших людей. Ты хочешь присесть?

— Да, — ответила она с благодарностью.

Томми подошел к двери и вернулся с Нормой Уотсон, волосы которой по такому случаю были собраны в большой кок, торчащий вверх.

— Это с другой стороны, — сказала Норма, а в это время ее светлые, прозрачные глаза ощупывали Кэрри с ног до головы, пытаясь найти выглядывающую бретельку лифчика, прыщи, что-нибудь такое, чем она могла бы

позже поделиться с подругами, когда проводит эту пару на их место.

— Какое прекрасное платье, Кэрри. Где ты его достала?

Кэрри рассказала ей про свое платье, пока Норма провожала их вокруг площадки для танцев к их столику. От Нормы сильно пахло мылом Авон, духами Вулворт и жевательной резинкой Джус Фрут.

У столика стояли два складных стула (конечно, украшенные цветной бумагой), а сам столик был покрыт цветной бумагой школьных цветов. Посередине стояла свеча в бутылке от вина, а рядом лежали программа танцев, маленький позолоченный карандашик и два памятных сувенира — гондолы, наполненные ореховой смесью.

— Я не могу этого понять, — сказала Норма. — Ты выглядишь совсем иначе. — Она бросила на лицо Кэрри такой странный взгляд, что Кэрри просто растерялась. — Ты прямо преобразилась. Как ты это делаешь? У тебя есть какой-то секрет?

— Ты не знала, что я любовница Дона Мак Лина? — ответила Кэрри. Томми фыркнул, но тут же овладел собой. Лучистая улыбка Нормы на мгновение угасла. Кэрри была удивлена собственной реакцией и собственным высокомерием. Вот так выглядишь и ты, когда над тобой подшучивают, дорогая. В ее голове родилась не слишком христианская мысль, что у Нормы стало такое выражение лица, будто ее неожиданно пчела ужалила в задницу.

— Ну, я должна возвращаться, — сказала она наконец. — Тебе здесь нравится, Томми? Разве плохо было бы...

— Холодный пот течет ручейками по моим ногам, — признал Томми с убийственным спокойствием в голосе.

Норма неуверенно улыбнулась и отошла. Что-то здесь было не так. Ведь все знали, какова Кэрри на самом деле. Томми снова фыркнул.

— Потанцуем? — предложил он.

Кэрри не умела танцевать, но пока не хотела в этом признаваться.

— Давай пока немного посидим.

Когда Томми подставлял ей стул, она заметила свечу и попросила, чтобы он ее зажег. Их глаза встретились над пламенем свечи. Томми нежно взял Кэрри за руку, а оркестр продолжал играть дальше.

«Приход тени» (стр. 133-134)

Возможно, в один прекрасный день начнется подробное исследование личности матери Кэрри, когда проблема самой Кэрри станет академической. Я сам мог бы начать эти исследования, если бы у меня появился доступ к генеалогическому древу семейства Бригхэм. Очень интересно было бы знать, какие необычные явления происходили в этой семье два или три поколения назад.

Конечно, еще остается тот невыясненный факт, что Кэрри вернулась домой с весеннего бала. Зачем? Трудно сказать, в какой степени Кэрри руководствовалась тогда рациональными мотивами. Она могла стремиться к рассказу и прощению, а могла с самого начала иметь намерение убить свою мать. В любом случае есть прямые доказательства того, что Маргарет Уайт ее ждала...

В доме царила тишина.

Кэрри ушла.

Ночью.

Ушла.

Маргарет Уайт медленно прошла из спальни в гостиную. Сначала появилась кровь, а вместе с ней отвратительные мысли, насланные Дьяволом. Потом та адская сила, которую ей дал Дьявол. Она проявится тогда, когда придет время крови и волос на теле, это ясно. О да, она хорошо знала, что такое адская сила. Ее собственная бабка обладала этой силой. Она могла разжечь огонь в камине даже не вставая из кресла на колесиках, стоящего у окна. В такие минуты ее глаза светились

(ведьмам жить не позволишь)

каким-то колдовским светом. Иногда во время ужина сахарница начинала вращаться над столом. Тогда бабушка хихикала и истекала слюной, глядя злыми глазами. При этом она дышала как собака в жаркий день, а когда она умерла от сердечного приступа в возрасте шестидесяти шести лет, она от старости была уже полной идиоткой. Кэрри тогда не было еще годика. Маргарет вошла в спальню дочери через месяц после похорон бабушки и увидела, что Кэрри лежит в своей кроватке и радостно смеется, глядя на бутылочку с молоком, которая висела в воздухе над ее головой.

Маргарет тогда чуть не убила ее.

Нельзя было этого позволить ребенку.

Теперь она стояла на середине гостиной. Христос с распятия глядел на нее суровым, полным укоризны взглядом. Баварские часы с кукушкой тихо тикали. Было десять минут девятого.

Она чувствовала, как сатанинская сила постепенно овладевает Кэрри. Она снова хотела исполнить свой долг, когда Кэрри было три года и Маргарет поймала ее глядящей на распутную девку из соседнего двора. Но тогда с неба упали камни и у нее не хватило сил. А теперь дьявольская сила снова подняла свою мерзкую голову, через тринадцать лет. Бога не обманешь.

Сначала кровь, а потом сила.

(подпишись под этим, подпишись кровью)

Сейчас парень и танцы, а потом парень пригласит ее в мотель, посадит ее в свой автомобиль, позовет на заднее сиденье, возьмет ее...

Кровь, свежая кровь. Из крови всегда берет начало любое зло, и только кровью его можно смыть.

Маргарет была высокой, полной женщиной с массивными, мускулистыми руками, такими сильными, что локти представляли собой едва заметные углубления среди бугров мышц, но ее голова на крепкой, жилистой шее казалась удивительно маленькой. Когда-то это было красивое лицо. Она по-прежнему была интересной, но глаза приобрели какой-то странный, бегающий взгляд, а линии

вокруг слабых, но крепко сжатых губ безжалостно углубились. Волосы, еще год назад почти полностью черные, теперь были совершенно седыми.

Единственный способ смыть грех, настоящий, черный грех — это смыть его кровью,

(она должна быть принесена в жертву)

текущей из пробитого сердца. Бог это, конечно, понимал и предоставил Маргарет выполнить эту задачу. Разве Бог не приказал некогда Аврааму, чтобы он отвел в горы своего сына Исаака?

Шаркая ногами в старых, растоптанных шлепанцах, она пошла на кухню и выдвинула ящик с кухонными принадлежностями. Нож для разделки мяса был длинным, острым, немного выгнутым посередине лезвия. Маргарет села за кухонный стол на высокий табурет, нашла оселок и начала передвигать вдоль него блестящее лезвие с апатичным выражением лица узника, который не способен оторваться от этого монотонного действия.

Баварские часы с кукушкой тикали и тикали, потом кукушка выскочила и прокуковала один раз.

Восемь часов тридцать минут.

На губах она чувствовала вкус маслин.

Старшие классы приглашаются на весенний бал — 79

27 мая 1979 года

Музыка: Оркестр Билли Босммена

Рок-группа: Джози и Мунгловс

Большая концертная программа

ТАНЦЫ

Коронация в 22-00

Запомни, что это твой бал,

Пусть это будет тем событием,
которого ты никогда не забудешь!

Опекунский совет: Мистер Стефенс, госпожа Геер,
семейство Люблин, господа Дежарден

Когда Томми в третий раз пригласил ее танцевать, Кэрри была вынуждена признаться, что не умеет танцевать. Она не добавила, что теперь, когда рок-ансамбль принял получасовую эстафету, она ни за что не вышла бы на танцевальную площадку. Ей было бы стыдно стоять в кругу танцующих и совершить

(грех)

да, грех.

Томми кивнул головой и улыбнулся. Потом наклонился вперед и тихонько признался ей, что тоже не терпит танцы. Не хочет ли она немного прогуляться и навестить сидящих за соседними столиками? Кэрри почувствовала нервную дрожь, но овладела собой и согласно кивнула головой. Да, конечно, с удовольствием. Томми старался, чтобы ей было хорошо. Она тоже должна постараться (даже если он от нее этого и не ждал), это было частью их договора. А кроме того очарование этого вечера уже овладело ею с неожиданной силой. Внезапно в Кэрри проснулась надежда, что никто не подставит ей ножку, не прицепит тайком к спине надпись «Толкни меня», не плеснет в лицо водой из фужера, чтобы потом убежать, корчась от смеха, в то время, как остальные будут тыкать в нее пальцами, смеясь и свистя.

Если на этом балу и действовали какие-то чары, то это не было заслугой Бога. Это были языческие чары.

— Кэрри? — сказал какой-то знакомый голос.

Она до такой степени погрузилась в наблюдение за танцующими, оркестром и сидящими за другими столиками, что не услышала, как кто-то к ним подошел. Томми пошел за пуншем.

Кэрри обернулась и увидела госпожу Дежарден.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, а в памяти у них проплывали картины,

(она видела меня голой, визжащей, окровавленной)

которые они воспринимали в молчаливом взаимопонимании. Они общались взглядами.

Потом Кэрри несмело сказала:

— Вы сегодня прекрасно выглядите, госпожа Дежарден.

Это соответствовало истине. На госпоже Дежарден было облегающее, поблескивающее серебром платье, прекрасно гармонирующее с ее светлыми волосами, а на шее скромное ожерелье. Она выглядела очень молодо, скорее напоминая участницу бала, чем представительницу администрации.

— Спасибо за комплимент, — госпожа Дежарден заколебалась, а потом положила руку, обтянутую перчаткой, на плечо Кэрри. — Ты великолепна, — сказала она, и в этих словах прозвучало что-то необычное.

Кэрри почувствовала, что снова краснеет и уставилась в пол.

— Это очень мило с вашей стороны. Я знаю, что я не так уж... на самом деле... но в любом случае, спасибо.

— Это правда, — уверила ее госпожа Дежарден. — Кэрри, то, что тогда произошло... это уже давно забылось. Я хотела бы, чтобы ты об этом знала.

— Я не могу об этом забыть, — ответила Кэрри. Она подняла взгляд от стола. Ей очень хотелось сказать: мне не жаль никого, но прикусила язык. Это было бы ложью. Ей сейчас было жаль их всех, а ей теперь больше всего на свете хотелось дружить со всеми. — Но все это кончилось. Теперь все это кончилось.

Госпожа Дежарден улыбнулась. Ее глаза, казалось, ловили и удерживали мигающий свет и поэтому блестели добротой. Она посмотрела на площадку для танцев, а Кэрри последовала глазами за ее взглядом.

— Я помню мой первый бал, — тихим голосом сказала госпожа Дежарден. — В туфлях на каблуках я была на два дюйма выше своего кавалера. Он подарил мне букетик, который по цвету не подходил к моему платью. В его машине оторвался глушитель, и мы ехали со страшным грохотом. Но, ты знаешь, во всем этом была какая-то магия, сама не знаю, в чем она заключалась. После этого у меня уже не было таких вечеров. — Она посмотрела на Кэрри. — Ты тоже это чувствуешь?

— Мне очень хорошо, — ответила Кэрри.

— И это все?

— Нет, что-то большее. Я не могу это выразить и никому не могу об этом сказать.

Госпожа Дежарден улыbnулась и пожала ей руку.

— Ты никогда этого не забудешь, — сказала она. — Никогда.

— Вы, вероятно, правы.

— Желаю тебе хорошо повеселиться, Кэрри.

— Большое спасибо.

Томми, возвращающийся с двумя бумажными стаканчиками пунша, еще успел увидеть, как госпожа Дежарден уходит, направляясь к столу опекунов.

— Что она хотела? — спросил он, осторожно ставя бумажные стаканчики на стол.

Кэрри, глядя вслед госпоже Дежарден, ответила:

— Мне кажется, что она хотела передо мной извиниться.

(мама я не хочу больше держаться за твою юбку, я уже большая)

Ей хотелось, чтобы это было правдой.

— Посмотри, — сказал Томми, когда они встали из-за стола.

Два или три помощника опекунского совета выдвигали из бокового крыла троны для короля и королевы, а главный швейцар, мистер Лаву, размахивал руками, указывая на заранее намеченные места на авансцене. Кэрри подумала, что они похожи на троны при дворе короля Артура, покрыты снежно-белой тканью, украшены живыми цветами и большими флагами из цветной бумаги.

— Они великолепны, — вздохнула она.

— Это ты великолепна, — сказал Томми, и она внезапно почувствовала уверенность, что этим вечером с ней может случиться только очень хорошее. Возможно, даже, Томми и она будут избраны королем и королевой бала. Кэрри улыbnулась собственной сумасшедшей мысли.

Было десять часов.

Сью Снелл сидела в гостиной, подшивая платье и слушая пластинку группы «Джефферсон Аэроплан». Пла-

стинка была старой и сильно поцарапанной, но музыка действовала на нее успокаивающе.

Родители ушли на весь вечер. Они знали, что происходит, Сью была в этом уверена, но они решили сегодня не говорить ей привычные слова типа «мы гордимся нашей маленькой девочкой» или «как мы счастливы, что ты наконец стала взрослой». Сью была рада, что они решили оставить ее одну потому, что она сама до конца не понимала смысла своих поступков, и при этом боялась глубоко в них вникать, чтобы не наткнуться на прослойку эгоизма, просвечивающую сквозь черный, бархатный поверхностный слой подсознания.

Она это сделала и все, она была довольна.

(а если он в нее влюбится)

Сью подняла голову, будто вдруг услышала эти слова, сказанные вслух (возможно, кто-то прячется в коридоре), и неуверенная улыбка появилась на ее губах. Это было бы красивым окончанием всего, как в сказке. Принц склоняется над спящей красавицей, целует ее, и она просыпается.

— Сью, я не знаю, как тебе это сказать, но...

Улыбка погасла.

Ее менструация задержалась почти на неделю. А до этого все шло четко, как часы.

Щелкнул автомат для смены пластинок, и следующий диск опустился под адаптер. В момент внезапной, короткой тишины она почувствовала, как что-то в ней шевельнулось. Может быть, это была душа.

Было девять часов пятнадцать минут.

Билли подъехал к краю автостоянки и поставил машину напротив выезда на автостраду. Крис открыла дверцу и хотела выйти из машины, но он поймал ее и втянул обратно. Глаза Билли зловеще блеснули в темноте.

— Что с тобой? — спросила Крис, в ее голосе смешались злость и беспокойство.

— Они включают радиоузел школы, чтобы объявить имена короля и королевы, а потом оркестр начнет играть

школьный гимн. Это будет означать, что они оба сидят на этих тронах.

— Я знаю. Отпусти, мне больно.

Билли сжал ее запястье еще крепче и почувствовал, как гнутся мягкие косточки. Это доставило ему мрачное удовольствие. Несмотря на боль, Крис не вскрикнула и не застонала. Она владела собой очень хорошо.

— Выслушай меня. Я хочу рассказать тебе обо всем, чтобы ты знала, что я задумал. Потяни за веревку, когда услышишь школьный гимн. Тяни за нее с силой. Веревка немного провиснет на блоках, но не сильно. Когда ты почувствуешь, что ведра падают, сразу убегай. Не задерживайся, чтобы услышать крики или под любым другим предлогом. Это уже не безобидная школьная шуточка, а уголовное преступление, ты знаешь об этом? Если тебя поймают, то твой отец штрафом уже не отделается. Тебя посадят в тюрьму на сто лет и выбросят ключ от камеры.

Для Билли это был невероятно длинный монолог.

В ответ Крис смирила его взглядом, полным с трудом скрываемой злости.

— Ты боишься?

— Да.

— Ладно. Когда ведра упадут, я сразу убегу. Когда я сяду в машину, то немедленно уеду отсюда. Если ты успеешь, то можешь уехать со мной. Если не успеешь, то я оставлю тебя и уеду один. Если тебя поймают и ты втянешь в это дело меня, я убью тебя. Ты веришь мне?

— Да. Убери свои вонючие лапы.

Билли отпустил ее. Невольная улыбка появилась на его лице.

— Ладно, все пройдет гладко.

Они вышли из машины.

Было около половины десятого.

Вик Муни, преподаватель старших классов, громко сказал в микрофон:

— Уважаемые дамы и господа, прошу вас занять свои места. Пришло время для голосования. Мы будем избирать короля и королеву сегодняшнего бала.

— Такие соревнования — это оскорбление для женщин! — крикнула Мира Крис, у которой явно была нечистая совесть.

— И для мужчин! — поддержал ее Джордж Доусон. Все в зале засмеялись. Мира ничего не сказала. Она уже высказала свой показной протест.

— Прошу всех занять свои места! — Вик улыбался у микрофона, улыбался и краснел одновременно, ощупывая прыщ на подбородке. Из-за его плеча выглядывал огромный венецианский гондольер. — Пришло время выборов.

Кэрри и Томми сели за свой столик. Тина Блейк и Норма Уотсон раздавали отпечатанные на фотобумаге избирательные бюллетени. Норма положила один бюллетень на их столик и шепнула:

— Желаю удачи! — Когда Кэрри взяла его и прочла, ей стало нехорошо.

— Томми, тут есть и наши имена!

— Да, я видел, — ответил он. — Во время предварительного голосования за отдельных кандидатов и их партерш их не спрашивают о согласии и даже не оповещают. Поздравляю тебя. Ты хочешь выйти из игры?

Кэрри прикусила губу и посмотрела на него.

— А ты?

— Еще чего не хватало, — ответил он весело. — Если тебя выберут, то не нужно ничего делать, нужно просто сидеть на троне когда играют школьный гимн, потом станцевать с королевой один танец и размахивать скипетром, как полный идиот. Потом тебя сфотографируют для школьного альбома, чтобы все могли видеть, что ты выглядишь как полный идиот.

— За кого мы будем голосовать? — Кэрри неуверенно поглядела на бюллетень и на маленький карандашик, лежащий рядом с ее гондолой со сладостями. — Это скорее твои знакомые, чем мои. — Она непроизвольно засмеялась. — Я и правда здесь никого не знаю.

Томми пожал плечами.

— Давай голосовать за самих себя. Ко всем чертям эту показную скромность.

Кэрри громко рассмеялась и тут же прикрыла рот рукой. Звук собственного смеха показался ей чужим. Быстро, прежде чем успела подумать, Кэрри подчеркнула их собственные фамилии, третьи сверху. Тонкий карандаш сломался в ее руке. Она с трудом набрала воздуха в легкие. Обломок карандаша оцарапал ей палец. Выступила небольшая капелька крови.

— Ты поранилась?

— Ничего страшного. — Кэрри попыталась улыбнуться, но это оказалось трудной задачей. От вида крови ей стало нехорошо. Кэрри вытерла кровь салфеткой. — Я сломала карандаш в руках, а это был памятный сувенир. Ну и дура же я!

— У тебя еще есть эта лодка со сладостями, — утешил ее Томми и подвинул гондолу через столик в ее направлении. — Ты сможешь ею похвастаться дома и перед друзьями. — Что-то сжало Кэрри горло, и она испугалась, что сейчас расплачется и ей будет стыдно перед окружающими. Она с трудом овладела собой, но ее глаза начали подозрительно блестеть. Кэрри склонила голову, чтобы Томми этого не заметил.

Для того, чтобы заполнить паузу, оркестр играл какую-то простенькую мелодию, а в это время члены Подготовительного комитета собирали сложенные избирательные бюллетени. Затем они были сложены на столе опекунов у дверей. Вик Муни, мистер Стефенс и семейство Люблин занялись подсчетом голосов. Госпожа Геер следила за порядком, оглядывая зал унылым, сверлящим взглядом.

Кэрри чувствовала, как невольно начинает нервничать, как судороги охватывают мышцы живота и сводят спину. Она крепко сжала руку Томми. Конечно, все это абсурд. Наверное, никто не собирался за них голосовать. Можно голосовать за жеребца, но не тогда, когда он запряжен в одной паре с ослицей. Изберут Фрэнка и Джессику или Дона Фарнхэма и Хелен Ширс. Или... о, Боже.

Две пачки бюллетеней были значительно выше остальных. Мистер Стефенс окончил разделять бюллетени, и вся

четверка начала по очереди пересчитывать две самые высокие стопки бюллетеней, которые с виду были одинаковыми. Опекуны шепотом посовещались, а потом пересчитывали бюллетени еще раз. Мистер Стефенс кивнул головой, в последний раз аккуратно подровнял пачку бюллетеней, будто собирался сдавать карты для игры в покер, и отдал их Вику. Вик Муни снова поднялся на сцену и остановился перед микрофоном. Оркестр Билли Босмена заиграл фанфарный марш, Вик нервно улыбнулся, откашлялся и чуть не упустил пачку бюллетеней на пол, покрытый толстыми электрическими кабелями. Кто-то громко засмеялся.

— Кажется, у нас есть проблемы, — откровенно сказал Вик. — Мистер Люблин говорит, что подобный случай произошел впервые в истории школы...

— Интересно, сколь длинна его память? — спросил кто-то за спиной Томми. — Он, наверное, помнит тысяча восьмисотый год.

— Нам предстоит разгрызть крепкий орешек.

Толпа вокруг зашумела.

— Я бегу за своей вставной челюстью! — завизжал Джордж Доусон. Кое-кто засмеялся. Вик снова чуть не уронил бюллетени. Ему удалось криво улыбнуться.

— Шестьдесят три голоса за Фрэнка Гриера и Джессику Мак Лин и шестьдесят три голоса за Томаса Росса и Кэрри Уайт.

Наступила минута тишины, после чего раздались громкие крики «Браво!» Томми поглядел на свою партнершу. Кэрри опустила голову как будто от стыда. Внезапно у Томми появилось странное чувство,

(Кэрри, Кэрри, Кэрри)

подобное тому, которое возникло у него когда он приглашал Кэрри на бал. У Томми создалось впечатление, будто что-то чужое шевелится в его мозгу, без конца повторяя имя Кэрри. Как будто...

— Внимание! — кричал Вик. — Прошу минуту внимания! — Аплодисменты стихли. — Мы будем проводить дополнительное голосование. Вы получите листики бума-

ги, на которых мы просим написать имена избранной вами пары.

Вик с облегчением отошел от микрофона.

Раздали листики бумаги, в спешке оторванные от неиспользованных программ бала. Оркестр играл, но никто не обращал на это внимания. Все возбужденно разговаривали.

— Это не нам аплодировали, — сказала Кэрри, поднимая голову. Странное чувство (может быть, ему это только показалось) исчезло. — Наверное, не нам.

— Может быть, аплодировали только тебе.

Кэрри посмотрела на него, не в состоянии сказать ни единого слова.

— Почему все это так долго тянется? — спросила она его шепотом. — Я слышала, как они аплодировали. Наверное, это было чествование. Что-то не так... — Джутовая веревка свободно висела между ними, к ней никто не прикасался с тех пор, когда Билли вытащил ее через вентиляцию наружу, помогая себе отверткой.

— Не бойся, — сказал он спокойно. — Подожди, пока оркестр заиграет школьный гимн. Они всегда так делают.

— Но...

— Заткнись. Ты слишком много шелкаешь клювом. — Кончик его сигареты ярко засветился в темноте.

Она заткнулась. Но

(о, когда это все кончится, ты получишь все свое, парень, сегодня ты будешь спать один)

в душе она с бешенством повторяла его слова, чтобы не забыть их позже. Никто никогда не говорил с ней таким тоном. Ведь ее отец — известный адвокат.

Было без семи минут десять.

Томми, сжимая в руке сломанный карандаш, уже собирался написать фамилии, когда Кэрри слегка, несмело коснулась его плеча.

— Нет...

— Что ты говоришь?

— Не пиши наши фамилии, — выдавила она из себя.

— А почему нет? — Томми иронично поднял брови. — А почему бы и нет. Зернышко к зернышку, и соберется мерка, как говорит моя мама.

(мама)

Перед ее глазами сразу появился образ мамы, без конца бормочущей молитвы своему сильному, монументальному, бестелесному Богу, который бродит по улицам с огненным мечом в руке. Ее залила черная волна страха, Кэрри изо всех сил боролась, чтобы сопротивляться ему. Она не смогла бы сказать, почему ею внезапно овладело страшное предчувствие какого-то надвигающегося кошмара. Она могла только слабо улыбаться и повторять:

— Нет. Ну пожалуйста.

Распорядители еще не возвращались, собирая сложенные листики бумаги. Томми на мгновение заколебался, а потом вдруг решил и написал на смятом листке бумаги «Томми и Кэрри».

— Это для тебя, — сказал он. — Сегодня твой вечер.

Кэрри была не в состоянии ответить. Страшное предчувствие овладело ею без остатка. Перед глазами она видела лицо матери.

Лезвие соскользнуло с оселка и глубоко рассекло ее ладонь ниже мизинца.

Она посмотрела на разрез. Открытая рана медленно наполнялась густой кровью, которая стекала с ладони и капала на вытертый линолеум, покрывающий пол кухни. Это хорошо. Это очень хорошо. Острие ножа выпило кровь и познало вкус тела. Она не стала бинтовать руку, а только наклонила руку над ножом, позволяя, чтобы темные капли падали на лезвие, блестящее острым блеском, а потом снова начала точить нож, не обращая внимания на то, что кровь пачкает ее платье.

Если тебя обидит твой правый глаз, то выколи его.

Слова Святого писания были суровыми и в то же время сладкими и будоражащими. Подходящие слова для тех, кто прячется в мрачных коридорах подозрительных гостиниц и в густых кустах, которыми поросли укромные места.

Выколи его.

(и та суетливая музыка, которую они слушают)

Выколи его.

(девушки, выставяющие напоказ свое тело, нежатся, как суки и этот запах крови)

Выколи!

Часы с кукушкой начали бить десять и

(выпотрошишь ее внутренности)

если обидит тебя твой правый глаз, выколи его.

Платье было готово, и Сью больше нечем было заняться. Она не могла ни смотреть телевизор, ни читать, ни позвонить Нэнси. Ей было нечего делать, кроме того, чтобы сидеть на диване и вглядываться в темноту за кухонным окном. Сидя так, она чувствовала, как в ней нарастает какой-то неопределенный страх, как будто через минуту должно было произойти что-то ужасное.

Она глубоко вздохнула и рассеянно начала растирать плечи, покрытые гусиной кожей. Часы показывали двенадцать минут одиннадцатого, и не было никакого повода, чтобы появилось такое чувство, будто само существование всего мира приближается к концу.

На этот раз бумаг было больше, но, как и прежде, стопки выглядели одинаковыми. Они снова были трижды пересчитаны для уверенности. Затем Вик Муни еще раз подошел к микрофону. Какое-то время он молчал, впитывая в себя атмосферу ожидания, царившую в зале, а потом сказал без всяких оценок:

— Победили Томми и Кэрри с перевесом в один голос.

Наступила мертвая тишина, а потом зал наполнился аплодисментами, иногда они звучали издевательски. Обеспокоенная Кэрри резко втянула воздух сквозь зубы, а

Томми снова почувствовал (на этот раз только на секунду) то же сумасшедшее головокружение,

(Керри, Кэрри, Кэрри)

которое как бы убирало из его мозга все, кроме имени и образа этой странной девушки, сидящей напротив него. Какое-то мгновение он чувствовал парализующий его испуг.

Что-то со звоном упало на пол, и в ту же минуту свеча, стоящая между ними на столе с шипением погасла.

А после этого Джози и Мунгловс заиграли мелодию в стиле рок, рядом с их столиком как из-под земли выросли распорядители (все это было заранее четко рассчитано госпожой Геер, которая — как гласили слухи — в клочья рвала нерадивых). Томми сунули в руки скипетр, Кэрри набросили на плечи плащ с большим меховым воротником, и их обоих провели по середине зала девушка и парень в белых куртках. Музыка гремела. В зале раздавались аплодисменты. Госпожа Геер зорко следила за всем, что происходило. Томми бездушно и бездумно улыбался.

Эскортируемые распорядителями бала они поднялись по ступенькам на авансцену, подошли к тронам и сели. Аплодисменты усилились. Если до этого в них звучала язвительная нота, то теперь она исчезла, теперь аплодисменты были теплыми и откровенными, они немного пугали. Кэрри села с облегчением, все происходило слишком быстро. Ноги под ней согнулись, и, несмотря на то, что у ее платья было относительно небольшое декольте, ей внезапно показалось, что ее грудь

(эта гадость)

совершенно обнажена. От звука аплодисментов у нее кружилась голова, как будто она перепила пунша. Какая-то часть ее существа была убеждена, что все это сон и что она проснется со смешанным чувством сожаления и стыда.

Вик кричал в микрофон:

— Король и королева весеннего бала семьдесят девятого года... Томми Росс и Кэрри Уайт!

Очередной взрыв аплодисментов, громких, полных энтузиазма. Сейчас, в последние минуты своей жизни, Томми взял Кэрри за руку и улыбнулся ей, думая о том, что Сью была права. Кэрри с трудом ответила ему улыбкой. Томми

(она была права, я люблю ее, но я люблю также эту другую, эту Кэрри, она прекрасна, и я люблю их обеих, этот блеск, этот блеск в ее глазах)

и Кэрри

(не вижу их света, но ясно слышу их, но вижу душ, помню душ, о мама, я слишком высоко, я уже хочу спуститься на пол, они наверное надо мной смеются, сейчас начнут показывать на меня пальцами, визжать и свистеть, не вижу их, не вижу четко)

и балка над их головами.

Оба оркестра, объединив свои усилия в неожиданно гармоничном соединении рока и биг-бенда, вдохновенно начали играть школьный гимн. Все присутствующие встали и, не прекращая аплодировать, запели.

Было семь минут одиннадцатого.

Билли распрямил плечи, потянулся так, что у него в коленях что-то треснуло. Крис Харгенсен стояла рядом с ним, все больше нервничая. Ее руки бессознательно блуждали по швам джинсов, которые были на ней, и она все время покусывала свою нижнюю губу почти до крови.

— Ты думаешь, что проголосуют за них? — спросил Билли тихонько.

— Точно, — уверила она его. — Больше не за кого. Почему они продолжают хлопать? Что там происходит?

— Не спрашивай меня, маленькая, я...

Вдруг громко зазвучал школьный гимн, широко гремя в теплом майском воздухе. Крис подпрыгнула, как ошпаренная. У нее вырвался негромкий крик.

«Пусть громко звучит школьная песнь...»

— Ну, начинай, — сказал Билли. — Уже пора. — Его глаза слегка поблескивали во мраке. На лице его блуждала странная улыбка.

Крис облизнула губы. Они оба поглядели на джутовую веревку.

«Поднимем наше знамя к небесам...»

— Заткнись, — шепнула она. Крис вся тряслась, и Билли подумал, что еще никогда ее тело не выглядело так возбуждающе, как сейчас. Когда все кончится, он отвезет ее в гостиницу и так с ней устроится, как никогда раньше. Он будет издеваться над ней всю ночь, до самого утра.

— Ну что, маленькая, боишься? — Он склонился вперед. — Я за тебя этого делать не буду, маленькая. Я могу стоять тут до самой смерти.

«Красный цвет сольется с белым...»

С внезапным сдавленным криком она наклонилась, схватила веревку обеими руками и потянула изо всех сил. Какое-то время не чувствовалось никакого сопротивления, и она уже начала думать, что Билли все время обманывал ее и что веревка ни к чему не была привязана. Вдруг веревка натянулась и вырвалась из ее рук, больно ободрав ладони.

— Что... — начала она говорить.

Мелодия внезапно превратилась в какофонию и превралась. Песня какое-то время продолжалась и постепенно умолкла. Наступила странная тишина. Потом кто-то закричал. И снова тишина.

Они поглядели друг на друга в темноте, напуганные сознанием того, что они сделали. Крис почувствовала, как ледяной обруч сжимает ее горло.

В зале раздался смех.

Было десять двадцать пять, и чувство страха с каждой минутой все усиливалось. Сю стояла у газовой плиты и ждала, когда закипит молоко, чтобы выпить какао. Она дважды поднималась наверх и собиралась лечь спать и дважды отказывалась от этой мысли. Какая-то необъяснимая сила тянула ее к кухонному окну, которое выходило

на Брикхем Хилл и вьющееся спиралью шоссе, ведущее в город.

Когда наконец сирена, помещенная на крыше ратуши на Мэйн-стрит начала панически разрывать ночную тишину, Сью даже не вздрогнула, а только спокойно выключила газ, чтобы молоко не подгорело, а потом повернулась к окну.

Городская сирена обычно включалась в полдень, а все остальное время молчала, кроме тех редких случаев, когда в городе происходил пожар. Ее обычно использовали только в аварийных ситуациях. В пустом доме вой сирены был похож на звук из фильмов ужасов.

Не спеша она подошла к окну. Звук сирены усиливался и ослабевал. Где-то вдали гудели автомобили, как будто проезжал свадебный поезд. В темном стекле Сью видела свое отражение — открытый рот, широко раскрытые глаза — до тех пор, пока от тепла ее дыхания стекло не запотело.

В ней проснулось полузабытое воспоминание. В начальной школе они, еще совсем детьми, принимали участие в занятиях по противовоздушной обороне. Когда учительница хлопала в ладони и кричала: «Тревога!», нужно было залезть под парту, охватить голову руками и ждать, пока не окончится налет или пока учительница не крикнет: «Отбой!» Теперь снова со всей выразительностью

(тревога)

она слышала это слово, которое вернуло ей прежние ощущения.

Далеко внизу, слева, там, где находилась школьная автостоянка, — которая благодаря рядам неоновых ламп составляла неплохой пункт для ориентации в темноте, хотя само школьное здание видно не было, — что-то блеснуло так, будто Бог высек искру.

(это там, где цистерны со смазкой)

Искорка задрезбужала и расцвела апельсиновым пламенем. Теперь школу было хорошо видно, потому что она горела.

Сью доставала из шкафа плащ, когда первый глухой, сильный взрыв потряс весь дом. Пол задрожал. В буфете зазвенели фарфоровые чашки.

*Норма Уотсон «Мы пережили Ночь Разрушения»
(фрагмент, опубликованный в «Ридер Дайджест»
в сентябре 1980 года)*

...и все произошло так быстро, что никто не сумел понять, что же именно случилось. Все стояли, аплодировали и пели школьный гимн. Потом — я стояла возле стола распорядителей бала прямо у главного входа, напротив сцены — что-то блеснуло, когда свет прожекторов над авансценой отразился от каких-то металлических предметов. Рядом со мной стояли Тина Блейк и Стелла Хоран, мне кажется, что они тоже это увидели.

И внезапно сверху хлынул поток чего-то красного, что облило картину и потекло по ней струями. Я почему-то сразу поняла, что это была кровь. Стелла Хоран думала, что это была краска, но у меня появилось какое-то предчувствие, совсем как тогда, когда мой брат попал под грузовик и погиб.

Они промокли до нитки, Больше всего досталось Кэрри. Она выглядела так, будто ее окунули в ведро с красной краской. Она сидела не двигаясь и даже не вздрогнула. Досталось также оркестру, который сидел на ближней сцене. Джози и Мунгловс. У одного из них была белая гитара — и она стала совершенно красной.

— О Боже, это кровь, — сказала я.

Когда я это сказала, Тина закричала. Она закричала так громко, что в зале отразилось эхо.

Присутствующие в зале перестали петь, и наступила тишина. Я не могла заставить себя сдвинуться с места и была потрясена до глубины души. Я посмотрела вверх. Высоко над тронами висели два ведра. Они раскачивались и стучались друг о друга. Из ведер все еще капала кровь. Вдруг ведра упали на пол, потянув за собой длинный

шнур. Одно из них ударило Томми Росса по голове. Звук был очень громкий, как удар гонга.

И тогда кто-то засмеялся. Не знаю, кто это был, но это был не тот смех, который возникает у человека, когда он видит что-то забавное. Это был ужасный, истеричный смех. От него мурашки по коже бегали.

И в эту минуту Кэрри широко раскрыла глаза.

В этот момент уже все начали смеяться. Я тоже смеялась. Бог меня простит. Это все выглядело так... ненормально.

Когда я была маленькой девочкой, у меня была книжка Уолта Диснея «Песня Юга», и в ней были сказки дядюшки Римуса о смоляном кролике. На картинке смоляной кролик сидел на середине дороги и выглядел как один из старых негритянских певцов с черным лицом и телом и большими белыми глазами. Когда Кэрри открыла глаза, она выглядела точно так же. Она была вся красная, только глаза остались белыми. Свет отражался в них так, будто они были стеклянными. Пусть простит меня Бог, но она была похожа на Эдди Кантора, этого старого комического актера, когда он по-своему вытирачивал глаза.

Поэтому все смеялись все громче и громче и не могли остановиться. Это была одна из тех ситуаций, когда человек или смеется, или сходит с ума. Кэрри так давно была для всех нас посмешищем, что мы все чувствовали, что сегодня вечером мы участвуем в чем-то необычном. Мы видели, как несчастное, измученное существо снова становится человеком и все (по меньшей мере я сама) благодарили за это Бога. А потом произошло все это. Весь этот ужас.

И ничего нельзя было поделать. Нужно было или смеяться, или плакать, а кто мог бы плакать над Кэрри после всех предыдущих лет?

Она сидела и смотрела в зал, а зрители смеялись все громче. Они сгибались пополам и хватались за животы, и показывали на нее пальцами. Один Томми на нее не смотрел. Он откинулся назад, на спинку трона, и будто

уснул. Нам не было видно, что он ранен, ведь он был весь покрыт кровью.

А потом ее лицо... как бы лопнуло. Я не знаю, как это иначе описать. Она подняла руки к лицу и шатаясь встала со своего трона, запуталась в собственных ногах и упала, и тогда смех зазвучал еще громче. Потом она как будто... спрыгнула или скатилась со сцены. Она была похожа на большую красную лягушку, прыгающую с листа кувшинки. Она снова чуть не упала, но на этот раз удержалась на ногах.

Госпожа Дежарден перестала смеяться и подбежала к ней с протянутыми руками. Но до нее не добежала, вдруг повернула и наткнулась на стену рядом со сценой. Это было совершенно непонятно. Она не споткнулась или что-нибудь еще в этом духе. Это все выглядело так, будто кто-то ее толкнул, но ведь никого рядом с ней не было.

Кэрри ринулась бегом сквозь толпу, закрывая руками лицо, но кто-то подставил ей ногу. Я не знаю, кто это сделал, но Кэрри растянулась на полу и с разгона поехала вперед, оставляя позади себя широкую красную полосу крови. Она закричала. Я хорошо это помню. Я еще сильнее начала смеяться, когда услышала, как Кэрри крикнула. Она ползла по полу, пока не сумела подняться на ноги, и побежала дальше. Она миновала меня так близко, что я почувствовала запах крови. От нее пахло, как от испорченного мяса.

Кэрри сбежала вниз по ступенькам, перепрыгивая по две ступеньки сразу, и исчезла за дверями.

Смех немного поутих. Некоторые из присутствующих начали принахиваться. Ленни Брук вынул большой белый платок и вытирал глаза. Салли Мак Манус была бледной как простыня, как будто она собиралась упасть в обморок, но еще продолжала хихикать и не могла остановиться. Билли Босмен стоял не двигаясь с дирижерской палочкой в руке и только тряс головой. Господин Люблин сидел рядом с госпожой Дежарден и кричал, чтобы кто-нибудь принес ему салфетку. У госпожи Дежарден текла кровь из носа.

Вы должны понять, что все это продолжалось не более двух минут. Еще никто не успел прийти в себя, все были буквально оглушены. Некоторые люди пытались что-нибудь сказать, но не могли найти подходящих слов. Хелен Ширс расплакалась, и тогда другие девушки тоже начали плакать.

Потом кто-то закричал:

— Вызовите врача! Эй, вызовите врача, скорее!

Это был Джози Вик. Он поднялся на сцену и стал на колени возле Томми Росса, а его лицо было белым, как мел. Он пытался поднять Томми, но трон перевернулся, и он упал на пол.

Никто не пошевелился, все только смотрели. Мне казалось, что я превратилась в ледяную статую. Я могла только повторять про себя: О Боже, О Боже, О Боже. А потом в мои мысли что-то ворвалось, и это выглядело так, как будто это думала не я, а какой-то посторонний человек, Я подумала о Кэрри и о Боге. Все у меня в голове смешалось, и это было ужасно.

Стелла посмотрела на меня и сказала:

— Кэрри вернулась.

А я ей ответила:

— Да, ты права.

Все двери, ведущие в коридор, одновременно с грохотом захлопнулись. Это звучало так, будто кто-то очень громко хлопнул в ладони. Кто-то сзади испуганно вскрикнул. С этого момента началась паника. Люди в страхе бросились к дверям. Я осталась на месте и только глядела, не веря собственным глазам. Я увидела — за минуту до того, как первые добежали до дверей и начали их дергать, — что Кэрри заглядывает внутрь. Лицо ее было испачкано кровью, и она выглядела как индеец на военной тропе.

Она улыбалась.

Первые несколько человек добежали до дверей, стучали в них кулаками, но двери даже не дрогнули. Толпа все больше сжималась. Я видела, как те, кто был впереди, были безжалостно смяты среди криков и стонов. Двери не

хотели открываться, а ведь их никогда не запирали на замок. Это один из школьных законов.

Люди в панике толкались, как стадо скота. Мистер Стефенс и господин Люблин пробрались сквозь толпу и начали оттаскивать ребят назад, хватая их за пиджаки, за платья, за все, что попадалось под руку. Мистер Стефенс ударил нескольких девушек по лицу и подбил глаз Вику Муни. Он кричал на всех, чтобы они убегали из зала через аварийный выход. Некоторые его послушались и остались живы.

И тогда в зале начал идти дождь... по меньшему мере мне сначала так показалось. Во всем зале с потолка потекла вода. Я поглядела вверх и увидела, что все пожарные гидранты открыты. Вода заливала баскетбольную площадку и разбрызгивалась вокруг. Джози Врек закричал на парней из своего ансамбля, чтобы они выключили из сети усилители и микрофоны, но все музыканты разбежались. Джози прыгнул со сцены.

Паника у дверей наконец прекратилась. Все возвращались, поглядывая на потолок. Я услышала, как кто-то — кажется, Дон Фарнхэм — говорит:

— Вода полностью уничтожит баскетбольную площадку.

Несколько человек подошло посмотреть на Томми Росса. Вдруг я почувствовала, что должна оттуда выбраться. Я схватила Тину Блейк за руку и закричала:

— Убегаем! Быстро!

Чтобы забраться на аварийный выход, нужно было пройти по короткому коридору слева от сцены. Там тоже были расположены гидранты, но они не были открыты. Двери были раскрыты — я видела, как несколько человек выбежали сквозь них, но большинство людей просто стояло небольшими группками вокруг, неуверенно глядя друг другу в глаза. Кое-кто смотрел на полосу крови на полу в том месте, где Кэрри упала. Вода уже почти полностью смыла кровь.

Я взяла Тину за руку и начала тащить ее к двери с надписью: «Выход». В эту минуту я увидела яркую вспыш-

ку и слышала пронзительный крик и голоса встревоженных людей. Я оглянулась и увидела Джози Врека, который держался руками за микрофонную стойку и не мог оторваться от нее. Глаза его вылезали из орбит, волосы встали дыбом: он корчился так, будто исполнял па какого-то очень современного танца. Его ноги скользили по мокрому полу, а сорочка начала дымиться.

Джози перевернулся на одну из звуковых колонок — это были большие ящики, — и колонка упала в воду. В зале пронзительные крики слились в общий шум, который буквально разрывал барабанные перепонки, потом снова что-то вспыхнуло, зашипело, и наступила тишина. Сорочка Джози загорелась.

— Бежим! — крикнула Тина. — Пойдем скорее, Норм! Я тебя умоляю!

Мы побежали по коридору. На заднике сцены что-то взорвалось — это, наверное, сгорели все предохранители. Я успела оглянуться на одно мгновение. С моего места было видно сцену и тело Томми, потому что занавес был поднят. Все тяжелые электрические кабели плясали в воздухе, изгибаясь и сворачиваясь, как змеи, которых заклинает индийский факир. Потом один из кабелей разделился пополам. Я увидела фиолетовую вспышку, когда кабель упал в воду, и все снова начали кричать.

Вскоре мы оказались за дверями зала и побежали через автостоянку. Я, наверное, кричала, но точно этого не помню. Я ничего не помню с того момента, как в зале поднялся крик. С тех пор, как провода под напряжением упали на залитый водой пол...

Для Томми Росса, восемнадцати лет, конец пришел быстро и милосердно, почти безболезненно.

Он даже не понял, что происходит что-то серьезное. Томми слышал металлический звон, который напомнил ему

(несут ведра с молоком)

детство, ферму дядюшки Галена, а потом

(кто-то что-то уронил)
рок-ансамбль. Он перехватил взгляд Джози Врека,
вглядывающегося во что-то над его головой,
(что у меня там, ореол что ли)
и в следующую минуту ему упало на голову ведро, еще
на четверть наполненное кровью. Выступающий край
ведра, окантовка дна, ударил его по макушке, и
(ой, как больно)

он сразу потерял сознание. Томми все еще лежал на
сцене, когда аппаратура ансамбля «Джози и Мунгловс»
загорелась огнем. Потом огонь охватил картину, представ-
ляющую венецианского гондольера, и перебросился на
груды старой одежды, книг и бумаги, которые лежали за
сценой и выше, на колосниках.

Когда через полчаса взорвалась цистерна со смазочны-
ми материалами, Томми уже был мертв.

*Телеграмма, полученная Ассошиэйтед Пресс,
Новая Англия, 22 часа 46 минут
Чемберлен, штат Мэн (АП)*

В средней школе имени Ивена произошел пожар. Огонь
погасить не удалось. Во время возникновения пожара,
вызванного, очевидно, неисправностью электрооборудо-
вания, в школе был танцевальный вечер. Свидетели сооб-
щают, что противопожарная система в здании школы была
включена без предупреждения, что спровоцировало ко-
роткое замыкание в электрическом оборудовании рок-ан-
самбля. Несколько свидетелей информируют также о
неисправности главных кабелей электропитания. Можно
допустить, что по меньшей мере сто десять человек были
заперты в школьном гимнастическом зале, где произошел
пожар. Пожарные команды из соседних городов Вестовер,
Моттон и Левистон были вызваны на подмогу и в данный
момент уже прибыли (или вскоре придут) на место
происшествия. До сих пор не известно точное число жертв.
Точка. 22. 46. 27 мая.

СРОЧНО

Чемберлен, штат Мэн (АП)

В небольшом городке Чемберлен сильный взрыв уничтожил среднюю школу имени Йвена. Три местных пожарных автомобиля, высланных с целью гашения пожара, который начался в школьном гимнастическом зале, где происходил школьный бал, прибыли слишком поздно. Все противопожарные гидранты в районе были уничтожены. Давление воды в местной водонапорной сети от Спринг-стрит до Грасс Плаза упало до нуля. Один из пожарников сообщил: «С этих проклятых гидрантов сорвало крышки, вода из них фонтанами рвалась вверх, в то время как эти дети горели заживо. Пока найти удалось только три тела. Одного из них идентифицировали как труп Томаса Меарса, местного пожарника. Два остальных трупа, это, наверное, участники бала. Трех пожарников транспортировали в больницу города Моттон с тяжелыми ожогами и признаками отравления угарным газом. Можно допустить, что взрыв наступил в тот момент, когда огонь добрался до цистерн с бензином и смазочными материалами, которые были расположены неподалеку от гимнастического зала. Пожар, по всей вероятности, был вызван неисправностью электрооборудования рок-ансамбля в результате аварии противопожарной системы в здании школы. Точка. 23. 22. 27 мая.

Сью еще не получила права на вождение автомобиля, но, несмотря на это, взяла ключи от маминой машины с гвоздика рядом с холодильником и побежала в гараж. Кухонные часы показывали ровно 23. 00.

С первой попытки она залила свечи. Заставила себя подождать пару минут, прежде чем сделала следующую попытку завести машину. На этот раз мотор закашлялся,

но завелся. Она выехала задом из гаража, вслепую, зацепившись бампером за ворота. Она резко вывернула руль, но задние колеса забуксовали на жужелище. «Плимут» 1977 года метался по дороге как пьяный, почти доводя ее до тошноты. Только теперь Сью поняла, что все время постанывает и тихонько скулит как зверь, пойманный в ловушку.

Она игнорировала знак «Стоп», помещенный на перекрестке шоссе №6 и Блек Чемберлен Род. С востока, где Чемберлен граничил с Вестовером, и с юга, со стороны Моттона, доносился вой сирен пожарных машин.

Сью доехала почти до половины подъема, когда здание школы взорвалось.

Обеими ногами она со всех сил нажала на педаль тормоза и безвольно упала грудью на руль, как сломанная кукла. Шины завизжали на дорожном покрытии. Сью каким-то образом сумела найти ручку и открыла дверцу машины, потом вышла и остановилась на обочине, прикрыв глаза руками от нестерпимого блеска.

Столб огня взметнулся к небу, подняв вместе с собой куски жести, которые раньше покрывали крышу, куски дерева и горящие обрывки бумаги. Над всем поднимался тяжелый, густой дым. Вся Мэйн-стрит в мгновение ока как бы осветилась фотовспышкой. В эту страшную долю секунды Сью увидела, что крыло здания, в котором располагался гимнастический зал, превратилось в горящие руины.

Минутой позже взрывная волна отбросила ее назад. Какой-то мусор, подхваченный порывом ветра, пролетел рядом с ней со страшной силой. В лицо ей ударила горячая волна, которая мимолетно напомнила

(запах как в метро)

поездку в Бостон год назад. Стекла в окнах бара Билла и Келли Фрут Компани зазвенели и провалились внутрь.

Сью перевернулась на бок. Огонь освещал всю улицу адским светом. Потом все стало происходить как при замедленной съемке, в то время как ее мозг продолжал суммировать факты

(умерли, они все умерли, Кэрри, почему я думаю о Кэрри)

в каком-то уголке памяти. Подъезжали автомобили, со всех сторон подбегали люди в ночной одежде — ночных сорочках, пижамах, халатах. Из фронтальных дверей здания, в котором находились местный полицейский участок и суд города Чемберлен, вышел мужчина. Он медленно двигался. Автомобили тоже ехали очень медленно. Даже бегущие люди двигались медленно.

Сью увидела, как мужчина, стоящий на ступеньках здания полицейского участка, прикладывает руки ко рту и что-то кричит, но его слова заглушал вой сирен пожарных машин, звук городской сирены и громкая какофония пожара. Это звучало примерно так:

— Эй, ты там! Внимание, идиоты!

Улица была залита водой до самой бензоколонки Тедди Амоко. В воде отражались танцующие языки пламени.

— Эй, там...

А потом весь мир взорвался.

Фрагмент данных под присягой показаний Томаса А. Квилана перед Следственной комиссией штата Мэн в связи с происшествиями, которые имели место ночью с 27 на 28 мая в городе Чемберлен, штат Мэн (приведенная сокращенная версия взята нами из книги под названием: «Ночь разрушения: рапорт Комиссии по делу Уайт», Нью-Йорк, 1980 г.)

Вопрос: Мистер Квилан, вы постоянно живете в городе Чемберлен?

Ответ: Да.

В.: Вы можете дать нам свой адрес?

О.: У меня есть квартира под бильярдным залом, в котором я работаю. Я подметаю пол, убираю со столов, обслуживаю автоматы — вы знаете, игральные автоматы.

В.: Где вы были вечером 27 мая в 22 часа 30 минут?

О.: Ну... если говорить правду, то я был заперт в камере полицейского участка. Вы понимаете, я обычно получаю зарплату по четвергам. Потом я выхожу в город, чтобы немного выпить и поразвлечься. Я пошел в «Кавалер», чтобы выпить пару кружек пива и поиграть в покер в задней комнате. Но у меня есть привычка немного пошуметь, когда я выпью. Все начинает кружиться у меня перед глазами. Смешно, правда? Как-то я разбил стулом голову одному типу и тогда...

В.: Вы имели привычку попадать в полицейский участок каждый раз, когда вас охватывало это настроение?

О.: Конечно. Большой Отис — это мой друг.

В.: Вы имеете в виду Отиса Дойла, шерифа этого округа?

О.: Конечно. Отис сказал мне, чтобы я всегда заходил к нему, когда у меня появится желание набедокурить. За день до школьного бала я играл в покер с друзьями в «Кавалере», и через какой-то промежуток времени мне начало казаться, что Марсель Дуби мошенничает. Если бы я был трезв, то не обратил бы внимания, но я немного выпил, и меня понесло. Я понимаю, что распускать руки нельзя, и решил пойти в полицейский участок. Плесси был на дежурстве и запер меня как положено в арестантской камере №1. Хороший парень этот Плесси. Я был знаком с его матерью много лет тому назад.

В.: Мистер Квилан, не можем ли мы вернуться к тому, что произошло ночью двадцать седьмого числа в 22 часа 30 минут?

О.: Мы все время об этом говорим, не правда ли?

В.: Я очень надеюсь на это. Прошу вас, продолжайте, пожалуйста.

О.: Ну так вот, Плесси запер меня в камере в пятницу под утро, где-то без четверти два, и я сразу завалился спать. Можно сказать, что моя соображаловка выключилась. Проснулся я около четырех часов дня и принял сразу три таблетки Алка-Селтзер, и снова уснул. Вот так у меня всегда. Я могу проспать целые сутки подряд. Большой Отис говорит, что стоит тщательно исследовать,

как я это делаю, и запатентовать мой метод. Он говорит, что таким образом можно избавить человечество от многих мучений.

В.: Никто в этом не сомневается, мистер Квилан. А что было, когда вы проснулись во второй раз?

О.: Я проснулся около десяти часов в пятницу вечером, почувствовал ужасный голод и вышел поискать что-нибудь перекусить.

В.: Вас оставили одного в открытой камере?

О.: Конечно. Когда я трезв, лучшего человека не найти. Фактически только один раз...

В.: Прошу, расскажите Комиссии только о том, что вы видели, выйдя на улицу.

О.: Начала выть сирена на городской ратуше, значит, что-то произошло. Я чертовски испугался. Я не слышал городской сирены с той ночи, когда окончилась война во Вьетнаме. Ну я вышел из камеры, а в участке ни одной суки не было. Я подумал, что Плесси за это получит свое. Ведь кто-нибудь должен постоянно находиться у телефона, может быть срочный вызов. Я подошел к окну и выглянул.

В.: Из этого окна видно школу?

О.: Конечно. Люди бегали вокруг и кричали. Среди них я увидел Кэрри Уайт.

В.: Вы до этого когда-нибудь видели Кэрри Уайт?

О.: Нет, конечно.

В.: Почему же вы поняли, что это была именно она?

О.: Это трудно объяснить.

В.: Вы убеждены, что видели ее?

О.: Она стояла под фонарем возле гидранта на углу Мэйн-стрит и Спринг-стрит.

В.: Что-нибудь тогда произошло?

О.: А как же. Вся крышка гидранта разлетелась в разные стороны. Влево, вправо и просто вверх.

В.: Когда произошла эта... авария?

О.: Примерно без двадцати одиннадцать. Позже это не могло случиться.

В.: А что произошло потом?

О.: Она пошла по улице. Если бы только вы увидели, как она выглядела. Она была одета в какое-то вечернее платье, а скорее всего в то, что от него осталось, и вся была залита водой из этого гидранта и кровью. Она выглядела так, будто только что вылезла из разбитого автомобиля. Но она улыбалась. Я до тех пор никогда не видел такой улыбки. Она напоминала оскал человеческого черепа. Она все время глядела на свои руки и вытирала их о платье, стремясь вытереть с них кровь, и думала, что это ей никогда не удастся сделать. Она думала, как умыть кровью весь город и приказать им за все заплатить. Это было ужасно.

В.: Откуда вы могли знать, о чем она думает?

О.: Не знаю, не могу объяснить.

В.: Я предлагаю, чтобы, продолжая давать показания, вы строго придерживались того, что вы видели собственными глазами, мистер Квилан.

О.: Хорошо. А потом был разрушен второй гидрант на углу Грасс Плаза. Это я уже видел вблизи. Большие круглые винты по бокам гидранта начала сами откручиваться. Я видел это собственными глазами. Этот гидрант разлетелся, как и предыдущий. Она была очень довольна и говорила себе, что сейчас она им устроит душ, что сейчас... ой, извините. Потом начали подъезжать пожарные машины, и я потерял ее из виду. Пожарные подтащили шланг к школе и хотели подключить его к гидранту, но увидели, что там нет воды. Начальник пожарных Бертон орал на них, и в этот момент школа взорвалась. Боже правый.

О.: Вы вышли на улицу?

О.: Да, я хотел найти Плесси и сказать ему об этой сумасшедшей девице и о пожарных гидрантах. Я обернулся к бензоколонке Тедди и увидел такое, что у меня мороз по коже пошел. Все шесть шлангов с «пистолетами» были сняты с крючков. Тедди умер еще в 1968 году, но его сын всегда запирает эти шланги на ночь, как делал его отец. А тогда все замки были выломаны из петель. Шланги лежали на земле, а у каждого насоса было включено

автоматическое наполнение. Бензин выливался на площадь и тек по улице. Боже мой, когда я это увидел, чуть не хлопнулся в обморок. А потом я увидел, как парень бежит по улице с горящей сигаретой в руке.

В.: И что вы тогда сделали?

О.: Начал кричать на него. Что-то в духе: «Эй ты, с сигаретой! Эй, там кругом бензин!» Но он меня, наверное, не слышал. Ничего удивительного — в таком шуме: пожарные sireны и все эти машины, которые ездили туда-сюда. Я увидел, что он бросил на землю окурок и ринулся обратно в здание полицейского участка.

В.: Что произошло потом?

О.: Потом? Потом дьявол начал гулять по городу...

В первую минуту, когда упали ведра, до ее сознания дошел только громкий металлический звон, заглушивший музыку. Потом она почувствовала, как ее заливают теплая волна. Она инстинктивно закрыла глаза. Где-то рядом раздался стон. Часть ее мозга, которая недавно вернулась к жизни, почувствовала короткий импульс боли.

(Томми).

Музыка внезапно прервалась с раздражающим диссонансом. Несколько голосов еще какое-то время поддерживали замирающую мелодию. Во внезапном, ужасном проблеске ясновидения, заполнившем пропасть между прошлым и будущим, она услышала, как кто-то выразительно сказал:

— О Боже, это кровь.

А минутой позже, как бы стремясь подчеркнуть правдивость этих слов и подтвердить весь их смысл, кто-то крикнул.

Кэрри сидела с закрытыми глазами, чувствуя, как внутри нее поднимается темная волна страха. Мама была права, да, мама была права. Ее снова обманули, сделали из нее жертву. Этот часто повторяющийся кошмар должен был стать для нее уже чем-то обычным, но привычкой он так и не стал. Ее посадили здесь, перед глазами их всех,

и перед всей школой повторяли то, что случилось тогда под душем... и только один голос сказал

(о Боже, это кровь)

что-то, что было слишком ужасным, чтобы об этом думать. А если она сейчас откроет глаза, и окажется, что это правда, что же делать тогда. А что же делать тогда?

Однако после того, как она услышала чей-то одинокий истеричный смех, напоминающий лай гиены, она отважилась открыть глаза, она открыла глаза, чтобы увидеть, кто смеялся, и это было правдой, кошмар стал действительностью, она вся была красной, с нее текла красная жидкость, ее обмыли кровью, здесь, на глазах у всех, и ее мысли

(о... я... меня облили... этим)

окрасились в пурпурный цвет, цвет стыда и унижения. Она чувствовала запах, идущий от нее, и это был смрад крови, отвратительный, влажный запах, оставляющий металлический привкус на языке. Среди сменяющихся, как в калейдоскопе, образов она увидела густую кровь, стекающую по ее обнаженным бедрам, услышала шум воды, текущей по кафелю, почувствовала на коже легкие удары тампонов в то время, как визгливые голоса напоминали ей, чтобы она этим заткнула себе, во рту она чувствовала горький, отвратительный вкус страха. Наконец ей устроили настоящий душ.

К первому голосу присоединился второй, потом третий — писклявое девичье хихиканье — четвертый, пятый, шестой, десятый, все, все смеялись. Вик Муни смеялся. Она видела его лицо, окаменевшее, застывшее, превратившееся в камень, но, несмотря на это, он смеялся.

Кэрри сидела не двигаясь, позволяя шуму обтекать ее, как морским волнам. Они все пока еще были прекрасны и распространяли вокруг свои чары, но для нее, с тех пор, как она переступила проклятую черту, волшебная сказка превратилась в кошмар. В этой сказке она надкусила отравленное яблоко, на нее напали тролли, ее сожрал злой тигр.

Над ней снова смеялись.

И вдруг к ней вернулось самообладание. Сознание того, как ужасно она была обманута, свалилось на нее невыносимой тяжестью, и страшный, беззвучный крик (они смотрят на меня)

вырвался из ее груди. Она прикрыла руками лицо, закрываясь от их взглядов, и сорвалась с трона. Ею владела единственная мысль: убежать, вырваться из круга света, спрятаться в безопасной темноте.

Но она двигалась так медленно, будто утонула в густом сиропе. Что-то в ее голове предательски замедлило течение времени. Секунды длились бесконечно, как будто кто-то переключил диск жизни с семидесяти восьми оборотов на тридцать три и одну треть. Даже звучащий вокруг смех, казалось, перешел в понурые басовые регистры.

Ноги ее заплетались, и она чуть не упала со сцены. Кэрри собралась и прыгнула вниз, на пол. Язвительный смех зазвучал еще громче. Он напоминал скрежет.

Она не хотела ни на что смотреть, но видела все. Свет был ярким, и она видела лица всех, их рты, глаза, зубы. А прямо перед глазами она видела свои собственные, покрытые запекшейся кровью руки.

Госпожа Дежарден бежала к ней с протянутыми руками; ее лицо было наполнено фальшивым сочувствием. Кэрри знала, что под этим скрывается, знала, что на самом деле госпожа Дежарден давится от хохота. Губы госпожи Дежарден раскрылись, и из них донесся голос, медленный, глубокий и страшный:

— Дорогая, позволь, я тебе помогу. О, мне так жаль, так стыдно...

Кэрри оттолкнула ее,
(поворот)

и госпожа Дежарден отлетела в сторону, ударилась о стену возле сцены и упала на пол.

Кэрри начала бежать. Она бежала сквозь толпу, не отрывая рук от лица, но видела их всех сквозь решетку своих пальцев, видела, какими они были красивыми, одетыми в светлые ангельские одежды. Она видела чистые, светлые лица, старательно уложенные волосы, блестящие

туфельки, поблескивающие платья. Они расступались перед ней, ведь она была грязной, и продолжали смеяться. А потом она споткнулась о чью-то подло подставленную ногу

(о да, я знала, что так и будет, о да)

и упала на пол, и начала ползти на четвереньках, слипшиеся от крови волосы закрывали ей лицо, она ползла, как святой Павел на пути в Дамаск, ослепленный светом правды. Сейчас кто-нибудь даст ей ногой под задницу.

Но никто не тронул ее, и через минуту она сумела подняться на ноги. Течение времени начало ускоряться. Кэрри оказалась за дверью в коридоре, потом сбежала вниз по лестнице, по той самой лестнице, по которой она и Томми так радостно поднимались всего два часа тому назад.

(Томми умер, он расплатился самой высокой ценой, расплатился за то что привел прокаженную во дворец света)

Она сбежала по ступенькам большими неловкими прыжками, а смех кружился вокруг нее, как стая черных птиц.

А потом опять темнота.

Она пересекла широкий газон перед фасадом школы, теряя свои вечерние туфли. Босыми ногами она чувствовала траву, коротко подстриженную и мягкую, как бархат, слегка влажную от росы. Смех остался позади, и она начала успокаиваться.

А потом у нее на самом деле заплелись ноги, и она упала возле мачты, на которой висел флаг школы. Она лежала не двигаясь, отчаянно пытаясь глубоко вздохнуть, спрятав горящее лицо в прохладную траву. Первые слезы стыда появились под ее веками, тяжелые и горячие, как первые капли менструальной крови. Ее обманули, сделали посмешищем, дали ей урок раз и навсегда. Все кончено.

Скоро, через минуту-другую, она возьмет себя в руки, прокрадется домой боковыми улочками, прячась в тени,

чтобы никто ее не увидел, найдет маму, извинится перед ней, признается, что она была не права...

(!!!нет!!!)

Вся ее нестигаемая, твердая как сталь воля внезапно взорвалась криком протеста. Снова каморка? Снова монотонные, бесконечные молитвы? Снова распятие и религиозные брошюрки, и только механическая кукушка в часах будет отмерять оставшиеся часы, дни, месяцы и годы ее жизни?

В этот момент как будто видеолента прокрутилась в ее голове обратно: она увидела, как госпожа Дежарден бежит к ней, а потом отлетает и переворачивается, как сломанная кукла, когда она, не думая об этом, применила свою силу. Кэрри перевернулась на спину. Ее глаза на испачканном лице дико вглядывались в звездное небо. Она чуть не забыла

(сила!)

Самое время, чтобы ее показать всем. Время, чтобы дать им хороший урок. Она истерично засмеялась. Это было одно из любимых выражений мамы.

(мама возвращается домой, ставит сумку на стол, очки поблескивают, ну, наверное, я дала хороший урок этой женщине в магазине)

Кэрри вспомнила о противопожарной системе. Краны легко можно открыть. Никаких проблем. Она снова засмеялась, встала и босиком направилась к входным дверям. Открутить краны и закрыть все двери. Заглянуть внутрь так, чтобы они видели, что она заглядывает, смотреть на них и смеяться, когда вода испортит им платья и прически, намочит блестящие туфельки. Она жалела только о том, что это будет не кровь.

Коридор был пуст. Кэрри остановилась на середине лестницы и — поворот, — все двери закрылись с грохотом, когда она направила на них концентрированную энергию своей воли. Пневматические замки задвинулись в пазы. Она услышала, как несколько человек закричало, и это зазвучало для нее как музыка, сладкая, будоражащая музыка.

Какое-то время ничего не происходило. Потом Кэрри почувствовала, как люди начали напирать на двери, пытаясь их открыть. Их усилия не имели смысла. Они были в ловушке.

(в ловушке)

Эти упоительные слова звучали эхом в ее голове. Они все были в ее руках. Сила! Как звучало это слово!

Она преодолела отчаянное сопротивление ступеньки, заглянула внутрь и увидела Джорджа Доусона. Прижатый к двери, он боролся изо всех сил, с лицом, искривившимся от усилия. За его спиной толпились остальные, они выглядели, как рыбы в аквариуме.

Кэрри посмотрела вверх. Да, действительно, там находились распылители с небольшими отверстиями, напоминающие металлические маргаритки. Трубы проходили сквозь небольшие дырки в покрашенной в зеленый цвет бетонной стене. Она помнила, что распылителей было множество, согласно противопожарным правилам.

Противопожарные правила. Кэрри вдруг вспомнила (кабели толстые, как змеи)

электрические кабели, которыми была опутана вся сцена. Свет рамп скрывал их от посторонних взглядов, но Кэрри помнила, что ей пришлось осторожно переступать через них, когда она шла к трону. Томми тогда поддерживал ее под руку.

(огонь и вода)

Она потянулась мысленно вверх, почувствовала трубы, проследила, куда они идут. Ей стало прохладно — трубы были наполнены водой. На губах Кэрри почувствовала вкус железа, холодного, мокрого металла, как тогда, когда она напилась из наконечника огородного шланга для полива.

Поворот.

Какое-то время ничего не происходило. Потом люди начали отступать от дверей и беспокойно оглядываться. Кэрри подошла к маленькому продолговатому окошку в средних дверях и заглянула внутрь.

В гимнастическом зале шел дождь.

Кэрри довольно улыбнулась.

Вода текла не во всем зале, но Кэрри быстро разобралась в системе труб и начала манипулировать кранами, откручивая их. Но этого было мало, раз они еще не кричали, значит, мало.

(боль, причинить им боль)

На сцене возле тела Томми какой-то парень что-то кричал и отчаянно жестикулировал. Она глядела, как он спрыгнул вниз и подбежал к сцене, на которой выступал рок-ансамбль. Он схватился за один из микрофонов и застыл без движения, как парализованный. Кэрри, очарованная, наблюдала, как его тело начинает изгибаться в электрическом танце. Он елозил ногами по полу, волосы его встали дыбом, рот открылся широко, как у рыбы на берегу. Он выглядел так смешно, что Кэрри не выдержала и рассмеялась.

(Боже, пусть они все так выглядят)

И всю силу, которая была у нее, она вложила во внезапный слепой удар.

Несколько лампочек выстрелило и погасло. Где-то ослепительно вспыхнуло, когда электрический кабель под напряжением упал в лужу воды. Предохранители стреляли один за другим, и тогда в голове Кэрри раздавался грохот. Парень, который держал микрофонную стойку, упал на одну из звуковых колонок. Взорвался столб пурпурных искр, а потом цветная бумага, украшенная ленточками и украшающая перед сцены, загорелась.

Рядом с тронами электрический провод под напряжением 220 вольт прыгал и извивался по полу, как живой, а рядом с ним Ронда Симар в своем зеленом открытом платье дрыгалась, как марионетка в каком-то бешеном танце. Широкая, длиной до самой земли, юбка внезапно вспыхнула, и Ронда упала ничком. Ее тело продолжало подрагивать.

Возможно, именно в эту минуту Кэрри переступила порог безумия. Она оперлась о двери, сердце дико билось в ее груди, а все тело было холодным, как ледяная глыба. Лицо ее посинело, на щеках расцвели красные цветы, как

при горячке. В висках она чувствовала тяжелые удары пульса. Она была не в состоянии собраться с мыслями.

Она отошла от дверей, машинально держа их закрытыми все это время, не думая об этом. Внутри зала пламя поднялось выше, и Кэрри невольно подумала, что это загорелись декорации.

Кэрри упала на верхней ступени лестницы и сжалась в клубок, пытаясь восстановить дыхание. Люди в зале снова пытались открыть двери, но она с легкостью держала их закрытыми — это было единственное, что не требовало от нее никаких усилий. Что-то неосознанно подсказывало ей, что несколько человек сумеют высочить через аварийный выход, но она это игнорировала. Пусть убегают, но она доберется до них позже. Доберется до всех, до единого.

Кэрри поднялась, медленно спустилась по лестнице и вышла через главный вход, продолжая придерживать двери гимнастического зала. Это было легко, достаточно было только помнить о них.

Неожиданно включилась городская сирена. Кэрри вскрикнула и закрыла лицо руками.

(успокойся, это всего лишь пожарная сирена)

На минуту она забыла о двери гимнастического зала, и несколько человек вырвалось наружу. О, нет. Невежливые дети. Она снова закрыла двери, прижав чьи-то пальцы — она почувствовала, что это были пальцы Дэйла Норберта — и отрубив один из них.

Кэрри еще раз перешла газон — темная фигурка, напоминающая пугало с вытаращенными глазами. Она шла в направлении Мэйн-стрит. Справа остался центр города — товарный склад, бар Келли Фрут, салон красоты и парикмахерская, бензоколонка, полицейский участок, пост пожарной охраны...

(погасят мой огонь)

Нет, они не сделают этого. Она начала смеяться, как безумная. В этом смехе были слышны одновременно и триумф, и страх, радость победы и горечь поражения. Она приблизилась к первому пожарному гидранту и попыта-

лась открутить округлый, покрытый краской винт сбоку крышки.

(ой-ой)

Было очень трудно. Очень трудно. Винт был плотно завернут и не вращался. Ничего.

Кэрри нажала сильнее и почувствовала, что винт поддается. Выкрутила его почти до конца и занялась винтом с другой стороны, а потом тем, что сверху. Наконец она отступила и открутила все три винта одновременно. Вода рвалась вверх и в стороны. Один из винтов с округлой головкой отлетел футов на пять с жуткой скоростью, ударился о проезжую часть дороги, взлетел высоко в воздух и исчез. Струи вспенившейся воды ударили под высоким давлением во все четыре стороны, напоминая перекладыны креста.

С улыбкой, спотыкаясь, она пошла в сторону Грасс Плаза. Ее сердце билось в темпе более двухсот ударов в минуту. Кэрри не понимала ни того, что все время вытирает окровавленные руки о платье, как леди Макбет, ни того, что, несмотря на улыбку на губах, она все время всхлипывает, ни того, что какая-то скрытая частичка ее души все еще плачет над ее последним, самым ужасным поражением в жизни.

А она собиралась взять их всех с собой. Она хотела раздуть такой большой пожар, чтобы во всем городе запах гари поднимался к небесам.

Кэрри открыла гидрант на Грасс Плаза. Ее сердце билось в бешеном темпе. Она пошла к бензоколонке Тедди Амоко. Так получилось: это была первая бензоколонка, которую Кэрри навестила этой ночью, но не последняя.

*Фрагмент данных под присягой показаний шерифа
Отиса Дойла перед Следственной комиссией штата
Мэн («Рапорт Комиссии по делу Уайт») стр. 29-31*

Вопрос: Шериф, где вы были вечером 27 мая?

Ответ: Я был на трассе 179, известной как Олд Бентон Род, и проводил следствие по дорожно-транспортному происшествию. Собственно говоря, это было уже за границей города Чемберлен, в округе Дархэм, но я должен был помочь Мэлу Крюгеру, который дежурил на участке в Дархэме.

В.: Когда вы получили первые сведения о том, что в средней школе имени Ивена произошел несчастный случай?

О.: Я получил донесение по радио от комиссара Джакоба Плесси в 22 часа 21 минуту.

В.: Каков был характер этого донесения?

О.: Комиссар Плесси информировал меня, что в школе произошел несчастный случай, что в школе произошел какой-то серьезный несчастный случай. Он сказал, что было много крика, и кто-то включил пожарную сирену. Он сказал, что собирается поехать туда и постарается узнать что-нибудь подробнее.

В.: Он сообщил вам, что в школе начался пожар?

О.: Нет, сэр.

В.: Вы приказали, чтобы он снова с вами связался?

О.: Да.

В.: Комиссар Плесси выполнил приказ?

О.: Нет. Он погиб во время взрыва на бензоколонке Тедди Амоко, которая находилась на углу Мэйн-стрит и Саммер-стрит.

В.: Когда вы получили следующее сообщение по радио из Чемберлена?

О.: В 22 часа 42 минуты. В это время я уже возвращался в Чемберлен, везя подозреваемого на заднем сиденье — пьяного водителя. Как я уже говорил, это произошло на участке Мэла Крюгера, но в Дархэме нет тюрьмы. Правда, когда я его привез на место, в Чемберлене тоже уже не было тюрьмы.

В.: Какие сведения вы получили в 22 часа 42 минуты?

О.: Я получил радиовывоз пожарной охраны Моттона, переданный через полицию штата. Дежурный полицейский сказал мне, что в средней школе имени Ивена произошел пожар и здание было разрушено, а кроме того, произошел какой-то взрыв. Тогда еще никто ни в чем не был уверен. Прошу не забывать, что все события произошли в течение неполных сорока минут.

В.: Мы поняли это, шериф. Что было дальше?

О.: Я приехал в Чемберлен со включенной сиреной и световым сигналом. Я попытался найти Джейка Плесси, но безрезультатно. Именно тогда появился Том Квилан и начал бормотать, что весь город горит, но у пожарных нет воды.

В.: Помните ли вы, в котором часу это было?

О.: Да, сэр. С этого момента я записывал время. Это было в 22 часа 58 минут.

В.: Квилан утверждает, что бензоколонка Амоко взлетела в воздух в одиннадцать часов.

О.: Я не знаю слишком точно, но можно считать, что это произошло в 22 часа 59 минут.

В.: В котором часу вы приехали в Чемберлен?

О.: В 23 часа 10 минут.

В.: Каково было ваше первое впечатление, когда вы добрались до места, шериф?

О.: Я был ошеломлен и не мог поверить собственным глазам.

В.: А что конкретно вы видели?

О.: Половина торгового центра города горела, бензоколонка Амоко исчезла. Товарный дом Вулворта был охвачен пламенем. Огонь распространялся на деревянные дома, которые стояли рядом — бар Даффи, Келли Фрут Компани, бильярдный салон. Жар был ужасным. Искры взлетали вверх и падали на крышу Агентства Мэйтланда и Автомобильного салона Дуга Брэнна. Пожарные машины подъезжали одна за другой, но они мало чем могли помочь. Все противопожарные гидранты на той стороне улицы были разрушены. Только две старые пожарные

машины из Вестовера, которые имели насосы, принимали участие в операции, но вся их помощь заключалась в том, что они поливали водой крыши ближайших домов. Ну, а школа... Школы просто не было. Правда, она стояла на отшибе — ни один дом не находился настолько близко, чтобы загореться от нее, но, Боже мой, все эти дети внутри... все эти дети...

В.: Въезжая в город, вы встретили мисс Сьюзен Снелл?

О.: Да, сэр. Она остановила меня.

В.: В котором часу это было?

О.: Сразу, как только я въехал в город... в 23 часа 12 минут, не позже.

В.: Что она вам сказала?

О.: Она была в полуобморочном состоянии. У нее случилось какое-то мелкое дорожное происшествие — кажется, занесло автомобиль, — и она говорила бессвязно. Она хотела узнать, умер ли какой-то Томми. Я спросил, кто такой Томми, но она не ответила. Вместо этого она спросила меня, поймал ли я уже какую-то Кэрри.

В.: Шериф Дойл, Комиссию особенно подробно интересуется эта часть ваших показаний.

О.: Да, сэр, я знаю об этом.

В.: Что вы ответили ей на этот вопрос?

О.: Что-то вроде того, что я знаю в городе только одну Кэрри — дочь Маргарет Уайт. Я спросил госпожу Снелл, имеет ли Кэрри какое-нибудь отношение к пожару. Госпожа Снелл заявила, что это Кэрри вызвала пожар. Она сказала именно так: «Кэрри это сделала. Кэрри это сделала». Эти слова она повторила дважды.

В.: Она сказала что-нибудь еще?

О.: Она сказала: «В последний раз ее обидели».

В.: Шериф, вы уверены, что она не сказала: «В последний раз мы ее обидели»?

О.: Совершенно уверен.

В.: Вы в этом полностью убеждены? На сто процентов?

В.: Сэр, вокруг нас горел город. Я...

В.: Она была выпивши?

О.: Простите, не понял?

В.: Она что-нибудь пила? Вы сказали, что с ней что-то случилось на дороге.

О.: Мне уже кажется, я говорил, что это был безобидный случай — просто занесло машину.

В.: И вы полностью уверены, что она не сказала:

«Мы обидели», а только сказала: «ее обидели»?

О.: Мне кажется, что нет, но...

В.: Что потом сделала госпожа Снелл?

О.: Разрыдалась. Я ударил ее по лицу.

В.: Зачем вы это сделали?

О.: Мне показалось, что у нее начинается истерика.

В.: И она успокоилась?

О.: Да, сэр. Она перестала плакать и очень быстро пришла в себя, если учесть, что ее парень на самом деле погиб.

В.: Вы ее допросили?

О.: Ну... не так, как мы обычно допрашиваем преступников, если вы это имеете в виду. Я попросил ее, чтобы она мне рассказала все, что знает об этом происшествии. Она повторила только то, что говорила раньше, но уже более спокойно. Я спросил ее о том, где она была, когда все это началось, а она мне сказала, что была дома.

В.: Вы продолжили допрос?

О.: Нет, сэр.

В.: Вы спросили ее, что она хочет еще сказать?

О.: Да, сэр. Она просила меня — даже умоляла, — чтобы я нашел Кэрри Уайт.

В.: Как вы отнеслись к этой просьбе?

О.: Я посоветовал ей идти домой.

В.: Благодарим вас, господин шериф.

Вик Муни, спотыкаясь и скаля зубы, вышел из темноты, окружающей автостоянку, принадлежащую Банковскому объединению. Широкая, страшная улыбка, улыбка кота из «Алисы в Стране чудес», блуждала по его лицу, едва заметная в свете отдаленного пожара. Волосы, до этого

старательно причесанные, как и полагалось церемониймейстеру, торчали теперь в разные стороны, напоминая воронье гнездо. На лбу была кровь — память о страшном бегстве со школьного бала. Подбитый, опухший глаз окружал пурпурный синяк. Спотыкаясь, он добрал до стоящей машины шерифа. Всей своей тяжестью упал на радиатор, отлетел от него, как бильярдный шар, и оскалил зубы в сторону пьяного водителя, дремавшего на заднем сиденье. Потом он увидел Дойла, который окончил разговор с Сью Снелл. Пламя бросало на него мерцающий отблеск, окрашивая все вокруг каштановым цветом запекшейся крови.

Когда Дойл повернулся, Вик Муни бросился на него и схватил за плечи, как влюбленный парень обнимает в танце свою невесту. Он изо всех сил прижался к шерифу, вытаращив глаза и продолжая безумно скалить зубы.

— Вик... — начал Дойл.

— Она открутила все краны, — сказал Вик с легкой улыбкой. — Она открутила все краны и пустила воду...

— Вик.

— Их нельзя выпустить. О нет. Нет. Нет. Нет, Кэрри открыла все краны. Ронда Симар сгорела. О Боже...

Дойл ударил его по физиономии. Рука дважды опустилась на щеку парня с сухим щелчком. Вик вскрикнул от неожиданности, но улыбка осталась на его лице, бессознательная и страшная, напоминающая отдаленное эхо зла.

— Что произошло? — жестко спросил Дойл. — Что произошло в школе?

— Кэрри, — пробормотал Вик. — Кэрри была в школе. Она... — он потерял нить беседы и снова бессознательно улыбался.

Дойл слегка потряс его. Зубы Вика защелкали, как кастаньеты.

— Что с Кэрри?

— Королева бала. Ее и Томми облили кровью.

— Что...

Было 23 часа 15 минут. Бензоколонка Цитго на Саммер-стрит взорвалась с оглушительным грохотом. На ули-

це стало светло, как днем, и они оба, ослепленные, отступили назад к радиатору машины и прикрыли глаза руками. Целое море пламени поднялось к вязам, растущим в парке Кортхауз, освещая пруд и бейсбольную площадку. Потом огонь с треском рванулся вверх. Дойл слышал, как на землю с глухим звуком падают куски стекла и дерева, а громче всего было хищное рычание огня. Они снова закрыли глаза, когда произошел очередной взрыв. Дойл все еще не мог понять,

(мой город горит, мой город)

что происходит в Чемберлене, Боже мой, в том самом городе Чемберлен, где он любил пить холодный чай на солнечном крылечке в доме своей матери, был судьей в баскетбольных соревнованиях и ежедневно в половине третьего утра совершал последний традиционный объезд шоссе №6. Его город горел.

Из полицейского участка выскочил Том Квилан и подбежал к автомобилю Дойла. Его волосы торчали во все стороны, одет он был в грязный рабочий комбинезон, на нем были растоптанные мокасины, но Дойл подумал, что еще ни разу в жизни он так не радовался, увидев какого-нибудь человека. Том Квилан был неотделимой частицей Чемберлена, почти символом этого города — и вот оказалось, что он жив и здоров.

— Боже правый, — внезапно вздохнул Квилан, — ты видел все это?

— Что происходит? — кратко спросил Дойл.

— Я говорил по радио, — сказал заспанный Квилан. — Моттон и Вестовер хотели знать, нужно ли им высылать кареты скорой помощи, ну я им и сказал, что да, черт побери, пусть присылают все, что у них имеется. Катафалки тоже. Я правильно поступил?

— Да, — Дойл провел рукой по волосам. — Ты видел где-нибудь Гарри Блока? — Блок был шефом городских коммуникаций, включая и водоснабжение.

— Нет. Но шеф Дейган говорит, что вода есть в старом доме Рене на другой стороне улицы. Пожарные сейчас тянут туда шланги. Я заставил пару парней работать, и

они сейчас оборудуют больницу в полицейском участке. Это неплохие ребята, но они могут испачкать тебе кровью пол, Отис.

Отису Дойлу вдруг показалось, что это все ему снится.

Такие вещи не могли происходить в городе Чемберлен. Этого не могло быть.

— Хорошо, Томми. Ты прекрасно поработал. Возвращайся в участок и звони всем врачам в городе, которых найдешь в телефонном справочнике. Я поеду на Саммер-стрит.

— Давай, Отис. Если наткнешься на эту сумасшедшую девицу, будь осторожен.

— На кого? — Шериф Дойл не имел привычки кричать на людей, но это было уже слишком.

Том Квилян вздрогнул и отступил назад.

— На Кэрри. На Кэрри Уайт.

— Кто? Откуда ты знаешь?

Квилян медленно замигал глазами.

— Не имею понятия. Это как-то... само пришло мне в голову.

*Телеграмма, полученная Ассошиэйтед Пресс
в 23 часа 56 минут
Чемберлен, штат Мэн, (АП)*

Сегодня ночью в городе Чемберлен, штат Мэн, произошла катастрофа, приведшая к тяжелым последствиям. Пожар, который уничтожил среднюю школу имени Томаса Ивена, перебросился на центр города и спровоцировал многочисленные взрывы, в результате которых большая часть торгового центра была снесена с лица земли. Нам сообщили, что жилой район, находящийся к западу от центра города, тоже охвачен огнем. Но в данный момент наиболее опасным объектом является школа, в которой происходил весенний бал. Допускают, что многие участники бала были заперты внутри здания. Начальник пожарной команды из Эндоваера, прибывший на место про-

исшествия, сообщает, что число жертв на данный момент шестьдесят семь человек, в основном ученики школы. В ответ на вопрос, каким может быть общее число жертв пожара, он сказал: «Мы не знаем и боимся гадать. Это может быть еще пуще, чем пожар в Коконут Гроув». Согласно последним сообщениям, в трех участках города огонь вышел из-под контроля. Слухи о возможности поджога не обоснованы. Точка. 23. 56. 27 мая.

Это была последняя телеграмма в агентство Ассошиэйтед Пресс, присланная из города Чемберлен. В 00 часов 06 минут была открыта главная емкость с бензином на Джексон-авеню. В 00 часов 17 минут, когда машина скорой помощи мчалась по Джексон-авеню в сторону Саммер-стрит, один из санитаров выбросил в окно окурки сигареты.

Взрыв уничтожил почти половину из ряда строений, в том числе и редакцию газеты «Чемберлен Кларификатор». В 00 часов 18 минут город Чемберлен был отрезан от окружающего мира. Во всей стране люди спокойно спали, не зная об этих событиях.

В 00 часов 10 минут, за десять минут до взрыва основной емкости с бензином, на телефонной станции произошла небольшая авария: все местные телефонные линии полностью перепутались между собой. Три измученные телефонистки остались на своих рабочих местах, но они были совершенно беспомощны. Они работали поспешно, с застывшими на лицах выражениями страха, пытаясь вернуть к жизни телефонную связь в городе.

В связи с нарушением телефонной связи жители города Чемберлен вышли на улицы.

Они шли, напоминая армию привидений с кладбища, расположенного у перекрестка Белеквиз Род и шоссе №6. Они шли в белых ночных сорочках и халатах, которые шевелились на ветру, как саваны. Они шли в пижамах и с накрученными на бигуди волосами (госпожа Доусон, та самая, чей исключительно остроумный сын

только что покинул этот мир, шла по городу в косметической маске и выглядела персонажем с бала оборотней и монстров). Они шли, чтобы посмотреть и понять, что же происходит с их городом, чтобы убедиться и увидеть собственными глазами, что Чемберлен на самом деле тонет в огне и крови. Многие из них шли только для того, чтобы умереть.

Они заполнили Кармен-стрит, собираясь во все увеличивающуюся толпу, и не торопясь шли в сторону центра города, освещенную апокалиптическим светом пламени, когда Кэрри вышла из церкви конгрегационистов, где она молилась.

Она вошла в церковь за пять минут до этого, сразу как только открыла главную емкость с бензином (это было легко, она просто представила себе, как резервуар расположен под землей), но ей казалось, что с той минуты прошло уже несколько часов. Она молилась долго и горячо, вслух и про себя. Сердце глухо, поспешно билось в ее груди, жилы на шее и висках сводило судорогой. Мозг разрывался на части: она познала свою силу и увидела глубину пропасти. Она молилась перед алтарем, стоя на коленях в своем разорванном, мокром и окровавленном платье, босиком, с грязными, покрытыми засохшей кровью ногами (она где-то наступила на разбитую бутылку). С каждым вздохом из ее горла вырывалось всхлипывание, а во всей церкви раздавались шелест, шум и вздохи, когда брызжащая из нее энергия двигала все вокруг. Скамейки поднимались в воздух и падали на пол, молитвенники летали по церкви, серебряный кубок бесшумно кружил по помещению, пока с шумом не разбился о стену. Она молилась, но не получала никакого ответа. Здесь никого не было — а если бы даже был Кто-то или Что-то, то спрятался от нее. Бог отвернул от Кэрри свое лицо. Разве можно было этому удивляться? Ведь весь этот кошмар тоже был Его делом. Кэрри оставалось только выйти из церкви, вернуться домой, найти свою маму и покончить с этим делом, уничтожив все, что еще осталось в городе.

Кэрри остановилась на нижней ступени лестницы и поглядела на толпу, которая шла по улице по направлению к центру города. Животные. Пусть они все сгорят. Пусть улица наполнится запахом их горящих тел. Пусть это место назовут местом Проклятия, городом Мучений.

Поворот.

Трансформаторные будки, расположенные высоко над улицей, расцвели пурпурно-фиолетовым цветом, рассыпая снопы кружащихся искр. Провода высокого напряжения упали на улицу спутанными комками, и некоторые люди попытались бежать, совершая при этом ошибку, потому что вся улица теперь превратилась в полосу препятствий, люди начали гореть, и в воздухе появился запах горящего мяса. Люди кричали и бежали куда-то, прикасались к проводам и пускались в электрическую пляску. Некоторые из них безвольно падали на проезжую часть дороги, их пижамы и халаты начали тлеть.

Кэрри обернулась и посмотрела на церковь, из которой она только что вышла. Тяжелые двери внезапно захлопнулись, как будто их подхватило порывом ветра.

Кэрри отправилась в сторону своего дома.

*Фрагмент данных под присягой показаний госпожи
Коры Симар перед Следственной комиссией штата
Мэн (рапорт Комиссии по делу Уайт) стр. 217-218*

Вопрос: Госпожа Симар, Комиссия понимает, что вы потеряли дочь, когда происходила Ночь Разрушения, и глубоко сочувствует вам. Мы будем стараться, чтобы допрос был как можно короче.

Ответ: Спасибо. Я постараюсь помочь всем, что будет в моих силах.

В.: Вы были на Кармен-стрит около 00 часов 12 минут, когда Кэролайн Уайт вышла из Первой Церкви конгрегационистов, которая расположена на этой улице?

О.: Да.

В.: Как вы там оказались?

О.: Мой муж уехал в Бостон по делам, а Ронда пошла на весенний бал в школу. Я была одна дома, смотрела передачу по телевизору и ждала свою дочь. Как раз началась развлекательная программа, которую передают по вечерам каждую пятницу, когда начала выть городская сирена, но я как-то не связала это с балом. Потом я услышала взрыв... Я не знала, что мне делать, пыталась дозвониться в полицию, но после первых трех цифр номера постоянно шел сигнал «занято». А... а потом...

В.: Спокойнее, госпожа Симар. Отдохните немного. Не нужно спешить.

О.: Я нервничала все сильнее и сильнее. Потом я услышала второй взрыв — теперь я знаю, что это была бензоколонка Тедди Амоко, — и решила пойти в центр, поглядеть, что происходит. В небе появилось отражение пожара. А потом госпожа Ширс постучала в двери моего дома.

В.: Госпожа Жоржетта Ширс?

О.: Да, она живет за углом, на Виллоу-стрит, дом 217. Это рядом с Кармен-стрит. Она стучала в двери и кричала: «Кора, ты дома? Ты дома, Кора?» Я открыла ей двери. Она была одета в купальный халат, на ногах были домашние тапочки. Она выглядела так, будто у нее замерзли ноги. Она сказала, что звонила в мэрию, чтобы хоть что-нибудь узнать, а ей сказали, что горит школа. Я закричала: «О Боже, Ронда пошла на бал!»

В.: Тогда вы решили идти в город с госпожой Ширс?

О.: Мы ничего не решали, а просто пошли. Я надела на ноги какие-то тапочки — наверное, Ронды. У них на носках были белые помпоны. Мне следовало надеть туфли, но я не могла ни о чем думать. Сейчас я тоже не в состоянии думать. Зачем я вам рассказываю о каких-то тапочках?

В.: Прошу вас, рассказывайте как сумеете, госпожа Симс.

О.: Спа... спасибо. Я дала госпоже Ширс какую-то старую куртку, которая висела в прихожей, и мы пошли.

В.: На Кармен-стрит было много народу?

О.: Не помню. Я слишком сильно нервничала. Может быть, человек тридцать, а может быть больше, я не помню.

В.: А что было дальше?

О.: Мы с Жоржеттой шли в направлении Мэйн-стрит, держась за руки, как две маленькие девочки, которые ночью идут по лесу. Жоржетта стучала зубами. Я запомнила это потому, что хотела сказать ей, чтобы она прекратила, но подумала, что это было бы неприлично. Когда мы были за полтора квартала до церкви конгрегационистов, я увидела, что двери открылись, и подумала: кто-то вошел в церковь, чтобы просить Бога о спасении и помощи. Но уже секундой позже я узнала, что это неправда.

В.: Откуда вы могли это знать? Логичнее было бы считать, что то, о чем вы подумали сначала, правда?

О.: Я просто знала.

В.: Вы узнали человека, который вышел из церкви?

О.: Да, это была Кэрри Уайт.

В.: Вы видели когда-нибудь до этого Кэрри Уайт?

О.: Нет. Она не дружила с моей дочерью.

В.: Вы видели когда-нибудь фотографию Кэрри Уайт?

О.: Нет.

В.: Кроме того, на улице было темно, а вы находились на расстоянии в полтора квартала от церкви.

О.: Да, правильно.

В.: Откуда же вы знали, что это была именно Кэрри Уайт?

О.: Ну, просто знала и все.

В.: Вы это узнали таким образом, будто в вашей голове внезапно зажегся свет?

О.: Нет.

В.: Как же это получилось?

О.: Я не могу объяснить. Это стерлось из моей памяти, как сон. Часто после пробуждения человек не может вспомнить, что ему снилось, а просто помнит, что это был какой-то сон. И тем не менее я точно знала, что это была она.

В.: У вас с сознанием этого факта было связано какое-то чувство?

О.: Да. Страх.

В.: И как вы поступили?

О.: Я повернулась к Жоржетте и сказала: «Это она». Жоржетта ответила мне: «Да, это она». Она говорила что-то еще, но тогда вся улица осветилась ярким светом, раздался грохот, а потом сверху начали падать электрические провода. Из некоторых проводов летели искры. Один кабель попал в мужчину, который стоял перед нами, и этот человек загорелся. Другие люди начали убежать. Один мужчина наступил на кабель, и его тело буквально... выгнулось дугой назад, будто оно было сделано из резины. Люди бежали и кричали, просто бежали куда придется, а сверху падало все больше проводов. Они вились всюду, как змеи. Кэрри это радовало. Радовало! Я чувствовала, как она радуется. Я знала, что мне нельзя терять голову. Все, кто пытался убежать, были поражены электрическим током. Жоржетта сказала: «Кора, пошли быстрее. О Боже, мне не хочется сгореть заживо». Я ей ответила: «Стой, Жоржетта. Если ты сейчас потеряешь голову, ты больше никогда не сможешь ею пользоваться». Или что-то не менее глупое. Но она меня не слушала. Она отпустила мою руку и побежала по тротуару. Я крикнула, чтобы она остановилась — там лежал один из этих больших, тяжелых электрических кабелей, прямо перед нами — но она меня не послушалась. А потом... потом... Боже, я почувствовала запах, когда она начала гореть. Дым как бы вырвался из ее одежды, и тогда я подумала: наверное, так выглядит человек, которого казнят на электрическом стуле. Запах был сладковатым, как запах жареной свинины. Кто-нибудь из вас чувствовал подобный запах? Теперь мне это иногда снится. Я стояла не двигаясь и смотрела, как Жоржетта Ширс становится черной. Где-то дальше, на Вест Энд, раздался громкий взрыв — это, наверное, огонь добрался до главных резервуаров с бензином — но я этого даже не заметила. Я огляделась вокруг и увидела, что осталась одна. Все остальные или убежали, или сгорели. Я видела несколько тел неподалеку, наверное, шесть. Они выглядели как кучи старого тряпья. Один из

проводов упал на крыльцо какого-то дома на левой стороне улицы, и дом загорелся. Я слышала, как старинные занавеси из кораллов стреляют в огне, как жарящаяся кукуруза. Мне казалось, что я стою так уже очень долго, повторяя себе, что упаду в обморок среди этих проводов или впаду в панику и начну убежать... Как... как Жоржетта. Я начала идти вперед шаг за шагом. На улице стало еще светлее от этого горящего дома. Я переступила через два шевелящихся провода и обошла чье-то тело, от которого осталась только кучка лохмотьев. Я... я была вынуждена смотреть, куда ставить ноги. У этого трупа было обручальное кольцо на пальце, но все остальное было черным. Все тело черное. Боже, подумала я, Добрый Боже. Я переступила через следующий кабель, а потом увидела три провода рядом с собой. Я остановилась и только смотрела на них. Подумала, что если переступлю через них, то все будет хорошо, но я не могла отважиться это сделать. Вы знаете, о чем я думала? О той игре, которую мы любили в детстве, об игре в большие шаги. В моей голове какой-то голос твердил: Кора, сделай один большой шаг. А я подумала: Смогу ли? Смогу ли? Один провод продолжал рассыпать искры, а остальные два, похоже, были отключены. Точно я это не знала. Третий провод тоже выглядел отключенным. Я стояла и ждала, чтобы кто-нибудь пришел, но никто не приходил. Дом продолжал гореть. Пожарные не появлялись. Конечно, они не могли приехать. К этому времени пожар охватил уже всю западную часть города. Я чувствовала, что теряю сознание, и наконец поняла, что если я сейчас не сделаю этот большой шаг, мне придется прощаться с жизнью. И я сделала самый большой шаг, который сумела. Моя нога оказалась в неполном дюйме от последнего провода. Потом я сделала еще один шаг, обошла еще один провод и побежала. Это и все, что я помню. Когда наступил рассвет, я лежала на одеяле в полицейском участке, а рядом лежали другие люди. Некоторые из них — несколько человек — были ученики в бальных костюмах. Я начала расспрашивать их, видели ли они Ронду. А они сказали мне... сказали...

(короткая пауза)

В.: Вы убеждены, что причиной всех происшествий была Кэрри Уайт?

О.: Да.

В.: Благодарим вас, госпожа Симар.

О.: Я хотела бы спросить кое о чем, если можно.

Б.: Пожалуйста.

О.: Что будет, если станет много таких, как она? Что будет с миром?

«Приход тени» (стр. 151)

К 12 часам 45 минутам утра 28 мая ситуация в городе Чемберлен стала критической. Школа, расположенная вдали от других строений, сгорела дотла, но центр города все еще продолжал гореть. Почти вся вода из городских систем водопровода была использована. К счастью, в резервуаре на Дейган-стрит находилось достаточное количество воды (под низким давлением), чтобы спасти дома, расположенные выше перекрестка Мэйн-стрит и Оак-стрит.

Взрыв бензоколонки Цитго, расположенной в конце Саммер-стрит, вызвал сильный пожар, который был погашен только около десяти часов утра. На Саммер-стрит не были разрушены гидранты: просто не было ни пожарных, ни оборудования, чтобы направить воду на огонь. Противопожарное оборудование было уже собрано из Левистона, Лисбона и Брунсвика и продолжало прибывать до часу дня.

На Кармен-стрит произошел пожар, вызванный тем, что со столбов были сорваны электрические провода. Огонь должен был уничтожить всю северную часть улицы, включая бунгало, в котором Маргарет Уайт родила свою дочь.

В западной части города, неподалеку от места, которое называлось Брикярд Хилл, произошла самая крупная катастрофа: взорвались главные резервуары топлива, и в

связи с этим начался пожар, который не удавалось погасить почти весь следующий день.

Если мы посмотрим на план города и найдем эти места возникновения пожаров, мы сможем проследить всю трассу Кэрри — крутую, запутанную дорожку, по которой она шла, сея вокруг разрушение и неумолимо приближаясь к одной цели: к своему дому...

Что-то с грохотом упало в гостиной. Маргарет Уайт выпрямилась и склонила голову набок. Мясницкий нож туманно поблескивал в свете пламени. Электричества уже какое-то время не было, и дом освещал только отблеск пожара с улицы.

Одна из картин упала со стены и глухо стукнулась об пол. Минутой позже упали баварские часы с кукушкой. Механическая птичка издала последний приглушенный крик и умолкла.

На улице бесконечно выли сирены, но, несмотря на это, она слышала шаги на тропинке, ведущей к двери.

Дверь открылась. Раздались шаги в коридоре.

Гипсовые таблички в гостиной взрывались одна за другой, как тарелочки на стрельбище.

(о да я была там и видела, как распутники танцуют шимми на деревянной сцене)

Она села на свой высокий стул, как примерный ученик в школе, который чем-то отличился в классе, но в глазах ее было бешенство.

Стекла из окон гостиной вылетели наружу.

Дверь кухни широко распахнулась, и вошла Кэрри.

Ее тело скорчилось, как от старости. Бальное платье висело на ней лохмотьями, задубевшее от засохшей свиной крови. На ее лбу виднелась полоса грязи, а оба колена были ободраны.

— Мама, — шепнула она. Глаза Кэрри были неестественно светлыми и быстрыми, как глаза сокола, а губы ее дрожали. Если бы кто-то видел ее в эту минуту, он несомненно заметил бы, что Кэрри очень похожа на свою мать.

Маргарет Уайт сидела не шевелясь на кухонном стуле, пряча остро наточенный нож в складках юбки.

— Я должна была убить себя, когда он первый раз со мной это сделал, — сказала она очень выразительно. — После этого первого раза, когда мы поженились, он обещал мне. Больше никогда. Он сказал, что мы... согрешили. Я верила ему. Я упала и лишилась ребенка, и это был перст божий. Я чувствовала, что грех искуплен. Смыт кровью. Но грех никогда не умирает. Грех... никогда... не умирает. — Ее глаза блестели.

— Мама, я...

— Сначала все было хорошо. Мы жили без греха. Мы спали в одной постели, иногда близко друг к другу, и я чувствовала присутствие Змия, но мы никогда не делали этого, пока... — Она улыбнулась страшной, суровой улыбкой. — А той ночью я заметила, что он смотрит на меня как-то странно. Мы упали на колени и молились о силе и выдержке, а потом он... прикоснулся ко мне. К этому месту, к этому женскому месту. А я выпнала его из дома. Его не было много часов, а я молилась за него. Мне казалось, что я вижу, как он бродит по пустым улицам и борется с сатаной так, как Иаков боролся с ангелом. И когда он вернулся, мое сердце было наполнено благодарностью.

Она замолчала и снова улыбнулась. Кухню освещали пляшущие по стенам отблески пожара.

— Мама, я не хочу это слушать!

Тарелки начали со звоном разбиваться в буфете.

— И только когда он вошел в дом, я почувствовала запах виски в его дыхании. А потом он взял меня. Взял меня! Когда от него пахло отвратительным виски из какой-то грязной забегаловки, он взял меня... и это мне понравилось! — Последние слова она прокричала, подняв голову к потолку. — Мне понравилось это мерзкое занятие и его руки на моем теле, на всем моем теле!

— Мама!

(мама)

Маргарет вдруг замолчала, будто кто-то дал ей по физиономии, и искоса поглядела на свою дочь.

— Я себя тогда чуть не убила, — сказала она уже более спокойным голосом. — А Ральф плакал и говорил о искушении, и я не умерла, а потом он умер, а потом я думала, что Бог послал мне рак. Что меняются мои женские части тела, чтобы они были такие же черные и прогнившие, как моя грешная душа. Но это было бы слишком легко. Неисповедимы пути Господни, неисчислимы Его чудеса. Теперь я это понимаю. Когда начались боли, я пошла и взяла нож, вот этот нож, — она подняла его вверх, — и я ждала тебя, чтобы принести Богу свою жертву. Но я была слабой и грешной. Я снова взяла этот нож в руки, когда тебе исполнилось три года, и снова отступила. Сейчас дьявол вернулся.

Кэрри медленно, неуверенно сделала шаг вперед.

— Мама, я пришла, чтобы убить тебя. А ты ждала здесь, чтобы убить меня. Мама это... так не должно быть, мама. Так не должно...

— Помолимся, — тихо сказала мама. Она упрямо вглядывалась в Кэрри, а в ее глазах рисовалось какое-то ужасное бездумное сочувствие. На улицах стало светлее, тени танцевали на стенах кухни, как толпа сумасшедших. — Молимся в последний раз.

— О, мама, помоги мне! — выкрикнула Кэрри.

Она упала на колени с поникшей головой, подняв над головой руки в умоляющем жесте.

Мама наклонилась вперед. Нож прочертил в воздухе мигающую дугу.

Может быть, Кэрри заметила это уголком глаза, она резко откинулась назад, и нож, вместо того, чтобы воткнуться ей в спину, вонзился по самую рукоять в плечо. Ноги мамы зацепились за стул, и Маргарет с размаху села на пол.

Они молча смотрели друг на друга.

Из раны вокруг рукоятки ножа начала течь кровь и капать на пол.

Потом Кэрри негромко сказала:

— Я хочу сделать тебе подарок, мама.

Мать попыталась подняться, пошатнулась и упала на колени, опершись об пол руками.

— Что ты делаешь? — прохрипела она.

— Я стараюсь представить себе твое сердце, мама, — сказала Кэрри. — Мне легче, когда я представляю себе разные вещи. Твое сердце — это большая красная мышца. Мое бьется быстрее, когда я пользуюсь своей силой. Но твое сердце сейчас немного медленнее. Немного медленнее.

Маргарет снова попыталась подняться, но ничего не получилось. Она выставила два пальца в жесте, охраняющем от злого глаза.

— Немного медленнее, мама. Ты знаешь, что это за подарок? То, к чему ты всегда стремилась. Темнота, там, где живет Бог, кем бы он там ни был.

Маргарет Уайт прошептала:

— Отче наш, который живет на небе...

— Медленнее, мама. Медленнее.

— ...да святится имя Твое...

— Я вижу, как твоя кровь перестает течь. Медленнее.

— ...да придет царствие Твое...

— Твои руки и ноги белы, как мрамор, как алебастр.

— ...да будет воля Твоя...

— Моя воля, мама. Медленнее.

— ...как в небе...

— Медленнее.

— ...да, ...да, ...да, ...и...

Мать упала ничком. Ее руки задрожали.

— ...так и на земле.

Кэрри шепнула:

— Точка.

Она поглядела на свою рану и неуверенной рукой взялась за рукоятку ножа.

(нет, о нет, это больно, это очень больно)

Она попыталась подняться. Не сумела. Наконец она как-то встала, опираясь о мамин стул. У нее кружилась голова, накатывали волны слабости, в горле она чувствовала вкус крови, светлой и чистой. Сквозь окна теперь в кухню проникал едкий дым. Пламя уже охватило соседний дом. На крышу, на эту самую крышу, которую когда-то

грубо пробили камнем, теперь сыпались искры, мигающие приятным светом.

Кэрри вышла из дома через задние двери, шатаясь прошла по двору и оперлась

(где моя мама)

о дерево. Она неясно помнила, что должна сделать что-то еще. Что если

(мотели автостоянки)

ангел с мечом. С огненным мечом.

Неважно, она вспомнит.

Она прошла дворами до Виллоу-стрит, а потом ползком поднялась на склон, ведущий к шоссе №6.

Было 1 час 15 минут ночи.

Было 11 часов 20 минут, когда Кристина Харгенсен и Билли Нолан вернулись в «Кавалер». Они поднялись по задней лестнице, прокрались по коридору в свою комнату и едва Крис успела включить свет, как Билли начал срывать с нее блузку.

— Боже мой, позволь мне ее хотя бы расстегнуть...

— К черту.

Он внезапно схватился за блузку и сильно дернул. Ткань разорвалась с громким треском. Одна пуговица отлетела и покатилась по голому деревянному полу. Снизу доносилась примитивная, но возбуждающая музыка. Все здание слегка подрагивало от неловких, но выполняемых с большим энтузиазмом подскоков фермеров, мельников, водителей грузовиков, официанток и парикмахерш, молодых хулиганов и их местных подружек из Вестовера и Моттона.

— Эй.

— Сиди тихо.

Он ударил ее по лицу так, что голова откинулась назад. Крис поглядела на него с холодным, упрямым блеском в глазах.

— Это конец, Билли, — она отступила от него, грудь в лифчике колыхалась, плоский живот вздымался и опа-

дал, длинные, стройные ноги в джинсах были напряжены, как для прыжка. Но отступала она в сторону постели. — Все кончено.

— Кончено, — ответил он. Он наклонился к ней, и тогда Крис с поразительной силой ударила его по щеке.

Он выпрямился и потряс головой.

— Ты подбила мне глаз, сука.

— Еще получишь.

— Ну, а как же, конечно, получу.

Они с ненавистью глядели друг на друга, тяжело дыша. Потом Билли начал расстегивать свою сорочку. На его губах блуждала едва заметная улыбка.

— Ты совершаешь подвиги, Чарли. Ты действительно совершаешь подвиги. — Он всегда называл ее Чарли, когда был ею доволен. Она вдруг подумала, что это какое-то общее название хорошей задницы.

Крис невольно улыбнулась и немного расслабилась. В эту минуту Билли бросил свою сорочку ей на лицо, присев боднул ее головой в живот, как козел, и перевернул на постель. Пружины громко застонали. Она начала бессильно бить его кулаками по спине.

— Слезай с меня! Слезай с меня! Слезай с меня, ты, вонючий хам! Слезай с меня!

Он оскалил зубы в улыбке и одним быстрым, грубым движением разорвал ей замок на джинсах, обнажив бедра.

— Что, позовешь папочку? — пробормотал он. — Да? Позовешь своего папочку, мой цыпленочек? Да? Позовешь своего великого папочку-юриста? Да? Ты знаешь, что я хочу тебя этим облить! Я хочу всадить тебе это в морду! Ты знаешь об этом? Говори! Свиная кровь для свиньи, да? Прямо в пасть, а что, не хочешь? Ты...

Крис вдруг перестала сопротивляться. Билли замолчал и посмотрел на нее. Странная улыбка блуждала по ее лицу.

— Так ты все время хотел таким способом? Ты, гнойный прыщ. Все время, да? Ты, несчастная вонючка!

Билли снова оскалил зубы в издевательской гримасе.

— Это неважно.

— Да, — согласилась она. — Неважно. — Улыбка вдруг исчезла с ее лица. Она отклонила голову назад так, что жилы выступили на шее и плюнула ему в физиономию.

Они провалились в красную, шумную пропасть забытья.

Внизу грохотал оркестр и лихо танцевали. Никто не слышал ни городской сирены, ни первого взрыва, ни второго, а когда взорвались резервуары с горючим, музыка перестала играть. Кто-то въехал на стоянку и начал громко рассказывать городские новости. Билли и Крис всего этого не слышали, они крепко спали.

Крис внезапно проснулась. Будильник на ночном столике показывал пять минут второго. Кто-то ломился в двери.

— Билли! — визжал чей-то голос. — Эй, Билли! Вставай!

Билли перевернулся на живот, нащупал дешевенький будильник и кинул его об пол.

— Что такое, черт побери? — хрипло сказал он и сел. У него сильно горела спина. Эта сука прилично его поцарапала. Тогда он это едва заметил, но теперь решил, что так ей устроит, что она не сможет дойти до дома. Просто чтобы показать ей, кто здесь хозя...

Тишина как обухом ударила его по голове. Тишина. «Кавалер» никогда не закрывали до двух часов ночи. И действительно, сквозь пыльное стекло окна он по-прежнему видел мигающую неоновую рекламу. И монотонный, настойчивый стук в дверь.

(что-то случилось)

Кругом было тихо, как в гробу.

— Билли, ты там? Эй!

— Кто это? — шепнула Крис. В мигающем свете неоновой вывески ее глаза были чувственными и блестящими.

— Джекки Талбот, — ответил он. Потом повысил голос. — Что случилось?

— Впусти меня, Билли. Мне нужно с тобой поговорить!

Билли встал с постели, совершенно обнаженный, подошел к двери и открыл старинный крючок.

Джекки Талбот ввалился внутрь. У него был дикий взгляд и вымазанное сажей лицо. Он как раз выпивал с Генри и Стивом, когда им рассказали о происшествиях в городе. Это было без десяти двенадцать ночи. Они вернулись в город на старом «додже» Генри и с хорошего наблюдательного пункта на Брикярд Хилл видели взрыв резервуаров с горючим на Джексон-авеню. Прежде, чем Джекки занял у Генри «додж» и поехал обратно, в 00 часов 30 минут, в городе уже началась настоящая паника.

— Чемберлен горит, — информировал он Билли. — Весь город, курва. Школа сгорела. Центр города сгорел. Вест Энд взлетел в воздух. На Кармен-стрит пожар. И все говорят, что это сделала Кэрри Уайт!

— О Боже, — простонала Крис. Она начала вылезать из постели, на ощупь ища одежду. — Что она...

— Заткнись, — дружелюбно сказал Билли, — а то получишь под задницу. — Он повернулся к Джекки и кивнул головой, чтобы тот продолжал рассказывать.

— Ее видели. Очень многие ее видели. Билли, они говорят, что она вся в крови. Курва, она сегодня была на этом балу... Стив и Генри ничего не усекли, но я... Билли, ты... эта свиная кровь... Это то самое...

— Точно, — ответил Билли.

— О, нет, — Джекки отступил назад и прислонился к фрамуге двери, в свете одинокой лампочки, горящей в коридоре, его лицо имело болезненный желтый оттенок. — О Боже, Билли, весь город...

— Кэрри сожгла весь город? Кэрри? Уайт? Врешь. — Он сказал это спокойным, почти дружеским голосом. За его спиной Крис торопливо одевалась.

— Выгляни в окно, — предложил ему Джекки.

Билли подошел к окну и выглянул. Вся восточная часть города была затянута дымом. Над горизонтом поднимался кровавый отблеск. Пока он смотрел в окно, три пожарные машины пролетели мимо визжа шинами. В свете фонарей, которые освещали автостоянку у «Кавалера», он успел прочитать надписи на автомобилях.

— Вот курва, — пробормотал он. — Пожарные машины из Брунсвика.

— Брунsvик? — повторила Крис. — Ведь это за сорок миль отсюда. Невозможно, чтобы...

Билли повернулся к Джекки Талботу.

— Ну, хорошо. Что произошло?

Джекки потряс головой.

— Никто не знает. Еще ничего толком не известно. Началось все это в школе. Кэрри и Томми Росс были избраны королем и королевой. А потом кто-то вылил на них два ведра крови, и она убежала. Потом в школе произошел пожар. Говорят, что никому не удалось спастись. Потом взорвалась бензоколонка Тедди Амоко, потом бензоколонка Мобил на Саммер-стрит...

— Цитго, — поправил Билли, — это бензоколонка Цитго.

— Меня это не касается! — взвизгнул Джекки. — Это была она, каждый раз это была она! А эти ведра... мы все были без перчаток.

— Я это улажу, — пообещал Билли.

— Билли, Кэрри — это...

— Вали отсюда.

— Билли...

— Вали, а то я тебе ноги из задницы повырываю.

Джекки быстро выскочил в коридор.

— Иди домой и ни с кем не разговаривай. Я это все улажу.

— Хорошо, — сказал Джекки. — Я только думал...

Билли захлопнул дверь перед его носом.

Через секунду Крис стояла рядом с ним.

— Билли, что мы сделаем с этой сукой Кэрри, о Боже, что мы с ней сделаем...

Билли съездил ей по физиономии, вложив в этот удар всю свою силу. Крис с размаху села на пол, какое-то время сидела ошеломленная, а потом закрыла лицо руками и разревелась.

Билли надел брюки, туфли и майку. Потом подошел к выщербленному фаянсовому умывальнику в углу, зажег

свет, намочил голову и начал причесываться, наклоняясь, чтобы увидеть свое отражение в старом, покрытом пятнами зеркале. За его спиной Крис все еще сидела на полу и, кривясь, осторожно вытирала кровь с разбитой губы.

— Я скажу тебе, что мы сделаем, — заговорил Билли. — Мы поедem в город и поглядим на пожар. Потом вернемся домой. Ты скажешь своему любимому папочке, что, когда это произошло, мы с тобой пили пиво в «Кавалере». Я скажу то же самое своей любимой мамочке. Усекла?

— Билли, а твои отпечатки пальцев? — напомнила она ему голосом, изменившимся из-за опухшей губы, но полным уважения.

— Их отпечатки пальцев, — ответил он. — Я был в перчатках.

— А если они проболтаются? — спросила она. — Если полиция поймает их и допросит...

— Ясно... — буркнул он. — Будут болтать. — Он уже уложил свои волосы, они поблескивали в тусклом свете засиженной мухами лампы. Лицо у него было спокойным и расслабленным. Расческа, которой он причесывался, была старой, потертой и липкой от грязи. Он получил эту расческу в подарок от отца к одиннадцатилетию, и ни один зуб еще не был сломан. Ни один зуб.

— Возможно, они никогда не найдут эти ведра, — сказал он. — А даже если и найдут, все отпечатки давно сторели. Мне так кажется. Но если Дойл поймает кого-нибудь из них, я сразу смываюсь в Калифорнию, а ты можешь делать все, что хочешь.

— Ты возьмешь меня с собой? — спросила Крис. Она глядела на него с пола умоляющим взглядом, ее нижняя губа распухла до невероятных размеров.

Он улыбнулся.

— Может быть, и возьму. — Но на самом деле он не собирался с ней связываться. С этим уже покончено. — Вставай, поедem в город.

Они сбежали по лестнице и прошли через пустой танцевальный зал, где стулья были отодвинуты от столов, а на столах еще стояли кружки с выдохшимся пивом.

Когда они выходили через аварийный выход, Билли философски заметил:

— Мне все равно до смерти надоел этот засратый город.

Они сели в машину, и Билли завел мотор. Когда он включил дальний свет, Крис закричала, прижав руки к лицу.

Билли почувствовал это в ту же минуту. Что-то в мозгу постороннее,

(Кэрри, Кэрри, Кэрри, Кэрри)

чье-то присутствие.

Перед ними, на расстоянии около семидесяти футов, стояла Кэрри.

Фары автомобиля заливали ее потоком света, как в черно-белом фильме ужасов. Она вся была в крови, истекала кровью, теперь уже собственной. Из ее плеча торчала рукоять мясницкого ножа, платье было грязным и позеленевшим от травы. Она ползла большую часть дороги от Кармен-стрит, почти теряя сознание, ползла, чтобы уничтожить это место — место, с которым была связана ее судьба.

Она стояла шатаясь и вытянув руки перед собой, как гипнотизер на сцене, а потом начала приближаться к ним маленькими, неуверенными шагами.

Все это продолжалось какие-то доли секунды. Крис даже не успела вскрикнуть. У Билли была прекрасная реакция, и он среагировал с молниеносной быстротой, включил первую скорость и добавил газ.

Шины «шевроле» завизжали на асфальте, и автомобиль рванулся вперед с убийственной скоростью. Фигура за передним стеклом выросла, и тогда присутствие чуждого почувствовалось сильнее,

(Кэрри, Кэрри, Кэрри, Кэрри)

еще сильнее,

(Кэрри, Кэрри, Кэрри, Кэрри)

как радио, включенное на полную громкость. Время как бы замкнулось вокруг них и на мгновение застыло неподвижно, несмотря на то, что они двигались: Билли

(Кэрри напоминает собаку, Кэрри совсем как эта чертова собака, Кэрри, я хотел бы быть на твоём месте)

и Крис,

(Кэрри, Боже, я не хотела ее убить, Кэрри, я не хотела ее убить, Кэрри, Билли, я Кэрри, я не хочу, Кэрри, этого видеть, Кэрри)

и сама Кэрри.

(вижу водителя автомобиля, газ, педаль, водитель, вижу водителя, о Боже, мое сердце, мое сердце, мое сердце)

И вдруг Билли почувствовал, что автомобиль ожил и предательски не слушает его рук. Обволакиваясь клубами дыма из выхлопной трубы, «шевроле» вдруг резко повернул на сто восемьдесят градусов. Обшитая деревом стена «Кавалера» внезапно начала расти, расти, расти, расти, пока

(вот так)

они не врезались в стену со скоростью сорока миль в час, все набирая скорость. Дерево разлетелось вокруг, неоновая вывеска выстрелила и погасла. Билли полетел вперед и вдавился грудью в рулевую колонку. Крис выбила головой лобовое стекло.

Бензобак треснул, горячее начало вытекать, создавая лужу у задних колес машины. Кусок выхлопной трубы упал в эту лужу, и бензин вспыхнул.

Кэрри лежала на боку с закрытыми глазами, дыша с большим трудом. В груди у нее горел огонь.

Она ползла через автостоянку, сама не зная, куда и зачем она движется.

(мама, прости, о мама, прошу, очень больно, так больно, мама, что я делаю)

И вдруг все это отдалилось и стало безразличным. Если бы только она смогла перевернуться на спину, перевернуться и увидеть звезды,

перевернуться, посмотреть в последний раз на небо и умереть.

Вот в таком состоянии и нашла ее Сью в два часа ночи.

Когда шериф Дойл уехал, Сью немного прошла по улице и присела на ступеньки прачечной самообслужива-

ния «Стирай сам». Она глядела невидящим взглядом на небо, покрытое отсветами пожаров. Томми погиб. Она знала, что это правда, и с легкостью согласилась с этим, с легкостью, которая саму ее испугала.

А сделала все это Кэрри.

Сью не имела ни малейшего понятия, откуда он это все знает, но была полностью уверена, что не ошибается, как будто она произвела точные математические вычисления.

Время текло, но это не имело значения. Макбета убил сон, а Кэрри убила время. Тоже неплохо. Сью печально улыбнулась своей грустной судьбе. Не означает ли это конец нашей маленькой героини? Конец милой, невинной девочки? Теперь уже не нужно беспокоиться о загородном клубе и о вилле в самом богатом районе города. Больше не нужно беспокоиться. Все кончено, все сгорело. Какой-то человек пробежал рядом с ней, бормоча, что Кармен-стрит горит. Томми ушел навсегда. Это хорошо, что Кармен-стрит горит. А Кэрри пошла домой, чтобы убить свою мать.

(???????)

Сью села, выпрямившись, как струна, вглядываясь в темноту.

(???????)

Она не понимала, откуда об этом знает. Ее состояние не напоминало ей ничего из того, что она когда-нибудь слышала о телепатии. В ее голове не появлялись какие-либо картины, не было вспышек озарения, как то, что после весны приходит лето, что можно умереть от рака, что мать Кэрри уже умерла, что...

(!!!!!!!)

Сердце Сью вдруг рванулось к горлу. Умерла? Она еще раз проверила в своих мыслях все, что знала об этом, стараясь не думать о том, каким сумасшедшим было это чувство: знать что-то неизвестно откуда.

Да, Маргарет Уайт умерла, и это имело какую-то связь с сердцем. Но перед этим она ударила Кэрри ножом. Кэрри была тяжело ранена. Она была...

Это все.

Сью вскочила на ноги, побежала обратно к автомобилю. Десять минут назад она остановила автомобиль на углу Бранч-стрит и Кармен-стрит, которая горела. Пожарные машины еще не приехали, но улица с обеих сторон уже была перегорожена, а на закопченных толстым слоем сажи мусорных баках, которые стояли посреди улицы, висела надпись: «Внимание! Опасно! Провода под напряжением!»

Сью прокралась через два двора позади домов и пробралась сквозь кусты, которые поцарапали ее колючими ветвями. Она оказалась во дворе, соседствующем со двором Уайтов. Глубоко вздохнула и подошла ближе к дому.

Дом горел. Пламенем была покрыта вся крыша. Нельзя было подойти к дому настолько близко, чтобы заглянуть внутрь. Но в ярком свете огня Сью заметила разбрызганные капли крови, которыми был отмечен путь Кэрри. Опустив голову, она пошла по этому пути, миновала большое пятно крови в том месте, где Кэрри отдыхала, перелезла через очередную живую изгородь, перешла на другую сторону Виллоу-стрит и вошла в густые заросли карликовых сосен и дубов. В глубине короткой, немощной аллеи она поднялась по небольшому склону, ведущему к шоссе №6.

Сью внезапно остановилась. Ее охватили сомнения. Допустим, она найдет Кэрри, а что дальше? Загорится? Попадет под проезжающий автомобиль или пожарную машину? Получит сердечный приступ? Новая мысль подсказала ей, что Кэрри была бы в состоянии все это сделать. (нужно найти полицейского)

Сью коротко засмеялась, когда поняла, о чем она думает, и села в траву, шелковую от росы. Она уже виделась с полицейским. Если даже представить, что Отис Дойл ей поверит, что делать дальше? Она представила себе сотни преследователей, окружающих Кэрри и требующих, чтобы она сдалась и бросила оружие. Кэрри послушно поднимает руки вверх, снимает голову с плеч и подает ее шерифу Дойлу, который старательно прячет ее в пласти-

ковый мешок, снабженный надписью «Вещественное доказательство №1».

(а Томми умер)

Ну, ну. Сью расплакалась. Она всхлипывала, закрывая лицо руками. Легкий порыв ветра зашелестел в кустах на вершине холма. По шоссе №6 с воем сирены пролетали пожарные машины, как большие, красные гончие псы, мчащиеся сквозь ночь.

(город горит, это хорошо)

Сью не знала, сколько времени она так сидела в полудреме, время от времени всхлипывая. Она даже не понимала, что все это время следила за путешествием Кэрри к «Кавалеру» так же, как не понимала, что дышит. Кэрри была тяжело ранена и ползла дальше только за счет тупого, животного упрямства. До «Кавалера» было три мили, даже если идти напрямик. Сью — увидела? почувствовала? все равно, как Кэрри упала в ручей и выбралась из него промокшая, замерзшая и дрожащая, но она продолжала идти дальше. Это было действительно странно. Конечно, она делала это ради мамы. Мама хотела, чтобы Кэрри стала Ангелом с Огненным Мечом, что она уничтожила...

(она хочет уничтожить)

Сью встала и тяжело побежала вперед, не обращая внимания на следы крови. Они ей больше не были нужны.

«Приход тени» (стр. 164-165)

Что бы ни говорили о деле Кэрри Уайт, это все уже позади. Пора подумать о будущем. Как справедливо заметил Дин Мак Гуффин в своем знаменитом очерке, помещенном в «Научном обозрении», если мы легкомысленно отнесемся к этому делу, нам тогда придется когда-нибудь за это заплатить — и цена будет очень высокой.

Есть еще и моральный аспект этой проблемы. Уже есть определенные достижения на пути полного выделения гена ТК. В научных кругах появилась уверенность, что

когда эта работа будет окончена, все дети школьного возраста будут обследованы так же, как сейчас они обследуются по поводу туберкулеза. Но ТК — это не бацилла. Он представляет собой такую же неизменную характерную черту организма, как цвет глаз.

Если мы представим себе, что проявление способностей ТК связано с достижением половой зрелости, и если этот гипотетический тест будет проводиться во всех средних школах, тогда мы, без сомнения, будем вовремя предупреждены. Однако разве в этом случае «предупреждены» означает «гарантированы от опасности»? Если проба на ТК даст положительные результаты, ребенка можно попытаться лечить или изолировать от других детей. Если это не поможет, мы не можем предложить другого метода, кроме пули в лоб. А как можно изолировать от общества человека, который располагает силой разрушить любые стены?

А если это даже было бы возможно, позволят ли американские граждане, чтобы маленьких, хороших детей оторвали от родителей при первых признаках зрелости и заперли в каком-нибудь подземном бункере до конца их жизни? Я в этом очень сомневаюсь. Именно сейчас, когда комиссия по делу Уайт приложила все свои силы, чтобы убедить общественность, что кошмар в городе Чемберлен произошел только в результате несчастного стечения обстоятельств.

Мне почему-то кажется, что мы вернулись к исходному пункту...

Фрагмент данных под присягой показаний мисс Сьюзен Снелл перед Следственной комиссией штата Мэн (рапорт Комиссии по делу Уайт) (стр. 306-472)

Вопрос: А теперь, мисс Снелл, комиссия хотела бы вернуться к вашим предыдущим показаниям по вопросу вашей встречи с Кэрри Уайт на автостоянке заведения «Кавалер».

Ответ: Почему вы все время задаете мне одни и те же вопросы? Я об этом уже дважды рассказывала.

В.: Мы хотим быть уверены, что вы ни в чем не ошиблись.

О.: Вы хотите проверить, не лгу ли я, вы это имеете в виду, господа? Вы не верите, что я говорю правду, не так ли?

В.: Вы ранее говорили, что нашли мисс Уайт в...

О.: Вы хотите сами ответить на этот вопрос?

В.: ...в два часа утра, 29 мая. Вы согласны?

О.: Я не намерена отвечать на ваши вопросы до тех пор, пока вы мне не ответите.

В.: Мисс Снелл, я предупреждаю, что комиссия имеет право подать на вас в суд, если вы откажетесь давать показания по какому-либо поводу, кроме случаев, оговоренных в конституции.

О.: Меня не интересует, на что вы имеете право. Я потеряла любимого человека. Теперь вы хотите посадить меня в тюрьму. Мне все равно. Я... я... идите вы к черту. Идите вы все к черту. Вы хотите меня... не знаю, распят, что ли. Отвяжитесь от меня!

(короткий перерыв)

В.: Мисс Снелл, вы можете продолжать давать показания?

О.: Да, господин председатель. Но при условии, что вы прекратите надо мной издеваться.

В.: Девушка, здесь никто не намерен над вами издеваться. Значит, вы утверждаете, что нашли мисс Кэрри Уайт на автостоянке мотеля в два часа. Вы это подтверждаете?

О.: Да.

В.: Откуда вы знали, который час?

О.: У меня на руке были часы. Те же самые, которые на моей руке сейчас.

В.: Давайте внесем ясность. От того места, в котором вы оставили автомобиль своей матери, до мотеля «Кавалер» более шести миль, правда?

О.: Только по шоссе. Напрямик около трех миль.

В.: И вы прошли пешком это расстояние?

О.: Да.

В.: Теперь далее: вы раньше говорили, что «знали», что приближаетесь к госпоже Уайт. Вы можете нам это объяснить?

О.: Нет.

В.: Вы чувствовали ее нюхом?

О.: Что?

В.: Вы шли к ней по запаху?

(смех в зале)

О.: Вы надо мной издеваетесь?

В.: Прошу ответить на вопрос.

О.: Нет, я не чувствовала никакого запаха.

В.: Может быть, вы ее увидели?

О.: Нет.

В.: Услышали?

О.: Нет.

В.: Тогда откуда вы знали, где она находится?

О.: А откуда знал Том Квилан? Или Кора Симар? Или бедный Вик Муни? Откуда все они это знали?

В.: Прошу ответить на вопрос, мисс Снелл. Здесь не время и не место для споров.

О.: Но они все говорили, что просто знали, не правда ли? Я читала показания госпожи Симар. А пожарные гидранты, которые сами разрушались? А бензонасосы, в которых сами сломались замки и которые сами включились? А электрические провода, которые падали со столбов? А...

В.: Мисс Снелл, прошу вас...

О.: Все это записано в ваших протоколах!

В.: Комиссия не занимается сейчас этим вопросом.

О.: А чем вы вообще занимаетесь? Добиваетесь правды или ищете козла отпущения?

В.: Вы не знали раньше, где найдете Кэрри Уайт?

О.: Конечно, нет. Это абсурдная мысль.

В.: Да? А почему?

О.: Ну, если вы предполагаете, что существовал какой-то уговор между нами, это немыслимо потому, что Кэрри

умирала, когда я ее нашла. И могу вас заверить, что это была нелегкая смерть.

В.: Если вы не знали ранее, где находится Кэрри, каким образом вы попали именно в это место?

О.: Я не понимаю, вы что, не слушали, о чем я вам говорила? Ведь все знали, что это была Кэрри! Каждый человек мог бы ее найти, если бы она этого захотела.

В.: Но ее нашли именно вы. Можете ли вы нам объяснить, почему, исходя из того, что вы говорили раньше, люди не сбежались к ней со всех сторон, как металлические опилки, которые притягивает магнит?

О.: Она быстро теряла силы. Я думаю, что... сфера ее действия начала сужаться.

В.: Но вы согласитесь со мной, что эти соображения ничем конкретным не подтверждены?

О.: Конечно. Во всем деле Кэрри Уайт нет никаких конкретных доказательств.

В.: Ну, хорошо, мисс Снелл, продолжайте. Я хотел бы еще вернуться к...

Сначала, когда она поднялась на холм между лугом Генри Дрейна и автостоянкой мотеля «Кавалер», то подумала, что Кэрри умерла. Она лежала посередине автостоянки, странно выгнутое тело как бы скорчилось. Сю вспомнила мертвых животных, которых видела на шоссе №495 — скунсы, суслики, раздавленные проезжающими автомобилями.

Но в мыслях она по-прежнему чувствовала это настойчивое, тревожное присутствие, повторяющееся имя Кэрри, постоянный вызов. Ослабленное, постоянное излучение, уже не сильное и неприятное, но то нарастающее, то ослабевающее в равные промежутки времени. Как прибор.

Кэрри была без сознания.

Сю взобралась на невысокий заборчик, который окружал стоянку, чувствуя, как ее лицо горит огнем от пылающего здания. «Кавалер» был сооружением, обшитым снаружи досками, и загорелся в считанные минуты.

Справа от входа среди пламени можно было увидеть обугленные останки автомобиля. Это сделала Кэрри. Сю не собиралась проверять, есть ли кто-нибудь в автомобиле. Теперь это уже не имело значения.

Подходя к лежащей на боку Кэрри, она не слышала собственных шагов, которые были заглушены яростным ревом огня. Сю посмотрела на скорченное тело с тупым, горьким сожалением. Рукоять ножа торчала у плеча. Кэрри лежала в луже собственной крови. Тонкий ручеек крови продолжал вытекать из ее рта. Судя по положению тела, она пыталась перевернуться на спину, когда потеряла сознание. Она сумела начать пожары, сорвать провода со столбов, могла убивать только силой мысли, а теперь лежала беспомощная и даже не сумела перевернуться на спину.

Сю встала рядом с ней на колени, взяла Кэрри за руку и за здоровое плечо и аккуратно, бережно перевернула ее на спину.

Кэрри громко застонала, веки ее затрепетали. Излучение, которое чувствовала Сю, стало сильнее, как будто картина в мозгу Сю стала более реальной.

(кто это)

И Сю, даже не думая об этом, ответила ей таким же странным образом

(я Сю Снелл)

Ей даже не нужно было повторить свое имя в уме. Сама мысль, кто она такая, не содержала ни слов, ни выражений. Все внезапно начало доходить до нее более отчетливо, стало более реальным, и сквозь вырванное шоком ошеломление прорвалось сочувствие к Кэрри.

А Кэрри с тупым, полным укоризны чувством:

(меня обманули, меня все обманули)

(Кэрри, я даже не знаю, что произошло что с Томми)

(меня обманули, все это было враньем, вранье, вранье, подлое вранье)

Эта смесь образов и эмоций была потрясающей. Кровь. Тоска. Страх. Последнее подлое вранье из целой длинной серии лжи. Образы пролетели с бешеной скоростью и

довели Сью до головокружения и теперь она почувствовала себя беспомощной, потеряв всякую надежду. Теперь каждая из них знала о другой все, и это было ужасно.

(Кэрри, прекрати, прекрати это, больно)

Девушки бросали санитарные тампоны, смеялись, визжали. Сью увидела как в зеркале собственное лицо, отвратительное, с карикатурно увеличенным ртом, излучающее какую-то жуткую красоту.

(смотри на эти подлые шутки, смотри, моя жизнь — это одна большая подлая шутка)

(посмотри, Кэрри, посмотри мне внутрь)

И Кэрри посмотрела.

Впечатление было поразительным. Ее мозг и нервная система стали библиотекой, по которой кто-то бежал очень спеша, ведя палец по корешкам книг, вытаскивая некоторые из них, небрежно просматривая и ставя на место, иногда бросая на пол, где они лежали, дико трепеща страницами

(мимолетные образы, я, когда была ребенком, ненавидела отца, о мама, огромный рот, зубы, Бобби толкнул меня, о мое колено, автомобиль, хочу ехать на машине, едем с визитом к тете Сесилии, мама, иди скорей, я уписалась)

во внезапном порыве, летя дальше и дальше, добравшись наконец до полки с надписью «Томми» с подзаголовком «Бал». Книги открывались с размахом, проблески воспоминаний, заметки на полях, все запутанные иероглифы ее чувств, более сложные, чем Розетский Камень.

Она глядела. Нашла больше, чем сама рассчитывала, — любовь к Томми, ревность, эгоизм, стремление подчинить его себе по отношению к Кэрри, полная недовольства злость на саму Кэрри,

(могла думать хоть немного о себе, черт побери, ты выглядела ужасно)

ненависть к госпоже Дежарден, ненависть к самой себе.

Но не было злой воли, не было заранее продуманного стремления выставить Кэрри в роли посмешища и унижить ее при всех. Сью не желала Кэрри зла.

Ужасное чувство, что кто-то лазит в твоих самых тайных, самых секретных местах, постепенно прекратилось. Сю почувствовала, что Кэрри отступила, слабая и измученная.

(почему ты не оставила меня в покое)

(Кэрри, я хотела...)

(мама жила бы, я убила свою маму, хочу к маме, больно, больно в груди, в плече больно о-о-о-о-о, хочу к маме)

(Кэрри, я хотела)

Но она не сумела закончить эту мысль. Ей просто было нечего добавить. Сю внезапно парализовал испуг, и она не могла понять, что с ней. Кровавая лужа на испачканном маслом асфальте вдруг стала ей безразличной. Человек мучился, умирал, и это было страшно.

(о мама, я боюсь, мама, мама)

Сю попыталась отключиться, и хоть на минуту оставить Кэрри один на один с ее смертью — но не смогла. Она чувствовала, что сама умирает. Сю не хотела видеть спектакль собственной смерти.

(Кэрри, отпусти меня)

(мама, мама, мама, о-о-о-о-о-о о-о О-О-О-О-О-О-О-О-О-)

Визг умирающего мозга взорвался в невероятном крике и внезапно замер. Какое-то время Сю казалось, что она смотрит на пламя свечи, которая с огромной скоростью удаляется по длинному, черному туннелю.

(она умирает, о мой боже, я чувствую, как она умирает)

А потом свеча погасла, и последняя сознательная мысль (мама, прости, где)

оборвалась на середине, и Сю принимала уже только ничего не значащие, бессмысленные подрагивания нервных окончаний, которые могли продолжаться еще много часов.

Сю ушла, шатаясь, ощупывая все перед собой руками, как слепая. Она заковыляла к краю стоянки, перелезла через невысокий, достающий до колен заборчик и спустилась вниз по склону. Потом, раскачиваясь из стороны в

сторону, вышла на луг, покрытый таинственными белыми облаками тумана. На лугу пели сверчки, печальный козодой

(печальный козодой, кто-то умер)

простонал в тиши начинающегося утра.

Сью побежала, глубоко дыша полной грудью, убегая от Томми, от пожаров и взрывов, от Кэрри, но в первую очередь от этого последнего кошмара — от последней сознательной мысли, исчезающей в черном туннеле бесконечности, последнего проблеска, после которого был только пустой, ничего не значащий шум обычных электрических разрядов.

Постепенно этот образ, застилающий ее разум как тень, начал расплываться, оставляя после себя благословенную, успокаивающую темноту. Сью замедлила бег, остановилась и поняла, что сейчас что-то должно произойти. Она стояла среди бесконечного, уснувшего тумана посреди поля, ожидая, когда это произойдет.

Постепенно ее ускоренное дыхание успокоилось, она дышала все реже и реже, потом резко втянула в себя воздух, и он вырвался из ее груди в одном вибрирующем, пронзительном крике.

Сью почувствовала, как по ее бедрам медленно начинают стекать первые темные капли менструальной крови.

Часть III

Р У И Н Ы

ГОСПИТАЛЬ МИЛОСЕРДИЯ ГОРОДА ЭНДОВЕР

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

Фамилия	<u>Уайт</u>	
Имя	<u>Кэролайн</u>	<u>Н</u>
	(первое)	(второе)
Адрес	<u>47 Кармен-стрит, Чемберлен, Мэн 02249</u>	
Приемный покой	<u>не поступала</u>	
машина скорой помощи	<u>16</u>	
Течение лечения	<u>не проводилось</u>	
Д. О. А.*	<u>Х</u>	
Время смерти	<u>28 мая 1979 года — 2.00 (по прибытии)</u>	
Причина смерти	<u>шок, потеря крови, закупорка</u> <u>венечных артерий и тромбирование (вероятнее всего)</u>	
Лицо, идентифицировавшее труп	<u>Сьюзен Д. Снелл</u>	
Его адрес	<u>19 Чемберлен Род, Чемберлен, Мэн, 02249</u>	
Близкие родственники	<u>не имеет</u>	
Выдача трупа	<u>властям штата Мэн</u>	
Лечащий врач	<u></u>	
Патологоанатом	<u></u>	

* Д. О. А. — подтверждение смерти по прибытии на место происшествия

*Телеграмма, полученная Ассошиэйтед Пресс
5 июня 1979 года*

Чемберлен, штат Мэн, (АП)

Власти штата сообщают, что количество жертв в городе Чемберлен достигает 409 человек. Более 49 человек признаны пропавшими без вести. Следствие по делу Кэрри Уайт, а также по так называемому вопросу явления ТК затрудняют сплетни, которые гласят, что вскрытие трупа Уайт показало отклонение от нормы в строении мозга и мозжечка. Губернатор штата приказал собрать медицинскую комиссию, заданием которой будет детальное исследование этого случая. Точка. 5 мая (АП)

*Статья, помещенная в воскресном выпуске
«Левистон Дейли Сан» от 7 сентября (стр. 3)*

Последствия телекинеза: город в трауре и сердца в трауре.

Город Чемберлен и Ночь Разрушения уже стали историей. Мудрые люди повторяют уже много веков, что время лечит любые раны, но этот маленький город на западе штата Мэн получил такой удар, что может и не выжить. В восточной части города сохранились нетронутыми жилые кварталы, улицы затеяют старые дубы, которые растут там уже более двухсот лет, старательно ухоженные газоны и красивые особняки в сельском стиле на Морин-стрит и на Брикярд Хилл. Но эти идиллические участки новоанглийской архитектуры окружают сожженный и разрушенный центр города, и на многих старательно подстриженных газонах стоят таблички с надписью «Продается». В домах, где еще живут люди, на фронтальных дверях висят траурные флаги. Ярко-желтые фургоны для перевозки мебели и апельсиновые транспортные автомобили разных размеров стали в эти дни обычным явлением на улицах города Чемберлен.

Самые большие предприятия в городе, городские ткацкие фабрики и прядильни, по-прежнему простаивают, хоть они и не были затронуты пожаром, который в мае в течение двух дней уничтожил большую часть города. С четвертого июня фабрики работают только в одну смену, и, как заявил директор, господин Уильям А. Чемблис, возможно дальнейшее уменьшение производства. «У нас есть много заказов, — сказал господин Чемблис, — но мы не можем их выполнять в связи с отсутствием обслуживающего персонала. У нас нет людей. 15 августа заявления о расчете подали еще тридцать четыре сотрудника. Единственное, что мы можем сейчас сделать, — это закрыть красильные цеха и окрашивать пряжу вне наших предприятий. Я должен добавить, что мы с большой неохотой увольняем этих людей, но нас заставляют делать это финансовые проблемы».

Роджер Ферон живет в городе Чемберлен двадцать лет и восемнадцать из них проработал на ткацкой фабрике. За это время он прошел путь от простого рабочего, зарабатывающего по семьдесят три цента в час, до руководителя красильного цеха, однако его совершенно не волнует перспектива потери работы. «Я знаю, что нигде не смогу столько зарабатывать, — говорит господин Ферон, — с этим нелегко согласиться. Мы обсуждали этот вопрос с женой. Мы могли бы продать дом — он стоит не менее двадцати тысяч долларов — и хоть я и уверен, что мы не получим за него и половины этой суммы, как-нибудь разберемся. Но я хочу сказать не об этом. Мы просто не хотим больше жить в городе Чемберлен. Понимайте это как хотите, но нам здесь просто стало плохо жить».

Ферон не одинок в своих чувствах. Генри Келли, хозяин магазина табачных изделий и бара под названием «Келли Фрут», которые были снесены с лица земли в Ночь Разрушения, не собирается отстраивать свои заведения. «У меня нет детей, — пожимает он плечами. — Если бы я снова решил открыть свое дело, я, наверное, начал бы видеть привидения в каждом углу. Нет, я предпочитаю

уехать отсюда. Я получу по страховке и перееду в Санкт-Петербург».

Когда в 1954 году город Ворчестер достиг торнадо, сея вокруг смерть и разрушения, уже через неделю в городе стучали молотки, в воздухе носился запах свежего дерева, всюду чувствовались оптимизм и вера в лучшее будущее. В городе Чемберлен царит совершенно иная атмосфера. С центральных улиц уже убраны руины, но кроме этого ничего не сделано, чтобы устранить следы катастрофы. Лица жителей полны тупого, безнадежного отчаяния. В баре Франка на углу Салливан-стрит мужчины пьют пиво в понуrom молчании, а на порогах домов женщины рассказывают друг другу о своей печальной участи. Город Чемберлен был занесен в список районов, пострадавших от стихийных бедствий, и возможно получение кредитов на отстройку торгового центра, благодаря чему город смог бы снова встать на ноги.

Но в течение последних четырех месяцев основным занятием жителей города Чемберлен были похороны.

До настоящего времени были найдены трупы четырехсот сорока человек, судьба остальных восемнадцати до сих пор неизвестна. Шестьдесят семь из этих жертв — это ученики старших классов средней школы имени Ивена. Может быть, это сильнее, чем все остальное, окончательно сломило жителей города Чемберлен.

Ученики были похоронены в течение двух дней, первого и второго июня. За это время были проведены три большие погребальные церемонии. Третьего июня на городской площади прошел торжественный митинг в память жертв происшествий. Это было самое печальное зрелище из всех, в которых когда-либо участвовали репортеры. Прибыли тысячи людей, и все они сохраняли абсолютную тишину, когда школьный оркестр, состоящий теперь вместо пятидесяти шести всего лишь из сорока музыкантов, сыграл школьный гимн и траурный марш.

Через неделю в ближайшей частной средней школе в городе Моттон произошла угнетающая церемония раздачи

аттестатов зрелости. В ней приняли участие пятьдесят два оставшихся в живых выпускника. Ученик, выступивший с прощальной речью, Генри Стемпель на середине речи разрыдался и не смог говорить дальше. После этой церемонии не было никаких развлечений. Выпускники просто разошлись по домам.

По мере того, как проходило лето, находили все новые трупы, и по городу продолжали кружить погребальные автомобили. Раны только начинали заживать, как каждый день разрывали их заново.

Если читатель, движимый любопытством, захочет навестить город Чемберлен, он увидит умирающий город, как бы больной раком. Немногочисленные, словно потерянные, прохожие без цели бродят по улицам. Церковь конгрегационистов на Кармен-стрит была повреждена пожаром, но на Элм-стрит по-прежнему стоит кирпичный католический костел, а у начала Мэйн-стрит — опаленный огнем, но не тронутый дом — церковь методистов. Несмотря на это, посещаемость невелика. Пожилые люди по-прежнему сидят в скверике перед зданием суда, но они теперь не играют в шахматы и почти не разговаривают между собой.

Создается такое впечатление, что город ждет собственной смерти. Сказать, что Чемберлен уже никогда не будет таким, как раньше, — это слишком мало. Ближе к истине будет утверждение, что он уже никогда не будет Чемберленом.

*Фрагмент письма директора школы Генри Грейли
начальнику Отдела образования, Питеру Филпотту
(письмо датировано девятым июня)*

...поэтому я считаю, что больше не могу находиться на своей должности, поскольку всей этой трагедии можно было избежать, если бы только я был предусмотрительнее. Я хотел бы, чтобы вы приняли мою отставку с 1 июля, если только это возможно...

*Фрагмент письма Риты Дежарден,
учительницы гимнастики,
директору школы Генри Грейли
(письмо датировано 11 июня)*

...я возвращаю Вам мой контракт. Я чувствую, что если бы мне снова пришлось вернуться к профессии учителя, я прежде совершила бы самоубийство. Ко мне каждый раз ночью приходит эта мысль: если бы только я протянула руку этой девушке, если бы только...

Надпись на газоне, где находилось бунгало семейства Уайт

Кэрри Уайт поджаривается в аду за свои грехи.
Бог велик и могуч.

*Дин Д. Л. Мак Гуффин:
«Телекинез. Анализ и выводы»
«Научное обозрение» 1980.*

В этих наблюдениях я хотел бы подчеркнуть, что власти идут на смертельный риск, пытаясь положить в ящик тело Кэрри Уайт — я говорю здесь прежде всего о так называемой Комиссии по делу Уайт. Мне кажется, что политики охотнее всего признали бы явление ТК исключительным случаем, который не может повториться в обозримом будущем. Такая позиция, хоть ее и можно понять, неприемлема. С точки зрения генетики возможность новых проявлений этого явления составляет 99 процентов. Мы должны быть готовы к тому, что может произойти...

Джон Р. Кумбс. «Молодежный слэнг: пособие для родителей». (Нью-Йорк, 1985) стр. 73

«Сделать Кэрри» —

1) применить силу, спровоцировать унижение или телесное повреждение.

2) поджечь что-то (от Кэрри Уайт, 1963-1979)

«Приход тени» (стр. 201)

Я ранее упоминал о заметке, найденной в одной из школьных тетрадей Кэрри Уайт. Это были две строчки из известной песни знаменитого рокового певца и поэта шестидесятых годов, Боба Дилана. Эти строки несколько раз повторялись на одной странице, как будто написавший это человек был выбит из равновесия.

Я думаю, что лучшим окончанием этой книги будет фрагмент другой песни Боба Дилана, фрагмент, который может служить эпитафией Кэрри Уайт:

*Я хотела бы этой песней успокоить твою боль
Послать тебе забытье, убаюкать, усыпить,
Спасти от сумасшествия, но мне не удастся
Я знаю тебя и уже слишком поздно...*

Фрагмент рапорта Следственной комиссии штата Мэн, о происшествиях, которые произошли 27-28 мая в городе Чемберлен, штат Мэн.

...принимая во внимание то, что вскрытие трупа исследуемой показало определенные изменения на уровне клеточной структуры, которые могут показывать присутствие каких-то неопределенных паранормальных способностей, мы утверждаем со всей ответственностью, что нет повода допускать, что новое проявление этого явления возможно или хотя бы вероятно...

*Фрагмент из письма Амелли Дженкс, Ройял Кноб,
Теннесси, к Сандре Дженкс, Мэйкен, Джорджия.
(письмо датировано 3 мая 1988 года)*

...а твоя маленькая племянница растет, как на дрожжах, она очень выросла для своих двух лет. У нее голубые глаза, как у отца, и мои светлые волосы, но потом они, наверное, потемнеют. Она очень симпатичный ребенок, и иногда я думаю, когда она спит, как она похожа на нашу маму.

В один прекрасный день, когда она играла во дворе, я выглянула из дома и увидела очень смешную вещь. Анни играла камешками, но эти камешки сами двигались. Анни смеялась, а я немного испугалась. Понимаешь, эти камешки сами взлетали в воздух и падали. Я вспомнила нашу бабушку, помнишь, как тогда полицейские пришли за Питом, и пистолеты вылетели у них из рук, а бабушка только смеялась. И еще она умела двигать свое кресло на колесиках, даже когда не сидела в нем. Когда я подумала об этом, у меня буквально ноги подкосились. Лишь бы только Анни не колдовала как бабушка, помнишь?

Ну, я буду кончать свое письмо и пойду стирать, передай привет Рику от меня и постарайся прислать нам какие-нибудь вещи, если сумеешь. В любом случае наша Анни очень хорошенькая, а глазки у нее такие шустрые и круглые, как пуговики. Могу поспорить, что она когда-нибудь сделает неплохую карьеру. Вот только никак не могу быть с ней хоть немного строгой, да и папа ее очень балует.

Крепко целую.
Мелия.

**Последнее
расследование
Амни**

Сезон дождей подошел к концу. Холмы по-прежнему зеленые, и, глядя из долины, пересекающей Голливуд, можно увидеть снег на вершинах гор. Магазины, торгующие мехами, рекламируют ежегодную распродажу. Особенно популярны публичные дома, предлагающие шестнадцатилетних девственниц. А в Беверли-Хилс начинают цвести деревья джакаранды.

Реймонд Чандлер
«Маленькая сестра»

I

Новости от Пиории

Это был один из тех весенних дней в Лос-Анджелесе, которые настолько идеальны, что вы ожидаете повсеместно увидеть регистрационную марку. Выхлопные газы автомобилей на бульваре Сансет чуть пахли цветами олеандра, а олеандр слегка отдавал выхлопными газами, и небо над головой было чистым и ясным, как совесть убежденного баптиста. Пиория Смит, слепой продавец газет, стоял на своем обычном месте на углу бульваров Сансет и Лорел, и, если это не означало, что Господь, как всегда, царит на небесах и все в мире в полном порядке, я не знаю, что еще добавить.

И все-таки с того момента, когда я этим утром в непривычное время — в половине восьмого — опустил ноги с постели, все казалось мне каким-то нескладным, недостаточно четким, слегка расплывчатым по краям. И лишь когда я начал бриться — или по крайней мере пытался показать своей непокорной щетине лезвие бритвы, чтобы напугать ее и заставить повиноваться, — я понял в чем дело, хотя бы отчасти. Несмотря на то что я читал самое малое до двух ночи, я не слышал, чтобы вернулись мои соседи Деммики, обычно набиравшиеся до бровей и обменивавшиеся короткими репликами, составляющими, судя по всему, основу их семейной жизни.

Не слышал я и Бастера, что было еще более странным. Бастер, валлийский корги, принадлежал семье Деммиков

и обладал таким визгливым голосом, что его лай осколками пронизывал голову, и пользовался он им так часто, как только мог. Вдобавок, у него был ревнивый характер. Он тут же заливался своим пронзительным лаем, как только Джордж и Глория начинали обниматься, а когда они не огрызались друг на друга, как комики в водевиле, то обычно обнимались. Мне не раз доводилось засыпать под их хихиканье, сопровождаемое лаем пса, танцующего у их ног, и меня не раз посещала мысль, трудно ли удавить мускулистую собаку средних размеров струной от пианино. Прошлой ночью, однако, квартира Деммиков была тихой, как могила. Это казалось достаточно странным, но не особенно: Деммики не были образцовой семьей, живущей по точному распорядку.

А вот с Пиорией Смитом все было в норме — веселый, словно канарейка, он, как всегда, узнал меня по походке, хотя я пришел по крайней мере на час раньше обычного. На нем была мешковатая рубаша с короткими рукавами и надписью «Калтекс» на груди. Рубашка была длинной, доходила ему до бедер, закрывая вельветовые шорты, котс-рые обнажали покрытые струпьями колени. Его белая палка, которую он так ненавидел, стояла прислоненной к карточному столику, где лежали газеты.

— Привет, мистер Амни! Как жизнь?

Темные очки Пиории сверкали в утренних лучах солнца, и, когда он повернулся на звук моих шагов с экземпляром «Лос-Анджелес таймс» в протянутой в мою сторону руке, мне вдруг показалось, что кто-то просверлил в его лице две большие черные дыры. Я вздрогнул при этой мысли, подумав, что, может быть, пришло время отказаться от стаканчика виски, который я выпивал перед сном. А может быть, вдвое увеличить дозу.

Как это нередко случалось последнее время, на первой странице «Таймс» был портрет Гитлера. На этот раз речь шла об Австрии. Я подумал, и не в первый раз, как удачно вписалось бы это бледное лицо с влажной прядью волос, падающей на лоб, в ряд портретов тех, кого разыскивает полиция, на бюллетене в почтовом отделении.

— Жизнь великолепна, Пиория, — заверил я его. — Говоря по правде, она так же прекрасна, как свежая краска на стене дома.

Я бросил десятицентовую монету в коробку из-под сигар «Корона», лежащую на стопке газет Пиории. «Таймс» стоит вообще-то три цента, да и эта цена слишком велика для нее, но я с незапамятных времен платил Пиории десять центов за номер. Он — славный парень и неплохо учится в школе, получает там приличные отметки; я счел своим долгом проверить это в прошлом году, после того как он помог мне в деле Уэлд. Если бы Пиория в тот раз не появился на борту яхты Харриса Браннера, которую он использовал в качестве жилья, я все еще пытался бы плыть с ногами, зацементированными в бочке из-под керосина, где-то около Малибу. Так что сказать, что я считаю себя его должником, — значит, сказать слишком мало.

Во время этого расследования (Пиории Смита, а не Харриса Браннера и Мейвис Уэлд) мне даже удалось выяснить настоящее имя парня, хотя вынудить называть его так меня нельзя даже силой. Отец Пиории погиб, выпрыгнув во время перерыва на кофе с девятого этажа конторы, где тогда служил, в Черную Пятницу, его мать едва зарабатывает на жизнь в этой глупой китайской прачечной на Ла-Пунта, а сам он — слепой. При всем этом следует ли миру знать, что родители решили назвать его Франсисом, когда мальчик был еще слишком молод и не мог сопротивляться? Защите больше нечего добавить.

Если случилось что-то сенсационное предыдущей ночью, можете быть уверены, что почти всегда найдете это на первой странице «Таймс», слева у сгиба. Я перевернул газету и увидел, что дирижер джаз-оркестра кубинского происхождения умер в лос-анджелесской больнице от сердечного приступа через час после того, как его прихватило во время танца со своей певицей в клубе «Карусель» в Бербанке. Я сочувствовал вдове маэстро, но это не касалось самого дирижера. Я придерживался точки

зрения, что люди, отправляющиеся на танцы в Бербанк, заслуживают того, что с ними там происходит.

Далее я открыл спортивный раздел, чтобы проверить, как сыграл Бруклин в своем двухдневном матче против «Кардс».

— Ну, а как дела у тебя, Пиория? В твоём замке все в порядке? Рвы и башни отремонтированы?

— Да, конечно, мистер Амни! Ещё как!

Что-то в его голосе привлекло мое внимание, и я опустил газету, чтобы взглянуть на него повнимательней. И тут я увидел, что следовало увидеть опытному детективу вроде меня с первого мгновения: мальчик так и сиял от счастья.

— Ты выглядишь, словно кто-то только что подарил тебе шесть билетов на первую игру мирового чемпионата по бейсболу, — сказал я. — Что случилось, Пиория?

— Моя мама выиграла в лотерее, что разыгрывалась в Тихуане! — воскликнул он. — Сорок тысяч баксов! Теперь мы богатые, приятель! Богатые!

Я усмехнулся — он все равно не мог видеть мою усмешку — и взъерошил ему волосы. Это испортило ему вихор, но какое это имеет значение?

— Эй, не так быстро, Пиория! Сколько тебе лет?

— В мае исполнится двенадцать. Вы ведь знаете, мистер Амни. Помните, вы же ещё подарили мне рубашку на день рождения? Но почему вы об этом...

— Двенадцать лет — вполне достаточно, чтобы помнить, что иногда люди путают то, что им хочется, с тем, что происходит в действительности. Вот что я хотел тебе сказать.

— Если вы про мои мечты, вы совершенно правы — я часто мечтаю о том, чтобы разбогатеть. — Пиория пригладил свой вихор. — Но тут я ничуть не фантазирую, мистер Амни. Это все случилось на самом деле! Мой дядя Фред поехал туда и вчера вечером привез наличные. Он погрузил их в седельные мешки своего Винни! Я нюхал эти деньги! Черт побери, я разбросал их по маминой кровати и катался по ним! Самое приятное что

может быть на свете, — кататься по сорока тысячам баксов!

— Двенадцать лет — достаточный возраст, чтобы понимать разницу между воздушными замками и действительностью, но этого слишком мало для таких разговоров, — сказал я. Мне нравилось, как звучит мой собственный голос, — без сомнения, Легион благопристойности одобрил бы мое поведение на две тысячи процентов, — но мой рот двигался автоматически, и я вряд ли сознавал, что из него исходит. Я был слишком занят, пытаясь заставить свой мозг разобраться в том, что парень только что сказал мне. В одном я был абсолютно уверен: он ошибся. Он не мог не ошибиться, потому что если бы сказанное им было правдой, то Пиория не стоял бы здесь, продавая газеты, сейчас, когда я шел в свою контору в Фулуайлдер-билдинг. Этого просто не могло быть.

Я обнаружил, что мои мысли возвращаются к Деммикам, которые впервые за всю историю не проигрывали перед сном на полную мощность одну из своих джазовых пластинок, и к Бастеру, тоже впервые в истории не приветствовавшему оглушительным лаем щелчок ключа, который поворачивал в замке Джордж. Ко мне вернулась мысль, что не все происходит так, как следовало бы, и даже очень не так.

Тем временем у Пиории появилось выражение, которое я никогда не ожидал увидеть на честном, открытом лице паренька: мрачное раздражение мешалось на нем со злобной насмешкой. Так ребенок смотрит на болтливого дядюшку, который в третий или четвертый раз рассказывает одни и те же истории, притом скучные.

— Как вы не понимаете всего, что случилось, мистер Амни? Мама больше не будет гладить рубашки для этого противного старого Ли Хо, а я не стану продавать на углу газеты и дрожать в дождь от сырости, и мне не придется распинаться перед этими старыми ублюдками, что работают в Билдер-билдинге. Теперь я могу себе позволить не делать всякий раз вид, что попал в рай, когда какой-нибудь щедрый покупатель оставляет мне пять центов чаевых.

Меня это немного потрясло, но какого черта — я не оставлял Пиории пяти центов на чай. Я оставлял ему семь центов, причем ежедневно. Разумеется, и у меня бывали трудные дни, и я не всегда мог себе это позволить, однако в моей профессии скудные дни чередуются с прибыльными.

— Давай-ка пойдем в кафе «Блонди» и выпьем по чашке какао, — предложил я. — Обсудим это дело подробнее.

— Ничего не выйдет. Кафе закрыто.

— «Блонди»? Какого черта?

Однако Пиория не проявлял особого интереса к таким земным делам, как закрытое кафе на соседней улице.

— Вы еще не слышали самого главного, мистер Амни! Мой дядя Фред знаком с врачом в Сан-Франциско — он специалист по глазным болезням и считает, что может что-то сделать с моими глазами. — Пиория повернул ко мне лицо. Губы его дрожали. — Доктор говорит, что дело может быть не в глазных нервах, а если это так, то можно сделать операцию... Я не разбираюсь во всех этих тонкостях, но понял, что смогу видеть, мистер Амни! — Он слепо протянул ко мне руку... разумеется, слепо. Как еще мог он коснуться меня? — Представляете, смогу видеть!

Он схватил меня, я сжал его руки на несколько мгновений, а затем отстранил их. На его пальцах была свежая краска от газет, а сегодня я чувствовал себя так хорошо, что надел свой новый белый шерстяной костюм. Возможно, слишком теплый для лета, однако с утра весь город, казалось, залит кондиционированным воздухом, да и по природе я холодный человек.

Но сейчас я не чувствовал себя таким уж холодным. Пиория повернулся ко мне, и его тонкое, с почти идеальными чертами лицо уличного продавца газет казалось встревоженным. Легкий ветерок, пахнувший олеандром и выхлопными газами, трепал его вихор, и я понял, что вижу его волосы, потому что на Пиории нет его обычной твидовой кепки. Без нее он выглядел каким-то голым. Да и как иначе? Каждый уличный торговец газетами должен

носить твидовую кепку, подобно тому как всякий чистильщик ботинок — бейсбольную шапочку, повернутую козырьком назад.

— В чем дело, мистер Амни? Я думал, вы будете рады. Господи, мне не надо было приходить сегодня на этот паршивый угол, понимаете, но ведь я пришел — я пришел даже пораньше, потому что мне казалось, что вы придете сюда раньше обычного. Я думал, вы будете рады, что моя мать выиграла в лотерее и у меня появился шанс на операцию, а вот вы... — Теперь его голос дрожал от обиды. — Вы ничуть не рады!

— Отчего ж, я рад, — сказал я, и мне на самом деле захотелось испытывать чувство радости, по крайней мере отчасти, однако хуже всего было то, что мальчик в общем-то был прав. Он был прав, потому что это означало перемену в положении вещей, понимаете, а мне не хотелось, чтобы оно менялось. Пиория Смит должен год за годом стоять на этом углу, продавая газеты, в этой аккуратной кепке, сдвинутой на затылок в жаркие дни и закрывающей лоб в дождливые так, чтобы капли дождя стекали с козырька. Он должен всегда улыбаться, никогда не говорить «черт побери» или еще что-нибудь вроде этого, но самое главное — он должен быть слепым.

— Вы не рады этому! — повторил он и неожиданно опрокинул свой столик с газетами. Столик упал на мостовую, газеты разлетелись, его белая трость скатилась на обочину. Пиория услышал это и наклонился, чтобы поднять ее. Я видел, как из-под темных очков текут слезы, скатываясь по бледным, худым щекам. Он начал напирать тростью, но она упала возле меня, а он искал ее в противоположной стороне. И тут я почувствовал внезапное желание пнуть его под зад. Однако вместо этого я наклонился, поднял трость и легонько постучал ею по бедру.

Мальчик повернулся стремительно, как змея, и выхватил палку. Уголком глаза я видел фотографии Гитлера и недавно скончавшегося кубинского дирижера, разлетающиеся по всему бульвару Сансет — автобус, повернув с

улицы Ван-Несс, прошуршал через несколько из них, оставив за собой резкий запах дизельного дыма. Я чувствовал возмущение глядя на разлетающиеся тут и там газеты. Это выглядело неопрятно. Более того, неправильно. Целиком и полностью неправильно. Я с трудом справился с еще одним желанием, не менее сильным, чем предыдущее: схватить Пиорию и как следует встряхнуть, заставить все утро собирать эти газеты и сказать, что не отпущу его домой, пока он не соберет все до последней.

Тут мне пришло в голову, что меньше десяти минут назад я восхищался изумительным лос-анджелесским утром — таким идеальным, что оно заслуживало регистрационного знака. И утро было именно таким, черт побери. Так что же все испортило? И почему это произошло столь быстро?

Я так и не получил ответа на эти вопросы, только услышал бессмысленный, но громогласный голос откуда-то изнутри, убеждающий меня, что мать мальчика не могла выиграть в лотерею, что мальчик не мог прекратить продавать газеты и, самое главное, он не мог видеть. Пиория Смит должен оставаться слепым всю свою жизнь.

Ну что ж, может быть, это какая-то экспериментальная операция, подумал я. Даже если врач из Сан-Франциско не какой-нибудь шарлатан, а он наверняка им является, операция будет неудачной.

Эта мысль, какой эксцентричной она ни покажется, успокоила меня.

— Слушай, — сказал я, — наш разговор начался сегодня утром очень неудачно, вот и все. Позволь мне загладить свою вину. Давай пойдем в «Блонди», и я угощу тебя завтраком. Ну как, Пиория? Поешь яичницу с беконом и расскажешь мне...

— Хер тебе! — закричал мальчик и потряс меня до подошв ботинок. — В рот тебе кило печени — тебе и лошади, на которой ты приехал. Думаешь, что слепые не чувствуют, как люди вроде тебя бессовестно врут? Убейся вон! И не смей больше прикасаться ко мне! Я уверен, что ты гомик!

Это переполнило чашу моего терпения. Я не могу допустить, чтобы меня безнаказанно называли гомиком, даже если это делает слепой продавец газет. Я сразу забыл о том, как Пиория спас мне жизнь во время расследования дела Мейвис Уэлд, и протянул руку, собираясь выхватить у Пиории его белую трость, чтобы как следует врезать ему по заднице. Научить его вежливому обращению!

Но прежде чем я успел схватить трость, Пиория поднял ее сам и ткнул наконечником в нижнюю часть моего тела — именно в нижнюю. Я согнулся от нестерпимой боли, но даже в тот момент, когда старался удержаться от невольного вопля, счел, что мне очень повезло: двумя дюймами ниже — и мне пришлось бы оставить профессию частного детектива и петь сопрано во Дворце дождей.

И все-таки я инстинктивно попытался схватить его. Пиория ударил меня тростью по шее, причем сильно. Трость не сломалась, но я услышал, как она треснула. Я решил, что покончу с ней, когда поймаю его, и врежу обломком по правому уху. Будет знать, кто гомик.

Он попятился назад, словно прочитал мои мысли, и бросил трость на мостовую.

— Пиория, — с трудом выговорил я. Может быть, еще не поздно воззвать к здравому смыслу, хотя бы и в последнюю минуту: — Пиория, какого черта...

— Не смей звать меня этим идиотским именем! — взвизгнул он. — Меня зовут Франсис! Фрэнк! Это ты начал звать меня Пиорией! Ты первый придумал это, теперь все зовут меня так, и я ненавижу это имя!

Сквозь слезы я видел раздвоенные очертания мальчика. Он повернулся и побежал через улицу, не обращая внимания на транспорт (к счастью для него, в этот момент улица была пуста) и вытянув перед собой руки. Я подумал, что он споткнется о бордюр тротуара на противоположной стороне — говоря по правде, даже надеялся на это, — но, по-видимому, у слепых в голове таится набор превосходных топографических карт местности. Он ловко прыгнул на тротуар, даже не замедлив бега, как горный козел, затем повернул свои темные очки в мою сторону.

На его лице, залитом слезами, было выражение безумного восторга, и темные стекла очков еще больше прежнего походили на черные дыры. Большие дыры, словно кто-то выстрелил ему в лицо двумя крупнокалиберными ружейными патронами.

— «Блонди» закрыт, я ведь уже сказал! — крикнул мальчик. — Мама говорит, он сбежал с этой рыжей шлюхой, которую нанял месяц назад! Вот тебе бы так повезло, мерзкий ублюдок!

Пиория повернулся и бросился бежать по бульвару Сансет, по-прежнему вытянув перед собой руки с растопыренными пальцами. По обе стороны улицы останавливались прохожие, глядя на него, на газеты, летающие по мостовой, и на меня.

Казалось, больше всего они смотрят на меня.

На этот раз Пиория — ну не Пиория, так Франсис — сумел добежать до бара Дерринжера, прежде чем обернулся и нанес мне завершающий удар:

— Хер вот тебе, мистер Амни! — крикнул он и скрылся.

II

Кашель Вернона

Я заставил себя выпрямиться и пересек улицу. Пиория, он же Франсис Смит, давно исчез из виду, а мне хотелось поскорее оставить позади и разлетающиеся газеты. Их вид причинял мне боль, которая почему-то была хуже боли в паху.

Я рассматривал витрину магазина канцелярских товаров Фелта на дальней стороне улицы, словно новые шариковые ручки Паркера были самыми увлекательными предметами, которые мне приходилось видеть за всю свою жизнь (или это были записные книжки в обложках из искусственной кожи). Минут через пять — достаточное время, чтобы навсегда запомнить все предметы, выставленные в витрине, — я почувствовал, что могу возобновить прерванную прогулку по бульвару Сансет, стараясь удерживаться от слишком большого крена на левый борт.

Мысли одолевали меня подобно комарам, которые звенят вокруг головы на киностоянке в Сан-Педро, где смотрят фильмы, не выходя из машины, если ты не прихватил с собой инсектицидные палочки. Мне удалось отмахнуться от большинства из них, но две упорно отказывались уходить. Во-первых, что случилось с Пиорией, черт побери? И во-вторых, что, черт возьми, случилось со мной? Я силился вычеркнуть из сознания и эти неприятные вопросы до тех пор, пока не подошел к зданию с вывеской «Городской кафетерий Блонди — открыт круглосуточно, пончики — наша специальность» на углу Сан-

сет и Траверни, и, когда я поравнялся с ним, все вопросы словно ветром сдуло. «Блонди» находился на этом углу столько времени, сколько я помню себя, — сюда ходили шулеры, карманники, битники, наркоманы, не говоря уже о юных девушках, педерастах и лесбиянках. Один из весьма знаменитых звезд немого кино был однажды арестован за убийство в тот самый момент, когда выходил из «Блонди», да и я сам не так давно сумел завершить здесь весьма неприятное дело, застрелив модного наркомана по имени Даннингер, который на одной голливудской вечеринке ухлопал трех других наркоманов, когда все перепробовали наркотиков. Кроме того, это было место, где я навсегда попрощался с прелестной Ардис Макгилл, с ее серебряными волосами и фиалковыми глазами. Остаток той потерянной ночи я пробродил в редком для Лос-Анжелеса тумане, который застилал мои глаза, стекая по щекам, пока не встало солнце.

«Блонди» закрыт? Блонди исчез? Всякий скажет, что это невозможно — скорее Статуя Свободы исчезнет со своего голого острова в гавани Нью-Йорка.

Да, это было невероятно, но оказалось правдой. Витрина, где всегда раньше были выставлены блюда и пирожки, от зрелища которых разгорался аппетит, была замазана, но очень небрежно, и я видел между мазками почти пустую комнату. Линолеум выглядел грязным и протертым. Потемневшие от паров жира вентиляторы под потолком неподвижно свесили вниз свои лопасти, словно пропеллеры разбившихся самолетов. Внутри еще стояло несколько столов, и шесть или семь знакомых стульев, обтянутых красной искусственной кожей, были перевернуты на них вверх ножками. И это было все, что осталось от «Блонди», — разве что еще пара пустых сахарниц, валявшихся в углу.

Я замер у витрины, пытаюсь понять, что здесь произошло. Это было не менее трудно, чем попытка протащить широкий диван по узкой лестнице. Вся жизнь и веселье, все ночные волнения, полные сюрпризов, — как могло все это так внезапно исчезнуть? Это не казалось ошибкой;

скорее, происшедшее напоминало богохульство. Для меня «Блонди» олицетворял все те сверкающие противоречия, которые окружали темное и мрачное сердце Лос-Анджелеса. Иногда мне казалось, что «Блонди» и есть Лос-Анджелес, который я знал на протяжении пятнадцати или двадцати лет, только в миниатюре. Где еще можно увидеть гангстера, завтракающего в девять вечера за одним столом со священником, или светскую даму всю в бриллиантах, сидящую у стойки бара рядом с механиком соседнего гаража, который отмечает окончание своей смены чашкой горячего какао? Внезапно я вспомнил о кубинском дирижере и постигшем его сердечном приступе, на этот раз со значительно большим сочувствием.

Все это сказочная сверкающая жизнь Города Потерянных Ангелов — догадываетесь, о чем я говорю, приятель? Что имею в виду?

Над дверью висело объявление: «ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ. СКОРО ОТКРОЕТСЯ», но я не верил этому. Пустые сахарницы, что валяются в углу, не свидетельствуют, на мой взгляд, о ремонте. Пиория оказался прав: «Блонди» канул в историю. Я повернулся и пошел по улице, но теперь медленней обычного, сознательно заставляя свою голову не опускаться вниз. Когда я подошел к Фулуайлдер-билдингу, где снимал помещение под офис в течение многих лет, больше чем хотелось бы помнить, меня охватила странная уверенность, что ручки на обеих половинках входных дверей будут соединены толстой железной цепью и замкнуты на висячий замок. Стекло окажется замазанным небрежными полосами, и над дверью я увижу надпись: «ЗАКРЫТО НА РЕМОНТ. СКОРО ОТКРОЕТСЯ».

К тому моменту, когда я приблизился к зданию, эта безумная мысль укрепилась в моем сознании с такой силой, что даже зрелище Билла Таггла, бухгалтера-ревизора с третьего этажа, регулярно прикладывающегося к бутылке, который сейчас входил в здание, не сумело полностью рассеять ее. Но, как гласит поговорка, видеть — значит верить, и когда я подошел к зданию №2221,

то не увидел ни цепи, ни надписи, ни полос на стеклах двери. Передо мной было то же здание, что и вчера. Я вошел в вестибюль, почувствовал знакомый запах — он напоминал мне о розовых брусках, которые теперь кладут в писсуары общественных туалетов, — и посмотрел вокруг на те же самые подзахиревшие пальмы, нависшие над тем же самым полом, выложенным потертой красной плиткой.

Билл стоял рядом с Верноном Клейном, самым старым лифтером в мире, в лифте №2. В своем поношенном красном костюме и древней квадратной шляпе Вернон напоминал гибрид рассыльного с рекламы «Филипп Моррис» и обезьяны резус, которая свалилась в промышленную установку для чистки паром. Он посмотрел на меня своими печальными собачьими глазами, слезящимися от «Кэмела», прилипшего к середине его нижней губы. Странно, что его глаза за столько лет не привыкли к табачному дыму, — я не помню, чтобы он когда-нибудь стоял в своем лифте без сигареты в точно таком положении.

Билл немного отодвинулся в сторону, но недостаточно. Внутри лифта просто не хватало места, чтобы отодвинуться достаточно далеко. Я не уверен, хватило ли бы места на Род-Айленде, а вот на Делавэре — пожалуй. От него пахло, как от болонской колбасы, которую с год мариновали в дешевом бурбоне. И в тот момент, когда я подумал, что хуже запаха быть уже не может, он рыгнул.

— Извини, Клайд.

— Да, извиниться тебе несомненно следует, — сказал я, разгоняя воздух у своего лица, пока Верн задвигал решетку лифта, готовясь доставить нас на Луну или по крайней мере на седьмой этаж. — В какой сточной канаве ты провел ночь на этот раз, Билл?

И все-таки в этом запахе было что-то утешительное — я солгал бы, не скажи этого. И в первую очередь потому, что это был знакомый запах. Передо мной стоял всего лишь Билл Таггл, отвратительно пахнущий, страдающий от похмелья, с согнутыми коленями, словно кто-то напол-

нил его трупы куриным салатом и он только что заметил это. Нельзя сказать, что это было приятно, ничто не было приятным при подъеме в лифте этим утром, но по крайней мере все было знакомым.

Билл болезненно улыбнулся, глядя на меня, когда лифт с грохотом пополз вверх, но промолчал.

Я повернул голову в сторону Вернона, главным образом для того, чтобы избавиться от запаха, исходящего от бухгалтера, но разговор, который я собирался завести с лифтером, скончался у меня в горле, так и не начавшись. Две картинки, висевшие над стулом Вернона с незапамятных времен, — одна, где Иисус шел по водам Тивериадского озера, а его ученики взирали на это широко открытыми глазами, и вторая — снимок жены Верна в индейском костюме из оленьей кожи, с прической, модной в начале века, — исчезли. Их заменила открытка, которая не должна была меня потрясти, особенно принимая во внимание возраст Вернона, но, несмотря на это, поразила, как рухнувшая гора кирпича.

Да, это была всего лишь открытка — простая открытка с силуэтом человека, ловящего рыбу на фоне заката. Но меня потрясли слова, напечатанные ниже каное, в котором сидел человек: «СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ НА ПЕНСИИ!»

Сказать, что я испытал вдвое большее оцепенение, чем то, что ощутил, узнав, что Пиория может стать зрячим, — значит, ничего не сказать. Воспоминания проносились в моем мозгу со скоростью, с какой тасует колоду карточный шулер на Миссисипи. Было время, когда Верн взломал дверь в офис, соседний с моим, чтобы вызвать «скорую помощь», когда эта чокнутая баба Агнес Стернвуд сначала вырвала из розетки провод моего телефона, а потом проглотила содержимое бутылки, в которой, как она клятвенно заверяла, находилась «жидкость для очистки канализационных труб». Оказалось, однако, что эта жидкость всего лишь раствор нерафинированного сахара, а Верн взломал дверь в помещение, где принимались ставки на игру «по-крупному» на лошадиных скачках. Насколько я помню, парень, который снимал эту комнату

и приклеил на двери надпись «Маккензи импортс», все еще получает свой ежегодный каталог рассылки товаров по почте «Сизэрс Робак» в тюрьме Сан-Квентин. Затем был случай с тем парнем, которого Верн шарахнул по голове своим стулом за мгновение перед тем, как тот успел провентилировать мне живот, — это, разумеется, снова относится к делу Мейвис Уэлд. Не говоря уже о том, что однажды он привел ко мне свою внучку — дивную красавицу, — когда девушку вовлекли в изготовление порнографических фотографий.

Верн уходит на пенсию?

Это невозможно. Этого просто не может быть.

— Вернон, — спросил я, — что это за шутка?

— Это не шутка, мистер Амни, — сказал он, останавливая лифт на третьем этаже. И тут же зашелся глубоким легочным кашлем, которого я никогда не слышал у него за все эти годы. Казалось, мраморные шары катились по каменной дорожке кегельбана. Он достал окурок «Кэме-ла» изо рта, и я с ужасом увидел, что у него розовый конец, но не от губной помады. Вернон посмотрел на него с гримасой отвращения, сунул обратно в рот, отодвинул решетку и произнес:

— Та-ари, мистер Таггл.

— Спасибо, Верн.

— Не забудьте про вечеринку в пятницу, — напомнил Вернон. Голос его был приглушенным, он достал из заднего кармана носовой платок в коричневых пятнах и вытер им губы. — Я буду очень вам благодарен. — Он посмотрел на меня красными слезящимися глазами, и то, что я увидел в них, напугало меня до смерти. Что-то поджидало Вернона Клейна за ближайшим поворотом, и, судя по этому взгляду, Вернон знал об этом. — И вы приходите, мистер Амни; мы с вами прошли через многое, и я буду рад пропустить с вами стаканчик.

— Одну минутку! — крикнул я, хватая Билла в тот момент, когда он попытался выйти из лифта. — Подождите минуту, черт вас побери! Что за вечеринка? О чем вы говорите?

— Он уходит на пенсию, — пояснил Билл. — Обычно это случается, когда твои волосы становятся седыми, даже если ты был слишком занят и не заметил этого. Вернон устраивает вечеринку в подвале вечером в пятницу. Все, кто работает в здании, будут там, и я собираюсь приготовить мой всемирно знаменитый «динамитный пунш». Что с тобой, Клайд? Вот уже месяц, как ты знал, что Вернон кончает работать тридцатого мая.

Это снова привело меня в ярость, подобно тому как это случилось, когда Пиория назвал меня гомиком. Я схватил Билла за подбитые плечи его двубортного пиджака и как следует тряхнул.

— Не говори чепухи!

Он посмотрел на меня с презрительно-болезненной улыбкой.

— Это ты говоришь чепуху, Клайд. Но если тебе не хочется, не приходи. Оставайся дома. Ты все равно последние шесть месяцев вел себя *росо loco*.

Я снова тряхнул его.

— Что ты хочешь этим сказать — *росо loco*?

— Чокнутый, шариков не хватает, крыша поехала — тебе что-нибудь это говорит? И прежде чем ответишь, разреши мне предупредить тебя, что, если ты тряхнешь меня еще хоть раз, даже не очень сильно, мои внутренности выплеснутся прямо на тебя и никакая химчистка не сможет удалить это месиво с твоего костюма.

Он вырвался из моих рук, прежде чем я тряхнул его снова — даже если бы мне этого захотелось, — и пошел по коридору. Как всегда, зад его брюк свисал до колен. Он оглянулся назад в тот момент, когда Вернон задвигал бронзовую решетку лифта.

— Тебе нужно отдохнуть, Клайд. И лучше всего начать с прошлой недели.

— Что с тобой случилось? — крикнул я, глядя на него. — Что случилось со всеми? — Но к этому моменту внутренняя дверь лифта закрылась и мы начали подъем — на этот раз к седьмому этажу. Там находится мой маленький кусочек рая. Вернон уронил окурок в ведро с песком,

стоящее в углу, и тут же сунул в рот новую сигарету. Он чиркнул спичку о ноготь большого пальца, закурил и сразу закашлялся. Теперь я увидел крошечные капли крови, вырывающиеся подобно красному туману, между его потрескавшимися губами. Это было отвратительное зрелище. Его глаза опустились и безучастно уставились в дальний угол, ничего не видя, ни на что не надеясь. Запах Билла Таггла висел между нами подобно Духу прошлых пьянок.

— О'кей, Верн, — произнес я. — Что с тобой и куда ты отправляешься?

Вернон никогда не использовал все разнообразие английского языка, и эта привычка не изменила ему и сейчас.

— Это рак, — сказал он. — В субботу я выезжаю на «Цветке пустыни» в Аризону. Там я буду жить у сестры. Не думаю, что успею надоесть. Ей придется сменить постельное белье не больше двух раз. — Лифт остановился, и Вернон отодвинул решетку. — Седьмой, мистер Амни. Ваш маленький кусочек рая. — При этом он улыбнулся, как всегда, однако на этот раз улыбка напоминала гримасу на черепах, которые делают из леденцов в Тихуане в День Мертвых.

Теперь, когда дверь открылась, я почувствовал в своем маленьком кусочке рая запах чего-то настолько странного, что не сразу понял его происхождение: пахло свежей краской. Заметив это, я запомнил странное событие и тут же перешел к другим проблемам, которых у меня было немало.

— Но это неправильно, — сказал я. — Ты знаешь, Верн, что это неправильно.

Он уставился на меня своими пугающе безучастными глазами. В них я увидел смерть, черную фигуру, машущую крыльями и манящую к себе за тонкой пленкой выцветшей голубизны.

— Что неправильно, мистер Амни?

— Ты должен сидеть здесь, черт побери! Сидеть вот тут! Сидеть на своем стуле с Иисусом и портретом жены над головой. А не вот с этим! — Я протянул руку, сорвал

карточку с силуэтом человека, ловящего рыбу в озере, разорвал ее пополам, сложил половинки вместе, снова разорвал их и бросил на пол. Они трепеща опустились на выцветший красный коврик подобно конфетти.

— Значит, я должен сидеть вот здесь, — повторил он, не сводя с моих глаз своих ужасных зрачков. Позади нас двое рабочих в измазанных краской комбинезонах повернулись и взглянули в направлении лифта.

— Совершенно верно.

— И сколько времени, мистер Амни? Поскольку вам все известно, может быть, вы скажете это мне, а? Сколько времени я должен гонять вверх и вниз этот проклятый лифт?

— Ну... вечно, — ответил я, и это слово повисло между нами, еще один призрак в лифте, наполненном табачным дымом. Если уж мне дали бы возможность выбора, я выбрал бы запах Билла Таггла... но у меня не было выбора. Вместо этого я снова повторил: — Вечно, Верн.

Он затыкнул своим «Кэмелом», закашлялся, и вместе с табачным дымом изо рта его полетели крошечные капельки крови. Он продолжал смотреть на меня.

— В мои обязанности не входит давать советы тем, кто снимает здесь служебное помещение, мистер Амни, но я, пожалуй, все-таки дам вам совет, поскольку это последняя неделя моей работы здесь и все такое. Может быть, вам следует посоветоваться с врачом. С таким врачом, который показывает вам чернильные пятна и спрашивает, что они вам напоминают.

— Ты не можешь уходить на пенсию, Верн. — Мое сердце билось чаще, чем когда-либо раньше, но я заставил себя говорить спокойно. — Ты просто не можешь.

— Неужели? — Он достал сигарету изо рта — свежая кровь уже пропитала ее конец — и затем посмотрел на меня. Его улыбка была страшной. — Мне кажется, мистер Амни, у меня просто нет выбора.

III

О малярах и песо

Запах свежей краски пронзил мне нос, заглушив запах табачного дыма Вернона и все еще не рассеявшуюся вонь из подмышек Билла Таггла. Рабочие в комбинезонах сейчас занимались окраской стены недалеко от двери, ведущей в мой офис. Сначала они укладывали вдоль стены длинный кусок брезента, чтобы не капать на пол, и вдоль него раскладывали свои банки с краской, кисти и скипидар. Тут же стояли и две стремянки, ограничивая фронт их работ, как потрепанные книжные корешки. У меня появилось желание побежать по коридору, разбрасывая пинками все, что там было. Какое они имеют право красить эти старые темные стены кощунственно сверкающей белой краской?

Однако вместо этого я подошел к тому маляру, который выглядел так, будто его коэффициент интеллектуальности измерялся двузначной цифрой, и вежливо спросил, чем заняты они с приятелем. Он оглянулся на меня.

— Здорово выглядит, правда? Я грунтую цветом «мисс Америка», а Чик вон там добавляет румянчика с пупочков Бетти Грэбл.

С меня было достаточно. Достаточно маляров, достаточно всего остального. Я протянул руки, схватил остряка под мышки и кончиками пальцев нажал на особенно чувствительный нерв, скрывающийся там. Он завопил и выронил кисть. Белая краска забрызгала его ботинки. Его напарник посмотрел на меня робким взглядом лани и сделал шаг назад.

— Если ты попробуешь сбежать раньше, чем я отпущу тебя, — зарычал я, — то увидишь, что ручка твоей кисти воткнута в твою задницу так глубоко, что тебе понадобится отпорный крюк, чтобы зацепить щетину на ней. Хочешь попробовать, чтобы убедиться, что я не лгу?

Он перестал двигаться и замер на краю брезента, поглядывая по сторонам в надежде на помощь. Помощи не было. Я чуть ли не ожидал, что Кэнди откроет дверь и выглянет в коридор, чтобы посмотреть, что за шум, но дверь была плотно закрыта. Я снова обратил внимание на остряка, которого держал под мышки.

— У меня к тебе простой вопрос, приятель: чем ты здесь занимаешься, черт побери? Ты готов ответить или требуется дополнительное убеждение?

Я шевельнул пальцами у него под мышками, чтобы освежить память, и услышал ответный вопль.

— Крашу коридор! Господи, разве ты сам не видишь?!

Я отлично видел и, даже если бы был слепым, почувствовал бы по запаху. Меня раздражало то, что говорили мне оба органа чувств. Коридор не следовало красить, особенно в этот сверкающий, отражающий свет белый цвет. Коридор должен быть мрачным и темным: он должен пахнуть пылью и старыми воспоминаниями. То, что началось с непривычной тишины в квартире Деммиков, становилось все хуже и хуже. Я был страшно рассержен, как убедился в этом несчастный маляр. Но в то же время я был испуган, хотя это чувство удается хорошо скрывать, когда зарабатываешь на жизнь, нося в кобуре пистолет.

— Кто послал вас сюда?

— Наш босс, — ответил маляр, глядя так, словно у меня поехала крыша. — Мы работаем в фирме «Чаллис кастэм пейнтерс» на улице Ван-Несс. Хозяин фирмы Хэп Корриган. Если вы хотите выяснить, кто нанял нашу компанию, то...

— Нас нанял владелец, — тихо произнес второй маляр. — Владелец здания. Его зовут Самьюэл Ландри.

Я покопался в памяти, пытаюсь совместить имя Самьюэла Ландри с тем, что мне было известно о Фулуайлдер-

билдинге, и потерпел неудачу. Более того, я не мог связать имя Самьюэла Ландри с чем бы то ни было... и все-таки оно звенело у меня в голове, словно церковный колокол, который ты слышишь за несколько миль туманным утром.

— Врешь, — сказал я, но без особой уверенности. Я произнес это лишь для того, чтобы что-то сказать.

— Позвоните боссу, — предложил второй маляр. Внешность бывает обманчива; судя по всему, он был умнее своего напарника. Он сунул руку внутрь грязного, запятнанного комбинезона и достал маленькую карточку.

Внезапно почувствовав усталость, я отмахнулся.

— Боже милосердный, и кому только пришлось в голову красить этот коридор?

Не то чтобы я спрашивал маляров, но тот из них, что протянул мне карточку с телефоном, все-таки ответил:

— Видите ли, коридор станет более светлым, — и осторожно добавил: — Вы ведь не будете отрицать этого?

— Сынок, — я сделал шаг к нему, — у твоей матери были живые нормальные дети или только выкидыши вроде тебя?

— Эй, спокойно, спокойно, — ответил он, отступая назад. Я увидел, что он смотрит на мои сжатые в кулаки руки, и заставил их разжаться. На его лице не отразилось явного облегчения и, говоря по правде, я не стал бы обвинять его. — Тебе это не нравится — я отлично тебя понимаю. Но мне приходится делать то, что приказывает босс, верно? Я хочу сказать, черт побери, мы ведь живем в Америке.

Он взглянул на своего напарника, потом посмотрел на меня. Это был быстрый взгляд, что-то мелькнуло у него в глазах, но с моей профессией я видел подобные взгляды много раз и всегда запоминаю их. Он хотел сказать своему напарнику: не связывайся с этим типом. Не заводи его, он настоящий динамит.

— Я хочу сказать, ведь у меня жена и маленький ребенок, которых надо кормить, — продолжал он. — А ведь сейчас кризис, понимаешь?

Меня охватило замешательство, погасившее мою ярость подобно тому, как ливень гасит начавшую гореть сухую траву. Неужели в Америке кризис? Неужели?

— Я знаю, — кивнул я, не зная ничего. — Давай забудем об этом, ладно?

— Конечно, — согласились маляры с такой готовностью, что их голоса звучали будто полуквартет парикмахеров. Тот, которого я по ошибке счел более или менее умным, глубоко засунул свою левую руку под правую подмышку, стараясь успокоить разбушевавшийся там нерв. Я мог бы сказать ему, что это растянется не меньше чем на час, а может быть, и дольше, но больше говорить с малярами мне не хотелось. Мне не хотелось ни говорить с кем-либо, ни видеть кого-то — даже обольстительную Кэнди Кейн, чьи призывные взгляды и плавные, субтропические формы не раз ставили на колени даже отчаянных уличных хулиганов. Единственное, чего мне хотелось, так это пройти через приемную и скрыться во внутреннем кабинете. Там у меня в нижнем левом ящике стола была спрятана бутылка хлебной водки, а это было именно то, в чем я сейчас больше всего нуждался.

Я пошел по коридору по направлению к двери с матовым стеклом, на котором виднелась надпись: «КЛАЙД АМНИ. ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ», с трудом удержавшись от вновь возникшего желания проверить, сумею ли я пнуть с полулета банку «устрично-белой» краски да так, чтобы она пролетела через окно в конце коридора прямо на пожарную лестницу. Я уже взялся за ручку двери, ведущей в мой офис, как мне в голову пришла новая мысль и я повернулся к малярам... но очень медленно, чтобы они не подумали, будто у меня опять наступил припадок. Кроме того, меня не покидало подозрение, что если я повернусь слишком быстро, то увижу, как они усмеваются, глядя друг на друга и крутя пальцем у виска — красноречивый жест, которому все мы научились в школьном дворе.

Они не крутили указательным пальцем у виска, но и глаз с меня не спускали. Тот из них, которого я сначала

ошибочно счел поумнее, явно прикидывал расстояние до двери с надписью «Запасной выход». Внезапно мне захотелось сказать им, что я совсем не такой уж плохой парень, когда познакомишься со мной поближе, что несколько клиентов и по крайней мере одна бывшая жена считают меня чем-то вроде героя. Но такое вряд ли стоит говорить о себе, особенно обращаясь к парням, зарабатывающим на жизнь мускулами, а не мозгами.

— Успокойтесь, ребята, — произнес я. — Никто не собирается набрасываться на вас. Я просто хочу задать один вопрос.

Они успокоились, хотя и едва заметно.

— Спрашивай, — спросил маляр номер два.

— Кто-нибудь из вас ставил на числа в Тихуане?

— *La loteria*? — спросил первый маляр.

— Твое знание испанского потрясает меня. Да. *La loteria*.

Первый маляр отрицательно покачал головой.

— Мексиканские лотереи, как и мексиканские публичные дома, — это только для молокососов.

Как ты думаешь, почему я задал этот вопрос именно вам? — хотел спросить я, но сдержался.

— К тому же, — продолжал он, — там нельзя выиграть больше десяти или двенадцати тысяч песо. Тоже мне — выигрыш! Сколько это настоящими деньгами? Пятьдесят баксов? Восемьдесят?

Мама выиграла в лотерею в Тихуане, сказал Пиория, и даже тогда я сразу понял, что здесь что-то не так. Сорок тысяч долларов... Мой дядя Фред поехал туда и привез наличные вчера вечером. Он привез деньги в седельных мешках своего Винни!

— Да, — согласился я, — что-то вроде того, пожалуй. И они всегда расплачиваются именно так, песо?

Он снова посмотрел тем же взглядом, словно считал меня сумасшедшим, затем вспомнил, что у меня действительно поехала крыша, и поспешно изменил выражение лица.

— Да, конечно. Понимаешь, ведь это мексиканская лотерея. Они не могут выплачивать выигрыши в долларах.

— Ты совершенно прав, — кивнул я и мысленным взором увидел Пиорию, его худое, сияющее лицо и то, как он сказал: «Я разбросал их по маминой кровати и катался по ним! Сорок тысяч зеленых баксов!»

Но как слепой мальчик может быть уверен в точном количестве денег... или даже в том, что он катается по купюрам? Ответ очень прост: не может. Однако даже слепой продавец газет не может не знать, что *la loteria* расплачивается не долларами, а песо, и даже слепой продавец газет знает, что нельзя увезти мексиканский салат на сумму в сорок тысяч долларов США в седельных мешках мотоцикла «Винсент». Для этого его дяде понадобится самосвал из гаража Лос-Анджелеса.

Неразбериха и замешательство — ничего, кроме темных облаков неразберихи.

— Спасибо, — сказал я и направился в свой офис.

Я не сомневался, что это стало облегчением для всех троих.

IV

Последний клиент Амни

— Кэнди, крошка, я не хочу никого принимать или разговаривать с кем-либо по теле...

Я замолчал. Приемная была пуста. Письменный стол Кэнди в углу комнаты был необычно чистым, и через мгновение я понял почему: поднос, где раньше лежали «входящие» и «исходящие», был брошен в мусорную корзину, а фотографии Эррола Флинна и Уильяма Пауэлла исчезли. Маленький стул для стенографистки, с которого Кэнди любила показывать свои прелестные ножки, был пуст.

Мои глаза вернулись к подносу для «входящих» и «исходящих», торчащему из мусорной корзины подобно носу тонущего корабля, и на мгновение мое сердце дрогнуло. Может быть, кто-то ворвался в мой офис, обыскал его, похитил Кэнди. Иными словами, может быть, предстоит расследование. В этот момент я с радостью взялся бы за расследование, даже если это означало, что какой-то бандит связывает Кэнди и в эту самую минуту... с особой нежностью натягивает веревку через ее твердые выпуклые груди. Меня устраивал любой путь — лишь бы выбраться из этой паутины.

Дело, однако, было в другом — никто не обыскивал комнату. Поднос с отделениями для «входящих» и «исходящих» документов лежал в корзине для мусора, это верно, но не было видно никаких следов борьбы; более того, походило на то, что...

На столе присутствовал всего лишь один предмет, который аккуратно лежал на его середине. Белый конверт. С первого взгляда на него меня охватило чувство, что и тут меня ждут новые неприятности. Тем не менее я подошел к столу и взял конверт. На передней стороне с характерными для почерка Кэнди петлями и завитками было написано мое имя, в этом не было ничего удивительного. Это была еще одна неприятная часть этого длинного неприятного утра.

Я разорвал конверт, и листок бумаги выпал мне в руки.

Дорогой Клайд!

Мне смертельно надоело терпеть, как ты щупаешь меня и насмешливо улыбаешься, и я устала от твоих нелепых и ребяческих шуток по поводу моего имени. Жизнь слишком коротка, и стоит ли тратить ее на то, чтобы тебя лапал пожилой детектив, от которого ушли две жены и у которого плохо пахнет изо рта. Ты не лишен достоинств, Клайд, но они начинают меркнуть перед недостатками, особенно с тех пор, как ты начал постоянно пить.

Сделай себе одолжение и повзрослей наконец.

Твоя Арлин Кейн.

Я возвращаюсь к своей матери в Айдахо. Не пытайся найти меня.

Я держал письмо еще несколько мгновений, не веря своим глазам, затем бросил его. Одна фраза раз за разом повторялась в моем мозгу, пока я следил за листком, который, раскачиваясь, лениво спускался к мусорной корзине: «Я устала от твоих нелепых и ребяческих шуток по поводу моего имени». Но разве я когда-нибудь знал, что у нее другое имя, а не Кэнди Кейн? Я напряг свою память, не сводя взгляда с письма, продолжающего свой раскачивающийся, ленивый — и словно бесконечный — полет, и получил ответ, честный и ясный — нет. Ее имя всегда было Кэнди Кейн, мы столько раз шутили по

этому поводу, а если мы и крутили шутливый служебный роман с объятиями и поцелуями, что из того? Она всегда получала от этого удовольствие. Мы оба радовались и смеялись.

А вот действительно ли она получала удовольствие от нашего служебного романа? — спросил меня внутренний голос. Или это была еще одна маленькая сказка из числа тех, которые ты рассказывал себе все эти годы?

Я попытался заставить замолчать этот голос, и через несколько мгновений мне это удалось, однако другой, пришедший ему на смену, был еще хуже. Этот голос принадлежал не кому иному, как Пиории Смит. «Теперь я могу позволить себе не делать вид, что умер и попал в рай, всякий раз, когда какой-нибудь щедрый покупатель оставляет мне пять центов чаевых». Вы понимаете эту новость, мистер Амни?

— Заткнись, малыш, — сказал я, обращаясь к пустой комнате. — На роль Габриэля Хиттера ты не годишься. — Я отвернулся от стола Кэнди, и перед моим мысленным взором, словно какой-то марширующий оркестр из ада, прошла вереница лиц: Джордж и Глория Деммики, Пиория Смит, Билл Таггл, Вернон Клейн, блондинка на миллион долларов с дешевым именем Арлин Кейн... даже два маляра шествовали в этой процессии.

Путаница, путаница, ничего, кроме путаницы.

Опустив голову и шаркая ногами, я вошел в свой кабинет, закрыл за собой дверь и сел за стол. Смутно, сквозь закрытое окно, я слышал звуки транспорта на бульваре Сансет. Тут мне пришла в голову мысль, что для некоторых прохожих там все еще было весеннее утро, настолько идеально лос-анджелесское, что где-то можно было найти такой маленький регистрационный знак, свидетельствующий, что оно может принадлежать только главному городу Калифорнии, однако для меня все вокруг стало тусклым... внутри и снаружи. Я вспомнил о бутылке в нижнем ящике стола, но внезапно даже наклоняться за ней показалось мне слишком трудным. Я почему-то решил, что потребуется усилие, подобное тому, какое пона-

добилось бы, чтобы в теннисных тапочках взобраться на Эверест.

Запах свежей краски проникал в офис. Вообще-то мне он нравился, только не в данный момент. Сейчас это был запах всего, что пошло не так как следовало, начиная с того, что Деммики не вернулись в свое голливудское бунгало, перебрасываясь шутками, словно резиновыми шарами, включая проигрыватель на полную мощность и вызывая истерику у своего Бастера бесконечными объятиями и поцелуями. Тут мне пришло в голову с идеальной ясностью и простотой — мне казалось, что истинная правда именно так и приходит в людские головы, — что, возьмись какой-нибудь врач вырезать рак, убивающий лифтера Фулуайлдер-билдинга, и все станет на свое место, засияет белизной. Устрично-белой краской, которой пользовались маляры в коридоре.

Эта мысль оказалась настолько утомительной, что я опустил голову, прижал ладони к вискам, удерживая ее на месте... или, может быть, просто стараясь, чтобы то, что находилось внутри, не вырвалось наружу и не испортило краску на стенах офиса. Так что, когда дверь неслышно открылась и кто-то вошел в комнату, я не поднял голову. Мне казалось, что для этого потребуется усилие, на которое в этот момент я не был способен.

К тому же меня охватило странное чувство — я вроде бы знал, кто это. Я не мог назвать имя вошедшего, но его шаги были мне знакомы. Знакомым был и одеколон, хотя и тут я знал, что не смогу назвать его, даже если кто-то приставит к моей голове револьверное дуло, и по самой простой причине: никогда в жизни я не нюхал этого запаха. Как могу я узнать запах, который не нюхал никогда в жизни, спросите вы? На этот вопрос я не мог дать ответ, приятель, но запах был действительно знакомым.

Впрочем, не это было самым плохим. Хуже всего было то, что я был до смерти перепуган. Мне угрожали грохочущие револьверы в руках разъяренных мужчин, и это было достаточно страшно, и кинжалы в руках не

менее разъяренных женщин, что в тысячу раз хуже; однажды меня привязали к рулю «паккарда» и поставили машину на железнодорожном пути с частым движением поездов; меня даже выбрасывали из окна третьего этажа; жизнь моя действительно была полна приключений, но ничто не пугало меня так, как запах этого одеколona и мягкие шаги.

Мне казалось, что голова моя весит по крайней мере шестьсот фунтов.

— Клайд, — произнес голос, которого я никогда не слышал раньше, но сразу узнал, как свой собственный. Всего лишь одно слово — и вес моей головы увеличился до тонны.

— Убирайся отсюда, кем бы ты ни был, — ответил я, не поднимая взгляда. — Контора закрыта. — И что-то заставило меня прибавить: — На ремонт.

— Плохой день, Клайд?

Мне показалось, что в этом голосе заметно сочувствие, и от этого положение стало только хуже. Кем бы ни был этот хмырь, я не нуждался в его сочувствии. Что-то говорило мне, что его сочувствие будет более опасным, чем ненависть.

— Не такой уж плохой, — отозвался я, поддерживая свою тяжелую больную голову на ладонях рук и глядя вниз на бювар — ничего другого мне не оставалось. В верхнем левом углу был написан телефонный номер Мейвис Уэлд. Я снова и снова пробежал по нему глазами — БЕверли 6-4214. Не сводить взгляда с исписанного бювара показалось неплохой мыслью. Я не знал, кем был мой гость, но видеть его мне все равно не хотелось. В тот момент это было единственным, в чем я был по-настоящему уверен.

— Мне кажется, похоже, вы ведете себя немного неискренне... пожалуй... — произнес голос, и на этот раз я действительно ощутил в нем сочувствие; от этого мой желудок сжался в нечто похожее на дрожащий кулак, пропитанный кислотой. Я услышал скрип — он опустился в кресло для посетителей.

— Я не ведаю, что точно значит это слово, однако не стесняйтесь, говорите, — согласился я. — А теперь, когда мы обменялись любезностями, Моггинс, и вы чувствуете свою правоту, почему бы вам не встать и не выйти отсюда. Я решил взять бюллетень. Мне нетрудно сделать это, никто не будет возражать, понимаете ли, ведь здесь босс — я. Здорово иногда все получается, а?

— Пожалуй. Взгляни на меня, Клайд.

Мое сердце бешено забилося, однако голова не сдвинулась с места и глаза упрямо смотрели на БЕверли 6-4214. Меня не покидала мысль — достаточно ли горяч ад для Мейвис Уэлд. Когда я заговорил, мой голос звучал спокойно. Я удивился, но одновременно почувствовал благодарность.

— Говоря по правде, я, пожалуй, возьму бюллетень по болезни на целый год. Поселюсь скорее всего в Кармеле. Буду сидеть на палубе яхты со справочником «Американский Меркурий» на коленях и наблюдать за прибытием океанских лайнеров с Гавайских островов.

— Посмотри на меня.

Мне не хотелось делать этого, но голова поднялась, словно по собственной воле. Он сидел в кресле для клиентов, там, где до него сидели Мейвис, и Ардис Макгилл, и Биг Том Хэтфилд. Даже Вернон Клейн однажды сидел тут, когда принес фотографии своей внучки, одетой только в улыбку, вызванную дозой наркотика, и костюм, в котором она родилась. Он сидел в кресле, и на его лицо падали те же лучи калифорнийского солнца — на лицо, которое я несомненно видел когда-то. Последний раз меньше часа назад в зеркале своей ванной. Тогда я водил по нему бритвой «Жиллетт блю блейд».

Выражение сочувствия в его глазах — в моих глазах — было самым отвратительным, которое мне приходилось когда-либо видеть, и когда он протянул свою руку — протянул мою руку, — меня охватило внезапное желание повернуться в своем вращающемся кресле, вскочить на ноги и броситься прямо в окно с седьмого этажа. Пожалуй, я так бы и поступил, не будь так сбит с толку, так запутан.

Я не раз встречал выражение «на автопилоте» — его обожают авторы дешевой фантастики и душещипательных рассказов, — но чувствовал я себя так впервые.

Внезапно в комнате потемнело. День был совершенно безоблачным, я готов поклясться в этом, и тем не менее солнечный диск пересекло облако. Человек, сидевший напротив меня, по другую сторону стола, был старше меня по крайней мере лет на десять, а может и на пятнадцать. Его волосы были почти белыми, тогда как мои все еще оставались почти черными, но это не меняло простого обстоятельства — как бы он ни называл себя и каким бы старым ни выглядел, это был я. Помните, я сказал, что его голос показался мне знакомым? Разумеется. Так звучит ваш голос — хотя не совсем так, как он звучит у вас в голове, — когда вы слушаете его запись.

Он поднял мою вялую руку со стола, пожал ее с энергией торговца недвижимостью, только что заключившего выгодную сделку, и отпустил ее снова. Она звучно шлепнулась на поверхность стола, прямо на телефонный номер Мейвис Уэлд. Когда я убрал свои пальцы, то увидел, что номер Мейвис исчез. Более того, исчезли все номера, которые я нацарапал на бюваре за последние годы. Бювар был чист... чист, как совесть убежденного баптиста.

— Господи! — прохрипел я. — Иисус Христос!

— Ничуть, — ответила мне моя вторая версия, сидящая в кресле для посетителей напротив. — Ландри. Самьюэл Д. Ландри — к вашим услугам.

V

Интервью с Создателем

Несмотря на то что я был потрясен, потребовалось всего две или три секунды, чтобы вспомнить это имя, скорее всего потому, что я слышал его совсем недавно. По словам маляра номер два, Самьюэл Ландри распорядился выкрасить длинный темный коридор, ведущий к моему офису, в устрично-белый цвет. Это Ландри был владельцем Фулуайлдер-билдинга.

Внезапно мне в голову пришла безумная мысль, но ее очевидное безумие ничуть не затуманило неожиданный всплеск надежды, сопровождавшей ее. Говорят — кто говорит, неизвестно, но говорят, — что для каждого человека на лике земли существует двойник. Может быть, Ландри был моим двойником. Может быть, мы были идентичными двойниками, не связанными друг с другом родственными узами, родившимися от разных родителей лет на десять или пятнадцать раньше или позже друг друга. Эта мысль никак не могла объяснить остальные странности, происшедшие со мной сегодня, но по крайней мере за нее следовало держаться, черт побери.

— Чем могу помочь, мистер Ландри? — спросил я. Несмотря на все усилия, мне не удалось говорить спокойно. — Если вы зашли сюда относительно аренды помещения, то вам придется подождать день или два — за это время я разберусь с делами. Оказалось, что у моей секретарши неотложные дела дома, в Армпите, Айдахо.

Ландри не обратил абсолютно никакого внимания на эту слабую попытку с моей стороны изменить тему разговора.

— Да, — произнес он задумчиво, — это, наверно, самый худший из всех плохих дней... и все из-за меня. Извини, Клайд, искренне прошу тебя. Когда я встретился с тобой лицом к лицу, это было... не совсем то, что я ожидал. Не совсем. Начать с того, что ты понравился мне гораздо больше. Однако теперь обратно не пойдешь. — И он глубоко вздохнул. Его слова мне совсем не понравились.

— Что вы имеете в виду? — Мой голос дрожал еще больше прежнего и отблеск надежды угасал. Причиной этого, судя по всему, был недостаток кислорода в провале, который раньше служил мне мозгом.

Он ответил не сразу. Сначала наклонился и взял за ручку тонкого кожаного кейса, стоявшего прислоненным к передней ножке кресла для посетителей. На кейсе были вытеснены инициалы «С.Д.Л», и потому я сделал вывод, что мой странный посетитель принес его с собой. Отсюда нетрудно догадаться, что я недаром завоевал звание лучшего частного детектива в 1934 и 1935 годах.

Мне еще никогда не приходилось видеть такого кейса — он был слишком маленьким и тонким, чтобы называться портфелем, и застегивался не пряжками и ремнями, а молнией. Да и подобной молнии я никогда не видел, пришло мне в голову. Ее зубцы были совсем маленькими и вовсе не походили на металлические.

Однако с кейса Ландри странности только начались. Даже не принимая во внимание то обстоятельство, что Ландри невероятно походил на меня — сходство старшего брата с младшим, — он отнюдь не напоминал тех бизнесменов, которых мне приходилось встречать раньше, и, уж конечно, резко отличался от таких богатых, что могут владеть Фулуайлдер-билдингом. Согласен, это не «Ритц», но расположен он в центре Лос-Анджелеса, а мой клиент (если он хотел стать моим клиентом) выглядел, как бедный фермер в удачный для него день — когда ему удалось принять ванну и побриться.

Во-первых, на нем были синие джинсы, а на ногах кеды... вот только они не походили на те кеды, которые мне доводилось видеть раньше. Это были высокие спортивные ботинки. Говоря по правде, они больше смахивали на те, что носит Борис Карлофф, когда одевается под Франкенштейна, и, если вы думаете, что они были из брезента, я готов съесть свою любимую шляпу. По сторонам ботинок красными буквами необычным шрифтом было написано слово, похожее на название блюда в китайском ресторане, торгующем навынос: «Рибок».

Я взглянул на бювар, еще недавно покрытый множеством телефонных номеров, и внезапно понял, что не помню номера Мейвис Уэлд, хотя звонил по нему миллион раз только прошлой зимой.

Чувство страха усилилось.

— Мистер, — сказал я, — мне бы хотелось, чтобы вы изложили дело, по которому пришли, и отправились дальше. Впрочем, почему бы вам не уйти отсюда, даже не излагая своей проблемы?

Он улыбнулся... как мне показалось, очень устало. Это было тоже чем-то необычным. Лицо над самой обыкновенной белой рубашкой с открытым воротом выглядело ужасно усталым. И к тому же ужасно печальным. По лицу было видно, что человек, которому оно принадлежало, повидал такое, о чем я и не догадываюсь. Я почувствовал какое-то смутное сострадание к моему посетителю, однако все по-прежнему затмевал страх. Страх и ярость. Потому что это было и мое лицо, и этот подонок сделал все, чтобы так износить его.

— Извини, Клайд, — сказал он. — Ничего не выйдет.

Он положил руку на застежку своего кейса с узенькой хитроумной молнией. Тут я подумал, что мне совсем не хочется, чтобы Ландри открыл свой кейс. С намерением остановить его я сказал:

— Вы всегда навещаете своих съемщиков офисов в одежде разорившегося фермера, зарабатывающего на жизнь выращиванием капусты? Вы что, один из эксцентричных миллионеров?

— В том, что я эксцентричен, ты ничуть не ошибся, — кивнул он. — И не пытайся тянуть время, Клайд, это ничуть тебе не поможет.

— Откуда у вас взялась такая мы...

И тут он сказал то, чего я боялся, погасив тем самым мою последнюю надежду.

— Мне знакомы все твои мысли, Клайд. В конце концов, я — это ты.

Я облизнул губы и заставил себя заговорить — о чем угодно, лишь бы не видеть, как он открывает молнию на своей странной папке. Все, что угодно. Мне удалось выдавить из себя хриплую фразу, но по крайней мере я сумел произнести ее:

— Да, я заметил сходство. Правда, запах одеколona показался мне незнакомым. Я-то пользуюсь «Оулд спайс», понимаете.

Он ухватился большим и указательным пальцами за ушко молнии, но все-таки не открыл ее. Пока.

— Но тебе нравится этот запах, — произнес он с полной уверенностью, — и ты стал бы пользоваться этим одеколоном, если бы мог купить его в аптеке «Рексолл» на углу, верно? К сожалению, ты не сможешь сделать этого. Одеколон называется «Арамис», и его изобретут только через сорок лет. — Он посмотрел на свои странные безобразные баскетбольные ботинки и добавил: — Как и мои кроссовки.

— Вы чертовски убедительно врете.

— Да, пожалуй, черт действительно имеет к этому какое-то отношение, — согласился Ландри, даже не улыбувшись.

— Откуда вы взялись?

— Я думал, ты знаешь. — Ландри потянул застежку на молнии, и я увидел прямоугольное устройство, сделанное из какого-то гладкого пластика. Оно было такого же цвета, каким станет коридор седьмого этажа к заходу солнца. Я никогда не видел ничего подобного. На устройстве не было названия фирмы, только виднелось что-то похожее на номер серии — T-1000. Ландри достал устройство из

папки, предназначенной для его переноски, большими пальцами откинул застёжки по сторонам и поднял крышку, укрепленную на шарнирах. Я увидел нечто, напоминающее телеэкран в фильме о Баке Роджерсе. — Я прибыл из будущего, — пояснил Ландри. — Точно, как в научно-фантастических журналах.

— Скорее из психиатрической лечебницы в Санниленде, — буркнул я.

— Но все-таки не совсем, как в дешевых фантастических журналах, — продолжал он, не обращая внимания на мои слова. — Нет, не совсем. — Ландри нажал на кнопку сбоку. Изнутри устройства донесся стрекочущий звук, за которым последовал короткий свистящий писк. Устройство на коленях Ландри походило на какую-то странную машинку для стенографии... и мне пришла в голову мысль, что это недалеко от истины.

— Как звали твоего отца, Клайд? — Он внимательно посмотрел на меня.

Я на мгновение встретился с ним глазами, стараясь не облизывать губы. В комнате по-прежнему было темно, солнце все еще скрывалось за каким-то облаком, которого я даже не заметил, когда вышел из дома на улицу. Лицо Ландри, казалось, плавало в сумраке подобно старому сморщенному воздушному шару.

— А какое это имеет отношение к цене огурцов в Монровии? — спросил я.

— Значит, не знаешь, правда?

— Знаю, конечно, — ответил я. Просто я не мог произнести его, вот и все — оно застряло на кончике языка, как и номер телефона Мейвис Уэлд — БЕверли и еще какие-то цифры.

— Ну хорошо. А имя твоей матери?

— Прекратите эти игры!

— Ладно, вот легкий вопрос: в какой средней школе ты учился? Каждый энергичный американский мужчина помнит, какую школу он закончил, верно? Или первую девушку, отдавшуюся ему до конца. И город, в котором он вырос. Ты вырос в Сан-Луи Обиспо?

Я открыл было рот, но и на этот раз не смог ничего произнести.

— Может быть, в Кармеле?

Это казалось похожим на правду... и затем я понял, что это совсем не так. У меня кружилась голова.

— А может быть, Дасти-Боттон, штат Нью-Мексико?

— Прекратите эти глупости! — крикнул я.

— Ты помнишь? Помнишь?

— Да! Это был...

Он наклонился и нажал на клавиши своей странной стенографической машинки.

— Вот! Родился и вырос в Сан-Диего!

Он поставил машинку на мой стол и повернул ее так, что я смог прочитать слова, плавающие в окошке над клавиатурой:

РОДИЛСЯ И ВЫРОС В САН-ДИЕГО

Я опустил взгляд на слово, вытесненное на окружающей окошко пластиковой рамке.

— Что такое «Тошиба»? — спросил я. — Блюдо, которое подают, когда ты заказываешь на ужин «Рибок»?

— Это японская электронная компания.

Я сухо засмеялся.

— Кого вы пытаетесь обмануть, мистер? Японцы не могут сделать и заводной игрушки — непременно вставят пружину вверх ногами.

— Только не теперь, — заметил он. — И говоря «теперь», Клайд, что мы имеем в виду, когда это «теперь»? Какой сейчас год?

— 1938-й, — ответил я, затем поднял наполовину онемевшую руку к лицу и потер губы. — Одну минуту — 1939-й.

— Может быть, даже 1940-й. Я прав?

Я промолчал, но почувствовал, как запылало мое лицо.

— Не расстраивайся, Клайд; ты не знаешь этого, потому что это и мне неизвестно. В этом я всегда чувствовал себя неопределенно. Отрезок времени, к которому я стремился, вообще-то больше походил на ощущение. Его можно назвать «Американское время Чандлера», если

хочешь. Чандлер полностью удовлетворял большинство моих читателей, да и с точки зрения редактирования все было гораздо проще, потому что невозможно точно определить ход времени. Разве ты не заметил, как часто говоришь «в течение большего числа лет, чем помню», или «прошло больше времени, чем мне хотелось бы»?

— Нет, откровенно говоря, я не обращал на это внимание, — сказал я, однако теперь, когда он упомянул время, я вспомнил, что все-таки замечал это. И потому подумал о газете «Лос-Анджелес таймс». Я читал ее каждый день, но вот какой это был день? По самой газете этого не определишь, потому что в заголовке никогда не было даты, только девиз: «Лучшая газета Америки в лучшем американском городе».

— Ты говоришь это потому, что в этом мире время вообще-то не проходит. Это является... — Он замолчал, а потом улыбнулся. Было страшно смотреть на него, на эту улыбку, полную тоски и странной жалости. — Это является одной из его привлекательных сторон, — закончил он наконец.

Я был испуган, но никогда не боялся, когда требовалось проявить мужество, и сейчас был как раз один из таких моментов.

— Объясните мне, что здесь происходит, черт побери.

— Хорошо... ты уже начинаешь понимать, Клайд, правда?

— Пожалуй. Я не знаю имени моего отца, или имени матери, или того, как звали первую девушку, с которой я был в постели, потому что вы не знаете их. Правильно?

Он кивнул, улыбаясь подобно учителю, ученик которого нарушил все правила логики, совершил неожиданный скачок и против всех ожиданий получил правильный ответ. Но его глаза все еще были полны этого ужасного сочувствия.

— И когда вы написали «Сан-Диего» на экране своего устройства, в тот же момент эта мысль пришла и мне в голову...

Он ободряюще кивнул мне.

— Вам принадлежит не только Фулуайлдер-билдинг, правда? — Я судорожно сглотнул, пытаясь избавиться от комка в горле, который никак не желал покидать свое место. — Вам принадлежит все.

Но Ландри только покачал головой.

— Нет, не все. Всего лишь Лос-Анджелес и его окрестности. Я имею в виду Лос-Анджелес в темпоральном понимании.

— Чепуха, — сказал я, но шепотом.

— Видишь картину на стене слева от двери, Клайд?

Я посмотрел на нее, хотя в этом не было надобности: на ней был изображен Вашингтон, переправляющийся через реку Делавэр, и висела она здесь в... течение большего числа лет, чем я это помню.

Ландри снова положил свою пластиковую стенографическую машинку из фильма Бака Роджерса на колени и склонился над ней.

— Не надо! — крикнул я и попытался дотянуться до него. Безуспешно. Мои руки, казалось, лишились сил, и я не мог заставить их двигаться. Меня охватила какая-то апатия, бессилие, словно я потерял три пинты крови и с каждой минутой терял все больше.

Он снова нажал на клавиши, затем повернул машинку ко мне, чтобы я мог прочесть слова в окошке. Они гласили: *На стене слева от двери, ведущей в комнату где сидит Кэнди, висит портрет нашего почтенного вождя... но всегда чуть криво. Таким образом я сохраняю его в перспективе.*

Я снова посмотрел на картину. Джордж Вашингтон исчез, а на его месте появилась фотография Франклина Рузвельта. Ф. Д. Р. улыбался, держа во рту мундштук, он торчал под таким углом, который его сторонники считали элегантным, а противники — высокомерным. Фотография висела чуть криво.

— Чтобы сделать это, мне не нужен лэптоп, — пояснил Ландри. Его голос звучал чуть смущенно, словно я обвинил его в чем-то. — Я могу добиться этого путем простой концентрации воли — ты ведь видел, как исчез-

ли телефонные номера с твоего бюроара, — но с лэптопом все-таки легче. Наверно, потому, что я привык записывать свои мысли. А потом редактировать их. Между прочим, редактировать и затем заново переписывать фразы составляет самую увлекательную часть работы, потому что именно здесь ты вносишь окончательные изменения — обычно небольшие, но нередко критически важные, и вся картина обретает тот вид, в котором книга попадет к читателям:

Я посмотрел на Ландри, и, когда заговорил, мой голос звучал, словно мертвый.

— Вы придумали меня, правда?

Он кивнул, на его лице появилось странно пристыженное выражение, как будто он сделал нечто постыдное.

— Когда? — спросил я и хрипло рассмеялся. — Или это и есть самый важный вопрос?

— Я не знаю, является ли он важным или нет, — заметил он, — и, по-моему, любой писатель скажет тебе то же самое. Это случилось не сразу — в этом я убежден. Это был постепенно развивающийся процесс. Сначала ты появился у меня в «Алом городе», но я написал это еще в 1977 году, и с тех пор ты заметно изменился.

1977 год, подумал я. Действительно, год Бака Роджерса. Я не хотел верить, что все это происходит на самом деле, предпочитал считать происходящее сном. Как ни странно, этому мешал запах его одеколона — этот знакомый запах, который я не нюхал никогда в жизни. Да и как я мог его нюхать? Ведь это «Арамис», такой же незнакомый для меня, как и «Тошиба».

Тем временем он продолжал:

— Вы стали более сложным и интересным. Сначала ваш образ был плоским, одномерным. — Он откашлялся и на мгновение улыбнулся, глядя на свои руки.

— Как мне не повезло.

Он поморщился, почувствовав в моем голосе гнев, но заставил себя, несмотря на это, поднять голову.

— Вашей последней книгой была «Как похоже на падшего ангела». Я начал ее в 1990 году, но, чтобы

закончить, мне потребовалось почти три года, до 1993-го. За это время у меня возникло немало проблем. Жизнь моя была весьма интересной. — Эти слова прозвучали у него с неприятной горечью. — Писатели не создают свои лучшие произведения в интересные времена, Клайд. Положись на мое слово.

Я взглянул на его мешковатую одежду, висящую на нем, как на бродяге, и решил, что в этом он прав.

— Может быть, из-за этого вы все так перепутали и на этот раз, — сказал я. — Это сообщение относительно лотереи и сорока тысяч долларов было пустой болтовней — к югу от границы выигрыши выплачиваются только в песо.

— Я знал это, — заметил он мягко. — Не могу сказать, что время от времени не допускаю ошибок — возможно, я и являюсь чем-то вроде Создателя в этом мире или для этого мира, но в своем собственном мире я самый обычный человек. Но, когда я все-таки допускаю ошибки, ты и другие действующие лица никогда об этом не догадываются, Клайд, потому что эти ошибки и промахи в последовательности изложения составляют часть вашей жизни. Да, Пиория лгал тебе. Я знал это и хотел, чтобы и ты об этом догадался.

— Почему?

Он пожал плечами, снова со смущенной улыбкой, словно немного пристыженный.

— Это было нужно, чтобы ты хоть немного подготовился к моему появлению. Именно поэтому все и было сделано, начиная с Деммиков. Мне не хотелось слишком уж пугать тебя.

Любой хороший частный детектив всегда замечает, говорит ли правду человек, сидящий в кресле посетителя, или лжет; а вот догадываться, когда клиент говорит правду, но при этом намеренно что-то скрывает, требует особого таланта, и я сомневаюсь, что даже гениальные частные детективы способны постоянно обнаруживать это. Возможно, я догадывался об этом, потому что Ландри мыслил параллельно со мной, но я понял, что кое-что он

скрывал от меня. Вопрос заключался лишь в одном: спросить его об этом или нет.

Остановил меня, однако, внезапный ужасный проблеск интуиции, появившийся ниоткуда, подобно призраку, что сочтется из стены дома, населенного привидениями. Это имело отношение к Деммикам. Прошлым вечером они вели себя так спокойно и тихо по той причине, что мертвецы не увлекаются семейными ссорами, — это одно из нерушимых правил, подобно тому, которое гласит, что игральные кости всегда скатываются вниз; вы всегда можете рассчитывать на это при любых обстоятельствах. Почти с самого первого момента, когда я познакомился с ним, я почувствовал, что под учтивостью и воспитанностью Джорджа, так и бросающейся в глаза, скрывается неистовая ярость, а за прелестным лицом и веселым поведением Глории Деммик где-то в тени прячется стерва с острыми когтями и зубами, постоянно готовая пустить их в дело. По своей манере они слишком уж напоминали персонажей Коула Портера¹, если вы понимаете, что я имею в виду. Теперь я был почему-то уверен, что Джордж наконец не выдержал и убил свою жену... а за компанию и постоянно гавкающего валлийского корги. Глория, усилиями Джорджа, сидит сейчас, наверно, в углу ванной комнаты между душем и унитазом, с почерневшим лицом, выпученными глазами, напоминающими старые потертые мраморные шарики, с языком, высовывающимся меж синих губ. Собака лежит головой на ее коленях, проволоочная вешалка туго обмотана вокруг шеи, визгливый голос замолчал навсегда. А Джордж? Он лежит мертвый на кровати, на тумбочке рядом бутылочка веронала, принадлежавшая Глории и теперь пустая. Больше не будет вечеринок, танцев под джазовую музыку в «Ал-Ариффе», увлекательных рассказов об убийствах в высшем обще-

¹ Имеются в виду персонажи известных мюзиклов американского композитора Коула Портера «Целуй меня, Кэт» (1948). «Канкан» (1953) и др.

стве в Палм-Дезерт или Беверли-Глен. Сейчас их тела остывали, притягивая к себе мух, бледнея под слоем модного загара, приобретенного у плавательных бассейнов.

Джордж в Глория Деммики, умершие внутри странной машинки этого человека, в его воображении.

— Вам совсем не удалось напугать меня, — сказал я и тут же подумал, а вдруг ему удастся сделать это как следует? Задайте себе вопрос: как подготовить человека к предстоящей встрече с Создателем? Готов побиться об заклад, что даже Моисей вспотел от волнения, когда увидел, что куст начинает светиться, а ведь я всего лишь частный детектив, работающий за сорок долларов в день плюс компенсация расходов.

— «Как похоже на падшего ангела» — это была повесть про Мейвис Уэлд. Само имя — Мейвис Уэлд — я позаимствовал из романа «Маленькая сестра», написанного Реймондом Чандлером. — Он посмотрел на меня с тревожной неуверенностью, в котором скрывался намек на вину. — Этим я хотел отдать дань своего восхищения мастерством этого писателя.

— Bravo, — сказал я, — но это имя мне незнакомо.

— Разумеется. В твоём мире — которой является моим вариантом Лос-Анджелеса, конечно, — Чандлера никогда не существовало. Тем не менее, я использовал самые разные имена из его книг в своих. Фулуайлдер-билдинг, где был офис Филиппа Марлоу, героя многих произведений Чандлера. Вернон Клейн... Пиория Смит... и Клайд Амни, разумеется. Это было имя адвоката в «Плейбэк» Чандлера.

— И таким образом вы отдали ему дань своего восхищения?

— Совершенно верно.

— По-вашему, это дань восхищения, но мне кажется, что это затейливая форма простого заимствования. — Однако при этом я почувствовал себя как-то странно, потому что узнал, что мое имя было придумано человеком, о котором я никогда не слышал, причем в мире, о существовании которого я даже не подозревал.

Ландри заставил себя покраснеть, но глаз не опустил.

— Ну хорошо; может быть, я и вправду виновен в небольшом плагиате. Несомненно, я принял стиль Чандлера как свой собственный, но в этом я далеко не первый; Росс Макдоналд поступил точно так же в пятидесятые и шестидесятые годы, Роберт Паркер — в семидесятые и восьмидесятые, а критики увенчали их за это лавровыми венками. К тому же Чандлер позаимствовал многое у Хэммета и Хемингуэя, не говоря о массе дешевых писателей, таких, как...

Я поднял руку.

— Давайте пропустим обзор литературы и перейдем к заключительным строкам. Это представляется безумным, но... — Мой взгляд упал на фотографию Рузвельта, оттуда переместился на сверхъестественно чистый бювар и затем остановился на худом лице человека, сидящего напротив меня. — ...но предположим, что я верю в это. Тогда что вы здесь делаете? Откуда вы появились?

Правда, ответ на эти вопросы я уже знал. Я работаю частным детективом, потому что зарабатываю этим на жизнь, но ответ пришел не из головы, а из сердца.

— Я прибыл за вами.

— За мной.

— Извините меня, но я действительно прибыл за вами. Боюсь, что вам придется начать думать о своей жизни по-другому, Клайд. Как... ну... о паре ботинок. Вы снимаете их, а я надеваю. И как только я зашнурую ботинки, тут же уйду прочь.

Разумеется. Ну конечно, он так и собирается поступить. И внезапно я понял, что должен сделать... единственное, что я мог сделать.

Избавиться от него.

Для начала я широко улыбнулся — это была улыбка из разряда «расскажите мне побольше». В то же время я подобрал под себя ноги, готовясь мгновенно оттолкнуться ими и броситься через стол на Ландри. Мне было ясно, что только один из нас сможет выйти из этой комнаты. Я намерен был оказаться этим одним.

— Вот как? — заметил я. — Как интересно. А что случится со мной, Самми? Что случится с частным детективом, внезапно лишившимся шнурков? Какая судьба постигнет Клайда...

...Амни — это должно было оказаться последним словом, которое услышит в своей жизни этот вор, любитель вмешиваться в чужие дела. Как только это слово сорвется с моих губ, я собирался броситься на него. Однако, похоже, телепатия действует в обе стороны. Я заметил, как в его глазах появилась тревога, глаза закрылись и губы сжались, свидетельствуя о полной концентрации. По-видимому, он решил не прибегать к помощи машинки Бака Роджерса; он понял, что на это у него просто не осталось времени.

«Его откровения подействовали на меня подобно какому-то средству, лишившему меня сил, — сказал Ландри тихим, но убедительным голосом человека, который не просто говорит, а декламирует. — Сила исчезла из моих мускулов, мои ноги стали вялыми, словно ватными, и мне не оставалось ничего другого, как хлопнуться в кресло и взглянуть на него».

Я хлопнулся в кресло, ноги выдвинулись вперед, и мне не оставалось ничего другого, как уставиться на него.

— Прости, все прошло не слишком хорошо, — произнес он извиняющимся тоном, — однако сочинять спонтанно всегда не получалось у меня должным образом.

— Сукин ты сын, — прохрипел я. — Ублюдох.

— Это верно, — согласился он. — Пожалуй, ты прав.

— Зачем ты делаешь это? Почему тебе понадобилась моя жизнь?

В его глазах промелькнула ярость.

— Твоя жизнь? Вот как? Даже если ты не хочешь признаться в этом, Клайд, ты не можешь не понимать, что я прав. Это совсем не твоя жизнь. Я придумал тебя в январе 1977-го, одним дождливым днем, и все это продолжалось до настоящего времени. Я дал тебе жизнь и потому имею полное право забрать ее обратно.

— Очень благородно, — ухмыльнулся я, — но если бы Всевышний сейчас спустился сюда, к нам, и принялся выдер-

гивать струны из твоей жизни, подобно неудавшимся стежкам из вышивки, тебе было бы легче оценить мою точку зрения.

— Пожалуй, — согласился Ландри, — допускаю, что в твоих словах есть смысл. Но зачем спорить из-за этого? Спорить с самим собой — все равно что играть в шахматы без противника: хорошая игра неминуемо завершается вничью. Давай просто скажем, что я делаю это, потому что могу.

Внезапно я почувствовал себя спокойнее. Такое случилось со мной и раньше. Попав в уязвимое положение, тебе нужно было заставить их говорить и не давать остановиться. Подобная тактика оказалась успешной с Мейвис Уэлд, и она снова сработает здесь. Они говорят примерно так: ну что ж, думаю, теперь тебе уже не поможет, «если ты узнаешь», или «какой вред может это принести»?

Версия Мейвис была предельно элегантной: «я хочу, чтобы ты знал, Амни», — словом, ты должен взять с собой в ад правду, там ты обсудишь ее с дьяволом за чаем с пирожными. Вообще-то не имело значения, о чем они говорили, но, если занять их разговорами, у них не останется времени на стрельбу.

Самое главное — заставить их говорить. Пусть они говорят, и тогда тебе остается надеяться, что спасительная кавалерия с развернутыми знаменами непременно откуда-то появится.

— Вопрос заключается в следующем: зачем ты хочешь этого? — спросил я. — Это ведь не является обычным, правда? Я хочу сказать, что обычно писатели удовлетворяются тем, что получают наличными заработанное, пока у них есть такая возможность, и уходят своей дорогой.

— Я вижу, ты пытаешься заставить меня говорить, Клайд. Верно?

Его слова ударили меня с силой парового молота, но мне ничего не оставалось, как играть до последнего козыря. Я усмехнулся и пожал плечами.

— Может быть. А может быть, не пытаюсь. Как бы то ни было, мне действительно интересно. — В этом я был совершенно искренним.

Он неуверенно посмотрел на меня, наклонился и коснулся клавишей внутри странного пластмассового ящика (я почувствовал спазмы в ногах, животе и груди, когда он провел пальцами по клавишам), затем снова выпрямился.

— Пожалуй, теперь я могу рассказать тебе об этом, — сказал он наконец. — Во всяком случае это не может причинить никакого вреда, верно.

— Нисколько.

— Ты — умный парень, Клайд, — заметил он, — и совершенно прав: писатели очень редко погружаются в миры, созданные ими, и когда они делают это, то, по-моему мнению, все происходит у них в воображении, тогда как тела прозябают в какой-нибудь психиатрической лечебнице. Большинство из нас вполне удовлетворены тем, что являются туристами в мирах, созданных их воображением. По крайней мере я относился именно к этой категории. Я не могу быстро писать — построение сюжета всегда было для меня мучительно — по-моему, я говорил тебе об этом, — но за десять лет мне удалось создать пять романов о Клайде Амни, причем каждый из последующих был лучше предыдущего. В 1983 году я ушел с работы, из большой страховой компании, где служил менеджером, и стал профессиональным писателем. У меня была жена, которую я любил, сынишка, по утрам выпускавший солнце из своей кровати и забиравший его с собой, ложась спать, — по крайней мере так мне казалось — я и не мечтал о лучшей жизни.

Он шевельнулся в глубоком кресле, передвинул руку, и я увидел, что дырка, выжженная сигаретой Ардис Макгилл на ручке кресла, теперь исчезла. Он засмеялся холодным горьким смехом.

— И я оказался прав, — сказал он. — Жизнь не могла быть лучше, зато могла стать намного хуже. Так и произошло. Через три месяца после того, как я принялся за «Как похоже на павшего ангела», Дэнни, наш малыш, упал с качелей в парке и сильно ударился головкой. Кокнулся об асфальт, как говорят у вас.

Быстрая улыбка, такая же холодная и горькая, как смех, пробежала по его лицу.

— У него было обильное кровотечение — ты видел достаточно черепных ран в жизни, чтобы понять это, — и это страшно напугало Линду, но мальчик попал в руки хороших врачей и оказалось, что он отделался всего лишь сотрясением мозга; его уложили в больницу и перелили пинту крови, чтобы компенсировать потерю. Возможно, этого не требовалось — такая мысль постоянно преследует меня, — но они все-таки сделали это переливание. Видишь ли, пострадал он не из-за удара головой; виной всему оказалась эта пинта крови. Она была заражена СПИДом.

— Заражена чем?

— Это такая болезнь, и вы можете только благодарить Бога, что ничего о ней не знаете, — ответил Ландри. — В ваше время ее не существовало, Клайд. Она появилась лишь в середине семидесятых годов. Подобно одеколону «Арамис».

— И каковы ее последствия?

— Она уничтожает твою иммунную систему, подтачивает ее до тех пор, пока твоя биологическая защита не рухнет совсем. И вот тогда сквозь нее прорываются все микробы, от рака до ветряной оспы, прорываются и правят настоящий бал.

— Великий Боже!

По его лицу снова пробежала улыбка, похожая на судорогу.

— Если бы это было так. СПИД в основном передается половым путем, но иногда он появляется то тут то там с запасом крови. Пожалуй, можно сказать, что мой мальчик выиграл первый приз в *la loteria* для самых несчастных.

— Мне очень жаль, — сказал я, и хотя был напуган до смерти этим худым мужчиной с усталым лицом, я не кривил душой. Смерть для маленького ребенка от такой ужасной болезни... что может быть хуже? Может быть, что-то и есть — всегда есть что-то худшее, — но тебе остается только сидеть и думать об этом, правда?

— Спасибо, — кивнул он. — Спасибо, Клайд. По крайней мере для него все кончилось очень быстро. Он упал с качелей в мае. Первые багровые пятна на теле — гемангиома саркома Капоза — появились перед его днем рождения в сентябре. Он умер 18 марта 1991 года. И хотя он, возможно, и не страдал так, как страдают многие другие, но все-таки мучился. Боже, как он мучился!

Я не имел ни малейшего представления о гемангиомной саркоме Капоза, но решил не расспрашивать. Я уже знал больше, чем мне хотелось.

— Теперь ты, наверно, понимаешь, почему мне пришлось притормозить работу над твоей книгой, — произнес он. — Понимаешь, Клайд?

Я кивнул.

— И тем не менее я старался изо всех сил. Главным образом потому, что считал, будто выдуманный мир излечит меня. Может быть, мне нужно просто верить в это. Я пытался одновременно сохранить и оставшуюся семью, но с этим ничего не получилось — можно подумать, что роман «Как похоже на падшего ангела» стал чем-то роковым, приносящим одно несчастье за другим. После смерти Дэнни, мою жену охватила глубокая депрессия, и я был так обеспокоен ее болезнью, что даже не заметил красных пятен, что появились у меня на ногах, животе и груди. Все мое тело постоянно чесалось. Я знал, что это не СПИД, и сначала ничуть не беспокоился о том, что происходит со мной. Но с течением времени мне становилось все хуже... скажи, Клайд, у тебя когда-нибудь был опоясывающий лишай?

Затем он засмеялся и хлопнул себя ладонью по лбу, словно демонстрируя, какой он дурак, прежде чем я успел отрицательно покачать головой.

— Ну конечно, не было — самое серьезное, от чего ты страдал, это похмелье. Опоясывающий лишай, мой дорогой частный детектив, — это забавное название ужасной хронической болезни. В моей версии Лос-Анджелеса существуют очень хорошие лекарства, помогающие облег-

чить страдания, но мне они мало помогали; к концу 1991-го я страдал так, что трудно себе представить. Отчасти это объяснялось глубокой депрессией из-за того, что случилось с Дэнни, разумеется, но главным образом я мучился из-за сильных невралгических болей и жжения кожи. Можно было бы написать интересную книгу о страданиях писателя, как ты думаешь? Что-нибудь вроде «Страдания и чесотка, или Томас Харди¹ в период возмужания». — У него вырвался взрыв хриплого безумного смеха.

— Тебе виднее, Самми.

— Для меня это было время, словно проведенное в аду. Конечно, сейчас над этим легко смеяться, но ко Дню Благодарения того года это была не шутка — я спал ночью не больше трех часов, а иногда мне казалось, что с меня сползает и убегает кожа, как с «раскрашенного человека». И, может быть, поэтому я не обратил внимания на то, что происходит с Линдой.

Я не знал, не мог знать... но все-таки знал.

— Она покончила с собой.

Он кивнул.

— В марте 1992-го, в годовщину смерти Дэнни. С тех пор прошло больше двух лет.

Слеза скатилась по его морщинистой, преждевременно постаревшей щеке, и мне показалось, что старость наступает у него удивительно быстро. Мне было страшно думать о том, что у меня такой ничтожный занюханный Создатель, зато это многое объясняло. Мои недостатки главным образом.

— Достаточно, — произнес он невнятно из-за ярости и слез. — Перейдем к делу, как ты этого желаешь. В мое время мы говорили это иначе, но смысл тот же. Я закончил книгу. В тот день, когда я нашел Линду мертвой в постели — точно так же полиция найдет в постели сегодня

¹ Имеется в виду известный английский писатель Томас Харди (1840-1928), в романах которого преобладают трагические мотивы и характеры.

вечером Глорию Деммик, — я завершил сто девяносто страниц рукописи. Я добрался до того момента, где ты вытаскиваешь брата Мейвис из озера Тахо. Через три дня я вернулся домой с похорон, включил компьютер и принялся за страницу сто девяносто один. Это не шокирует тебя?

— Нет, — ответил я. Мне хотелось спросить его о том, что такое компьютер, но потом я решил промолчать. Устройство у него на коленях он и есть, конечно, как же иначе.

— Если мое поведение не шокировало тебя, значит, ты относишься к явному меньшинству, — сказал Ландри. — А вот моих друзей, тех немногих, которые еще остались, это сильно шокировало. Родственники Линды заключили, что у меня нервная система африканского кабана, поскольку я не проявил должных эмоций. У меня не осталось сил, чтобы объяснить им, что я пытаюсь спасти себя. Хрен с ними, сказал бы Пиория. Я взялся за свою книгу, как утопающий хватается за спасательный круг. Я схватился за тебя, Клайд. Моя болезнь — этот мучительный лишай — еще не прошла, и потому работа продвигалась недостаточно быстро. В некотором отношении она удерживала меня в том мире, иначе я появился бы здесь куда раньше, но она не остановила меня. Мне стало немного лучше — по крайней мере физически — к тому времени, когда я закончил книгу. Но когда работа подошла к концу, я сам погрузился в депрессию. Я прочитал отредактированный экземпляр книги в каком-то тумане, испытывая такое чувство сожаления... потери... — Тут он взглянул мне прямо в лицо и спросил: — Ты понимаешь хоть немного, о чем я говорю?

— Понимаю, — кивнул я. И я действительно понимал его каким-то безумным образом.

— В доме осталось немало таблеток, — продолжал он. — Линда и я во многом походили на Деммиков, Клайд, — мы действительно верили в то, что можно улучшить жизнь с помощью химических препаратов, и пару раз я едва удерживался от того, чтобы не проглотить

две пригоршни пилюль. Я не думал о самоубийстве, просто мне хотелось присоединиться к Линде и Дэнни. Присоединиться к ним, пока еще оставалось время.

Я кивнул. То же самое подумал и я, когда три дня спустя, после того как мы с Ардис Макгилл расстались в кафе «Блонди», я нашел ее в той душной комнатке на чердаке с маленькой синей дыркой посреди лба. Правда, на самом деле ее убил Сам Ландри, который сделал это, послав в ее мозг нечто вроде гибкой пули. Ну конечно, это был он. В моем мире Сам Ландри, этот усталый выглядящий человек в штанах бродяги, нес ответственность за все. Эта мысль должна была показаться безумной — и она такой и казалась, — но постепенно становилась все разумнее.

Я обнаружил, что у меня достанет сил, чтобы повернуть свое вращающееся кресло и посмотреть в окно. То, что я там увидел, нисколько не удивило меня: бульвар Сансет и все на нем замерло, словно окаменело. Автомобили, автобусы, пешеходы — все остановилось, будто снаружи, за окном, они были частью моментального снимка в мире «Кодака». Да и почему нет? Его создатель ничуть не интересовался тем, чтобы оживить этот мир, по крайней мере в данный момент; он был слишком втянут в водоворот собственной боли и горя. Черт возьми, я мог считать себя счастливым, что сам все еще дышал.

— Итак, что произошло? — спросил я. — Как ты попал сюда, Самми? Можно, я буду так называть тебя? Ты не рассердишься?

— Нет, не рассержусь. Я не могу дать тебе разумный ответ на твой вопрос, потому что я и сам точно его не знаю. Я знаю одно: всякий раз, когда я думал о таблетках, я думал о тебе. И мои мысли были примерно такими: Клайд Амни никогда не поступит таким образом и будет насмехаться над теми, кто поддастся на подобную слабость. Он сочтет это «выходом для трусов».

Я счел такую точку зрения справедливой и кивнул. Для человека, пораженного какой-то страшной болезнью — такого, как Вернон, умирающий от рака, или страдающего

от неизвестно откуда взявшегося кошмарного заболевания, что убило сына моего создателя, — я мог бы сделать исключение, но принимать таблетки только потому, что тебя поразила душевная депрессия? Ну нет, это для гомиков.

— И затем я подумал, — продолжал Ландри, — но ведь это тот самый Клайд Амни, которого создало мое воображение, его не существует на свете. Впрочем, эта мысль долго не продержалась. Это болваны нашего мира — политики и адвокаты, главным образом, — насмеются над игрой воображения и полагают, что вещь не может быть реальной, если вы не можете выкурить ее, погладить, пощупать или лечь с ней в постель. Они придерживаются такой точки зрения, потому что у них самих воображение начисто отсутствует и они не имеют представления о его силе. А вот я знал, что дело обстоит по-другому. Еще бы, мне да не знать этого — ведь за счет своего воображения я покупал пищу и оплачивал закладные за свой дом последние десять лет.

И в то же самое время я знал, что не смогу жить в том мире, который я привык называть «реальным миром» — под этими словами, думаю, все мы имеем в виду «единственный мир». Тогда я начал понимать, что существует единственное место, где меня могут принять гостеприимно, где я мог бы чувствовать себя как дома и стать единственным человеком, живущим в этом мире, попав туда. Место было очевидным — Лос-Анджелес, тридцатые годы. А человеком этим являешься ты.

Я услышал жужжащий звук, доносящийся из устройства, но на этот раз не повернулся.

Отчасти потому, что просто боялся.

А отчасти потому, что больше не знал, смогу ли.

VI

Последнее расследование Амни

Семью этажами ниже, на улице, мужчина застыл с полуповернутой головой, глядя на женщину, которая поднималась по ступенькам в автобус номер восемьсот пятьдесят, направляющийся к центру города. При этом на мгновение обнажилась ее прелестная ножка, почему мужчина и смотрел на нее. Немного дальше по улице мальчик поднял над головой потрепанную бейсбольную перчатку, стараясь поймать мяч, застывший перед ним. И тут же, футая в шести над мостовой, словно призрак, призванный к жизни каким-то второразрядным факиром на карнавале, плавала газета с опрокинутого стола Пиории Смита. Это может показаться невероятным, но с высоты седьмого этажа я видел на ней две фотографии: Гитлера над сгибом и недавно скончавшегося кубинского дирижера под ним.

Голос Ландри доносился, казалось, откуда-то издалека.

— Сначала я полагал, это означает, что мне придется провести остаток жизни в каком-нибудь дурдоме, думая, что я — это ты, но это мало меня беспокоило, потому что будет заперто только мое физическое начало, лишь моя плоть, понимаешь? И затем постепенно я начал понимать, что могу добиться гораздо большего, что, может быть, существует возможность для меня действительно... ну... полностью проскользнуть в тот мир. Ты знаешь, что стало ключом?

— Да, — ответил я не оборачиваясь. Снова послышалось жужжание, что-то в его машинке начало вращаться, и внезапно газета, застывшая в воздухе, поплыла над застывшим бульваром Сансет. Через момент-другой старый «де-сото» рывками проехал через перекресток Сансет и Фернандо. Он наехал на мальчика с бейсбольной рукавицей, и оба — «де-сото» и мальчик — исчезли. А вот мяч не исчез. Он упал на мостовую, прокатился полпути к сточной канаве и снова замер.

— Неужели знаешь? — В его голосе звучало удивление.

— Да. Таким ключом стал Пиория.

— Совершенно верно. — Он засмеялся, откашлялся — и то и другое указывало на то, как он нервничает. — Я все время забываю, что ты — это я.

Я не мог позволить себе такой роскоши.

— Я обдумывал сюжет новой книги и никак не мог чего-нибудь добиться. Я начинал первую главу шесть раз, всякий раз по-другому вплоть до воскресенья, пока мне не пришла в голову по-настоящему интересная мысль: Пиория Смит не любит тебя.

Это заставило меня повернуться.

— Чепуха!

— Я так и знал, что ты неверишь мне, но это правда, и я подозревал это все время. Я не собираюсь снова читать лекцию по литературе, Клайд, но хочу сказать тебе кое-что о своей профессии: писать от первого лица — трудное и мудреное занятие. При этом создается впечатление, будто все, что известно автору, исходит от главного героя его произведения, подобно письмам или военным сообщениям из какой-то отдаленной зоны боевых действий. Лишь в очень редких случаях у писателя есть свой секрет, но здесь мне удалось найти закавыку. Она заключалась в том, что твой маленький район бульвара Сансет — настоящий райский сад...

— Я никогда не слышал, чтобы это место называли раем, — заметил я.

— ...и в этом саду скрывается змий, которого я увидел, а ты — нет. Змий по имени Пиория Смит.

Снаружи окаменевший мир, который Ландри назвал моим райским садом, продолжал становиться все более темным, хотя небо оставалось все таким же безоблачным. «Красная дверь» — ночной клуб, якобы принадлежащий Лаки Лучиано, исчез. На мгновение на его месте возникла дыра, затем ее заполнило новое здание — ресторан «Французский завтрак» с витриной, полной папоротников. Я посмотрел на улицу и увидел, что там происходят и другие перемены: новые здания заменяли старые с молчаливой, пугающей быстротой. Все это означало, что мое время подходит к концу, и я понимал это. К сожалению, мне было известно и кое-что еще: по всей вероятности, в этом новом времени нет места для меня. Когда Создатель входит в твой офис и говорит, что предпочитает твою жизнь своей собственной, что ты можешь возразить?

— Я выбросил все предыдущие черновики романа, который начал через два месяца после смерти жены, — произнес Ландри. — Это оказалось несложно — черновики-то все были дерьмовые. И затем я взялся за новый вариант. Я назвал его... может быть, догадаешься, Клайд?

— Конечно, — ответил я и повернулся к нему. Это потребовало немалого напряжения, но, полагаю, то, что этот придурок назвал бы моим «побудительным мотивом», казалось, весьма убедительным. Район бульвара Сансет вообще-то далеко не Елисейские поля или Гайд-парк, но это мой мир. Я не хотел наблюдать, как он разрушает его и перестраивает так, как ему этого хочется. — Думаю, ты назвал его «Последнее расследование Амни».

На его лице появилось удивленное выражение.

— Да, ты прав.

Я небрежно махнул рукой. Мне пришлось напрячься, но я справился.

— Понимаешь, Самми, я ведь недаром завоевал звание лучшего частного детектива в 1934 и 1935 годах.

— Мне всегда нравилась эта фраза, — улыбнулся он.

Внезапно я возненавидел его — возненавидел до глубины души. Если бы мне удалось собрать силы для того, чтобы броситься через стол и задушить его, я непременно

сделал бы это. Он тоже понял мои мысли. Улыбка исчезла с его лица.

— Не пытайся, Клайд, — у тебя нет никаких шансов.

— Почему бы тебе не убраться отсюда? — прохрипел я. — Убирайся и дай мне возможность продолжать работу.

— Я не могу сделать этого, даже если бы мне хотелось... а мне не хочется. — Он посмотрел на меня с какой-то странной смесью гнева и мольбы. — Постарайся посмотреть на это с моей точки зрения, Клайд...

— Разве у меня есть выбор? Был когда-нибудь?

Он пропустил мои слова мимо ушей.

— Передо мной мир, в котором я никогда не буду стареть, год, когда все часы остановились за полтора года до начала второй мировой войны, где газеты всегда стоят три цента, мир, в котором я могу есть сколько угодно мяса и яиц и при этом не беспокоиться ни о каком холестерине.

— Не имею ни малейшего представления, о чем ты говоришь.

Он наклонился вперед, стараясь быть убедительней.

— Нет, конечно, ты не понимаешь! И в этом все дело, Клайд! Это мир, в котором я действительно могу заняться той работой, о которой мечтал с детских лет, — я смогу стать частным детективом. Я смогу носиться по городу в спортивном автомобиле в два часа утра, вести перестрелки с бандитами, зная, что они могут погибнуть, а вот я — нет, и просыпаться восемь часов спустя рядом с прелестной певичкой, слушая щебет птиц на деревьях и глядя на лучи солнца, падающие в окно моей спальни. Это яркое, великолепное калифорнийское солнце...

— Окно моей спальни выходит на запад, — сказал я.

— Это было раньше, — спокойно произнес он, и я почувствовал, как мои руки сжались в бессильные кулаки на подлокотниках кресла. — Теперь ты видишь, как все великолепно? Как идеально? В этом мире люди не сходят с ума от того, что у них чешется тело из-за идиотской изводящей болезни под названием опоясывающий лишай. В этом мире люди не седеют, не говоря уже о том, что не лысеют.

Он пристально посмотрел на меня, и в этом взгляде я увидел, что у меня нет никакой надежды. Абсолютно никакой.

— В этом мире любимые дети никогда не умирают от СПИДа, а любимые жены не кончают с собой, приняв огромную дозу снотворного. К тому же здесь ты всегда был посторонним, именно ты, а не я, как бы все это тебе ни казалось. Это мой мир, рожденный в моем воображении и сохраняемый моими усилиями и честолубием. На некоторое время я дал его тебе взаймы, вот и все... а теперь забираю обратно.

— Объясни мне толком, пожалуйста, как тебе удалось проникнуть в этот мир. Мне действительно хотелось бы услышать это.

— Очень просто. Я уничтожил его, начав с Деммиков, которые никогда не были чем-то большим, чем бледная имитация Ника и Норы Чарлзов, и перестроил его сообразно своему мысленному образу. Я убрал всех второстепенных действующих лиц, хотя некоторые мне очень нравились, и теперь удаляю все старые объекты. Таким образом, иными словами, я выдергиваю из-под тебя ковер — нитка за ниткой. Нельзя сказать, что я горжусь этим, зато я горжусь тем, что не ослаблял своих волевых усилий, которые требуются от меня, чтобы осуществить это.

— Что случилось с тобой в твоем собственном мире? — Я продолжал говорить с ним, но теперь делал это по привычке, подобно старой лошади, развозящей молоко, которая находит путь в конюшню на заметенной снегом дороге.

Он пожал плечами.

— Умер, наверно. А может быть, я действительно оставил там свою физическую плоть — внешнюю оболочку, — которая сидит в состоянии кататонии в какой-нибудь психиатрической лечебнице. Впрочем, я не слишком верю ни в то ни в другое — это слишком реально. Нет, Клайд, по-моему, я сумел полностью проскользнуть в этот мир. В том мире они сейчас, пожалуй, разыскивают исчезнувшего писателя... даже не подозревая, что он исчез

в системе запоминающих устройств собственного компьютера. Говоря по правде, это мало меня интересует.

— А я? Что будет со мной?

— Клайд, — сказал он, — это тоже ничуть меня не интересует.

Он снова склонился над своей машинкой.

— Прекрати! — резко воскликнул я.

Он поднял голову.

— Я... — Мой голос дрожал. Я попытался справиться с дрожью и понял, что это выше моих сил. — Мистер, я боюсь. Пожалуйста, оставьте меня в покое. Я знаю, что это больше снаружи не мой мир — черт побери, да и здесь уже не мой, — но это единственный мир, который стал мне почти знакомым. Отдайте мне то, что осталось от него. Ну пожалуйста.

— Слишком поздно, Клайд. — И снова я услышал это безжалостное снисхождение в его голосе. — Закрой глаза. Я постараюсь управиться как можно быстрее.

Я попытался броситься на него, собрав все оставшиеся силы. И понял, что не могу даже шевельнуться. Что касается того, чтобы закрыть глаза, то я обнаружил, что этого даже не требуется. День померк, свет исчез, и офис сделался темным, как полночь в угольном мешке.

Я скорее почувствовал, чем увидел, как он наклонился через стол ко мне, попытался отодвинуться назад и понял, что не могу сделать даже этого. Что-то сухое и шуршащее коснулось моей руки, и я вскрикнул.

— Успокойся, Клайд, — услышал я его голос, доносящийся из темноты. Голос исходил не из того места, где он сидел передо мной, а как бы отовсюду. Разумеется, подумал я. В конце концов, я частица его воображения. — Это всего лишь чек...

— Чек..?

— Да. На пять тысяч долларов. Ты продал мне свое агентство. Маляры соскребут твоё имя с двери и, прежде чем закончить работу сегодня вечером, напишут мое. — Его голос звучал мечтательно. — Самьюэл Д. Ландри, частный детектив. Здорово звучит, а?

Я попытался умолять его и понял, что не могу. Даже голос изменил мне.

— Приготовься, — сказал он. — Я не знаю точно, как это произойдет, Клайд, но это вот-вот наступит. Не думаю, чтобы ты почувствовал боль. — Но мне вообще-то наплевать, если и почувствуешь, — этого он не сказал.

Из темноты донесся слабый жужжащий звук. Я ощутил, как кресло тает подо мной, и внезапно понял, что падаю. Голос Ландри опускался вместе со мной, декламируя на фоне щелчков и потрескиваний этой сказочной стенографической машинки, явившей из будущего два последних предложения романа под названием «Последнее расследование Амни».

«И тогда я уехал из города, а вот куда я приехал... знаете, мистер, мне кажется, это мое дело. Как вы считаете?»

Подо мной сиял яркий зеленый свет. Я падал к нему. Скоро он поглотит меня, и я испытывал только одно чувство — облегчение.

— КОНЕЦ, — прогремел голос Ландри, и затем я упал в зеленый свет. Он сиял через меня, во мне, и Клайда Амни не стало.

Прощай, частный детектив.

VII

Противоположная сторона света

Все это произошло шесть месяцев назад.

Я пришел в себя на полу мрачной комнаты. В ушах у меня гудело. Я поднялся на колени, покрутил головой, чтобы вернуть ясность мысли, и посмотрел вверх, в яркое зеленое сияние, через которое упал подобно Алисе в Зазеркалье. Я увидел машину Бака Роджерса, которая была большим братом той, которую Ландри принес в мой офис. На ней светились зеленые буквы, и я встал во весь рост, чтобы, рассеянно водя ногтями по рукам, прочитать текст:

И тогда я уехал из города, а вот куда я приехал... знаете, мистер, мне кажется, это мое дело. Как вы считаете?

И под текстом заглавными буквами в центре еще одно слово:

КОНЕЦ

Я прочитал его снова, на этот раз проводя пальцами по животу. Я поступал так, потому что с моей кожей что-то случилось, что-то не слишком болезненное, но изрядно меня беспокоящее. Как только вопрос возник у меня в голове, я понял, что эта непонятная чесотка свирепствует повсюду — на задней части шеи, на бедрах, в промежности.

Лишай, внезапно подумал я. Мне передался опоясывающий лишай Ландри. У меня явно чесотка, и я не узнал симптомы в первое мгновение лишь потому что...

— ...потому что у меня никогда ничего не чесалось, — произнес я, и тут же все встало на место. Все встало на место так неожиданно и резко, что я закачался, стоя на ногах. Я медленно прошел через комнату к зеркалу, стараясь не чесать свою странно подвижную кожу, зная, что увижу свое постаревшее лицо, покрытое морщинами, которые изрыли его подобно оврагам, и украшенное на макушке копной тусклых седых волос.

Теперь я знал, что происходит, когда писатели каким-то образом забирают жизни действующих лиц, созданных ими. В общем-то это нельзя назвать воровством.

Скорее это подмена.

Я стоял, уставившись в лицо Ландри — мое лицо, только постаревшее на пятнадцать тяжелых лет, — и почувствовал, как у меня горит и чешется кожа. Разве он не говорил, что последнее время лишаи у него стал проходить? Если это опоясывающий лишай и на пути к исцелению, как же он вынес его в самом разгаре болезни, не сойдя с ума?

Я находился, разумеется, в доме Ландри — теперь это был мой дом — и стоял в ванной комнате рядом с кабинетом. Я нашел лекарство, которым он пользовался для облегчения страданий. Свою первую дозу я принял меньше чем через час после того, как пришёл в себя, лежа на полу под его письменным столом, на котором жужжала машина, и мне казалось, будто я проглотил его жизнь вместо лекарства.

Будто я проглотил всю его жизнь.

В настоящее время лишай остался в прошлом и сделался всего лишь воспоминанием. Может быть, завершился цикл болезни, но мне более приятно думать, что тут свою лепту внес непобедимый дух Клайда Амни — того самого Клайда, который не болел ни дня в своей жизни, и хотя у меня постоянно заложен нос в этом потрепанном теле Самьюэла Ландри, я не собираюсь сдаваться... К тому же разве вредно прибегнуть к помощи положительного мышления, оптимизма, вложенных в меня от природы? Мне кажется, правильным ответом на этот вопрос будет: никогда.

Правда, некоторые дни были особенно тяжелыми, причем первый наступил меньше чем через двадцать четыре часа после того, как я появился в этом невероятном 1994 году. Я заглянул в холодильник Ландри в поисках съестного (я осушил его эль «Черная лошадь» предыдущей ночью и пришел к выводу, что мое похмелье не ухудшится, если я что-нибудь съем), и тут внезапная боль пронзила мой желудок. Мне показалось, что я умираю. Боль стала еще острее, и я понял, что умираю на самом деле. Я упал на пол кухни, стараясь не кричать. Через несколько мгновений что-то случилось и боль ослабла.

Почти всю свою жизнь я пользуюсь выражением «а мне на это наплевать». Начиная с этого утра все изменилось. Я помылся, затем поднялся по лестнице в спальню, зная, что найду там мокрые простыни на постели Ландри.

Свою первую неделю в его мире я потратил главным образом на то, чтобы научиться пользоваться туалетом. В моем мире, разумеется, никто не ходил в туалет, как и не бывал у зубного врача, и мое первое посещение дантиста, телефон которого я нашел в домашнем телефонном справочнике Ландри, оказалось таким, что я не хочу даже думать о нем, не то что обсуждать с кем-то.

Однако среди всех этих шипов время от времени я обнаруживал розу. Начать с того, что мне не понадобилось искать работу в этом запутанном, стремительно живущем мире Ландри; судя по всему, его книги покупали очень хорошо, и я безо всяких проблем получал наличные по чекам, поступавшим по почте. Наши подписи, конечно, не отличались одна от другой. Что касается моральных соображений, связанных с получением денег по этим чекам, — не заставляйте меня смеяться. Эти чеки выписаны за книги обо мне. Ландри всего лишь написал их, а я в них жил. Черт побери, да я заслуживаю пятьдесят косых в год только за то, что рискнул оказаться в пределах досягаемости острых ногтей Мейвис Уэлд, грозящих расцарапать мне лицо.

Я боялся, что у меня возникнут проблемы с так называемыми друзьями Ландри, но потом искушенный

частный детектив во мне понял: зачем парню, у которого есть настоящие друзья, исчезать в мире, созданном на сцене его воображения? Незачем. Друзьями Ландри были жена и сын, а они умерли. Есть знакомые и соседи, но они, судя по всему, приняли меня за него. Женщина, живущая на противоположной стороне улицы, время от времени озадаченно поглядывает на меня, и ее маленькая дочка плачет, когда я подхожу близко, хотя я нередко оставался с ней по вечерам (по крайней мере по утверждению женщины, а зачем ей врать?). Впрочем, все это не так уж важно.

Я даже разговаривал с агентом Ландри, парнем из Нью-Йорка по имени Веррилл. Он интересовался, когда я примусь за новую книгу.

Скоро, ответил я. Скоро.

Вообще-то я главным образом остаюсь дома. У меня нет никакого желания познакомиться с миром, в который поместил меня Ландри, когда вытеснил из моего собственного; я вижу достаточно во время моих еженедельных поездок в банк и магазин, где покупаю продукты, и я выключил этот ужасный телевизор меньше чем через два часа, после того как научился им пользоваться. Меня ничуть не удивило, что Ландри захотел покинуть этот стонущий мир, перегруженный болезнями и бессмысленным насилием, — мир, в котором обнаженные женщины танцуют в витринах ночных клубов и ночь, проведенная с ними, может убить тебя.

Нет, я коротаю время главным образом дома. Я перечитал все его романы, и это казалось мне перелистыванием страниц хорошо знакомого семейного альбома. И, разумеется, я научился пользоваться его компьютером. Он ничем не напоминает телевизор; экран на нем такой же, но, работая на нем, вы можете получить на экране любые картинки, потому что все они исходят из твоего воображения.

Мне понравилась эта машина.

Кроме того, я готовился: писал на экране предложения и стирал их, подобно тому как прикидываешь слова в

кроссворде. А этим утром я написал несколько фраз, которые показались мне хорошими... или почти хорошими. Хотите услышать? Ну что ж, вот они:

Когда я взглянул в сторону двери, я увидел там очень расстроенного полного раскаяния Пиорию Смита.

— Я обошелся с вами очень грубо, мистер Амни, прошлый раз, когда мы встретились, — сказал он. — Я пришел извиниться.

Я пробыл в этом мире больше шести месяцев, но Пиория Смит ничуть не изменился, казался таким же, как и раньше.

— Ты все еще носишь очки, — сказал я.

— Да, попробовали сделать операцию, но она оказалась неудачной. — Он вздохнул, затем усмехнулся и пожал плечами. *В этот момент он выглядел Пиорией, которого я знал всю жизнь.*

— Какого черта, мистер Амни, быть слепым не так уж плохо.

Этот отрывок нельзя назвать идеальным; я это знаю, конечно. Ведь я работаю детективом, а не писателем. Но я уверен, что можешь добиться чего угодно, если стремишься к этому с упорством и настойчивостью, и когда ты доходишь до самой сути, это ведь тоже напоминает заглядывание в замочные скважины. Размеры и форма дверной скважины, которую представляет собой компьютер, несколько иные, но ты по-прежнему заглядываешь в жизни других людей и после этого докладываешь своему клиенту о том, что ты увидел.

Я учусь всему этому по очень простой причине: мне не хочется оставаться здесь. Вы можете называть это место Лос-Анджелесом 1994 года, если желаете; я называю его адом. Да-да, настоящим адом с этими свежезамороженными ужасными ужинами, которые нужно готовить в ящике, называемом микроволновой печью, кедами, напоминающими с виду ботинки Франкенштейна, музыкой, исполняемой по радио, которая звучит, как карканье ворон, жарящихся заживо в сковородке, и тому подобными вещами...

Я хочу, чтобы мне вернули мою прежнюю жизнь, я хочу вещи, которые существовали в мое время, и мне кажется, что я знаю, как этого добиться.

Ты гнусный вор и подонок, Самми, — можно мне по-прежнему так называть тебя? — и мне тебя жаль... Но жалость имеет свои пределы, потому что главным словом в описании твоего характера является «вор». Мое первоначальное мнение по этому вопросу ничуть не изменилось, понимаешь, — я все еще отказываюсь верить, что способность создавать влечет за собой право красть.

Что ты делаешь в эту минуту, вор? Ужинаешь в ресторане «Французский завтрак», который ты создал в тот раз? Спишь рядом с какой-нибудь потрясающей красоткой с идеальными грудями? Едешь в Малибу, небрежно сидя за рулем? Или просто сидишь в старом конторском кресле, наслаждаясь своей жизнью, в которой нет боли, запаха, дерьма? Чем ты занимаешься?

Я учился писать, вот чем занимался я, и теперь, когда я обнаружил обратный путь в прежний мир, думаю, пора спешить. Я уже почти вижу тебя.

Завтра утром Клайд и Пиория зайдут в «Блонди», кафе, которое снова работает. На этот раз Пиория согласится на приглашение Клайда позавтракать вместе. Это будет шаг номер два.

Да, я почти вижу тебя, Самми, и очень скоро увижу тебя воочию. Но я не думаю, что ты увидишь меня. Не увидишь до тех пор, пока я не выйду из-за двери своего офиса и не обхвачу руками твое горло.

На этот раз никто не вернется домой.

Цикл оборотня

В вонючей темноте амбара он поднял лохматую голову. Его желтые оцепенелые глаза слабо светились. «Я голоден», — прошептал он.

Генри Эллендер
«Волк»

Тридцать дней имеют сентябрь, апрель, июнь и ноябрь, а все остальные, кроме второго, имеют тридцать один. Дождь и снег, веселое солнце и прибывающая луна бывают в каждом из них.

Детская считалка.

ЯНВАРЬ

Где-то там, высоко, светила яркая полная луна, но здесь, в Таркер Миллс, январский буран запорошил все небо снегом. Порывы ветра бушевали на пустынной Центральной авеню, где уже давно не появлялись оранжевые городские снегоочистители.

Эрни Уэстрам, сигнальщик на железной дороге «Голф стейтс энд Вестерн Мэриленд», был застигнут бураном в железнодорожной сигнальной будке в девяти милях от города. Его маленькая дрезина с бензиновым мотором была заблокирована мощными сугробами, а сам Эрни переживал окончание бури, раскладывая пасьянс «Последний лишний» своими выдавшими виды засаленными картами.

Снаружи ветер начал завывать с пронзительным визгом. Уэстрам на какой-то миг приподнял голову, прислушиваясь, но затем снова вернулся к своей игре. Это только ветер, ничего более...

Но ветер не скребется в двери... и не скулит, чтобы его пустили внутрь.

Он встал, высокий, даже долговязый человек в шерстяном свитере и рабочем комбинезоне, с зажатой в углу рта сигаретой «Кэмел», и его лицо, словно с рекламы трудовых будней Новой Англии, было окрашено в оранжевый цвет керосиновой лампой, подвешенной на стене.

Снова слышалось царапанье и поскребывание. «Чья-то собака, — подумал он, — потерялась и просится внутрь. Вот и все...» Но он все же колебался. Это, конечно, будет не очень по-человечески оставлять ее на холоде,

решил он (хотя здесь, в будке, вряд ли намного теплее, поскольку, хотя калорифер на батарейках и действует, можно легко различить пар от дыхания), — и всё же он колебался. Холодный палец страха настойчиво тыкал его в грудь чуть ниже сердца. Это было очень плохое время в Таркер Миллс, и уже не раз встречались дьявольские предзнаменования на этой земле. В жилах Эрни текла валлийская кровь его отца, и ему очень не нравилось теперешнее его ощущение.

Пока он раздумывал, что делать с неведомым визитером, тихое поскуливание превратилось в грозное рычание. Раздался такой треск, словно кто-то необычайно тяжелый толкает дверь... затем отклоняется назад... и снова толкает с разбегу. Дверь содрогалась в раме, а с ее верхушки начали ссыпаться волны снега.

Эрни Уэстрам огляделся вокруг, ища, чем бы укрепить ее засов, но прежде чем он успел подтащить к ней стул, на котором он сидел, рычащее чудовище ударило по двери с такой силой, что расщепило ее сверху донизу.

Он появился через какое-то мгновение, слегка согнувшийся вперед, но стоя на задних лапах, с оскаленной пастью и вздыбленной шерстью, со сверкающими желтыми глазами — самый крупный волк из всех когда-либо виденных Эрни.

А его рычание звучало ужасно и напоминало человеческую речь.

Дверь почти разлетелась с громким треском под этим дьявольским напором. Через какой-то миг чудовище уже доберется до Эрни.

В углу будки среди инструментов стояла у стены кирка. Эрни схватил ее и успел поднять над головой, пока волк пролезал внутрь, не сводя жадных обезумевших глаз с прижавшегося в ужасе к стене человека. Уши волка были прижаты к загривку, а язык высунут из пасти. За чудовищем через проломленную дверь в будку ворвался снежный вихрь.

Волк прыгнул с рычанием, и Эрни Уэстрам размахнулся киркой.

Всего один раз.

Снаружи на снег падало слабое мерцание лампы из разбитой двери. Послышались завывания.

Что-то нечеловеческое пришло в Таркер Миллс, столь же неведомое, как и та полная и яркая луна высоко на ночном небе. Это — оборотень, и не было никакой видимой причины для его появления, как, впрочем, и для появления ракового заболевания, или психопата-убийцы, или все сметающего на своем пути торнадо. Его время настало, он выбрал это место, маленький городок в штате Мэн, где еженедельно раздаются бесплатные церковные ужины из бобов, где маленькие мальчики и девочки все еще носят яблоки своим учителям и где в еженедельной газете благоговейно описываются загородные выезды Клуба почетных граждан. В следующем номере, однако, будут новости намного более мрачные и необычные.

Снаружи снег начал засыпать следы Зверя, и звуки ветра, казалось, были наполнены каким-то мрачным удовольствием. В этих бесчувственных звуках не было ничего божеского или светлого — только черная зима и темный лед.

Цикл оборотня начался.

ФЕВРАЛЬ

«Любовь», — думала Стелла Рэндольф, лежа в своей узкой кровати, а через окно спальни этой девственницы лился холодный голубой свет полной луны в день Святого Валентина.

О, любовь, любовь, любовь должна быть подобна...

В этом году Стелла Рэндольф, которая вела курсы кройки и шитья в Таркер Миллс, получила двадцать карточек-валентинок. Одна была от Пола Ньюмена, другая — от Роберта Редфорда, еще одна — от Джона Траволты... и даже пришла открытка от Эйса Фрели из рок-группы «Кисс». Все послания были выложены на конторке по другую сторону комнаты и ярко освещались лунным холодным отблеском. Она посылала их сама себе, ежегодно, как обычно.

Любовь должна быть похожа на поцелуй над бездной... или на последний поцелуй, действительно последний, как это описывается в любовных романах «Арлекин»...

Любовь должна напоминать розы в сумерках...

Над ней смеялись в Таркер Миллс, да, это так. Мальчишки смеялись и дразнили ее, прошмыгивая за спину (а иногда, если они оказывались в безопасном отдалении на другой стороне улицы и вокруг не было видно констебля Нири, они начинали напевать «Толстая-толстая, два на четыре» сладкими и высокими сопрано), но она знала, что такое любовь и что такое луна. Ее талию не измерить дюймами, и она весит слишком много для женщины, но теперь, в эту ночь мечтаний и грез с луной, струящей таинственный голубой поток через подернутые холодной

дымкой окна, ей казалось, что любовь все еще возможна, любовь и аромат лета, когда придет он...

Любовь должна быть похожа на ощущение от прикосновения мужской щеки, чуточку колючей и царапающей...

И вдруг у окна послышалось какое-то царапанье.

Она поднялась на локте, одеяло сползло с ее пышной груди. Лунный свет был теперь заслонен какой-то темной фигурой — бесформенной, но явно мужской, и она подумала:

«Я сплю... и в моих грезах я позволила ему прийти... в моих мечтах я позволю это сделать и самой себе. Они сделали это слово грязным, но оно — чистое; любовь подобна приходу».

Она встала, уверенная, что это все — ее сон, потому что там, снаружи, *есть* мужчина, мужчина, которого она *знает*, поскольку проходит мимо него по улице почти ежедневно. Это...

(Любовь, любовь идет, любовь пришла).

Но когда ее толстые пальцы коснулись скользящей рамы в оконном переплете, она обнаружила, что это вовсе не мужчина, а какой-то зверь, ужасный всклокоченный волк, опирающийся передними лапами о наружный подоконник, а задними лапами утопающий в сугробах снега, наметанного ветром на западной стороне ее дома, здесь, на окраине городка.

«Но ведь сегодня день Валентина, и должна быть любовь», — подумала она; ее глаза просто обманывают ее даже в грезах и мечтах. Это мужчина, *тот* мужчина, и он столь свирепо красив.

(свирепость, да, любовь должна быть подобна свирепости)

И он пришел этой озаренной луной ночью, и он возьмет ее. Он возьмет...

Она подняла вверх оконную раму, и поток холодного ветра, всколыхнувший ее ночную рубашку голубого цвета, доказал ей, *что это не сон*. Мужчина исчез, и с чувством наподобие обморочного она вдруг осознала, что

его и не было поблизости. Она сделала судорожный шаг назад, и волк легко и плавно прыгнул в ее спальню и отряхнулся, рассыпав снежинки, белые, как сахарная пудра, в темном воздухе комнаты.

Но любовь! Любовь подобна... подобна... подобна зыванию...

Слишком поздно она вспомнила Эрни Уэстрама, растерзанного на части в железнодорожной будке к западу от города всего месяц назад. Слишком поздно...

Волк прыгнул на нее, желтые глаза светились от ледящего вожделения. Стелла Рэндольф медленно пятилась к своей кровати, пока ее ноги не ударились о каркас и она не упала на свое ложе.

Лунный свет окрасил шерсть чудовища в серебряные тона.

На конторке карточки-валентинки чуть покачивались от порывов ветра из раскрытого окна. Одна из них вдруг упала и медленно поползла по полу, делая большую молчаливую фугу под напором воздушного потока.

Волк положил лапы на кровать, по одной с каждой стороны, и Стелла смогла ощутить его дыхание... горячее, но не столь уж и неприятное. Его желтые глаза уставились на нее.

«Любимый», — прошептала она и закрыла глаза.

Он упал на нее.

Любовь подобна смерти.

Последняя настоящая метель в этом году — тяжелый мокрый снег, превращающийся постепенно в дождь с градом по мере наступления сумерек, а затем и ночи, — наполнила весь Таркер Миллс громким треском ломающихся прогнивших сучьев и веток деревьев. «Мать-Природа удаляет свои умершие побеги», — объявил жене за кофе Милт Стурмфуллер, городской библиотекарь. Он был худым человеком с узкой головой и бледно-голубыми глазами и просто терроризировал свою жену, очень милую и тихую женщину, уже двенадцать лет. Всего несколько людей подозревали правду — жена констебля Нири Джона была среди них, — но город мог быть весьма скрытым, и никто, кроме самих супругов, не мог ничего знать наверняка об их семейной жизни. Город хранил свои секреты.

Милту так понравилась его фраза, что он повторил ее: «Да, Мать-Природа удаляет свои умершие побеги». Затем свет вдруг погас, и Донна Ли Стурмфуллер, издав тихое восклицание, полное ужаса, пролила свой кофе.

— Ты очистишь это, — сурово заявил ее муж. — Ты очистишь это прямо... сейчас.

— Да, милый. О'кей.

В темноте она пыталась нащупать кухонное полотенце, которым собиралась вытереть пролитый кофе, и ободрала голень о скамеечку для ног. Она расплакалась. В темноте ее достойный муж от души рассмеялся. Боль жены представлялась ему куда более забавной, чем что-либо, за исключением, может быть, лишь всевозможных шуток

помещаемых в журнале «Ридерс Дайджест». Тамашные шуточки — из серии «Юмор в униформе», «Жизнь в этих Соединенных Штатах» — действительно щекотали его внутренности.

Этой кошмарной ночью мать-природа оборвала не только мертвые побеги на деревьях, но и несколько силовых линий, протянутых через Таркер Брук: налипавший на провода мокрый снег все тяжелел и тяжелел, пока металл наконец не выдержал, и провода не разорвались и не упали наземь, словно змеиное гнездо, медленно поворачиваясь и испуская голубое пламя.

Все в Таркер Миллс погрузилось во мрак.

И словно наконец удовлетворившись содеянным, буря стала ослабевать, и незадолго до полуночи температура упала с тридцати трех по Фаренгейту до шестнадцати. Талый снег заledenел, образовав таинственные скульптуры. Сенокосное поле старика Хата — известное среди местных просто как «сорокаакровое поле» — приобрело вид растрескавшейся глазури. Дома оставались темными, печи для обогрева были выключены и холодны. Ни один электромонтер еще не смог добраться до места аварии по дорогам, превратившимся в ледяные катки.

Тучи слегка расступились. В просветах показалась полная луна. Лед, покрывавший Мейн-стрит, сверкал словно кости скелета.

В ночи Нечто начало выть и стонать.

Позже никто не смог сказать, откуда раздавались эти звуки: они были всюду и нигде, пока луна окрашивала своим холодным голубым светом темные дома в городке; всюду и нигде, пока мартовский ветер начал крепчать и стонать словно мертвый викинг, дующий изо всех сил в свой горн, — и этот звук разносился ветром, одинокий и беспощадный.

Донна Ли услышала его, когда ее мерзкий муж мирно почивал и смотрел свои сны бок о бок с ней; констебль Нири услышал его, когда он стоял у окна спальни в своем доме на Лаурел-стрит; Олли Паркер, толстый и бестолковый директор средней школы, тоже услышал его в спаль-

не, да и другие жители тоже. Одним из них был и мальчик в инвалидной коляске.

Но никто не увидел это существо. И никто не знал имени того бродяги, которого нашел следующим утром электрик, когда ему удалось наконец добраться до Таркер Брук, чтобы починить оборванные кабели. Бродяга был занесен снегом, голова закинута назад в немом крике, старое пальто и рубашка на нем были разодраны в клочки. Бродяга сидел в замерзшей луже собственной крови, глядя на свисающие провода; его окоченевшие руки со льдинками между пальцев все еще были подняты вверх для защиты от какого-то нападения.

И все вокруг него было покрыто следами лап.

Волчьих лап.

АПРЕЛЬ

К середине месяца последние снегопады сменились дождями, и в Таркер Миллс пришло ежегодное чудо: он начал зеленеть. Лед в запруде для коров на ферме Мэтти Теллингхэма уже сошел, а клочки снега на дороге в лесу, называемом Большим лесом, начали стремительно ужиматься. Казалось, что один и тот же старинный и чудесный фокус снова демонстрируется перед всегда благодарными зрителями матушкой-природой. Весна уже стояла на самом пороге.

Жители городка готовились отпраздновать это событие, несмотря на ту мрачную тень, которая навалилась на них неведь откуда. Грамма Хаг пекла пироги и выставляла их на кухонный подоконник, чтобы охладить. В воскресенье в баптистской церкви преподобный Лестер Лоу прочитал фрагменты из «Песни песен» Соломона и свою проповедь, озаглавленную «Весна любви Господа нашего». В более земной и низменной сфере Крис Райтсон, самый горький пьяница в Таркер Миллс, завершил свою Великую весеннюю попытку и отправился на прогулку, описывая непредсказуемые зигзаги под серебристым и таинственным светом почти уже полной апрельской луны. Билли Робертсон, буфетчик и хозяин пивной, единственной во всем городке, проводил своего клиента долгим взглядом и пробормотал буфетчице:

— Если этот треклятый волк и схватит кого-нибудь этой ночью, то я полагаю, им будет Крис.

— Не говори об этом, — отвечала буфетчица, содрогнувшись от услышанного. Ее звали Элиз Фурнье, ей было

двадцать четыре, она ходила в баптистскую церковь Благодарения и пела там в хоре, потому что пылко обожала преподобного Лоу. Но она собиралась уехать из Миллс к лету: сколь бы пылкой ни была ее любовь, волчье присутствие начало слишком сильно угнетать ее психику. Ей уже давно пришло в голову, что чаевые в Портсмуте могут быть и получше здешних... а единственные тамошние волки носят матросскую форму.

Ночи в Таркер Миллс, когда наступает полнолуние, уже в третий раз за этот год, не самое приятное время... днем намного спокойнее. Как и обычно, в эти дни каждый полдень небо над городком заполнялось целой стаей планирующих игрушечных коршунов.

Брэди Кинсейд, одиннадцати лет от роду, заполучил на свой день рождения такую же хищную птичку. Игрушка доставила ему немало радостных ощущений, то взмывая вверх в голубое небо над летней эстрадой для оркестра, то, послушная его руке, резко ныряя вниз. Он позабыл о домашнем ужине, не заметив, что все прочие любители запускать коршунов уже покинули луг, бережно неся своих складных алюминиевых любимцев в ящиках под мышкой.

Лишь угасающие лучи солнца и набегающие темно-синие тучи наконец напомнили мальчику, что он находится здесь слишком долго — слишком, потому что уже и луна поднялась над лесом у самого края парка. Впервые за этот год луна была теплой, и она светила не мертвенно-белым, а оранжевым светом, но Брэди не замечал этого, поскольку все его мысли были о том, что он здесь загулялся, а потому отец может и выпороть его... да и темнота все наступала и наступала.

В школе он не раз смеялся над рассказами своих одноклассников об ужасном волке-оборотне, растерзавшем бродягу в прошлом месяце, а еще раньше — Стеллу Рэндольф и Эрни Уэстрада. Чем больше апрельская луна превращалась в кроваво-рыжую раскаленную печь на небе, тем более правдоподобными выглядели и все эти рассказы.

Брэди начал как можно быстрее наматывать бечевку на катушку, вытягивая на себя парящего в темном небе игрушечного коршуна. Он сделал это слишком резко, да и ветер вдруг стих, и в результате коршун шлепнулся где-то позади эстрады на землю.

Мальчик кинулся к нему, выбирая по ходу бечевку и время от времени пугливо озираясь через плечо... как вдруг веревка начала натягиваться и дергаться в его руках. Это ощущение напомнило Брэди поведение той большой рыбы, которая попалась ему на крючок, когда он удил повыше Миллс, в Таркер Стрим. Он пытался приглядеться, насупившись, к непонятной помехе, и веревка снова дала слабину.

Вдруг апрельская ночь огласилась мрачным рычанием и криками Брэди Кинсейда. Он верил *теперь*, да, *теперь* он верил во все рассказанное об оборотне, но было уже слишком поздно, и его крики о помощи были заглушены этим ужасным рычанием, которое вдруг перешло в визгливые стоны.

Волк бежал к мальчику, бежал на двух задних лапах, его вздыбленная шерсть казалась оранжевой под светом лунных лучей, глаза мерцали, как зеленоватые лампочки, а в одной из передних лап — лапе с человеческими пальцами, но звериными когтями, — он держал коршуна Брэди. Это было безумное зрелище.

Брэди повернулся и попытался бежать, но лапы уже обхватили мальчика, который смог еще ощутить запах чего-то похожего на смесь крови с корицей. На следующий день растерзанное и безголовое тело мальчика было найдено около Военного мемориала, причем окоченевшая рука все еще сжимала бечевку с игрушечным коршуном.

Змей трепетал, словно пытался снова взлететь в небо, и члены поисковой группы в ужасе отвернулись от этого зрелища. Подергиваясь под дуновениями ветерка, уже набравшего весеннюю силу, он стремился вверх, словно знал, что сегодня будет хороший день для полетов.

МАЙ

Ночью, накануне воскресного праздника Возвращения домой в баптистской церкви Благодарения, преподобному Лестеру Лоу приснился кошмарный сон, от которого он очнулся в поту весь дрожа, в ужасе глядя на узкие окна своего пасторского дома. Через них он мог видеть свою церковь на другой стороне улицы. Лунный свет падал на пол спальни через оконные стекла серебристыми лучиками, и пастору на какой-то миг показалось, что сейчас он должен увидеть того самого волка-оборотня, о котором все время шептались все старые чудаки-прихожане. Затем он прикрыл глаза, начав молиться о прощении своего суеверного страха и закончив свое воззвание словами «Во имя Господа, аминь», — теми самыми, которым обучала его еще мать кончать все свои молитвы.

Ах, но этот сон...

В этом кошмаре ему приснился завтрашний день, когда он будет произносить свою проповедь по случаю праздника. Церковь всегда полна прихожанами в такие воскресенья (которые только самые старые ретрограды по-прежнему именуют «Воскресеньями Старого дома»), и в отличие от большинства воскресных дней, в церкви вообще не будет свободных мест.

В своем сне он читал проповедь с тем жаром и с той силой, которые редко бывали у него в реальной жизни (он говорил слишком монотонно и заунывно, что, возможно, и было одной из главных причин, по которой посещаемость баптистской церкви столь резко сократилась за последнее десятилетие). В это утро его язык, казалось,

был пропитан огнем пятидесятницы, и пастор сознавал, что он ныне произносит величайшую из всех своих проповедей, а темой ее была: «Зверь ходит между нами». Снова и снова он подчеркивал этот тезис, будучи уверен, что его голос звучит необычайно внушительно и убедительно, а его слова ложатся почти в идеальном поэтическом размере и ритме.

Зверь, говорил он слушателям, есть повсюду. Великий сатана, продолжал пастор, может оказаться где угодно и когда угодно. На танцах в школе. Покупая блок сигарет «Мальборо» или бутановый светильник у торгового центра. Стоя у аптеки и закусывая пачкой шоколада «Слим джим» в ожидании посадки на рейс 4.40 автобуса дальнего следования из Бангора. Зверь может сидеть рядом с вами на концерте или лакомиться куском пирога в закусочной на Мейн-стрит. Дьявол, говорил он прихожанам голосом, переходящим в драматический шепот, может быть невиден и неслышен. Он держит людей в рабстве. Следите за Зверем, ибо он может улыбаться и уверять вас, что он ваш друг и сосед, но, возлюбленные братья, зубы его острые. Вы можете распознать его по необычному выражению глаз, ибо он есть Зверь, и он здесь, в Таркер Миллс. Он...

Но здесь пастор прервался, стройная проповедь его нарушалась чем-то ужасным, происходящим прямо здесь в залитой солнцем церкви. Его паства вдруг стала меняться на глазах, и он с ужасом осознал, что люди превращаются в оборотней, все прихожане, все добрые три сотни посетителей церкви: Виктор Боул, церковный старшина, обычно столь белокожий и полный... его кожа вдруг превратилась в бурую и заросшую жесткой щетиной; Вайолет Маккензи, которая преподает игру на фортепьяно... ее узкое тело старой девы вдруг раздвинулось вширь, а тонкий нос сделался расплюснутым и вывернутым наружу! Толстый учитель естествознания, Элберт Фримен, казалось, стал еще вдвое толще, его костюм небесно-голубого цвета растрескался по швам, а клочья шерсти на голове торчали дыбом, словно пружины из продавленного

дивана, — его толстые губы раздвинулись в оскале, чтобы приоткрыть зубы размером с клавиши пианино.

Зверь, пытался произнести преподобный Лоу в своем кошмарном сне, но язык не повиновался ему, и он пошатнулся на кафедре от ужаса, когда Кол Блодвин, архидьякон, рыча обрушил в центральном нефе серебряный поднос с деньгами, злобно поводя головой из стороны в сторону. Вайолет Маккензи прыгнула на него, и они покатались по полу, рыча, грызясь и издавая звуки, почти похожие на человеческие слова.

Все прочие присоединились к этим завываниям, и в церкви поднялся шум, напоминающий рев зверей в зоопарке при приближении кормежки, и в это самое время преподобному пастору Лоу удалось воскликнуть наконец в религиозном экстазе: *«Зверь! Зверь есть повсюду! Всюду! Везде...»* Но его голос уже не был его голосом, он вдруг стал переходить в нечленораздельное рычание, и когда он посмотрел вниз, то в ужасе заметил, что имеет уже не руки, простирающиеся из прорезей его черного плаща, а заросшие шерстью волчьи лапы.

И затем он очнулся.

«Только сон, — думал пастор, ложась обратно в постель. — Только сон, слава Господу».

Но когда он открыл двери в церковь утром этого праздничного дня, после той кошмарной ночи полнолуния, он увидел что-то очень напоминающее кошмарный сон, но, к сожалению, вполне реальное. Это было распотрошенное тело Клайда Корлисса, который годами убирал мусор на церковной территории. Лицом Корлисс уткнулся в кафедру, а его щетка была прислонена рядом.

Ничего из увиденного ему не снилось, — преподобный Лоу мог лишь мечтать об этом. Он открыл рот, сделал глубокий прерывистый вдох и начал кричать.

Весна вернулась в город — и в этом году вместе с ней пришел и *Зверь*.

ИЮНЬ

В самую короткую ночь в году Элфи Нопфлер, который управлял «Чет-н-чью», единственным приличным кафе в Таркер Миллс, полировал свою длинную стойку до ослепительного блеска. Рукава его белой сорочки были подвернуты и обнажали его мускулистые татуированные предплечья. Кафе в это время было абсолютно пустым, и когда Элфи закончил наведение порядка на стойке из пластика «Формика», он чуточку передохнул и выглянул на улицу, подумав, что именно в такую ночь он потерял свою невинность с девушкой, которую тогда звали Эрлен Маккьюн, а теперь зовут Эрлен Бесси, поскольку она замужем за одним из самых молодых преуспевающих адвокатов Бангора. Боже, как здорово она тогда двигалась на заднем сиденье его автомобиля, и как сладко пахла тогдашняя ночь!

Дверь в летнюю ночь оставалась открытой, и через ее проем проходил яркий пучок лунного света. Он вдруг осознал, почему кафе сегодня пустеет. Все думали, что чудовищный оборотень появляется в городке при полнолунии, но Элфи не очень-то пугался или беспокоился по этому поводу. Не пугался, потому что весил двести двадцать фунтов и большая часть из них приходится на его все еще добрые морские мускулы, а не беспокоился, потому что знал, что его постоянные клиенты будут уже ранним утром тут как тут за своей яичницей, поджаренным хлебом и кофе. «Может быть, я закроюсь сегодня чуточку раньше, выключу кофеварку, захвачу шестибаночную упаковку пива в «Маркет Баскет» и заеду на второй фильм в летнем

зале на открытой киноплощадке. Июнь, полнолуние — хорошее время для киносеансов с пивом на открытом воздухе. Хорошая ночь, чтобы вспомнить прошлые подвиги».

Он обернулся к кофеварке, когда дверь открылась. Элфи повернулся к посетителю.

— Привет! Как поживаешь? — спросил он, потому что посетитель был его постоянным клиентом... Хотя Элфи редко видал его у себя позже десяти часов утра.

Пришедший ответил на приветствие, и они перекинулись несколькими дружескими словами.

— Кофе? — спросил Элфи, пока посетитель устраивался на одной из красных табуреток у стойки.

— Да, пожалуйста.

«Да, как раз успею к началу второго сеанса», — подумал Элфи, оборачиваясь к кофеварке. Он не думал, что ему придется долго возиться с этим клиентом. Так что останется еще уйма времени на кино...

Внезапный шок спутал его мысли. Элфи изумленно уставился в одну точку. Его кофеварка блестела как и все вокруг в его кафе, и ее металлическая поверхность отражала предметы как хорошее зеркало. И на ее выгнутой поверхности он вдруг увидел нечто, во что нельзя было поверить, поскольку это было просто сверхъестественно. Его клиент, тот самый человек, которого Элфи видал у себя ежедневно, тот, кого *каждый* житель в Таркер Миллс встречал ежедневно, стремительно менял свое обличье. Лицо человека все более увеличивалось в длину и ширину, утолщалось и прорастало шерстью. Хлопчатобумажная сорочка трещала, расплзалась по швам... и вдруг разорвалась на части. Элфи Нопфлер, как ни странно, успел подумать, что все это напоминает ему то самое телешоу, которое столь любит его маленький племянник Рей — «Невероятный Халк».

Приятное, но ничем не бросающееся в глаза лицо клиента становилось все более зверским и ужасающим. Его мягкие карие глаза начали светиться, постепенно приобретая устрашающий желто-зеленый оттенок. Клиент

начал рычать... но это рычание было прерывистым, словно выдавалось порциями, однако ярость и свирепость явно нарастали в этих звуках.

Оно — это существо, Зверь, оборотень или нечто иное — вдруг впрыгнуло на стойку и опрокинуло шейкер для сахара. Оно схватило толстый стеклянный цилиндр, рассыпало сахар и разбило этот сосуд об стену, у которой были сложены всякие специи, все еще рыча от ярости.

Элфи резко обернулся и задел бедром кофеварку. Она свалилась с подставки и разлила горячий кофе, обжигая его лодыжки. Элфи вскрикнул от боли и страха. Да, теперь он боялся, позабыв о своих двухстах двадцати фунтах добрых морских мускулов, и о своем племяннике Рее, и о своем ночном randevу с Эрлен Маккьюн на заднем сидении автомобиля, — всех их вытеснил этот Зверь, который теперь был словно оживший монстр из фильмов ужасов на открытой киноплощадке, монстр, который сошел к нему прямо с экрана.

Он взгромоздился на стойку с поразительной силой и ловкостью, вместо брюк на нем остались лохмотья, да и рубашка была разделена на какие-то тряпки. Элфи даже услышал звон ключей и мелочи в одном из ее карманов.

Монстр прыгнул на Элфи, и тот попытался уклониться от нападения, но зацепился за кофеварку и распластался на красном линолеуме. Послышалось еще одно грозное рычание, горячее дыхание из желтой раскрытой пасти обдало Элфи, а затем буфетчик ощутил резкую боль, когда тварь вцепилась в его дельтовидные мышцы на спине, вгрызаясь в них все выше и выше с ужасающей силой. Кровь полилась на пол, обрызгивая стойку и гриль.

Элфи, шатаясь, встал на ноги с огромной дырой в спине; он пытался кричать, и свет летнего полнолуния озарял все происходящее через окна, ослепляя его.

Зверь снова прыгнул на Элфи.

Лунный свет был последним, что увидел Элфи в своей жизни.

ИЮЛЬ

Они отменили празднование 4 июля.

Марти Каслоу показалось, что его родные выразили слишком мало сочувствия, когда он сделал это объявление. Может быть они просто не понимали, какую боль это доставляет ему.

— Не будь дураком, — грубовато сказала ему мать — а она частенько вела себя с ним именно грубо. И когда ей самой себе хотелось объяснить причины такой резкости, она внушала себе, что ей не следует портить и баловать малого только потому, что он инвалид и, видимо, проведет всю жизнь в коляске на колесах.

— Дождись следующего года! — заявил отец, шлепнув его по спине. — Будет вдвое лучше! Всего будет вдвое больше и лучше! Ты увидишь, малыш! Ей-ей!

Херман Каслоу преподавал физкультуру в средней школе Таркер Миллс и почти всегда разговаривал с сыном тем голосом и в той манере, которая, по мнению Марти, была скопирована с популярного персонажа — счастливого папаши Биг Пола из телесериала. Тот тоже все время использовал это же дурацкое восклицание. По правде, Марти просто заставлял своего отца немного нервничать. Херман Каслоу жил в мире необычайно активных и жизнерадостных детей, которые соревновались в забегах, лупили по мячу бейсбольными битами и рассекали водную гладь в спринтерских заплывах. И среди всего этого мира здоровья, которым он командовал, отец Марти мог иногда, чисто машинально взглянув куда-нибудь вбок, вдруг увидеть своего сына, сидящего в инвалидной коляске и

внимательно наблюдающего за всем происходящим. Это заставляло Хермана нервничать, и, волнуясь, он начинал разговаривать в стиле Биг Пола, повторяя свое «ей-ей!» и называя Марти «мальчиком».

— Ха-ха, значит, наконец-то ты не получишь чего-то, что тебе хочется! — сказала его старшая сестра, когда он попытался объяснить ей, как он ждал этой ночи, как он ждал ее каждый год, когда море огней салюта разливается по всему небу над городом, а в промежутках между залпами из начищенных орудий слышатся громкие команды артиллеристов, которые разместились среди пологих холмов, окружавших городок. Кейт было тринадцать лет, а Марти — десять, и она искренне верила, что все любят Марти только потому, что он не может ходить. Ей понравилось, что салют был отменен.

Даже дедушка Каслоу, который обычно выражал наибольшее сочувствие, на этот раз не был особенно огорчен.

— Никто не отменяет это шетвертоюля, мальчик», — произнес он с сильным славянским акцентом. Он восседал на веранде, и Марти подъехал к нему через раздвинутые двери в своей коляске на батарейках, чтобы пожаловаться на случившуюся несправедливость. Дедушка Каслоу разглядывал склон холма около леса со стаканом шнапса в руке. Это было два дня назад, 2 июля. — Они отменили лишь салют. И ты знаешь почему.

Марти знал. Всему виной был убийца. В газетах его теперь называли «Полнолуным убийцей», но Марти слышал много пересудов шепотом среди детей, слонявшихся вокруг школы, пока еще не начались летние каникулы. Большинство ребят говорили, что полнолуный убийца был вовсе не настоящим человеком, а каким-то сверхъестественным существом. Может быть, наоборот. Марти не верил в это — оборотни годились лишь для фильмов ужасов, — но предполагал, что это мог быть какой-то сумасшедший, который испытывал непреодолимую страсть к убийству при полнолунии. Работы над салютом и фейерверком были отменены из-за введения в городе комендантского часа в ночное время.

В январе, когда мальчик сидел в коляске у раздвинутых дверей и выглядывал на веранду, наблюдая, как ветер наметает сугробы снега на заледенелую землю или как ребята везут свои санки к Райтс Хилл, чтобы покататься с горы, сама мысль о фейерверке меняла все грустное настроение Марти. Он мечтал о той теплой летней ночи, когда огненные розы озаряют темный небосклон, когда там вдруг появляются гигантские мерцающие круги и американский флаг из множества светящихся сине-красных огней.

Но теперь они отменили праздничный салют... и неважно, что кто-либо скажет по этому поводу, — Марти все равно знает, что именно *его* Четвертое июля они заставили умереть.

Только дядя Ал, который этим утром приехал в городок, чтобы вместе со всей семьей отведать традиционную лососину со свежим горохом, все понял. После ленча он внимательно выслушал жалобу племянника, стоя на веранде в мокрых плавках (все купались и резвились в новом бассейне по другую сторону дома Каслоу).

Марти договорил и взглянул на дядю с надеждой.

— Ты понимаешь, что я имею в виду? Ты согласен со мной? Это совсем не детский каприз, как говорит Кетти, или смешивание какого-то фейерверка со всей Америкой, как думает дедушка. Это просто несправедливо, когда ты ждешь чего-то очень долго... Это несправедливо, когда какой-то Виктор Боул и еще нескольких членов городского совета приходят и все вдруг отменяют. Нельзя отменять то, что тебе действительно нужно. Ты понимаешь меня?

Дядя Ал долго, мучительно долго обдумывал свой ответ. За это время Марти успел услышать толчок о трамплин для ныряния в бассейне и затем возглас отца: «Хорошо гляделась Кейт! Ей-ей! Гляделась... *действительно хороша!*»

Затем дядя Ал спокойно ответил:

— Конечно, я понимаю. И я достал для тебе, как мне кажется, кое-что полезное. Может быть, ты сам сумеешь отпраздновать свое Четвертое июля.

— Мое Четвертое? Что ты хочешь этим сказать?

— Пойдем-ка к моей машине, Марти. Я привез тебе... ну, да ладно, сейчас я покажу тебе это сам. — И он двинулся по бетонной дорожке, окружавшей дом, прежде чем Марти успел задать свой очередной вопрос.

Коляска Мартина тоже устремила к подъездной дорожке для автомобиля, подальше от звуков из бассейна — шлепков по воде, веселых взвизгиваний и «каззузуум», издаваемого трамплином. Подальше от голоса отца, пародирующего или подражающего Биг Полу. Звук инвалидной коляски был слишком тих и привычен, и Марти почти не замечал его — всю его жизнь этот звук сопровождал его и был своего рода музыкой его передвижений.

Дядя Ал ездил на «Мерседесе» со складывающимся кузовом и очень низкой посадкой. Марти знал, что его родители не одобряли такой выбор («смертельная игрушка за двадцать восемь тысяч долларов» — назвала как-то его мать со своей обычной грубоватой усмешкой это приобретение дяди), но ему очень нравился этот автомобиль. Однажды дядя взял его на прогулку в автомобиле по пригородным дорогам, пересекающим Таркер Миллс, и он выжал на ней семьдесят, и может и восемьдесят миль в час. Дядя не стал объяснять Марти с какой скоростью они движутся. «Если ты не знаешь этого, то и не волнуешься» — сказал он тогда. Но Марти и не волновался. На следующий день он чуть не надорвал свой живот от смеха, вспоминая заботу дядюшки.

На этот раз дядя Ал достал что-то из отделения для перчаток в машине, и пока Марти подъезжал и останавливал свою коляску, он уже протянул и положил вытащенный предмет в целлофане на лишённые силы ноги мальчика.

— Это тебе, детка, — сказал дядя. — Счастливого Четвертого июля в этом году.

Первым, что увидел Марти, были экзотичные китайские иероглифы на упаковке. Затем он увидел ее содержимое, и его сердце, казалось, было готово выпрыгнуть из груди.

Целлофановая упаковка была заполнена фейерверочными хлопушками и ракетами.

— Вот эти, наподобие пирамид, дают цвета радуги, — объяснил дяде Ал.

Марти, захлебнувшись от радости, попытался что-то ответить, но не сумел ничего выговорить.

— Подождешь запалы, когда повернешь их книзу, — и они разбрызгают искорки во все стороны, словно вылетая из пасти дракона. А вот эти трубки с тонкими прутиками наружу — бутылочные ракеты. Поставь их в пустую бутылку из-под кока-колы — и они взлетят в небо. Эти, маленькие, образуют фонтаны огней. Эти две — римские свечи... а это, конечно, набор хлопушек. Но ты их лучше запусти завтра.

Дядя Ал устремил взгляд по направлению к бассейну, откуда раздавались все более громкие и радостные вопли.

— Спасибо! — Марти наконец обрел способность шевелить языком и губами. — Спасибо, милый дядя Ал!

— Только не говори маме, где ты это раздобыл, — попросил дядя. — Ведь кивок столь же хорош, как и подмигивание для слепой лошади, верно?

— Да, верно, верно, — согласился Марти, хотя он и не мог понять, какое отношение могут иметь все эти кивки, подмигивания и слепые лошади к фейерверкам. — Но разве тебе не хочется попробовать запустить их самому, дядя?

— Я могу легко раздобыть еще сколько захочу, — ответил дядя Ал. — Я знаю магазинчик в Брайтоне — он будет их распродавать, пока не стемнеет. — Дядя положил руку на голову племяннику. — Ты отпразднуешь свое Четвертое июля, когда все пойдут спать. Не запускай никаких хлопушек, иначе ты подымешь на ноги весь дом. И, ради Господа, не подорвись сам, не то моя старшая сестрица перестанет со мной разговаривать навсегда.

Потом дядя Ал испустил радостный смех, залез в машину и включил двигатель. Он поднял руку, помахал ею Марти и укатил столь быстро, что племянник только сумел придумать слова благодарности, но не успел ничего

выговорить. Он сидел какое-то время в своей коляске, глядя вслед дяде, готовый почти расплакаться от радости и умиления. Затем убрал пакет фейерверков за пазуху и покатил домой к своей комнате. Он уже мысленно был готов к ночному событию, когда все домашние уснут и он останется один на один со своими сокровищами.

Он оказался первым в постели этим вечером. Мать зашла и поцеловала его на ночь (как всегда грубовато, не глядя на его ноги-жердочки под покрывалом).

— Ты о'кей, Марти?

— Да, ма.

Она остановилась на мгновение, словно собираясь сказать еще что-то, но затем только качнула головой и вышла.

Вошла и его старшая сестра Кейт. Она не поцеловала Марти, только наклонилась к нему очень близко, так, что он смог ощутить запах хлорированной воды из бассейна на ее волосах, и прошептала: — Вот видишь? Ты не всегда будешь получать все, что желаешь, только потому, что ты калека.

— Ты, наверное, удивишься тому, что я раздобыл, — спокойно ответил мальчик, и милая сестрица задержалась в его спальне, смерив Марти подозрительным взглядом, но затем так же удалилась без расспросов.

Последним появился отец, который присел на кровать Марти. Он разговаривал все тем же голосом Биг Пола.

— Все о'кей, парнище? Ты что-то рано сегодня забрался в кровать. *Действительно* рановато.

— Просто немного устал, папа.

— О'кей. — Он машинально коснулся одной из парализованных ног сына, бессознательно передернулся и затем заспешил к выходу.

— Сожалею насчет праздничного салюта и фейерверка, но тебе просто надо дождаться следующего года! Ей-ей! Марти слегка и таинственно улыбнулся.

И вот он уже ждет, когда же все в доме успокоится и отправятся спать. Ждать пришлось долго, даже слишком. Телевизор все не выключали и не выключали в гостиной,

и приглушенный смех зрителей часто перекрывался взвизгиваниями Кетти. Туалет в спальне дедушки действовал, как хороший имитатор грохота водопада. Мать Марти непрерывно болтала с кем-то по телефону, желала счастливого праздника Независимости, говорила «да, это позор, что отменили салют, но она думает, что при данных обстоятельствах это было все же правильно и всякий должен с этим согласиться, как ни грустно такое событие. Да, Марти, конечно был очень разочарован». Однажды, в конце своей беседы по телефону, мать расхохоталась, и когда она смеялась, ее голос не казался сколько-нибудь грубым. Она никогда не смеялась, находясь рядом с Марти.

Снова и снова, пока часы переходили с семи тридцати на восемь, а затем на девять, он запускал руку под подушку, чтобы убедиться еще раз, что целлофановая упаковка по-прежнему на месте. Около половины десятого, когда луна уже поднялась достаточно высоко, чтобы осветить его окно своими голубовато-серебристыми лучами, дом постепенно начал успокаиваться.

Телевизор наконец выключили. Кетти отправилась спать, громко протестуя по поводу такой несправедливости, поскольку все ее друзья летом могут ложиться *поздно*. После ее ухода родители Марти еще посидели чуточку в гостиной, но их разговор был почти неслышен и можно было только уловить какое-то невнятное бормотание. И...

...и может быть, он уснул, потому что, когда он снова в испуге протянул руку под подушку за своим бесценным сокровищем, Марти был уже уверен, что все в доме уснули, да и луна светила намного ярче, отбрасывая четкие тени. Он вытащил свою заветную упаковку и коробку спичек, которую он также заранее припрятал. Он надел пижамную куртку и заправил ее концы в брюки, засунул за пазуху все приготовленное для фейерверка и приготовился выбраться из кровати.

Это было целой сложной операцией для Марти, но не столь уж болезненной, как думают многие люди. Его ноги не чувствовали ничего, поэтому мальчик не мог ощущать

и боли. Он схватился за изголовье кровати, подтащил себя в сидячее положение, а затем положил свои ноги, одну за другой, на край кровати. Он делал это одной рукой, используя другую руку для опоры, держась за поручень, который шел от его постели вокруг всей комнаты. Однажды он попытался передвигать свои ноги сразу обеими руками и тут же опрокинулся головой вперед на пол. Грохот заставил прибежать к нему в спальню всех родных. «Ты глупый клоун!» — прошипела тогда ему на ухо разъяренная Кейт, после того как Марти был водружен в инвалидное кресло, немного потрясенный своей неудачей, но встретивший ее громким смехом, несмотря на шишку над виском и рассеченную губу. «Ты хотел убить себя? да?» — И она выбежала из комнаты в слезах.

Усевшись на краю постели, Марти еще раз засунул руку за пазуху, чтобы удостовериться, что все на месте и в полном порядке. Затем он стал подтягиваться по поручню, добираясь до своей коляски. Его бесполезные ноги, весившие слишком много, беспомощно волочились за мальчиком. Лунный свет был достаточно ярок и отбрасывал тень Марти на пол позади калек.

Коляска была установлена на тормоз, и потому Марти без особых трудностей забрался в нее. Он передохнул немного, успокаивая дыхание и прислушиваясь к тишине дома. *«Не вздумай запускать этой ночью хлопушки»*, — попросил его дядя Ал, и, прислушиваясь к этому полному безмолвию, Марти убедился еще раз, насколько тот был прав. Он отпразднует свое Четвертое июля сам и для себя, и никто об этом и не узнает. По крайней мере до завтра, когда они увидят обгоревшие корпуса фейерверочных ракет у веранды, но тогда будет уже все равно. *«Все цвета радуги, и они разбрызгиваются во все стороны, словно вылетая из пасти дракона»*, — говорил дядя Ал. Но Марти справедливо предполагал, что нет такого закона, который бы запрещал дракону дышать молча.

Он отпустил тормоз коляски и включил батарейку ее мотора. Маленький глазок индикатора, свидетельствующий, что батарейка хорошо заряжена, вспыхнул во мраке.

Марти нашел кнопку «Поворот направо». Кресло повернулось вправо. Ей-ей. Когда Марти доехал до дверей на веранду, он нажал кнопку «Вперед». Коляска двинулась прямо с тихим жужжанием.

Марти раздвинул створки двери, снова нажал кнопку «Вперед» и выкатился с веранды. Он достал и открыл чудесную упаковку фейерверочных ракет и даже чуть подождал, захваченный ощущением таинственной летней ночи — тихим стрекотом сверчков в траве, ленивыми дуновениями ветерка, слегка колышущего листья на деревьях у края леса, почти нестерпимо ярким светом луны.

Он больше не мог и не хотел ждать. Он вытянул змейку, зажег спичку, поднес огонь к запалу и с восторгом наблюдал в полной тишине, как сверкает, переливаясь, зелено-синий огонь, давая яркие вспышки и извиваясь по всему телу летящей в воздухе змейки. *«Четвертое, — думал он, и его глаза радостно сверкали. — Четвертое, счастливое Четвертое июля для меня!»*

Огоньки змейки мерцали все более тускло, постепенно угасая. Марти подпалил запал у одной из треугольных ракет и любовался выбрасываемым ею пламенем ярко-желтого цвета, точь-в-точь как любимая футболка отца для гольфа. Прежде чем погасла первая ракета, мальчик запустил и другую, которая светилась темно-красными огнями, напоминавшими по цвету розы, высаженные вокруг нового бассейна. Чудесные разноцветные искорки расцветили все темное ночное небо, и их медленно и плавно разносил в разные стороны легкий и нежный ветерок.

Затем его дрожащие от возбуждения руки вытащили целую пачку хлопушек, и Марти даже уже открыл ее, но сообразил, что запускать их сейчас будет просто самоубийственно — их прыжки и кульбиты, их шипение и грохот, как очередь из автомата, разбудят не только всех домашних, но и соседей. Начнется паника: пожар, наводнение, тревога, дознание. А в итоге один десятилетний

малый по имени Мартин Каслоу угодит под домашний арест, скорее всего, до самого Рождества.

Поэтому он закинул эти шумные игрушки подальше в пакет, а вытащил оттуда с замиранием сердца самую толстую и длинную ракету — явно мирового класса, если только во всем мире была хотя бы еще одна типа этой, которую он сейчас держал в руках. Она была никак не меньше, чем его сложенный кулак. Он поджег ее запал со смешанным чувством страха и восторга и метнул ее вверх.

Красный свет осветил все вокруг, как яркое пламя... и благодаря этому яркому свету Марти смог четко увидеть кусты на опушке леса, которые начинались пониже веранды. Что-то двигалось в этих кустах по направлению к мальчику. Раздавался и какой-то приглушенный звук, полукашель, полурычание. Зверь появился.

Он постоял несколько секунд внизу у лужайки и, казалось, приняхивался к воздуху... а затем начал взбираться по склону вверх к тому месту, где сидел Марти в своей коляске с расширившимися от страха и удивления глазами и наклонившимся вперед туловищем, поскольку мальчик хотел убедиться в реальности всего им вдруг увиденного. Зверь сильно горбился, но ясно было видно, что он движется на двух задних лапах. Он шел так, как это делает человек, а не животное. Красные отблески пылающей ракеты переливались в его адских ярко-зеленых глазах.

Он шел медленно, его широкие ноздри ритмично двигались вверх и вниз. Они чуяли добычу и почти наверняка чуяли, что выбранная жертва слаба и беззащитна. Марти мог *почувствовать запах* Зверя — его шерсти, его пота, ощутить его дикую свирепость и жестокость. Зверь снова не то хрюкнул, не то взвыл. Его толстая верхняя губа красновато-коричневого цвета поднялась кверху, обнажив страшные зубы-клыки. Шкура Зверя была грязно-серебристо-красная.

Он почти уже добрался до мальчика — его заросшие шерстью руки с когтями, так похожие и непохожие на человеческие, уже протянулись к глотке Марти, когда тот

вспомнил о пачке хлопушек. Почти не сознавая, что он делает, Марти выхватил ее и поджег главный фитиль. Посыпались ракетные искры, которые обожгли нежные волосы на тыльной стороне его руки. Оборотень, на секунду опешив, начал пятиться с вопросительным рычанием, которое, как и его руки, было почти человеческим, а не звериным. Марти швырнул всю зажженную пачку хлопушек прямо в морду убийце.

Они издали оглушительный треск и выбросили сноп искрящегося пламени. Зверь испустил истошный рев боли и ярости. Он отшатнулся назад, терзаемый разрывами горячей пороховой пыли, попавшей прямо на его морду. Марти увидел, как вылетел один из ужасных глаз после громового взрыва у самой морды оборотня сразу четырех хлопушек. Зверь теперь испускал стоны почти в агонии. Он обхватил свою морду с бешеным рычанием и кинулся наутек через луг к лесу одновременно с зажегшимися первыми лампами в доме Каслоу. Запах паленой шерсти оборотня причудливо смешался с криками испуга в доме.

— Что это? — раздался голос матери, звучавший совсем не грубо.

— Кто здесь, черт побери? — голос отца тоже никак не напоминал сейчас Биг Пола.

— Марти? — голос Кейт дрожал, и в нем не было вообще никакой подначки.

— Марти, с тобой ничего не случилось? — дедушка Каслоу проспал все это событие.

Марти откинулся на спинку инвалидного кресла, а большая красная ракета завершала свой долгий жизненный путь на небосклоне. Ее свет теперь напоминал первые и робкие лучи восходящего солнца. Мальчик был в слишком большом шоке, чтобы плакать или кричать, но его шок был не совсем безысходным ужасом, хотя на следующий день родители отвезли его к дяде Джиму и тете Иде в Стоу, штат Вермонт, где он должен был оставаться до конца летних каникул (это была рекомендация полиции, которая предполагала, что Полнолунный убийца может попытаться снова напасть на Марти, чтобы убраться неже-

лательного свидетеля). В Марти бушевало глубоко спрятанное ликование. Оно было сильнее всякого шока. Он посмотрел прямо в ужасную морду Зверя и остался жив. А кроме того, в нем жила простая, чисто мальчишеская радость, которой он ни с кем не будет делиться, даже с дядей Алом, который, наверное, был единственным, кто сумел понять Марти. Он испытывал радость, что все же ему удалось запустить эти хлопушки на свой праздник.

И пока родители беспокоились и гадали, не отразилось ли все происшедшее на психике Марти и не станет ли он в добавление ко всех недугам еще страдать и какими-нибудь комплексами, сам Марти Каслоу пришел к твердому убеждению, что это Четвертое июля было самым лучшим в его жизни.

АВГУСТ

— Конечно, я уверен, что это оборотень, — сказал констебль Нири. Он говорит слишком громко — возможно, случайно, а скорее, специально, — и все другие разговоры в парикмахерской Стэна Пелки тут же утихли. Стояла самая середина августа, самого жаркого из августов, которые помнили старожилы Таркер Миллс за долгие годы. Сегодня ночью как раз наступит полнолуние, которое продлится одни сутки. Поэтому весь городок затаил дыхание в ожидании.

Констебль оглядел аудиторию и затем продолжил свое вещание из среднего кресла заведения Стэна, выговаривая слова еще более весомо, с юридическим и психологическим подтекстом, используя все необъятные ресурсы своего полного среднего образования (Нири был крупным мясистым мужчиной, и своим окончанием школы он был обязан более всего успешным прорывам в нападении местной футбольной команды «Тигров», чем успехам на поприще других наук).

— Есть такие парни, — объяснил Нири слушателям, — которые объединяют в себе как бы двух разных людей. Вроде бы расщепленные личности, если вы меня понимаете. Они и есть то самое, что я называю трахнутыми шизиками.

Нири сделал паузу, чтобы насладиться тем почтительным молчанием и тишиной, которые окружали оратора, а затем продолжил:

— Теперь этот парень... Я думаю, что он как раз из таких. Я не думаю, что он осознает, чем занимается, когда

наступает полнолуние и ему взбредет в голову выходить наружу, чтобы убить кого-нибудь. Он может быть любым из нас — кассиром в банке, бензозаправщиком на одной из станций за городской дорогой, а, может быть, даже одним из здесь присутствующих. В том смысле, что внутри него находится не только человек, но и животное, хотя выглядит такой парень вполне обычно, да, бьюсь об заклад с вами. Но если вы думаете, не предполагаю ли я, что может быть на свете такой парень, у которого шерсть торчит дыбом и который воет на луну... то нет. Это дерьмо оставьте для детей.

— Но как же насчет сына Каслоу, Нири? — спросил Стэн, продолжая тщательные манипуляции с закруглением жира на шее пониже затылка констебля. Его длинные острые ножницы продолжали монотонную песню — *снип... снип... снип*.

— Только доказывает сказанное мною, — заявил Нири с некоторым раздражением. — Это дерьмо только для детей.

По правде говоря, он действительно *ощущал* раздражение от всего произошедшего с Марти Каслоу. Здесь наконец появился первый живой свидетель, видевший убийцу шестерых жителей его родного городка, включая ближайшего приятеля Нири — Элфи Нопфлера. А было ли позволено констеблю поговорить с мальчиком? Нет. Он даже не знает, где находится Марти! Ему приходится иметь дело с показаниями мальчика, присланными полицией штата, да и то ему пришлось кланяться и благодарить их за это благодеяние и вытворять еще черт знает что *ради* этой бумажки. Все потому, что он констебль в маленьком городишке, о котором полиция штата думает, как о несмышленишке, не способном зашнуровать собственные ботинки. А все потому, что он не носит их дурацкую фуражку с изображением серого медведя. А показания?! Их можно только использовать, чтобы вытереть задницу. Согласно мальчишке Кослоу, этот «зверь» стоя достигал около семи футов, был голым и заросшим темной шерстью по всему телу. У него были огромные

зубы и зеленые глаза, и от него воняло, как от кучи дерьма. Он имел лапы, но эти лапы похожи на человеческие руки. Малыш думает, что у того был и хвост. *Хвост*, Господи Боже мой!

— Может быть, — сказал Кенни Франклин со своего места в ряду кресел вдоль стены, — может быть, это была какая-то маскировка, которую этот парень применил, чтобы его не узнали. Вроде маски и тому подобное, вы сами это лучше меня знаете.

— Я не верю этому, — внушительно заявил Нири и покачал головой, чтобы подчеркнуть всю значительность этого заявления. Стэну пришлось быстро отдернуть ножицы, чтобы избежать столкновения одного из лезвий с толстой бычьей шеей Нири. — Нет, сэр! Я не могу поверить в это! Мальчуган наслушался множество всех этих рассказней об оборотнях в школе до летних каникул, — констебль показал, насколько много, — а затем ничего не делал, а лишь сидел в своем инвалидном кресле и только и думал обо всей этой чепухе... задал работенку своему воображению и сознанию. Это все психо-трахология, знаешь ли. Даже если бы это был *ты*, а не преступник, выходящий из зарослей кустарника при свете луны, он бы наверняка решил, что *ты* и есть волк, Кенни.

Кенни рассмеялся не очень естественным образом.

— Нет, — мрачно сказал Нири. — Свидетельство ребенка стоит совсем не так много, как кажется.

В своем раздражении и разочаровании после получения показаний, взятых у Марти Каслоу в доме его тетки и дядюшки в Стоу, констебль Нири совсем пропустил такую информацию: «Четыре хлопушки взорвались прямо у него на лице — я думаю, что это правильнее всего называть лицом, — все четыре сразу, и я считаю, что, наверное, это выбило ему глаз. Левый глаз».

Если бы констебль Нири как-то запечатлел эти строки в своей памяти — а он этого не сделал, — то он бы сейчас хохотал еще более издевательски, потому что в этот жаркий август 1984 года во всем городке был только один человек, носивший повязку на глазу, и было просто

немыслимо считать его, именно *его*, страшным убийцей, терроризировавшим всех жителей. Нири скорее поверил бы, что убийцей является его мать, чем *этот* человек.

— Есть только одна вещь, которая разрешит все вопросы, — сказал констебль Нири, протянув палец по направлению к тем четверем или пяти мужчинам, дожидавшимся своей субботней утренней стрижки в креслах у стенки в парикмахерской, — это хорошее полицейское расследование. И я собираюсь как раз заняться этим делом. Эти задаваки из полиции штата разучатся смеяться, когда я доставлю им этого чертова парня. — Лицо Нири приобрело несвойственное ему мечтательное выражение.

— Это может быть любой, — веско сказал он. — Кассир в банке... бензозаправщик... просто тот парень, с которым ты выпиваешь в баре. Но хорошее расследование все расставит на свои места. Запомните мои слова.

Но хорошее полицейское расследование констебля Нири завершилось уже этой ночью, когда заросшая шерстью, залитая лунным светом лапа просунулась через открытое окно пикапа «Додж», в котором сидел Нири на перекрестке двух пыльных дорог из западного Теркер Миллс. Был слышен негромкий рычащий звук и дикий, ужасающий запах, чем-то напоминавший тот, который вы можете встретить в вольере для львов в зоопарке.

Он повернул голову и уставился в ужасе на устремленный на него один горящий глаз. Он увидел звериную морду, заросшую шерстью, черную и мрачную. А когда зверь оскалился, констебль увидел и ужасные зубы. Чудовище, почти играючи, шлепнуло своей лапой Нири по щеке и рвануло на себя кожу, обнажив зубы и десны констебля с правой стороны его лица. Кровь хлынула рекой. Нири почувствовал, как она стекает ему на плечо, пропитывая его горячей влагой. Он закричал; этот вопль издавал не только его рот, но и щека. Поверх плеча монстра Нири увидал луну, безучастно посылающую вниз белый свет.

Он совсем забыл об обоих своих кольтах 30-го и 45-го калибра, висевших по бокам на поясе. Он совсем забыл и

все свои рассуждения о том, насколько это дело является психо-трахо-логией. Он позабыл и все им сказанное о хорошем полицейском расследовании. Вместо всего этого в его сознание вдруг вклинилась мысль, высказанная Кенни Франклином утром в парикмахерской: *«Может быть, это была какая-то маскировка, которую этот парень применял, чтобы его не узнали. Вроде маски и тому подобное, вы сами это лучше меня знаете».*

И потому, когда оборотень уже почти схватил Нири за горло, констебль уцепился за его морду, захватив обоими ладонями жесткую проволокообразную шерсть, и резко рванул ее на себя в безумной надежде, что сейчас эта ужасная маска будет сорвана и ею окажется какое-то изделие из эластичной резины или пластмассы, — и он наконец увидит таинственного убийцу в настоящем обличье.

Но ничего этого не произошло — ничего, кроме рева боли и ярости, испущенного Зверем. Он схватил Нири за горло когтистой рукой — да, мальчик и здесь был абсолютно прав констебль ясно смог увидеть, что это рука, как ни ужасно она выглядела — и молниеносно разодрал горло своей жертве. Кровь брызнула фонтаном на стекла и щиток управления, она стекала и в ранее открытую бутылку пива, которая стояла на полу рядом с констеблем Нири.

Другой лапой, или рукой оборотень вцепился в свежестриженную шевелюру Нири и вытащил тело наполовину из кабины пикапа. Монстр прорычал всего один раз, победоносно, и вонзил свои клыки в шею констебля. Чудовище жадно насыщалось, пока пиво из открытой и опрокинувшейся набок бутылки, булькая, выливалось на пол кабины, пенясь и смешиваясь с кровью на тормозе и педалях.

Слишком много для психологии.

Слишком много для хорошего полицейского расследования.

СЕНТЯБРЬ

По мере того, как шло время и приближалось очередное полнолуние, запуганные жители Таркер Миллс ожидали, когда же наступит перерыв в ужасных злодеяниях таинственного монстра, но этот перерыв так и не наступил. Где-то там, в широком и большом мире, начались игры в бейсбольных лигах и тренировочные показательные матчи готовящихся к сезону футбольных команд. Мудрый предсказатель, старик Хиллард Скотт из Кэнэдиен Роккиз заявил, что 21 сентября в Таркер Миллс выпадет снег толщиной не менее фута. Но в этом месяце на самом деле сохранялась жаркая летняя погода. Температура днем превышала 27 градусов.

Дети, уже три недели посещающие школу и совсем этим не обрадованные, сидели там в сонной одуре, а часы в классе, казалось, перепутали минутные стрелки с часовыми, поскольку никто не мог поверить, что за целую вечность могла пройти всего какая-то несчастная минута, столь незаметная вне стен школы. Мужья с женами затевали бурные ссоры по каким-то пустякам, а на бензозаправочной колонке О'Нила на городской дороге рядом с развилкой какой-то турист стал критиковать местные цены на бензин, и Пакки О'Нил треснул этого негодяя шлангом по лицу. Приезжему, который был из Нью-Джерси, наложили четыре шва на верхнюю губу, и он убрался со зловещими угрозами насчет судебного иска и вызова в уголовный суд.

— Я не знаю, чем он недоволен, — задумчиво объяснял Пакки это событие вечером в пивной. — Я ведь огрел

его вполсилы, вы же это знаете? Если бы я дал ему изо всех сил, его поганный рот был бы навсегда снесен с его гнусной рожи. Понимаете меня, ребята?

— Конечно, — отвечал Билли Робертсон, потому что вид у Пакки был таков, что он может сейчас огреть и *самого* Билли, если тот не согласится с высказанным только что предположением. — Как насчет еще раз по кружке пива, Пак?

— Кто же откажется, — отвечал Пакки.

Милт Стурмфуллер уложил жену в госпиталь из-за яичного пятна на тарелке, которое не было смыто в мойке. Он только глянул на это засохшее свидетельство преступления его жены, когда она попыталась подать злосчастную тарелку к его ленчу, и двинул жене всего один раз, но как следует. Как выражался Пакки О'Нил, Милт ударил жену со всей силой. «Чертова сука, — сказал муж, обращаясь к Донне Ли, которая окровавленная рухнула на пол в кухне. — Моя мать всегда держала посуду чистой, хотя у нее никогда не было мойки-автомата. Что с *тобой* случилось?» Позже Милт объяснял врачам в реанимационной палате госпиталя в Портленде, что Донна Ли упала на спину, споткнувшись на лестнице. Запуганная и забитая за много лет своего несчастного замужества Донна Ли также поддерживала эту версию.

Около семи часов вечера в ночь полнолуния начался ветер — первый прохладный ветер за весь долгий летний сезон. Он принес целую вереницу туч с севера, и долгое время луна словно играла в прятки с этими тучами, то появляясь в просветах между ними, то снова скрываясь и лишь окрашивая их края в серебристо-голубоватые цвета. Затем тучи стали все прибывать и утолщаться, и луна исчезла с неба... но она была там, и в двадцати милях от Таркер Миллс она действовала во всю свою мощь, как и Зверь под ее лучами.

Примерно в два часа ночи из свиного загона на ферме Элмера Циннемана начали раздаваться ужасающие звуки. Ферма находилась у дороги Вест-Стейдт, примерно в двадцати милях от города. Элмер оделся и взял свою

винтовку. Жена, которая почти сохранила всю свою миловидность со дня их далекой свадьбы, когда Элмер обвенчался с ней, шестнадцатилетней, в 1947 году, упрямилась, плакала и пытаясь помешать мужу выйти наружу к неведомой опасности. Но Элмер отодвинул ее в сторону и взял оружие твердой рукой. Его свиньи не просто визжали, они *вопили*. Этот звук напоминал визг юных девиц, столкнувшихся с маньяком на молодежной вечеринке. Он пойдет туда, никто и ничто не помешает ему это сделать, объяснил Элмер своей перепуганной жене... и затем почти уже отодвинул своей загрубелой от постоянных трудов рукой дверную задвижку. В этот момент ночь огласил ликующий вой. Это был волчий вой, но что-то в голосе зверя было слишком человеческим, а потому Элмер передумал открывать дверь в последний момент, позволив Элис Циннеман оттащить себя назад в гостиную. Он обнял ее и усадил на софу, где они сидели бок о бок, подобно перепуганным детям.

Визг свиней начал утихать, а затем и вовсе прекратился. Да, все постепенно стихло. Одна за другой свиньи переставали визжать и умолкали. Их хрюканье и визг сменялись предсмертными хрипами и бульканьем фонтанирующей крови. Зверь завыл снова, его голос был столь же серебристым, как и луна. Элмер подошел к окну и увидел нечто — он не смог бы описать это — удаляющееся со двора в глубокую мрачную темноту.

Затем пошел дождь, который стучал в окна, пока Элмер с Элис сидели на кровати, прижавшись друг к другу, включив в спальне все лампы. Это был холодный дождь, первый по-настоящему осенний ливень, и завтра на листьях деревьев должны были появиться первые желтые полоски и пятна.

Элмер обнаружил в свинарнике именно то, что и ожидал: кровавую бойню. Все девять свиноматок и оба бора были мертвы — расчленены и частично сожраны. Они лежали в грязи, холодный дождь молотил по их тушам, а их мертвые глаза были устремлены в осеннее небо.

Брат Элмера — Пит, вызванный из Минота, стоял позади хозяина фермы. Они долго ничего не говорили друг другу, но наконец Элмер сказал именно то, о чем думал Пит:

— Страховка возместит кое-что из этого. Не все, но что-нибудь. Я думаю, что я смогу еще поправить дела. Уж лучше мои свиньи, чем еще один несчастный человек.

Пит кивнул.

— Уже и так вполне достаточно, — сказал он столь тихим голосом, что дождь почти полностью заглушил его слова.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты сам знаешь. В следующее полнолуние число убитых может составить и сорок человек... и шестьдесят... и сто шестьдесят. Только полные кретины могут по-прежнему болтать всякую чепуху обо всем здесь происходящем и притворяться, что в общем-то здесь нет ничего особенного, когда любому ясно, в чем тут дело. Посмотри-ка сюда ради Господа Бога!

Пит указал вниз. Около растерзанной свиньи на свежей земле были хорошо видны огромные отпечатки ног. Они были похожи на волчьи... но еще более они напоминали человеческие.

— Ты видишь эти следы?

— Да, вижу, — согласился Элмер.

— И ты можешь подумать, глядя на них, что это сделал Волк из сказки о Красной Шапочке?

— Нет. Никак нет.

— Это следы оборотня, — заявил Пит. — Ты это и сам видишь и знаешь. Элис тоже это понимает, да и большинство людей в городе. Черт побери, даже я знаю это, хотя и приехал сюда из соседнего графства. — Он посмотрел на брата, его лицо сделалось твердым и суровым, оно стало походить на портреты пуритан Новой Англии 1650 года. И Пит повторил:

— Уже достаточно. Пора кончать с этим.

Элмер долго обдумывал его слова, пока дождь лил на дождевики обоих братьев, а затем кивнул.

— Я согласен. Но не в следующее полнолуние.

— Ты хочешь дожждаться ноября?

Элмер утвердительно кивнул еще раз.

— Редкая растительность и хорошие следы, если выпадет небольшой снежок.

— А как насчет следующего месяца?

Элмер Циннеман посмотрел еще раз на своих растерзанных свиней за амбаром. Затем взглянул на Пита.

— Люди выглядят получше, — заметил он.

ОКТЯБРЬ

Когда Марти Каслоу вернулся домой после вечерней прогулки в канун Дня Всех Святых с полностью севшими в его коляске батарейками, он отправился прямо в постель, где лежал без сна, пока вышедшая из-за туч луна не показалась среди звезд, сверкающих в темноте, как драгоценные алмазы. Снаружи, у веранды, где жизнь Марти была спасена четырьмя хлопушками, подаренными к Четвертому июля, пронизывающий ветер завывал и перегонял мусор и осыпавшиеся листья по плитам тротуара. Они трещали подобно старым костям. Полная октябрьская луна пришла в Таркер Миллс и покинула его без новых убийств, и это был уже второй месяц, когда никто из людей не пострадал от оборотня. Некоторые горожане — Стен Пелки, парикмахер, к примеру, а также Кол Блодвин, владелец единственной конторы в городе по продаже автомашин, — были уверены, что весь этот кошмар уже закончился; убийцей несомненно был бродяга или беглый преступник, живущий в лесу, а теперь, когда похолодало, ему пришлось искать места потемнее. Другие жители, однако, не были столь уверены в этом. Они вспоминали четырех растерзанных оленей, найденных в лесу около развилки на следующий день после октябрьского полнолуния, а также одиннадцать забитых дьявольским способом свиней Элмера Циннемана месяцем раньше, и тоже в полнолуние. Эти аргументы горячо обсуждались в пивной городка долгими осенними вечерами.

Но Марти Каслоу все точно знал и был уверен в своих предположениях.

Этим вечером он отправился подурачиться вместе со своим отцом (который любил День Всех Святых за его бодрящий холод, любил возможность посмеяться от души своим смехом, имитирующим Биг Пола, и вдоволь посмаковать свои идиотские присказки типа «Ей-ей!» или «Ринг-дэнг-дуу», когда двери в домах открывались на его стук или звонок и оттуда выглядывали знакомые до боли лица жителей Таркер Миллс). Марти был в костюме нищего паломника, на нем была надета полученная из магазина «Дон Пост» огромная маска, а безжизненные ноги были укутаны пледом. «Ты *всегда* получаешь все, что захочешь», — заявила Кетти с завистью глядя на его маску, но Марти знал, что на самом деле она не очень-то злится на него (и словно в доказательство этого, она смастерила брату искусно выполненный посох, который очень удачно дополнял и завершал его художественный образ). Причиной ее явной печали было то, что она уже переросла тот возраст, когда можно беззаботно ребячиться и дурачиться. Вместо этого она должна будет идти на вечеринку вместе с более старшими школьными друзьями. Она там будет танцевать под записи Донны Саммер и ловить губами подвешенные яблоки, а позднее будет участвовать в завораживающей игре «На кого покажет горлышко бутылки» и ей, возможно, придется поцеловать какого-нибудь парня, не потому, что она этого очень хочет, а потому, что это даст повод для хихиканий и пересудов со своими школьными подружками в классе в течение всего следующего дня.

Отец посадил Марти в прицепной фургон, потому что фургон был снабжен встроенным трапом, по которому можно было легко ввозить и вывозить коляску Марти. Марти сам въезжал и выезжал из фургона на улицы и весело катил по ним в своем инвалидном кресле. Он держал свою суму на коленях, и они с отцом заезжали во все дома по дороге и даже в несколько домов знакомых семей на окраине: Коллинзов, Маккинов, Манчестеров, Милликенов, Истонов. В пивной города была выставлена огромная ваза с конфетами для всех желающих. Лотки с

бесплатным шоколадом «Сниккерс» — у Конгрегационной церкви и с печеньем — у церкви баптистов. Затем сладости — у Рэндольфов, Квиннов, Диксонов и еще у дюжины, нет, двух дюжин семей. Марти вернулся домой с мешком, полным конфетами и другими кондитерскими изделиями... и с жутким, почти неправдоподобным открытием.

Он узнал.

Он узнал, кто являлся оборотнем.

На одной из многих остановок во время этого предпраздничного турне Марти *сам Зверь*, теперь безопасный между лунами своего безумия, засыпал сладости в суму Марти, не зная, что лицо Марти под маской нищего стало мертвенно-бледным и его пальцы под перчатками вцепились в посох с такой силой, что побелели ногти.

Оборотень улыбнулся Марти, и потрепал его по маске.

Но это был оборотень. Марти узнал его сразу, и не потому, что мужчина носил повязку на глазу. Было и еще что-то другое — какое-то явное сходство лица этого человека с той звериной оскаленной мордой, которую Марти запомнил на всю жизнь и уж никак не мог позабыть за те неполные четыре месяца, что прошли с июльской ночи.

Еще вернувшись в Таркер Миллс из Вермонта через сутки после Дня Труда, Марти внимательно присматривался ко всем горожанам, знакомым и незнакомым, поскольку был уверен, что рано или поздно он встретит среди них этого страшного убийцу и узнает его, потому что оборотнем должен был быть одноглазый человек. Хотя полиция согласилась на словах с его показаниями и доводами, мальчик ясно понимал, что ее обещание проверить эти сведения дано лишь для его успокоения и что на самом деле никто всерьез не воспринял все сказанное им насчет потери глаза оборотнем. Может быть, только потому, что он всего лишь ребенок, а может быть, из-за того, что никто из допрашивавших его не был сам свидетелем его страшного поединка со Зверем. В любом случае, дело от этого не меняется. *Он узнал, вот что главное.*

Таркер Миллс — небольшой городок, но он разбросан, и до сегодняшнего вечера Марти не встречал одноглазого мужчину, а сам он не осмеливался спрашивать о нем. Его мать уже опасалась, что июльский шок мог отразиться на психике мальчика, сделаться навязчивой идеей на всю оставшуюся жизнь. Марти справедливо опасался, что если он попытается что-нибудь разузнать, это в конце концов дойдет до матери. А кроме того, маленький городок — это маленький городок. Рано или поздно он сам обязательно увидит Зверя в человеческом обличье.

Возвращаясь домой, мистер Каслоу (*тренер* Каслоу для сотен своих учеников в прошлом и настоящем) думал о том, что Марти ведет себя так тихо и спокойно из-за того, что большое возбуждение этого необычного вечера утомило малыша. Но на самом деле все было совсем не так. Марти никогда — не считая только вечера перед своим празднованием Четвертого июля с упаковкой фейерверков — не чувствовал себя столь бодрым и живым. И главная мысль мальчика сейчас была такая: у него ушло целых шестьдесят дней после возвращения с летних каникул домой для того, чтобы открыть, наконец, под какой личиной скрывается оборотень, только потому, что он, Марти, был католиком и должен был посещать церковь Девы Марии на окраине города.

Человек с повязкой на глазу, человек, насыпавший сладости в суму Марти, а затем приятно и ласково улыбавшийся ему, не был католиком. Он был очень далек от этой веры. Зверь имел обличье преподобного Лестера Лоу, пастора баптистской церкви Благодарения.

Закрывая дверь и улыбаясь, одноглазый пастор все же имел почти пиратский вид под лучами желтой лампы, падавшими на него сзади из двери гостиной.

— Сожалею насчет Вашего глаза, преподобный отец Лоу, — сказал мистер Каслоу своим грохочущим голосом а ля Биг Пол. — Надеюсь, не столь уж все серьезно?

Преподобный Лоу улыбнулся с грустью страдальца-христианина. Он потерял этот глаз навсегда, объяснил он с терпением и смирением. Доброкачественная опухоль;

для того чтобы добраться для нее пришлось пожертвовать глазом. Но такова воля Божья, и он уже привык к этому несчастью. Священник еще раз потрепал маску Марти и сказал, что многим христианам приходится нести куда более тяжелый крест, чем ему, недостойному их пастырю.

И вот теперь Марти лежал в кровати, слушая октябрьский ветер, который выл снаружи, обрывая последние листья с деревьев и свистя в прорези декоративных тыков, окаймлявших подъездной путь к дому Каслоу. Он глядел на лунный полумесяц на звездном небе. Вопросом было: *«Что теперь он должен делать?»*

Марти пока не знал ответа, но был уверен, что в нужное время он придет сам ему в голову.

Он заснул глубоким сном без сновидений — привилегией только очень юных человеческих созданий, а снаружи тем временем целый поток ветра пронесся над Таркер Миллс, смывая октябрь и принеся ему на смену холодный, с мерцающими звездами, ноябрь, самый суровый месяц осени.

НОЯБРЬ

Мрачный окурок всего года, жестокий ноябрь, пришел в Таркер Миллс как незванный и никого не радующий посетитель. На Мейн-стрит, казалось, разыгрывалось странное действо, наподобие Великого исхода. Преподобный Лестер Лоу наблюдал за ним из-за двери своего пасторского дома: он только что выходил на улицу, чтобы взять свою почту из ящика и теперь держал в руке шесть циркуляров и одно простое письмо, с интересом и вниманием взирая на целую вереницу пыльных и грязных пикапов — «фордов», «шевроле», «харвестеров», — державших путь за город.

Предполагается снегопад, как объявил диктор в прогнозе погоды, но эти люди явно не собирались удирать от холодов в теплые края. Вы же не станете надевать, отправляясь на золотые пляжи Калифорнии или Флориды, свои охотничьи куртки, укрепив винтовки на стойках в автомобилях и привязав собак в кузовах машин. Уже четвертый день почти все мужчины города во главе с Элмером Циннеманом и его братом Питом выбираютя в леса со своими ружьями, собаками и несметным количеством шестибаночных упаковок пива. Эта прихоть возникла у них накануне начала полнолуния. Сезон охоты на птиц, как и оленьей травки, уже завершился. Но еще продолжается сезон охоты на оборотней, и большинство этих людей, несмотря на их озадаченное и недовольное выражение лиц, переживают сейчас самые великие времена в своей жизни. Как сказал бы тренер Каслоу: «Это чертовски верно!»

Некоторые из этих людей, как был уверен преподобный Лоу, лишь резвятся за городом. Выезд туда для них — лишь повод устроить пикничок в лесу с пивом и анекдотами про поляков, французов и негров, а также пострелять по белкам и воронам. *«Они настоящие животные, — подумал пастор, и его рука машинально коснулась повязки на глазу, которую ему приходится носить с июля. — Кто-нибудь когда-нибудь подстрелит другого, это почти неизбежно. Их счастье, что этого до сих пор не случилось».*

Последний пикап исчез из поля зрения, скрывшись за Таркер Хилл, послышались отдаленные, словно прощальные звуки охотничьего горна и радостное тьяканье собак. Да, некоторые из них едут только забавляться, но другие, к примеру Элмер и Пит Циннеманы, — смертельно серьезные.

«Если эта тварь, будь то человек, или зверь, или еще что, собирается выйти за добычей и в этом месяце; собаки должны взять его след, — услышал пастор Лоу слова Элмера в парикмахерской еще две недели тому назад. — А если оно или он испугается это сделать, то мы хотя бы спасем чью-то жизнь или по меньшей мере чей-то домашний скот».

Да, хотя бы некоторые из этих охотников — может быть, дюжина, а может, и две дюжины — собирались серьезно заниматься делом в лесу. Но не они внесли какие-то странные новые чувства и ощущения в глубины сознания Лоу — ощущения, которые испытывает преследуемый зверь или преступник.

Это сделали записки. Записки, самая длинная из которых всего два предложения, написанные детской старательной рукой и кое-где с грамматическими ошибками. Пастор взглянул на письмо, пришедшее сегодня, с выведенным той же детской рукой его адресом, который на этих посланиях был указан идентично, слово в слово, как в первом из них: *«Преподобному Лоу, баптистский пасторат, Таркер Миллс, шт. Мэн, 04491».*

Теперь это странное, загнанное ощущение... именно то, как подумал Лоу, которое должна испытывать лиса, вдруг

осознавшая, что собаки загнали ее в мешок. Тот самый момент, когда лиса уже не удирает, а поворачивается к своре, оскалив зубы, чтобы вступить в битву с собаками, которые, несомненно, растерзают ее.

Пастор закрыл дверь очень плотно и прошел в гостиную, где часы его дедушки отстукивали время столь же безучастно и монотонно, как делали это и почти сто лет назад. Он сел и аккуратно положил церковные циркуляры на тот самый стол, который приходившая два раза в неделю убирать квартиру миссис Миллер особенно немилосердно драила и полировала. Пастор открыл конверт. Никакого приветствия и обращения, как и на листках предыдущих писем. Написано на листке из школьной разлинованной тетради, и всего лишь одна фраза:

Почему бы Вам не покончить с собой?

Преподобный Лоу положил руку себе на лоб — она слегка подрагивала. Другой рукой он скомкал листок и кинул в большую стеклянную пепельницу, стоявшую в центре стола (в этой гостиной пастор обычно проводил все совещания и встречи с церковным активом — некоторые из его прихожан не могли в волнениях и страстях обойтись без курения). Он вытащил коробку спичек из своего «домашнего» и только для субботы свитера и сжег записку точно так же, как и все предыдущие.

Осознание Лоу, кем он является на самом деле, пришло к нему не сразу, двумя очень различными по времени этапами. Сперва это был майский кошмарный сон, когда все прихожане в церкви во время его воскресной праздничной проповеди вдруг превратились в ужасных оборотней, а затем — его утреннее, уже действительное соприкосновение с растерзанным трупом Клайда Корлисса. Здесь пастор начал понимать, что с ним происходит нечто... ну... не совсем укладывающееся в голову и неправильное. Он не знал, как это можно назвать точнее. Просто *неправильное*. Но также он почувствовал, что иногда по утрам, обычно во время полнолуния, он просыпается, чувствуя себя необычайно *хорошо*, просто *прекрасно* и *чрезвычайно сильным*. Это

ощущение уходило вместе с убыванием луны, а затем снова начинало расти по мере ее нарастания в фазе полнолуния.

Вслед за кошмарным сном, закончившимся смертью Корлисса, пастор постепенно выяснил и кое-какие другие вещи и обстоятельства, которые он ранее не замечал и игнорировал. Одежда, которая бывала грязной и разодранной. Царапины и синяки, число которых, как и причины их появления, он не мог объяснить (но поскольку они не болели и не ныли, что свойственно обычным царапинам и ушибам, на них можно было не обращать внимания, просто... не надо было думать о них). Он даже смог не обращать внимания на следы крови, которые однажды заметил у себя на руках... и губах.

Затем, пятого июля, настал и второй этап. Его можно описать очень коротко и просто: пастор, проснувшись утром, обнаружил, что ослеп на один глаз. Что касается ссадин, порезов и царапин, то они не болели, но на месте левого глаза зияла рваная кровавая дыра. С этого момента сомнений уже не могло быть, и ничего нельзя было отрицать даже мысленно: *он* был оборотнем, *он* был Зверем.

Последние три дня Лоу начал ощущать уже знакомые симптомы: большое беспокойство, почти радостное нетерпение, ощущение силы и напряженности в теле. Снова все вернулось, и вскоре произойдет очередное превращение. Этой ночью придет полнолуние, и охотники будут далеко от города со своими дурацкими собаками. Да и не в этом дело. Он куда ловчее и остроумнее, чем они могут предполагать. Они рассуждают о человеке-волке, но думают о нем только как о диком волке, а не человеке. Они могут ездить в своих пикапах, но и он может ехать в своем «седане». И в этот день он проедет немного по дороге на Портленд и, наверное, остановится на ночь в одном из пригородных мотелей. И если превращение состоится, там не будет никаких охотников, никаких собак. *Они* не те, кто сможет остановить или испугать его.

Почему бы Вам не покончить с собой?

Первая записка пришла в начале этого месяца. Она состояла всего из нескольких слов:

Я знаю, кто Вы такой.

Во второй записке говорилось:

Если Вы служите Господу, уезжайте из города. Идите туда, где есть животные, которых Вы сможете убивать вместо людей.

Третья записка требовала:

Прекратите это.

Только и всего, только «Прекратите это».

А теперь

Почему бы Вам не покончить с собой?

«Потому что я не хочу, — подумал с большой долей раздражения преподобный Лоу. — Этого — что бы это ни было — я никогда не просил и не добивался. Меня не вскармливала волчица и не нянчила цыганка. Это просто... случилось. Однажды в прошлом ноябре я сорвал несколько цветов для ваз в ризнице. Вверху того чудесного маленького кладбища на Саншайн Хилл. Я никогда раньше не встречал таких цветов... и они завяли прежде, чем я вернулся в город. Они почернели, каждый из них. Может быть, именно тогда это и началось. Я думаю, что это именно так. И я не буду кончать свою жизнь самоубийством. Они животные, а не я».

Кто пишет эти записки?

Он не знал. Нападение на Марти Каслоу не было описано в еженедельных выпусках местной газеты, а, кроме того, пастор всегда гордился тем, что у него хватает силы воли никогда не слушать сплетни и пересуды. И подобно тому, что Марти не знал о пасторе до Дня Всех Святых, поскольку их религиозные взгляды расходились, преподобный Лоу также не мог соприкоснуться с мальчиком. Пастор также не мог вспомнить что-либо о своих деяниях в обличье Зверя; он испытывал только пьянящее чувство силы и освобождения по окончании очередного цикла полнолуния и нарастающее беспокойное ожидание перед наступлением такого цикла.

«Я служу Господу, — думал он, вставая из-за стола и начиная мерить шагами гостиную, шагая все быстрее и быстрее под аккомпанемент безучастных ко всему часов дедушки. — Я служу Господу, и я не покончу жизнь самоубийством. Я приношу сюда добро, а если я иногда и делаю здесь зло, так что же. Люди служили дьяволу задолго до меня; дьявол тоже служит нашему Всевышнему, именно так учит нас Книга Иова; если я был сбит с пути истинного чем-то потусторонним и сверхъестественным, то Бог наставит меня на путь истинный, когда настанет Его время. Все в мире служит Господу... Но кто таков этот малый? Нужно ли мне навести справки? Кто подвергся нападению Четвертого июля? Как он (оно) потерял свой (его) глаз? Возможно, их следует успокоить навсегда... но не в этом месяце. Пусть они затащат своих ищеек обратно в конуры. Да...»

Он начал двигаться еще быстрее, наклоняясь все ниже, не зная, что щетина на лице, обычно такая редкая (ему нужно было бриться всего раз в три дня... но в нормальное время месяца), ныне вылезла отовсюду и стала толстой и жесткой, как проволока, а единственный карий глаз все светлеет, чтобы этой ночью превратиться в ярко-зеленый и сверкающий, как вспышка молнии. Он все более горбился, пока расхаживал по гостиной, и все более увлекался беседой с самим собой... но слова становились все тише и неразборчивее, все более и более напоминая рычание.

Наконец, когда серый ноябрьский день стал сменяться ранними сумерками, он кинулся в кухню, схватил ключи от машины с зажима на двери и почти побежал к своему автомобилю. Он быстро, улыбаясь, вырулил на дорогу к Портленду и ничуть не снизил скорость, когда первый снег стал падать с мрачного неба на лобовое стекло и мелким дождем сыпаться под шины. Он ощущал луну повсюду где-то там высоко в облаках, он чувствовал ее силу, его грудь все расширялась, заставляя трещать по швам его белую сорочку.

Он включил радио и настроил его на волну станции, передававшей круглосуточно музыку рок-н-рола, и почувствовал себя *просто... великим!*

А то, что случилось позже этой ночью, дано рассудить только Господу Богу или тем старым богам и идолам, которым люди поклонялись в еще те древние времена, когда впервые почувствовали необходимость защиты себя от неведомых сил полнолуния. И это все было даже забавно, да-да, забавно, потому что Лоу ехал по дороге в Портленд, чтобы превратиться в зверя, а встретил в конце своего путешествия этой долгой ноябрьской ночью не кого-нибудь, а самого Милта Стурмфуллера, старожилу Терьер Миллса и кое в чем зверя ничуть не меньшего, чем сам оборотень... Возможно Бог и справедлив в конце концов, потому что самым первоклассным дерьмом во всем городке был бесспорно именно Милт Стурмфуллер. Он укатил этим вечером, как и в прочие вечера, заявив своей избитой жене Донне Ли, что этого требуют дела, но все его дело заключалось в некоей девице по имени Рита Тенкисон, которая уже наградила его неким знаком любви, тут же переданным Милтом своей супруге, которая за все годы замужества не осмелилась даже взглянуть на какого-либо другого мужчину.

Преподобный Лоу остановился в мотеле «Дрифтвуд» у трассы Портленд-Вестбрук, и в том же самом мотеле Милт Стурмфуллер решил заняться своими неотложными и важными делами с Ритой Тенкисон.

Милт вылез на улицу в четверть одиннадцатого за бутылкой бурбонского, которую он припрятал в машине, и мысленно поздравлял себя в том, что он далеко от Таркер Миллс в эту ночь полнолуния, когда одноглазый Зверь прыгнул на него с запорошенной снегом крыши контейнеровоза «Петербилт» и, свернув шею, оторвал ему голову одним мощным захватом. Последним звуком, услышанным Милтом Стурмфуллером в этой жизни, было победоносное рычание оборотня, затем под десятиколесный «Петербилт» покати́лась голова с удивленно вытаращенными глазами, из шеи хлестала кровь, а бутылка

бурбонского вывалилась из леденеющей руки. Зверь вцепился в труп и начал пожирать его.

На следующий день, вернувшись в свой пасторский дом, преподобный Лоу снова почувствовал себя *просто... великим*. Прочитав отчет в газете о страшном убийстве своего земляка из Таркер Миллс, пастор с искренней набожностью подумал лишь:

«Он не был хорошим человеком. Все свершения ради славы Господа».

И вслед за этим он подумал еще и совсем о другом: *«Кто этот малый, посылающий мне записки? С кем мы встречались в июле? Настало время все выяснить. Можно послушать и сплетни».*

Преподобный пастор Лоу поправил повязку на глазу, перевернул полосу газеты и подумал: *«Все подчинено Господу, и если на то будет Божья воля, я разыщу его. И заставлю замолчать. Навсегда».*

ДЕКАБРЬ

Сейчас четверть первого ночи в канун Нового года. В Таркер Миллс, как и везде в мире, год завершает свой жизненный цикл, и в Таркер Миллс, как и везде в мире, этот год принес перемены.

Милт Стурмфуллер погиб, а его вдова Донна Ли наконец освободилась от каторжных оков и уехала из города. Одни говорили — в Бостон, другие — в Лос-Анджелес. Еще одна женщина попыталась затеять рискованное дело — открыть здесь книжный магазин, но быстро отказалась от этой бредовой идеи. Зато парикмахерская, магазин «Маркет Баскет» и пивная ведут дела как надо и на старых местах, за что все их клиенты говорят им «большое спасибо». Клайд Корнлисс мертв, но два его никудышных брата, Олден и Эррол, живы и зарабатывают попрошайничеством денежки в местах неподалеку от Таркер Миллс — у них не хватает смелости делать это в самом городе. Грамма Хаг, делавшая лучшие пироги в Таркер Миллс, скончалась от сердечного приступа. Вилли Хэрингтон, которому уже девяносто два, поскользнулся на льду перед своим домиком на Болл-стрит в конце ноября и сломал бедро; зато библиотека получила щедрый подарок по завещанию постоянно приезжавшего летом отдыхать в Таркер Миллс читателя и уже в следующем году начнется пристройка детского крыла, о необходимости которой в городе говорят с незапамятных времен, но без каких-либо результатов. Олли Паркер, школьный директор, начал страдать обильным носовым кровотечением еще в октябре. Ему был поставлен диагноз ужасной

гипертонии. *«Будь счастлив, что бы не разорвался от такого давления»*, — заявил доктор, сворачивая резиновый бинт. Он также потребовал, чтобы Олли сбросил не менее сорока фунтов лишнего веса. И Олли, к удивлению всех, ухитрился уже к Рождеству сбросить двадцать. Он выглядел и чувствовал себя как заново родившийся человек. *«Он и ведет себя, как совсем другой мужчина»*, — говорила жена Олли своей ближайшей подруге Делии Перни со слегка распутной ухмылкой. Брэди Кинсейд, убитый Зверем в сезон запуска коршунов, был по-прежнему мертв. А Марти Каслоу, который сидел позади Брэди в школьном классе, был по-прежнему калекой.

Вещи менялись, вещи не менялись, а в самом Таркер Миллс год кончался так же, как и начинался, — бушевала воющая метель, и Зверь был где-то здесь.

В гостиной дома Каслоу сидели бок о бок Марти и его любимый дядя Ал, которые с одинаковым интересом смотрели предновогоднее рок-шоу Дика Кларка. Дядя расположился на кушетке. Марти восседал в своем инвалидном кресле перед самым телевизором. На коленях у Марти покоился револьвер, 38-калибровый «Кольт Вудсмен». Он был заряжен двумя пулями, и обе они были отлиты из чистого серебра. Дядя Ал позаботился об этом, съездив к своему другу из Хэмпдена по имени Маккетчон, который был большим специалистом по любым работам с металлом. Этот друг после некоторого препирательства позволил все же достаточно быстро себя уговорить. Он расплавил серебряную ложку, подаренную Марти в день конфирмации, своей пропановой паяльной лампой и вымерил вес порохового порошка, необходимого для нормального запуска пуль, чтобы не посыпать их в молоко.

— Я не могу гарантировать, что это точно сработает, — заявил Маккетчон дядюшке Алу, — но, скорее всего, все будет нормально. Кого ты собираешься прикончить, Ал? Оборотня или вампира?

— Обоих, — ответил дядя, даря собеседнику ответную и не менее жизнерадостную улыбку. — Потому и прошу сделать пару пуль. У нас также завелся и какой-то дух из

загробного царства, но его папаша только что загнулся в Северной Дакоте, и он отбыл туда на самолете на похороны. — Они посмеялись от души над этими остроумными высказываниями, а затем дядя Ал пояснил уже более серьезным тоном: — Они для моего племянника. Он бредит этими телемонстрами, и я думаю, что такие пули будут для него лучшим и самым интересным рождественским подарком.

— В таком случае, если он засадит одну из них в доску, привези ее, чтобы я смог полюбоваться, — попросил Мак. — Мне любопытно, что из этого всего может научиться.

На самом деле, дядя Ал и сам не знал, что думать. Он не виделся с Марти, да и сам не бывал в Таркер Миллс с третьего июля. Как он и предполагал, его сестрица (и заодно мать Марти) была в бешенстве от всей этой истории с фейерверком.

— *Он же мог погибнуть, ослиная ты задница! О чем ты думал, Господи Боже мой, когда давал ему эту штуковину?* — кричала она по телефону.

— *Это звучит прямо-таки как те хлопушки, которые спасли его,* — начал было отвечать дядя, но ему не пришлось блеснуть красноречием, поскольку в трубке послышался сигнал отбоя. Его сестра очень упряма — когда ей не хочется слышать что-либо, она и не слушает.

А затем, в начале декабря, позвонил и Марти. — Мне надо увидеть тебя, дядя Ал, — сказал он. — Ты — единственный человек, с которым я могу поговорить о деле.

— Но я разругался вдрызг с нашей ма, мальчик, — грустно ответил дядя.

— *Это важно,* — настаивал Марти. — *Пожалуйста. Очень прошу.*

И потому дядя все же приехал и стойко выдержал ледяной прием и нарочитое пренебрежение со стороны своей сестрицы. Одним морозным декабрьским утром дядя взял Марти покататься в том самом спортивном автомобиле, который всегда так восхищал мальчика. Дядя бережно усадил парализованного рядом с собой на пассажирское

место, но в этот день у них не было безумных скоростных заездов и взрывов радостного хохота; дядя Ал только молча и внимательно слушал все сказанное племянником. Причем дядя слушал этот рассказ со все нарастающей тревогой.

Марти начал с воспоминаний о той ночи с чудесным фейерверком, а затем перешел к рассказу о том, как он ухитрился искалечить морду оборотня несколькими хлоп-пушками, сделавшими того одноглазым. После этого он рассказал о Празднике Всех Святых и преподобном пасторе Лоу. Он не скрыл от дяди и своих посланий, которые были анонимными... до недавнего времени. Поскольку последние две записки вслед за убийством в Портленде Милта Стурмфуллера были подписаны им точно так, как его учили в школе: *«Искренне Ваш, Мартин Каслоу»*.

— Ты не должен был посылать этому человеку никаких писем, будь они анонимные или какие другие! — резко возразил дядя. — Боже правый, Марти! Разве тебе не приходило в голову, что ты мог *ошибиться*?

— Конечно, да, — ответил племянник. — Потому-то я и подписал только последние два письма. Ты не хочешь спросить, позвонил ли он моему отцу и пожаловался ли на то, что я шлю ему неподобающие послания с просьбами покончить с собой и угрожающими требованиями прекратить свою преступную деятельность?

— Он этого не сделал? — спросил Ал, уже наперед зная ответ.

— Нет, — спокойно ответил Марти. — Он не стал разговаривать с моим отцом или моей матерью, он не стал разговаривать и со мной.

— Марти, могут быть тысячи причин для...

— Нет. Есть только *одна*. Он — оборотень, он — Зверь, это *он*, и он дожидается полнолуния. Как преподобный пастор Лоу, он ничего не может сделать. Но как оборотень, он может очень многое. Он может заставить меня заткнуться.

И поскольку Марти говорил столь ясно и просто, Ал сам почти был убежден его словами и предположениями.

— Так что же ты хочешь от меня? — спросил дядя.

Марти объяснил. Ему нужны две серебряные пули и револьвер для них, и он очень просит дядю приехать сюда снова в канун Нового Года, когда снова наступит ночь полнолуния.

— Я не буду этим заниматься, — ответил дядя Ал. — Марти, ты же хороший малый, но ты начинаешь сходиться с ума. Я думаю, что ты просто слишком подзарядился от батареек своего кресла. Если ты как следует сам подумаешь над всем этим, ты, конечно, согласишься со мной.

— Может быть, — сказал Марти. — Но подумай, как ты себя будешь чувствовать, когда тебе позвонят на Новый год и сообщат, вместо поздравления, что я лежу мертвый и растерзанный на части в своей кровати? Ты хочешь иметь этот груз на своей совести, дядя Ал?

Ал начал было говорить, но затем захлопнул рот с весьма ощутимым треском. Он свернул на подъездную дорожку, направляя свой «Мерседес» по покрытому хрустящей снежной коркой асфальту к дому Каслоу. Он затормозил, а потом развернулся и поехал задом вперед. Он воевал во Вьетнаме и получил там пару медалей за доблесть; он счастливо избежал расставленных ему семейных сетей, приготовленных очень искусно и скрытно несколькими чрезвычайно соблазнительными молодыми леди, но сейчас он чувствовал себя пойманным и загнанным в угол своим десятилетним племянником. Конечно же, он не хотел иметь такую страшную вещь на своей совести — даже не хотел слышать о *возможности* подобной вещи. И Марти хорошо понимал это. Марти знал, что подумает о его просьбе дядя, если даже существует всего один шанс из тысячи, что племянник окажется прав в своих подозрениях...

Четырьмя днями позже, десятого декабря, позвонил дядя Ал.

— Большие новости! — радостно сообщил Марти, въезжая в гостиную в своей коляске, всем находившимся там членам семейства Каслоу. — Дядя Ал придет накануне Нового года!

— Конечно же, нет, — возразила мать своим обычным резким и грубоватым тоном.

Марти ничуть не смутился.

— Извините, конечно, но я уже пригласил его. Он мне сказал, что раздобыл и привезет угольный порошок для камина.

Весь оставшийся день мать прямо-таки испепеляла Марти свирепым взглядом, когда только смотрела в его направлении или он, наоборот, встречался с ней взглядом... Но она так и не позвонила своему брату, чтобы отменить его приезд, а это и было самым важным.

За ужином этим вечером Кетти прошептала ему на ухо.

— Ты *всегда* добиваешься, чего хочешь! Только потому, что ты калека!

Ухмыльнувшись, Марти прошептал ей в ответ:

— Я тоже очень люблю тебя, сестренка.

— Ты маленький *вымогатель*!

Она вылетела из комнаты.

И вот, наконец, настал канун Нового года.

Мать Марти была уверена, что Ал не появится, поскольку буран все усиливался, ветер не только завывал и свистел, но и нанес большие сугробы на дорогах. По правде говоря, Марти и сам несколько раз начинал сомневаться в своем ожидании... но дядя Ал прибыл около восьми, управляя не своим легкомысленным «Мерседесом», а одолженным у знакомых неказистым джипом повышенной проходимости.

К половине двенадцатого ночи все члены семьи уже улеглись спать, за исключением двоих, что было в точности так, как и предполагал Марти. Хотя дядя и продолжал высмеивать всю эту затею, он привез с собой, однако, не один, а целых два револьвера, припрятанных под его тяжелым и плотным зимним пальто. Один револьвер был заряжен серебряными пулями, и он был молча передан дядей своему любимому племяннику сразу же, как только все разошлись спать (и словно для того, чтобы как-то выделить этот момент, мать Марти захлопнула дверь в супружескую спальню, где они делили кров и постель с

отцом Марти, тренером Кослоу, — и захлопнула она эту дверь с большим грохотом). Другой револьвер был заряжен обычными свинцовыми пулями... но дядя Ал полагал, что если сумасшедший собирается тут бушевать этой ночью (а время шло и шло — и ничего такого не намечалось, что заставляло дядю все более укрепляться в своих сомнениях насчет истинности всех подозрений Марти), то «Магнум» 45-го калибра будет как раз то, что надо для такой встречи.

Сейчас по телевидению все чаще и чаще направляли камеры на верхушку небоскреба «Эллайд Кемикал билдинг» на Таймс-сквер. Последние несколько минут старого года истекали. Толпа собравшихся вокруг здания веселилась вовсю. В углу комнаты, напротив телевизора, все еще стояла рождественская елка, слегка уже подсохшая и побуревшая, она выглядела слегка ошипанной после того, как с нее были сняты рождественские и новогодние подарки их законными владельцами.

— Марти, ничего... — начал было дядя Ал, а затем большое, расписанное морозными узорами окно в гостиной вдруг треснуло и стекло развалилось пополам, впуская в дом темный и ледяной ветер, крутящиеся столбом снежинки... и Зверя.

Ал буквально застыл на мгновение, застыл от холодного ужаса и неверия в увиденное своими собственными глазами. Он был громаден, этот Зверь, не менее семи футов ростом, хотя и гнулся вперед так, что его передние лапы-руки почти царапали ковер. Его единственный огненно-зеленый глаз (*«Все именно так, как описывал Марти, — подумал Ал машинально, — все буквально сходится со словами Марти».*) пристально и с огромной яростью высматривал жертву... и остановился на Марти, сидящем в инвалидном кресле. Он прыгнул к мальчику с рычащим торжествующим воем, обнажая свои страшные желто-белые клыки.

Спокойно, с почти не изменившимся лицом Марти поднял свой револьвер 38-го калибра. Он выглядел очень маленьким в инвалидном кресле, а ноги напоминали

палки, засунутые в мягкие и просторные джинсы. Его домашние тапочки на утепленной подошве были вообще-то ненужными для ног, бесчувственных и онемелых со дня рождения. И словно для контраста с сумасшедшим воем и рычанием оборотня, в противовес дикому разгулу ветра и безумным мыслям, бушевавшим в голове Ала, сознание которого никак не могло примириться с тем, что все происходящее реально и действие разыгрывается в реальном мире живых людей, дядя Ал услышал слова племянника: «Бедный старый преподобный пастор Лоу. Я собираюсь освободить Вас».

И когда оборотень прыгнул с вытянутыми вперед страшными когтистыми лапами-руками, Марти выстрелил. Из-за небольшой засыпки пороха звук выстрела был невероятно тих. Он напоминал звук лопнувшего воздушного шарика.

Но рев оборотня резко усилился и приобрел ноты ярости и жестокой боли. Он обрушился на стену и пробил ее своим плечом насквозь. Полотна Курье и Ивса попали ему на голову и спину и их рамы разлетелись вдребезги, подмятые тяжело раненым оборотнем. Кровь хлестала из ужасной волосатой морды Зверя, а его зеленый глаз вращался и мерцал все слабее и слабее. Зверь привстал, шатаясь, и двинулся к Марти со слабым рычанием, его лапы то раздвигались, то сдвигались вместе, из оскаленной пасти стекали струйки кровавой пены. Марти держал револьвер в обеих руках, как это обычно делают маленькие дети с большой кружкой. Он ждал и ждал нужного момента... и когда оборотень снова попытался прыгнуть, Марти снова выстрелил. Словно по волшебству и второй глаз Зверя вылетел с морды, как свечка, погасшая на резком ветру. Оборотень, уже ослепший, снова взревел и пошатнулся, а затем рухнул к окну. Буря сорвала занавески и окутала ими голову Зверя — Ал увидел быстро увеличивающиеся пятна крови на белом полотне, а в это время на экране телевизора большой яркий шар начал отделяться от своей подставки с крыши небоскреба.

Оборотень бился в конвульсиях, а в это время отец Марти с дико выпученными глазами, в ярко-желтой пижаме влетел в гостиную. «Магнум» все еще лежал в ладони Ала. Он так ничего и не успел сделать, только поднял это бесполезное оружие.

Зверь еще раз дернулся... содрогнулся... и успокоился навеки.

Мистер Каслоу уставился на него, широко разинув рот.

Марти обернулся к дяде Алу с дымящимся револьвером в руках. Его лицо было немного усталым... но мирным и спокойным.

— Счастливого Нового года, дядя Ал, — сказал Марти, — а он — мертв. Зверь мертв.

И после этого начал рыдать.

На полу, под пологом из лучших белых занавесок миссис Каслоу, оборотень начал менять свой облик. Густая шерсть, покрывавшая всю морду и тело Зверя, казалось, была кем-то и как-то *обстрижена*. Губы, растянутые в оскале злобы и боли, стали расслабляться и закрыли давшие большую усадку зубы. Когти, как по волшебству, уменьшились до размеров человеческих ногтей... ногтей, которые всегда были тщательно подстрижены и подпилены.

Преподобный пастор Лестер Лоу лежал в гостиной, завернутый в окровавленную занавеску, и снег падал на него редкими хлопьями.

Дядя Ал подошел к Марти и стал успокаивать его, в то время как отец наклонился над нагим трупом, а мать Марти, зажав горловину ночной рубашки, влетела в комнату. Ал обнимал Марти все крепче и крепче.

— Ты сделал все как надо, мальчик мой, — шептал он. — Я люблю тебя.

Снаружи ветер продолжал бушевать и завывать в снежном небе, а первая минута Нового года в Таркер Миллс уже стала историей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Любой поклонник Луны уличит меня в том, что я допустил слишком много вольностей с лунными циклами, в каком бы году ни происходило описанное здесь действие. Я постарался привязать повествование к наиболее известным праздникам (день Святого Валентина, Четвертое июля и т.д.), которыми отмечены определенные месяцы в нашем сознании. Тем читателям, которые считают, что я мог бы проявить и побольше знаний и точности, могу ответить: да, мог бы... но искушение было слишком велико, чтобы не поддаться ему.

Стивен Кинг
4 августа 1983 г.

ПОСЛЕДНЯЯ СТУПЕНЬКА

Это письмо от Кэтрин я получил вчера — не прошло и недели с тех пор, как мы с отцом вернулись из Лос-Анджелеса. Письмо было адресовано еще в Уилмингтон, Делавар, а я с тех пор, как уехал оттуда, успел побывать уже в двух местах. Люди в последнее время стали почему-то очень часто переезжать с места на место и письма, адресованные им, иногда доходят все-таки до своих адресатов, но выглядят они при этом обычно довольно забавно — все они, подобно лоскутным покрывалам, пестрят разноцветными почтовыми штампами с указанием новых и новых после новых адресов получателей. Письмо было мятым и грязным, а один из его уголков был настолько перетерт многими сотнями, наверное, пальцев почтовых служащих, что был как папиросная бумага и едва держался на месте. Прочтя письмо, я почти бессознательно очутился в другой комнате и понял, что держу в руке телефонную трубку и собираюсь набрать номер отца. Придя немного в себя, я со страхом положил трубку на место. Отец был уже пожилым, перенесшим два сердечных приступа человеком. Я не мог позвонить ему и сообщить о письме Кэтрин именно сейчас — ведь мы с ним буквально только что вернулись из Лос-Анджелеса. Этот звонок был бы равносителен убийству.

Звонить я не стал. А больше у меня не было никого... О том, что было в письме, можно было бы сказать разве что только жене или очень близкому другу. Это было очень личным. Близких друзей за последние несколько лет у меня почти не было, а с Хелен мы развелись еще в

71-м и изредка обменивались только поздравительными открытками. Как поживаешь? Как работа? С Новым годом...

Держа письмо Кэтрин в руках, я не сомкнул глаз всю ночь. Она вполне могла отправить его и на простой почтовой открытке, вписав в нее два простых слова: «Дорогой Ларри». Порой простым предложением или даже парой слов можно сказать очень многое. Я это знаю точно.

Я вспомнил, как мы с отцом летели на самолете. Его лицо выглядело уставшим и постаревшим. Яркое светило солнце и мы удалялись к западу от Нью-Йорка на высоте пять с половиной тысяч метров. По словам командира корабля, мы пролетали в тот момент как раз над Омахой и отец сказал тогда: «Это не так далеко, Ларри, как кажется». В его словах была очень сильная грусть и мне, помню, сделалось очень не по себе, потому что я не понимал ее причины. Я понял ее, только получив письмо от Кэтрин.

Наше детство прошло в восьми милях к западу от Омахи, в небольшом городке под названием Хемингфорд-Хоум. Мы жили тогда вчетвером — отец, мама, моя сестренка Кэтрин и я. Кэтрин была на два года моложе меня и все звали ее Китти. Она была очаровательным ребенком и уже в том возрасте, а ей было тогда всего восемь лет, было видно, что со временем она превратится в восхитительную женщину. Ее шелковистые льняные волосы никогда, казалось, не потемнеют, а темно-голубые глаза всегда останутся такими же прекрасными. Один взгляд этих глаз просто переворачивал душу, и они действительно такими и остались. Именно в тот год и случился тот несчастный случай в конюшне.

Вы думаете, наверное, что мы росли заурядными, ничем не примечательными провинциалами. Что ж, это ваше право, какой бы смысл вы ни вкладывали в это слово. Я на вас не в обиде. Мой отец владел тремя сотнями акров прекрасной плодородной земли, на которой он выращивал кормовую кукурузу. Кроме этого он занимался разведе-

нием крупного рогатого скота. Самого разнообразного. Наше хозяйство считалось очень благополучным.

В те дни, о которых я сейчас вспоминал, стояла очень дождливая погода и все дороги, за исключением Интерстейт-80 и Небраска-Рут 96, развезло до состояния полной непроходимости. Для того, чтобы съездить в город, приходилось ждать иногда по несколько дней.

Сейчас я — один из лучших независимых адвокатов во всей Америке. Моими услугами пользуются самые крупные корпорации и они говорят, что я действительно один из самых лучших адвокатов. Без ложной скромности могу сказать, что я с ними вполне согласен. Однажды президент одной очень крупной компании даже представил меня совету директоров своей компании как чуть ли не правую свою руку. Я одеваюсь только у самых лучших портных и имею трех постоянных помощников, состоящих на службе лично у меня, и еще с дюжину ассистентов, которых я могу подключить к работе в любую минуту. Но в то время я был обычным мальчишкой и ходил в простую школу, которая помещалась в здании с одним помещением. По утрам я и моя младшая сестренка Кэтрин шлепали туда по грязным размытым дорогам и за плечами у нас болтались учебники, перевязанные тесемкой. Иногда в теплое время года мы ходили босиком и надевали обувь только тогда, когда нужно было сходить в магазин или в кафе — по-другому там просто не обслуживали.

Спустя несколько лет умерла наша мама. Мы с Кэтрин учились тогда в высшей школе в Коламбия-Сити. Через пару лет отец почти полностью разорился и вынужден был продать землю, после чего занялся торговлей тракторами. Это был конец нашей семьи, но тогда это не казалось нам настолько непоправимо-трагичным. Отец с головой ушел в работу, постепенно начал даже нанимать себе торговых агентов, а со временем, около девяти лет назад, стал главой небольшого агентства по продаже сельскохозяйственной техники. Я закончил университет в Небраске и был там защитником в университетской футбольной команде. Кроме того, как не подпускать мяч к своим

воротам, я научился там, конечно, и кое-чему еще — на юридическом факультете.

Кэтрин? О ней-то я и хочу рассказать вам.

Это случилось в одну из суббот в начале ноября. Какой это был год, я теперь уже точно не помню. Помню только, что президентом был Айк. Мама была в тот день на ярмарке в Коламбия-Сити, а отец уехал к нашему ближайшему соседу (который жил в семи милях от нас) помочь ему убирать сено. Должен был приехать наемный рабочий, но отец ожидал увидеть его никак не раньше, чем через месяц. Мы с Китти остались дома одни.

Отец оставил мне целый список того, что необходимо было сделать по хозяйству (кое-что было там и для Китти), и строго наказал нам, что мы можем заняться своими делами только после того, как в этом списке не останется невыполненным ни одного пункта. Со всеми делами мы управились довольно быстро. Был, как я уже сказал, ноябрь и смеркаться начинало заметно раньше, чем летом, а нам хотелось еще успеть поразвлечься.

Я помню тот день очень хорошо. Небо было немного пасмурным и, хотя еще не было холодно, чувствовалось, что холода наступят уже совсем скоро, что скоро начнутся дожди со снегом, заморозки, а с первым настоящим снегом начнется уже и зима. Поля стояли голыми, а животные были по-осеннему вялыми и медлительными, какими-то сонными. Из-за сумрачности дом казался как будто нарисованным карандашом на куске серой шершавой бумаги.

Для нас в такие дни самым притягательным местом была конюшня. В ней всегда было тепло и царила приятная смесь запахов сена, лошадей и навоза. Конюшня была довольно большим и высоким зданием и с третьего, самого высокого ее уровня, на котором находилось что-то вроде чердака, почти постоянно доносилось какое-то таинственное щебетание ласточек, похожее на хихиканье. Если задрать голову вверх, то можно было увидеть свет с улицы, просачивавшийся сквозь щели в крыше. Этот свет всегда казался очень ярким, даже если на улице было

пасмурно. У нас была такая игра: мы изо всех сил выкрикивали свои имена, кто громче и представляли, как будто нам кто-то отвечает из этого сияния под крышей.

В конюшне была огромная приставная лестница, прибитая для устойчивости своим верхом к самой верхней поперечной балке чердака. Лестница была очень высокой и нам было запрещено лазать по ней. К тому же, она была довольно старой и ветхой. Отец тысячу раз обещал маме заменить ее на новую, надежную, но всякий раз, когда он собирался заняться этим, его что-нибудь обязательно отвлекало — то нужно было срочно помочь в чем-нибудь соседу, например, то еще что-нибудь... А наемный рабочий, который должен был прибыть со дня на день и который мог бы сделать это безо всяких отговорок, все так и не появлялся.

Если взобраться по этой шаткой лестнице до самого верха — у нее было сорок три ступени, мы сами с Китти считали их много раз, — то можно было оказаться под самой крышей, на высоте двадцати с лишним метров от застланного соломой пола конюшни. Лестница, как я уже сказал, была прибита сверху к толстой поперечной балке и если взобравшись на эту балку проползти по ней под самой крышей метра четыре в сторону (коленки дрожат, поджилки трясутся, во рту пересохло от страха), то можно было оказаться прямо над огромным стогом сена. Как здорово было, с широко распахнутыми глазами и замершим дыханием, сигануть с двадцатиметровой высоты в пышную копну сена и наслаждаться несколькими мгновениями свободного падения, дико вереща и кувыркаясь в воздухе. Когда мы, чувствуя невесомость всего тела, стремительно влетали в эту мягкую благоухающую подушку из сена, нам казалось, что мы влетаем обратно в ушедшее уже лето... Понять это в полной мере можно только испытав все это хотя бы один раз самому.

Такие развлечения были, конечно, строго-настрого запрещены нам. Если бы мы попались за этим занятием — мама подняла бы жуткий шум, а отец наверняка всыпал бы нам обоим хорошего ремня, даже несмотря на то, что

мы чувствовали себя уже почти взрослыми. Ведь если бы старая и ветхая лестница не выдержала нашего веса и сломалась, или если бы кто-нибудь из нас потерял равновесие на балке, не успев добраться до спасительной отметки, с которой можно было смело падать в сено, — страшно подумать, что случилось бы с кем-нибудь из нас, сорвись мы с такой высоты и упади на деревянный пол, едва прикрытый соломой...

Но соблазн был слишком велик. Мы были как озорные котята и когда родителей поблизости не было... да вы, наверное, и сами прекрасно знаете, что бывает, когда нет поблизости родителей.

Тот день начался обычно, как и многие другие. Мы с Китти стояли у подножия лестницы и посматривали друг на друга, замороженные восхитительным чувством опасности и ожидания. Китти была немного бледна от волнения, глаза — как никогда темные и какие-то искрящиеся.

— Давай ты, — предложил я.

— Нет, давай лучше сначала ты, — быстро ответила она.

— Джентльмены всегда пропускают женщин вперед, — возразил я.

— Даже если это связано с опасностью? — спросила она, скромно потупив глаза — как будто никто не знал, что она — второй после меня сорванец во всем Хемингфорде. Но так уж ей захотелось. Я знал, что она тоже обязательно прыгнет, просто ей не хотелось делать этого первой.

— О'кей, — уступил я. — Ну тогда я полез.

Мне было тогда десять лет и весил я около сорока килограммов. Китти было восемь и весила она килограммов на десять поменьше. Лестница выдерживала нас до того дня всегда и мы были уверены, что так будет продолжаться постоянно — довольно глупая, а самое главное — очень распространенная «философия», которая время от времени приводит отдельных людей и даже целые народы к различным неприятностям и даже крупным катастрофам.

Пока я поднимался все выше и выше по шатким ступенькам лестницы, у меня появилось какое-то смутное и очень нехорошее предчувствие — оно просто витало вокруг меня в пыльном воздухе конюшни. Я не понял тогда, в чем дело, но в сердце ко мне уже проникла какая-то неосознанная пока тревога. Как всегда, приблизительно на половине пути, я представил себе, что произойдет, если я вдруг сорвусь. Не останавливаясь и подавляя в себе предательский страх, я поднялся до самой балки, взобрался на нее и лишь после этого посмотрел вниз.

Личико Китти, обращенное ко мне, казалось маленьким светлым пятном. В своей темной рубашке и голубых джинсиках она была похожа на куклу. Надо мной, под самым сводом пыльной крыши, мягко попискивали ласточки.

— Смотри, сейчас прыгну! — крикнул я — мой голос плыл к ней через целый океан пыли, висевшей в воздухе.

— Подожди, рано еще!

— Знаю!

Я взобрался на балку уже окончательно, покачиваясь, однако, из стороны в сторону. И двинулся вперед. Как всегда, вокруг меня гуляли странные сквозняки, которых не было внизу. Слыша стук собственного сердцебиения, я медленно полез по балке, балансируя всем телом. Около самой моей головы неожиданно пролетела ласточка и, инстинктивно съежившись, я чуть не потерял равновесие. Такое случалось почему-то почти каждый раз.

Наконец, я добрался до того места балки, с которого можно было безопасно сигать вниз в мягкую подушку из сена. Теперь взгляд туда уже не обдавал таким холодком страха, как до этого момента. Теперь надо было сделать небольшую паузу и в полной мере насладиться ситуацией. И вот я... рухнул в пустоту и тут же попал во власть земного притяжения, которое грубо тянуло меня вниз, но которое в то же время делало мое тело невесомым. И, как каждый раз, у меня почти готов был вырваться крик отчаяния: О, НЕТ! НЕТ! Я ОШИБСЯ! Я НЕПРАВИЛЬНО РАССЧИТАЛ! ВЕРНИТЕ МЕНЯ НАЗАД!

Но вот я уже влетаю в сено, влетаю как снаряд, поднимая вокруг себя облако сладкого пыльного запаха, от которого я начинаю чихать как сумасшедший. Сено смыкается над моей головой, как если бы я упал в воду и я слышу испуганный писк мышей, панически разбегающихся где-то внизу во все стороны. В такие моменты испытываешь удивительное чувство — как будто бы ты заново родился, хотя прекрасно знаешь, что не подвергал свою жизнь практически никакой серьезной опасности. Помню, даже Китти сказала мне как-то об этом почти теми же словами — она сказала, что, упав в сено, почувствовала себя непередаваемо свежей и легкой, как ребенок, как будто бы заново появилась на свет. Я не принял тогда всерьез слова восьмилетней девочки, но теперь, спустя много лет, получив от нее это письмо, я поверил, что она действительно понимала это тогда.

Я вылез из стога, разгребая его руками, как если бы я плыл под водой, до тех пор, пока не очутился на полу конюшни. Сено было у меня повсюду — под рубашкой, в рукавах, в штанинах, в ботинках, в голове. Повсюду.

Когда моя голова показалась, наконец, наружу, Китти была уже на полпути вверх к балке и ее прекрасные золотые волосы развевались у нее за плечами в пыльном свете, сочащемся из щелей в крыше. Иногда солнечный свет был почти таким же красивым, как ее волосы, но в тот день с ними не могло сравниться ничто — они были самым восхитительным из всего, что я мог видеть.

Помню, я подумал тогда еще о том, что лестница никогда еще раньше не скрипела и не шаталась так сильно.

Но вот Китти уже добралась до балки и теперь мое лицо казалось ей маленьким светлым пятном далеко внизу. Я услышал ее голосок, доносившийся до меня как будто издали, сквозь толщу взвешенных в воздухе мельчайших пылинок:

- Смотри, сейчас прыгну!
- Подожди, еще рано!
- Знаю!

Она взобралась на балку и мое сердце перестало бешено колотиться от страха за нее только тогда, когда она добралась, наконец, до того места на балке, где ей уже ничего не угрожало. Я всегда очень переживал за нее, хотя она была намного ловчее и сноровистее меня. Пусть вам не кажется странным, что я так говорю о своей младшей сестре — это было действительно так.

Она уселась на балке поудобнее, свесила свои стройные ножки в полукедах, раскинула руки в стороны, как маленькая птичка, приготовилась к прыжку и... скользнула вниз!

Как трудно говорить о том, чего никогда не забыть и что так трудно описать! Я, конечно, попробую сделать это, как могу, но вы все равно не поймете в полной мере, насколько все это было прекрасно! Это было одно из самых изумительных по красоте зрелищ, виденных мной в жизни! Нет, я все-таки не смогу передать и ничтожной доли этой красоты — ни пером, ни даже на словах.

На какое-то мгновение она, казалось, повисла в воздухе, как будто была рождена небом. Она была как маленькая ласточка с золотым оперением. Такого чуда никогда, наверное, не было во всей Небраске. Это была Китти, моя младшая сестренка! Руки раскинуты в стороны как в полете, голова запрокинута назад, золотые волосы развеваются за плечами... Как я любил ее!

Но вот она уже стремительно влетает в стог и скрывается из вида. Неудержимый взрыв визга и хохота откуда-то из середины стога. Я напрочь забыл о насторожившем меня поскрипывании лестницы и к тому времени, когда Китти выкарабкалась из сена наружу, я проделал уже почти половину расстояния до балки.

Я тоже попытался изобразить какую-то птицу, но страх как всегда сковал меня и я был похож, скорее, на пушечное ядро. Думаю, я просто никогда не доверялся мягкости сена так, как это получалось у Китти.

Как долго продолжалась эта игра — сказать трудно. Помню только, что после десятого или двенадцатого прыжка я заметил, что начало смеркаться. Совсем скоро уже должны были вернуться родители, а мы оба были с

ног до головы в сене — улика, говорящая сама за себя. Мы решили прыгнуть еще по одному разу и быстро начать приводить себя в порядок.

Я прыгал первым и, добравшись уже почти до самого верха, я почувствовал, как лестница буквально ходуном ходит подо мной и слышал едва различимое, но очень многочисленное поскрипывание старых проржавевших гвоздей по не менее старому прогнившему дереву. Поскольку я был уже почти на самом верху, я впервые в жизни испугался действительно по-настоящему. Испугался смертельно и совершенно отчетливо понял, что если не успею добраться до спасительной балки, а до нее было намного ближе, чем до пола, то наверняка разобьюсь. За три-четыре ступеньки до балки скрип гвоздей стал уже настолько громким и отчетливым, что панический страх чуть не сковал мои движения. Мне казалось, что вот-вот, и конец — лестница обрушится подо мной.

Но вот, наконец, я схватился руками за балку и одним махом перебросил вес своего тела с лестницы на нее. Я был весь в холодном поту. Лоб и глаза были залеплены мокрыми волосами вперемешку с кусочками сухой травы. Игра не казалась уже такой веселой.

Я поспешил добраться до того места на балке, с которого можно было прыгать и прыгнул. Даже это не доставило мне никакого удовольствия из-за того, что я ярко представил себе, что произошло бы, если бы подо мной был не мягкий стог сена, а дощатый пол конюшни.

Я тут же выбрался из стога и увидел, как Китти торопливо карабкается вверх по лестнице.

— Эй! Спускайся! — крикнул я. — По ней нельзя больше лазать, она сейчас сломается!

— Не сломается, — кинула она мне через плечо. — Я легче тебя — меня выдержит!

— Китти!..

Она никогда не останавливалась, если уж что-то начала делать. Она карабкалась все выше и выше и вдруг случилось самое страшное, чего я так боялся и что не в силах был уже предотвратить — лестница не выдержала.

Гнилое дерево хрустнуло с леденящим душу звуком. И я и Китти вскрикнули одновременно. Это было ужасно. Она была в тот момент как раз в том месте, где был и я, когда понял, что возвращаться уже поздно.

Ступенька, на которой стояла Китти просто раскололась, а вслед за этим треснули по всей длине и обе боковые стороны лестницы. На какое-то мгновение качавшаяся на одном гвозде ступенька, на которой только что стояла Китти, показалась мне похожей своей расщепленностью на какого-то огромного страшного богомола.

Затем вдруг произошло еще какое-то резкое движение и правая боковая сторона лестницы, сорвавшись со своего верхнего крепления на балке и от всех ступенек почти разом, стала медленно падать... Она падала медленно, как при замедленных съемках и хлопнулась об пол всей своей длиной с оглушительным грохотом, подняв огромную тучу пыли. Лошади и коровы немедленно среагировали на это многоголосым взволнованным ржанием и мычанием, а одна из них даже лягнула стойло.

— ЛАРРИ! ЛАРРИ! ПОМОГИ МНЕ! — пронзительно закричала Китти.

Я знал, что нужно делать. Это я, благодарение Богу, сообразил быстро. Да, я был напуган. Я был перепуган просто насмерть, но не настолько, чтобы поддаться панике и потерять необходимую в таких случаях ясность мысли. Она была метрах в двадцати надо мной, ее ноги беспомощно болтались в воздухе, не находя опоры. Ближе всех к ней были только ласточки, но они ей помочь ничем не могли. Да, я был жутко напуган. Все было как в кошмарном сне. И вы знаете, я до сих пор не могу смотреть на выступления акробатов под куполом цирка. Даже по телевизору.

Но я знал, что нужно было делать.

— Китти! — заорал я что было силы. — Держись! Держись и НЕ ШЕВЕЛИСЬ!

Она немедленно послушалась меня и перестала болтать ногами. Своими маленькими ручонками она крепко цеплялась за последнюю, одну из самых верхних ступенек

лестницы, как акробат за трапецию, повисшую без движения далеко-далеко вверх.

Я подбежал к стогу, схватил охапку сена, вернулся обратно и бросил ее на то место, над которым висела Китти. Снова к стогу, снова охапка сена и снова обратно.

Дальше у меня как-то все перепуталось в голове и я действовал как в полусне, мечась как заведенный между стогом и лестницей. Очень хорошо помню, как от поднятой мной пыли я начал чихать и все никак не мог остановиться. Я носился вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад и постепенно сооружал свой маленький стожок сена. Но он еще, все-таки, очень и очень маленький. Посмотрев вверх на Китти, я вспомнил, как видел однажды акробата, который нырял со стометровой вышки в крохотный бассейн с водой.

Вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад...

— Ларри, я больше не могу! — ее тоненький голосок был полон отчаяния.

— Китти, держись! Держись во что бы то ни стало!

Вперед-назад, вперед-назад — и мой стожок уже по грудь. Вперед-назад, вперед-назад, вперед-назад — и он уже по подбородок, а ведь тот, большой стог, в который мы прыгали, был по меньшей мере метров семь в высоту... С поразительным хладнокровием в мозгу у меня промелькнула мысль о том, что если Китти только сломает себе ноги, то это будет далеко не худший вариант, а если она не попадет в натасканное мной сено — то просто разобьется. Вперед-назад, вперед-назад...

— ЛАРРИ! СТУПЕНЬКА! ОНА ОТЛАМЫВАЕТСЯ!

Я с ужасом услышал протяжный хруст постепенно отламывавшейся под ее весом последней уцелевшей ступеньки. Держаться больше было не за что. Оставалась только почти вертикальная и совершенно гладкая от времени боковая сторона лестницы, но за нее Китти не удержалась бы — уж это точно. Бедная девочка в панике отчаянно забила ногами. Но ведь если она будет так болтаться, успел подумать я, она ведь точно не попадет в мой стожок!

— Прекрати! — закричал я. — Прекрати болтать ногами! Пусть отламывается, главное — не шевелись!

Таскать сено было уже поздно. Было уже слишком поздно для чего бы то ни было, кроме слепой надежды на чудо.

Китти перестала болтать ногами и повисла без движения. В следующее же мгновение ступенька хрустнула окончательно и Китти скользнула вниз — отвесно как нож. Мне казалось, что это падение будет длиться бесконечно. Время, казалось, замедлило свой ход почти до полной остановки, и я, оцепенев, наблюдал за ее развевающимися вертикально над головой волосами, зажмуренными глазами и бледным как мел лицом. Она не кричала. Ладони были сложены перед губами как при молитве.

Она влетела точно в центр натасканного мной сена и тут же скрылась в нем из глаз, как будто бы створки раковины сошлись у нее над головой. Ее тело ударилось о доски с таким жутким звуком, что я думал, что сам умру от ужаса в следующую же секунду. Это был громкий глухой стук, от которого у меня кровь застыла в жилах и чуть не остановилось сердце. Он был очень громким. Слишком громким...

Взвыв от ужаса, я бросился к этой ничтожной кучке сена и стал отчаянно разгребать ее, разбрасывая сено в стороны. Вначале показались ее голубые джинсы, точнее — одна нога, затем — шерстяная рубашка и, наконец... ее лицо. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что она мертва.

Все вокруг померкло для меня и сделалось каким-то непроницаемо-серым, почти черным. Я видел только это лицо, смертельно-бледное и удивительно спокойное лицо с плотно закрытыми глазами и волосы. Ее золотые волосы... Все вокруг как-то разом почернело окончательно и я видел теперь только эти неповторимые золотые волосы. Со стоном я упал возле нее на колени и, не сдерживая рыданий, уткнулся в них лицом.

Вдруг Китти медленно подняла руки и обняла меня за шею. Я вскинул голову и увидел, что она смотрит на

меня своими широко раскрытыми бездонно-голубыми глазами.

— Китти... — едва произнес я хриплым голосом, не веря своим глазам. В горле и во рту у меня мгновенно пересохло. — Китти...

— Ларри... — прошептала она недоуменно. — Я жива?

Я осторожно обнял ее, и слезы брызнули у меня из глаз неудержимым потоком.

— Ты жива... — шептал я. — Ты жива!.. Ты жива!..

Она сломала только левую лодыжку и все. Больше ничего... Не считая испуга, конечно. Доктор Педерсен из Коламбиа-Сити, осмотрев ее, направился вместе с отцом и мной в конюшню, чтобы своими глазами увидеть, где и как все это произошло. Он долго, очень долго и пристально смотрел в темные своды крыши, на единственную оставшуюся ступеньку лестницы, обломок которой до сих пор еле висел на почти обломившемся и вылезшем из дерева ржавом гвозде.

Повернувшись к отцу, он произнес только одно слово: «Невероятно». Затем он подошел к натасканной мной жалкой кучке сена, недоверчиво потрогал ее, молча повернулся, вышел на улицу, сел в свой пыльный «Де-Сото» и уехал за необходимыми ему для наложения гипса инструментами и приспособлениями.

На плечо мне легла тяжелая рука отца.

— Ну а теперь, Ларри, мы пойдем с тобой в дровяной сарай, — услышал я его ласковый голос. — Я думаю, ты знаешь, сынок, зачем нам с тобой туда нужно.

— Да, сэр, — прошептал я.

— И каждый раз, Ларри, когда ремень будет опускаться на твою задницу, благодари Бога за то, что твоя сестра жива.

— Да, сэр.

Ремень опускался на мою бедную задницу бесчисленное количество раз так добротнo, что целую неделю после этого я не мог присесть, а еще пару недель подкладывал под нее мягкую подушечку. И с каждым звонким шлепком я благодарил, благодарил, благодарил Бога. Я благодарил

его громко. Очень-очень громко. Думаю, что последние два или три раза Он наверняка услышал меня.

Родители разрешили мне зайти к Китти только на несколько минут перед самым сном. Я еще очень хорошо запомнил, что на окно ее спальни (снаружи, конечно) сел большой черный дрозд, посмотрел на нас и улетел снова. Ее нога, уже замурованная в гипс; лежала на специальной деревянной подпорке.

Она посмотрела на меня таким долгим и любящим взглядом, что я даже смутился.

— Сено... — тихо произнесла она. — Ты подложил сено.

— Конечно сено, — ответил я. — А что же мне еще оставалось делать? Раз уж лестница сломалась, другого выхода не было.

— А я и не знала, что ты там делаешь.

— Как не знала? Я же был прямо под тобой.

— Я не смотрела вниз. Я вообще никуда не смотрела. Мне было очень страшно. Я с самого начала зажмурила глаза и больше их не открывала.

Я был совершенно огорошен и, не веря своим ушам, молча таращился на нее как на какое-то чудо света.

— Ты не знала?!.. Ты не знала, что я делал?!!

Она покачала головой.

— И когда я сказал тебе, что ты можешь падать, ты...
ПРОСТО УПАЛА И ВСЕ?!

Она кивнула.

— Китти... Но как же ты так смогла?

Опять долгий взгляд бездонных голубых глаз.

— Я просто знала, что ты обязательно что-нибудь сделаешь. Ты же мой старший брат. Я знала, что ты позаботишься обо мне.

— О, Китти, ты не знаешь, насколько это было страшно, насколько близка ты была к смерти!..

Я взволнованно закрыл лицо руками и чуть не заплакал.

— Не надо, — попросила она. Сев на кровати, она отвела мои руки в стороны и поцеловала меня в шею. —

Не надо, не плачь. Я действительно просто знала, что ты внизу и все... Ларри... Я засыпаю... Увидимся завтра... Доктор Педерсен говорит, что мне необходим покой.

Гипс она проносила почти целый месяц. На нем распались все ее одноклассники и даже я — она попросила меня об этом отдельно. И когда его, наконец, сняли, это как бы символизировало собой конец этой неприятной для всех истории в конюшне. Отец заменил лестницу на новую, прочную и надежную, но я лазал по ней только в случае крайней необходимости и уж конечно никогда больше не прыгал с нее в сено. Насколько я знаю — Китти тоже.

Но на самом деле это совсем не конец. Все закончилось только спустя несколько лет, девять дней назад, когда Китти выбросилась из окна своей квартиры в Лос-Анджелесе на верхнем этаже небоскреба, принадлежащего компании, в которой она работала, занимаясь страховками. У меня в бумажнике лежит вырезка из «ЛОС-АНДЖЕЛЕС ТАЙМС» с сообщением об этом происшествии. Я буду носить ее с собой всегда, но не так, как носят фотографии родных и близких людей, билеты на хороший спектакль на память о нем или программку с какого-нибудь Кубка мира, а так, как монахи носят свои вериги. Заголовок заметки гласил: **САМОУБИЙСТВО МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ, ВЫБРОСИВШЕЙСЯ ИЗ ОКНА.**

Мы выросли и стали взрослыми. Все остальное, по сути, не имеет практически никакого значения. Китти собиралась поступить в школу бизнеса в Омахе, но в то лето, когда она закончила высшую школу, она заняла первое место в конкурсе красоты и вышла замуж за одного судью. Звучит как неудачная грязная шутка, не правда-ли? Моя Китти...

Когда я уже учился в юридическом колледже, они развелись и Китти написала мне об этом длинное письмо, больше десяти страниц, — о том, как все это было отвратительно и как, может быть, все было бы по-другому, если бы у нее был ребенок. Она спрашивала, не могу ли я приехать навестить ее. Но в то время у меня была

очень напряженная пора в учебе и пропустить хотя бы один день, а уж тем более неделю, было совершенно недопустимо и просто невозможно — это было бы все равно, что пропустить целый семестр в каком-нибудь гуманитарном колледже. У нас если что пропустишь, то это остается очень трудновосполнимым пробелом практически навсегда.

Китти переехала в Лос-Анджелес и вышла замуж снова. Когда распался и этот брак, колледж я уже закончил. Я получил от нее еще одно похожее письмо, но на этот раз более короткое и сдержанное. Она писала, что у нее никогда и в мыслях не было, что она может так завязнуть в этой малоприятной череде браков и разводов. В письме была какая-то странная и очень насторожившая меня аллегория — что-то по поводу того, что невозможно поднять на скаку монету с земли, не свесившись с коня, но ведь так можно и шею себе свернуть, — кому это нужно? Письмо заканчивалось постскриптумом: «Ларри, приезжай пожалуйста. Хотя бы ненадолго».

Я написал ей, что очень хотел бы приехать, но никак не могу. В то время я был просто перегружен работой с одной довольно крупной фирмой, немного подмочившей свою репутацию, которую мне и предстояло защитить. Причем сделать это необходимо было как можно быстрее. Письмо, которым я ответил Китти, получилось длинным и почти все оно так или иначе было обо мне самом и о моей карьере. И больше в общем-то ни о чем.

Я всегда отвечал Китти на все ее письма. Но с каждым письмом, полученным от нее, мне все больше и больше казалось, что пишет их не она, а как будто совершенно другой человек. Я вспоминал ту девочку, жизнь которой была спасена однажды несколькими охапками сена, ту жизнерадостную голубоглазую девочку, которая очень любила своего брата и совершенно не сомневалась в том, что он всегда позаботится о ней и выручит ее из любой беды... Мне становилось все труднее и труднее поверить в то, что моя сестренка, моя любимая сестренка и та

забитая и измученная жизненными неурядицами женщина, подписывавшая эти письма «Китти», на самом деле один и тот же человек. Моя Китти была очаровательным ребенком, милой девочкой с несформировавшейся еще фигуркой и восхитительными волосами, которые она иногда заплетала в косички.

Первой перестала писать письма Китти. Я начал получать от нее только поздравительные открытки — с Новым годом, с днем рождения и так далее. Тем же отвечала ей и моя жена. Потом мы развелись, я переехал в другой город и все никак не мог собраться написать Китти о том, что мой адрес изменился. Открытки от нее продолжали приходить по старому адресу и, соответственно, оставались без ответа. А я все думал: «Э, да я же до сих пор так и не сообщил Китти свой новый адрес!» Я так и не успел этого сделать...

Но все это — совершенно пустые, ничего не значащие слова. Она погибла и она так надеялась, что я помогу ей! Она в этом просто не сомневалась. Я никогда не забуду ее слов: «Я знала, что ты обязательно что-нибудь сделаешь». Вот что важно. Это и ее письмо. Остальное все ерунда. Люди в последнее время стали почему-то очень часто переезжать с места на место и письма, адресованные им, доходят все-таки до своих адресатов, но выглядят они при этом обычно весьма забавно — все они, подобно лоскутным покрывалам, пестрят разноцветными почтовыми штемпелями с указанием новых и новых после новых адресов получателей. В левом верхнем углу открытки был обратный адрес Китти — адрес ее квартиры, из окна которой она выбросилась. Довольно красивое, кстати, здание. Мы побывали там с отцом, когда ездили забирать ее вещи. Квартиродательница, у которой она снимала квартиру, оказалась на редкость приветливой и милой женщиной. Она очень хорошо относилась к Китти.

Открытка была отправлена за две недели до ее гибели, а получил я только спустя неделю с лишним после нее. Китти, должно быть, просто устала ждать.

ДОРОГОЙ ЛАРРИ,

Я МНОГО ДУМАЛА ОБ ЭТОМ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ... И ЗНАЕШЬ, Я ПОНЯЛА, ЧТО ДЛЯ МЕНЯ БЫЛО БЫ ЛУЧШЕ, ЕСЛИ БЫ ТА СТУПЕНЬКА СЛОМАЛАСЬ БЫ РАНЬШЕ, ЧЕМ ТЫ УСПЕЛ НАТАСКАТЬ ДОСТАТОЧНОЕ КОЛИЧЕСТВО СЕНА.

ТВОЯ
КИТТИ

Да, она, наверное, просто устала ждать. Конечно, она знала, что я не забыл о ней — она просто устала. По крайней мере я так думаю. Последнее предложение в открытке просто перевернуло всего меня.

Я стал очень плохо спать в последнее время. Почти каждый раз, когда я закрываю глаза, я вижу Китти, падающую из-под свода крыши в конюшне. Я вижу ее зажмуренные глаза, выгнувшуюся фигурку и ладошки, сложенные перед губами как при молитве.

Она была единственным человеком в моей жизни, который всегда был уверен, что я обязательно появлюсь в самую трудную минуту и успею подтащить «сено».

С о д е р ж а н и е

Кэрри 5
Последнее расследование Амни 225
Цикл оборотня 295
Последняя ступенька 361

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

КЭРРИ

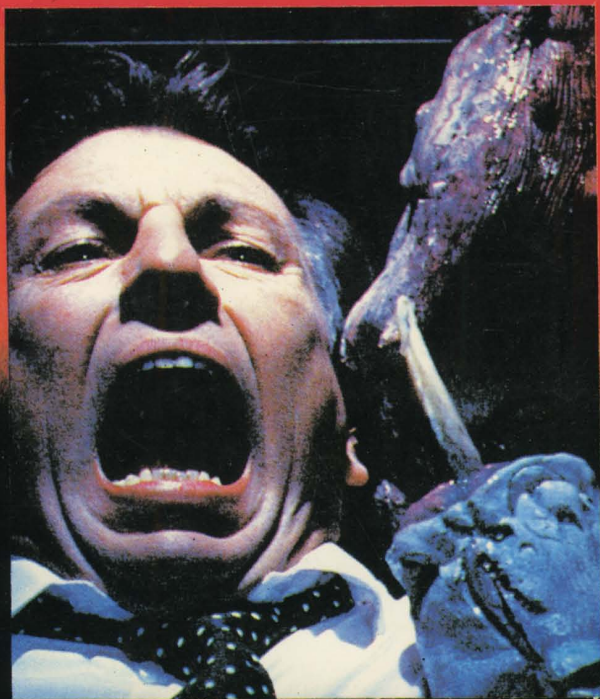
Выпуск 34

**Сдано в набор 25.05.95. Подписано в печать 30.06.95 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 24 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.**

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

**Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20**

СТИВЕН КИНГ

В этом выпуске нашей серии
вы познакомитесь с известным
романом Стивена Кинга
«КЭРРИ», по которому снята
одна из самых удачных экранизаций.
Также в сборнике представлены
рассказы разных лет
не вошедшие в другие тома
нашей серии.